K-107
1862 N10
16190

Центральна Наукова Бібліотека
Прізвище читача
ЦНБ | Дата | Вхідн. білет № | Марка №
Шифр та № | А в
Підпис читача
Причини відмовлення
2022—30 00 Підпис бібліот.

ОСНОВА

1005(28)

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

»Добра хочю братьи и Русьскѣй Земли.«
Владимірѣ Мономахъ.

1862

ЛИСТОПАДЪ

(ОКТЯБРЬ)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША, ТИБЛЕНА И К°.

59
a

Одобрено цензурою 3 февраля. С. Петербургъ 1863 года.

МЫСЛИ ЮЖНОРУССА.

XII.

ЛЕПТА БАТУРИНСЬКОІ ГРОМАДИ.

Якъ тілько пішла голосна чутка поміжъ нашою громадою, що наші мисливці — передні люде, довго побивавшись, таки виявили, кому слідъ, ту святу правду, »що, нашъ народъ треба вчить зъ-початку на своій рідній мові, яко заповідній основі людського життя«, — заразъ заворушились усі, неначе яка невідома сила розбуркала кожного відъ довгого спання, и зробили раду на складъ грошей у помічъ видавцямъ наськихъ книжóкъ. —

У громаді, якъ у рідній семьі, багато де-чого балакали, — найбільшъ — про працю и розумно-правдиве слово високоповажного Миколая Ивановича Костомарова до українцівъ — якъ на голосъ ёго відгукнувся зъ далекого краю Степанъ Погарський, и виявивъ намъ, що иные писатели бажають збить зъ-пантелику нашъ людъ, щобъ вінъ и въ голові собі не покладавъ, що у ёго своя рідня самостійна мова. Далі говорили о лепті Зосими Недобровського и объ тому, що у Києві и Петербурсі уже працюють наші писателі надъ виданнямъ учебниківъ на рідній мові, для правдивої освіти нашого люду. — Після такої розмови, порадились, и кожний почавъ писать на папері свою лепту на помічъ братамъ. Любо було дивитьця, якъ усі, зъ щирою любовью и великою радістю, давали самохіть гроші, стільки, скільки хто спромігся, — давали гроші — пани, купці, козаки, дівчата й жінки. На-вдивовижу усімъ, бувъ одинъ дуже старий чоловікъ зъ простого люду, хочъ темний на письмо, да дуже розумний: вінъ винявъ зъ кишені, тремтячими руками, коповика и проказавъ оці слова: »Панове! Візьміть и мого коповика! Довго вінъ мулявъ кишеню, довго тримався про случний часъ, — дакъ, отъ, дяко-

вати милосердному Богові — я дождався-таки щасливої години — віддать ёго на таке несподіване діло: бо розумію, що се дуже добре діло; маю дітокъ и унучатъ; хочъ не письмакъ я, та знаю по собі, що треба імъ учитьця, — бо горе у темноті!—Вчитьця тіеі мови, якою розмовляла мати зъ ними, маленькими, гараздъ буде, затимъ, що вони не цуратимутця батька, якъ до розуму дійдуть, черезъ що життя іхъ благословенне буде Богомъ, матимуть у всякому ділі користь...якъ тамъ кажуть: »отцевська й материя молитва зо дна моря спасае».

Отъ якимъ побитомъ Батуринська громада зібрала гроші *шістьдесятъ карбованцівъ*, котрі й шлемо до васъ, високоповажний Миколаю Йвановичу. Незабаромъ може ще пришлемо, а на первий разъ пильнуемо відослать сю лепту, щобъ не гаяти часу. Нехай вамъ помагае Богъ и добрі люде довести се діло до бажаемого кінця; певну надію маемо швидко почути, що наші діти безъ усякого спину будуть ходити до школи и вчитьця рідній мові, добре імъ тямній, черезъ що́ доступні будуть для нихъ и другі мови.

Ипполитъ Вовкъ.

У 8-ий день грудня, 1862 року.

При оповістці прикладаемо и леестръ тимъ, котрі складали лепту:

Иванъ Федотовичъ Лихошерстъ	10	карб.
Гиполитъ Петровичъ Вовкъ	2	»
Гнатъ Левичъ Лу́занъ	2	»
Степанъ Стокозъ	3	»
Петро Манастирський	1	»
Павелъ Масловъ	1	»
Андрій Дубенко	1	»
Бекентій	1	»
Грицько Ивановичъ Свій	4	»
Иванъ Сірикъ	3	»
Маіоръ Армашевський	1	»
Яковъ Иващенко	1	»
Павло Протченко	1	»
Павло Шамрай	1	»

Козакъ Дема	»	» 50 к.
Козакъ Мохна	»	» 50 »
Козакъ Карнаухъ	»	» 10 »
Козакъ Павло Гожаленко	»	» 25 »
Государств. селянинъ Софронъ Корніенко	»	» 10 »
Марко Лосицький	1 карб.	
Олександръ Прима	1	»
Олександръ Лазаренко	1	»
Дмитро Маслюкъ	10	»
Олександръ Тичина	1	»
Михайло Коробчичъ — Чорнявський	3	»
Дмитро Дідевичъ	1	»
Иванъ Бедилевський	2	»
Ксаверій Балтузевичъ	2	»
Незвісный	1	» 15 к.
Иванъ Черняховський	»	» 15 »
Невідомий	»	» 20 »
Варвара Христіановичъ	»	» 50 »
Маруся Христіановичъ	»	» 25 »
Лисавета Рахинська	»	» 25 »
Гапа Тарніжевська	»	» 25 »
Петро Тарніжевський	»	» 15 »
Егоръ Тарніжевський	»	» 25 »
Козакъ Явтухъ Шостакъ	»	» 20 »
Микола Мельниченко	1 карб.	

XIII.

ПИСЬМО ВЪ »ОСНОВУ.«

Сейчасъ я былъ въ *присутствіи* Изюмскаго уѣзднаго суда для выдачи *данной* своимъ бывшимъ крестьянамъ. По окончаніи дѣла, я разговорился съ членами суда объ образованіи простого народа. Этотъ предметъ теперь сильно занимаетъ всѣхъ насъ. Вспомнили о статьѣ Н. И. Костомарова и о подпискѣ.

»Господа,« сказалъ второй засѣдатель Суда, П. Г. Гессъ-де-Кальве: »мы всѣ признаемъ необходимость пожертвованій на этотъ предметъ, а потому—зачѣмъ терять удобный случай и время? да-

Козакъ Дема	»	» 50 к.
Козакъ Мохна	»	» 50 »
Козакъ Карнаухъ	»	» 10 »
Козакъ Павло Гожаленко	»	» 25 »
Государств. селянинъ Софронъ Корніенко	»	» 10 »
Марко Лосицький	1 карб.	
Олександръ Прима	1	»
Олександръ Лазаренко	1	»
Дмитро Маслюкъ	10	»
Олександръ Тичина	1	»
Михайло Коробчичъ — Чорнявський	3	»
Дмитро Дідевичъ	1	»
Иванъ Бедилевський	2	»
Ксаверій Балтузевичъ	2	»
Незвісный	1	» 15 к.
Иванъ Черняховський	»	» 15 »
Невідомий	»	» 20 »
Варвара Христіановичъ	»	» 50 »
Маруся Христіановичъ	»	» 25 »
Лисавета Рахинська	»	» 25 »
Гапа Тарніжевська	»	» 25 »
Петро Тарніжевський	»	» 15 »
Егоръ Тарніжевський	»	» 25 »
Козакъ Явтухъ Шостакъ	»	» 20 »
Микола Мельниченко	1 карб.	

XIII.

ПИСЬМО ВЪ »ОСНОВУ.«

Сейчасъ я былъ въ *присутствіи* Изюмскаго уѣзднаго суда для выдачи *данной* своимъ бывшимъ крестьянамъ. По окончаніи дѣла, я разговорился съ членами суда объ образованіи простого народа. Этотъ предметъ теперь сильно занимаетъ всѣхъ насъ. Вспомнили о статьѣ Н. И. Костомарова и о подпискѣ.

»Господа,« сказалъ второй засѣдатель Суда, П. Г. Гессъ-де-Кальве: »мы всѣ признаемъ необходимость пожертвованій на этотъ предметъ, а потому—зачѣмъ терять удобный случай и время? да-

димъ сейчасъ же кто́ что́ можетъ; или лучше такъ: сдѣлаемъ это дѣло постояннымъ въ нашемъ судѣ. Заведемъ тетрадь и будемъ въ нее вписывать всѣ добровольныя приношенія всѣхъ безъ различія посѣтителей нашего Суда. По накопленіи порядочной суммы, отошлемъ ее Н. И. Костомарову, а въ тетрадь все-таки будемъ продолжать вписывать дальнѣйшія пожертвованія. Такъ дѣло пойдетъ скорѣе!«

Судья Ив. Н. Науменко тотчасъ же согласился на это. Пишущій эти строки, не теряя времени, взялъ бумагу, сшилъ тетрадь и сдѣлалъ на ней надпись:

»Вѣдомость деньгамъ, пожертвованнымъ посѣтителями Изюмскаго Уѣзднаго Суда на изданіе дешевыхъ народныхъ учебниковъ и назначеннымъ къ отправкѣ въ Спбургъ, Николаю Ивановичу Костомарову, для употребленія для означенной цѣли.« Эпиграфомъ я выставилъ: »всякое дѣяніе благо и всякъ даръ совершенъ».

Секретарь прошнуровалъ и скрѣпилъ книгу печатью, и подписка началась. Нѣчего и говорить, что подписываются со всевозможною готовностію и, скажу съ гордостью, наши помѣщики не скупятся. Надѣюсь, что и прочія сословія за ними послѣдуютъ. Вотъ доказательство: депутаты Дмитродаровскаго общества вольныхъ собственниковъ (мои бывшія крестьяне) какъ-только услышали въ чемъ дѣло, сей часъ же заявили и свое желаніе участвовать въ пожертвованіи на такое доброе и полезное дѣло, и записали 50 коп. ср. — Эта полтина—истинно достойная лепта на алтарь общаго блага — показалась мнѣ лучше всѣхъ другихъ жертвованій.

Я надѣюсь, что тетрадь пожертвованій пошлется почтенными членами Суда и въ дворянское собраніе и наконецъ на танцовальныя вечера »благороднаго собранія«, которые будутъ у насъ продолжаться во всю зиму.

Надѣюсь также, что другіе уѣзды нашей губерніи не захотятъ въ этомъ дѣлѣ отстать отъ нашего Изюмскаго, всегда готоваго на всякое благое начинаніе. Честь и слава членамъ нашего уѣзднаго Суда! Димитрій Запара.

Отъ редакціи. Подписка продолжается съ значительнымъ успѣхомъ. Въ слѣдующей книжкѣ будетъ помѣщенъ поименный списокъ жертвователей.

Гаркуша. Одгадала. Дали міні звістку, що вінъ довідавсь, що ти ховаесся у сімъ гаі: — треба тобі тікать звідсі!

Сотничиха *(зъ-лякомъ.)* Тікаймо, тікаймо! *(Хапае за руку Гаркушу).* Куди жъ ми підемо? де сховаемось, мій голубе?

Гаркуша. Заспокойсь, моя горличко. Обухъ одведе тебе въ таке місце, щó ніхто не знайде; а я тимъ-часомъ розвідаю, якъ-би намъ луче втекти и сховатьця одъ Гаркуши...

Сотничиха *(обнімаючи Гаркушу).* Не пущу тебе самого! и я піду съ тобою.... *(За лаштунками чутно гомінъ).*

Обухъ. Поспішай, пане отáмане! Наші недалеко!

Гаркуша (*Обуху*). Де коні?

Обухъ Въ вершині балки...

Гаркуша *(передае Сотничиху Обуху.)* Тікай, не гайся!

Сотничиха *(обійма Гаркушу).* Прощай, мій голубе!... Небарися! *Виходять).*

ВИХОДЪ 10-ий.

ГАРКУША, потімъ УЛАСЪ, а за нимъ РОЗБІЙНИКИ съ гоміномъ, зъ сміхомъ, несуть Сотника, покритого свиткою.

Уласъ *(сміючись).* Пане-отамане! Ось подивися-лишень, якого лицаря піймали... Гледи, не злякайсь! *(Ставлять его передъ Гаркушею и здіймають зъ голови свитку. Сотникъ, якъ несамовитий, дивитця на Гаркушу.)*

Гаркуша. О, та який же зъ ёго лицарь! правдивий Кганджа Андиберъ! *(Розбійники сміютця.)*

Уласъ *(штовхаючи Сотника въ потилицю.)* Кланяйся, Иродівъ сину, пану отаману Гаркуші!

Гаркуша. А на́ що ти мене шукавъ? чого тобі треба? *(Сотникъ зъ-переляку слова не вимовить.)* Щóжъ ти мовчишъ, телепень? кажи!

Сотникъ *(стаé на вколішки.)* Пане-отамане, пане Гаркушо! змилуйся! *(Кланяетця до ніг.)*

Гаркуша. Старий дурень! Сидівъ би собі дома; а тó, у робочу пору, одриваешъ народъ одъ діла, и чортъ-батька-зна чого гасаешъ по лісахъ та шукаешъ вітра въ полі? И до смерти бъ мене не знайшовъ, колибъ я самъ не давъ тобі помочи!

Сотникъ *(жалібно.)* Змилуйся, пане отамане! Се мене на-

правивъ Бебехъ, та Куць, хорунжий!.. Якъ би на мене, то сидівъ би собі тихенько до́ма, покорився бъ тобі... Іхъ карай; коли хочешъ, я тобі живцемъ іхъ віддамъ, хочъ шкуру зъ нихъ дери; а мене, неповинного, одпусти до-дому... у мене молода жінка, душі въ собі не чуе, — такъ мене любить; якъ ти мене зъ світу зженешъ, то й вона вмре. Зжалься, пане ота́мане, хочъ надъ нею, нещасливою... *(Розбійники сміютця.)*

Гаркуша. Такъ у тебе, у старого дурня, и жінка молодая?.. Та ще й та́къ тебе кохае, що душі въ собі не чуе? Ну, нічого робить... треба тебе помилувать, щобъ справді зъ жалю не вмерла. *(Виймае зъ кишені коробочку, де́ перстінь захований, и дае ії Сотнику)*. Візьми сю коробочку и віддай твоій жінці; скажи ій, що се подарунокъ одъ Гаркуши. Чи чуешъ?

Сотникъ. Чую, пане Гаркушо, чую!

Гаркуша. Тільки гледи: цуръ не дивитьця, що́ тамъ захована; а то я подивлюсь, чи багато у тебе клоччя въ голові!

Сотникъ. Щобъ міні повилазили, коли подивлюсь!

Гаркуша. А щобъ тобі було незавидно, я й тобі дамъ па мяткового. *(До розбійниківъ)*. Привяжіть ёго, пани-товариші, до дерева, и добре нагодуйте березовою кашою! (*Розбійники хапають сотника)*.

Сотникъ *(зъ плачемъ.)* Змилуйся, пане Гаркушо!... бочонокъ золота викупу за себе дамъ! Коли хочешъ, и жінку віддамъ!... *(Розбійники регочутця)*.

ДІЯ III.

(У двохъ картинахъ.)

КАРТИНА 1-ВА.

(Обстанова: спальня СОТНИЧИХИ; две́рі въ дівочу зачинені.)

ВИХОДЪ 1-ий.

СОТНИЧИХА и ГАРКУША (*улізають у вікно*).

Сотничиха *(журливо оглядуючи світлицю.)* Зновъ ті жъ осоружні стіни, та жъ пекельна тюрма' О, теперечки вона міні ще нестерпучій, якъ перше була....

Гаркуша *(перебива.)* Въ твоій волі зостатьця, або покинуть пекельну тюрму и вилетіть зъ неі якъ пташка зъ клітки.

Сотничиха *(зъ досадою.)* Не зрозумію твоіхъ таемныхъ річей; недобро вони віщують, гнітять мою душу и рвуть мое серце; якъ бачу, тобі мене не жаль, ти мене не любишъ, покинешъ... *(плаче).*

Гаркуша. Не покину, моя горличко, не покину, аби ти тільки не одцуралась одъ мене; и поки світъ-сонця, тебе тільки одну буду кохать. Повіръ же мойму серцю, що бьетця за-для тебе, якъ не вискочить зъ грудей!.. *(обніма Сотничиху.)*

Сотничиха *(тулитця до Гаркуши.)* Вірю тобі, мій голубе, и боюся тебе, — сама не знаю чого!...

Гаркуша. Черезъ годину ти оберешъ одъ мене свій перстінь, и коли згодисся, то вийдешъ въ той гай, що за горо́дами; тоді вже вкупці поідемо далеко, далеко, на край світа; ніхто про насъ и не почуе, ніхто й не заборонить нашому щастю!...

Сотничиха *(швидко.)* Чому жъ не заразъ?

Гаркуша. Сама побачишъ — чому! Прощай! нема чого часъ тратить! *(Хоче йти.)*

Сотничиха *(здержуе.)* Візьми й мене зъ собою.... я безъ тебе умру... зжалься!

Гаркуша *(вилізаючи у вікно.)* Прощай! — Я тебе дожидатиму. *(Сотничиха удержуе Гаркушу, хапаетця за его жупанъ; вінъ вириваетця и зачиняе вікно. Сотничиха, зомлівши, пада на лаву.)*

ВИХОДЪ 2-й.

СОТНИЧИХА и ГАЛЯ.

Галя *(виходить изъ дівочої и, вледівши Сотничиху, підбігае до неі.)* Вернулась!... и якъ несподівано! живенька, здоровенька, моя пташечко?... Що́ жъ се зъ нею? *(приглядуетця)* якъ не жива, и оченьки заплющила!... Пані Марусю?.. ріднесенька моя... *(тре їй виски.)*

Сотничиха *(одкриваючи очі.)* Галю!

Галя. Дежъ ти була, моя пташечко?... Чи помилувавъ тебе Господь?... Мій Боже милий! Якъ же я убивалась за тобою! Хотіла була вже у лісъ бігти, щобъ тебе вирятувать!..

*

Сотничиха *(весело.)* Я була, Галю, у раю; бачила тамъ щасливу мою долю; глянувши на неї, и розумъ мій помутивсь!.. Бачишъ, я й теперечки якъ несамовита...

Галя *(дивуючись.)* Справді повеселішала, неначе ту щасливу долю зъ собою принесла!

Сотничиха. А знаешъ, Галю, хто бувъ той козакъ, що вчора оборонивъ мене одъ Гаркуши?

Галя. Ні, не знаю...

Сотничиха. Той са́мий, съ котримъ стрілась я въ лісі... Памьятаешъ, що́ я тобі росказувала?

Галя *(швидко.)* Той са́мий?

Сотничиха. Забалакалась та й забула спитать, я́къ ви оборонилися *одъ* Гаркуши?

Галя. Гаркуши не було: ні-вітъ-зъ–чого переполохались; ми вже думали, чи не самъ Гаркуша тебе умчавъ?

Сотничиха *(съ досадою.)* Ви́гадки! Якъ то можна, щобъ Гаркуша бувъ такий чесний козакъ! Я у ёго провела нічку якъ у рідної матері підъ криломъ; я ёму оддалась зъ душе́ю и тіломъ, а вінъ.... *(Одъ серця)* слухай, Галю: я ёго люблю и вінъ міні поклявся до смерти одну мене любити....

Галя. Що се ти вигадуешъ, моя пташечко?... Ти жъ передъ Богомъ заприсягалась кохать одного сотника?...

Сотничиха *(перебивае.)* Ні, я клялась ёго зневажать!... Однакъ я ще тебе не спитала, чи вернувся мій нелюбъ?

Галя. Ще й вісточки одъ ёго не було ніякої.

Сотничиха. Дай міні одягтись, щобъ сотникъ не довідався що́ мене не було дома.

Галя. Якъ-таки можна, щобъ сотникъ не допитавсь, що ти́ не ночувала дома?

Сотничиха. Нехай допитаетця та не теперъ....

Галя. Коли жъ?

Сотничиха. Якъ мене тутъ не буде...

Галя *(зъ лякомъ.)* Що́ се ти замишляешъ, моя пташечко?... чи не думаешъ насъ покинути!

Сотничиха. Скоро покину осоружну сю тюрму и полечу зъ моимъ голубомъ далеко, далеко, — ажъ на край світа!...

Галя *(швидко.)* Ти хочешъ покинуть рідний край?...

Сотничиха *(перебивае.)* Тамъ у мене рідний край, де мій милий, на ёго грудяхъ, біля ёго серця!

Галя *(жалібно.)* И менé тобі не жаль покинуть? мене, шó такъ щиро тебе кохала?

Сотничиха *(зъ жалемъ.)* Тебе одну міні жаль; такъ щóжъ міні робить, Галю, коли я ёму оддала вже мое серце...

Галя *(швидко.)* Такъ утечемо разомъ; я піду за тобою на край світа!

Сотничиха *(обнімае Галю.)* Серденько мое! Спасибі тобі!... *(За лаштунками чутно голосъ Катерини и Хорунжого.)*

Галя *(прислухуючись.)* Катерина, Хорунжий!... Чи не вернувся панъ Сотникъ? може й Гаркушу піймали?

ВИХОДЪ 3-й.

Тіжъ, КАТЕРИНА и, зъ перегодомъ, ХОРУНЖИЙ.

Катерина *(зъ великою радістю.)* Помилувавъ мене Господь! Чорти ухопили Сотника! А я вже думала топитьця.... на одно бъ вийшло. Як-би вернувся та довідався, що немае пані Марусі, то вінъ би мене живцемъ у землю закопавъ!... *(Побачивши Сотничиху.)* Глянь!! відкіля́ се узялась? неначе зъ неба впала!..

Хорунжий *(убігаючи.)* Усі пропали до одного, и панъ Сотникъ пропавъ якъ собака въ ярмарку!... одинъ я....

Сотничиха *(перебива.)* Чи не стрівся зъ Гаркушою козакъ въ червоному жупані?... Щобъ ще й вінъ не попавсь ёму въ руки!...

Хорунжий. Кажу жъ тобі, що всі пропали, всі до одного! Гаркуша не злякаетця червоного жупана, коли самого сотника.... Дайте хочъ чарку запіканки; зовсімъ у горлі пересохло....

Сотничиха *(перебивае.)* Ні, ні, сёму не бувати! Вінъ такий бравий, смілий!... Однакъ, одъ сіеі вісти похолонуло у мене на душі.... Боже милосердний, заступи ёго!...

Галя. Заспокойся, моя пташечко; може се все набрехано....

Катерина. Чогожъ я тутечки дурна дожидаюсь?... аджежъ ключі въ моіхъ рукахъ. Піду, та й пригорну хочъ одинъ бочонокъ зъ карбованцями.... Згодя́тця на старісті!... (*Виходитъ у дівочу.*)

Хорунжий (*слідкомъ за Катериною.*) Хочъ піннику, — аби тільки швидче!

Катерина (*до себе.*) Вибачай! Теперечки міні не до тебе.... (*Відчиня двері зъ дівочої на двіръ и зъ жахомъ одступае назадъ.*) Ой міні лишечко! наші вертаютця, ей же ей, наші.... Бебехъ, Куць, Хведіръ.... (*Ударившись объ поли*) и панъ Сотникъ.... Щобъ я пропала, коли не панъ Сотникъ!... (*Хорунжий, Сотничиха и Галя біжатъ до дверей.*)

Хорунжий (*дивуючись.*) Вони, вони! и панъ Сотникъ! Оце диво! Бачу, Гаркуша іхъ помилувавъ!

Галя (*Сотничисі.*) Не казала я тобі, моя пташечко, що брехня!

Катерина. Охъ, лишечко! Нашъ Сотникъ якъ неживий!

ВИХОДЪ 4-ий.

Тіжъ, БЕБЕХЪ, КУЦЬ, ХВЕДІРЪ и СОТНИКЪ (*Охотники ведуть Сотника підъ руки; вінъ стоіне.*)

Катерина (*біжитъ до Сотника на-зустрічъ зъ хлипаннямъ.*) Батьку мій рідний! посікъ же тебе булатъ вражький....

Бебехъ (*перебива.*) Брехня! який тамъ булатъ? одчухрали різками.... присохне, якъ на собаці! (*Сотникъ сіда и зскакуе.*)

Куць (*цілуе руку Сотничихи.*) Здорова була, моя крулево! Добре ще, хочъ тебе не захопили; я тільки за тебе одну й боявсь!

Сотникъ (*жалібно.*) Чорти надали міні ловить того Гаркушу, бодай ёму...

Бебехъ. На себе жалкуй, пане сотнику! Яка нечиста мати штовхала тебе въ потилицю? іхавъ би біля мене; а то поперло тебе у ліву руку.... Отъ и погулявъ, якъ цуцикъ на вірвецці!...

Куць. Не було мене тамъ! а вже бъ висіть би Гаркуші на осиці; я бъ ёго, собачого сина....

Сотникъ (*зітхнувши*). И якъ то воно чудно сталося, такъ и не збагну: вже бувъ зовсімъ Гаркушу піймавъ... та й самого піймали, та ще й одчухрали!

Хорунжий. Ще диво, якъ не повісили! зъ Гаркушиныхъ рукъ на сей світъ не вертаютця!

Бебехъ и Куць. Нічого Бога гнівить, пане Сотнику, щасливий ти, дуже щасливий!

Сотникъ (*сердито*). А щобъ и вамъ такого щастя всипали! Пострівайте, вінъ и вамъ дасть себе у знаки! (*Хведіръ*

здіймає зъ Сотника керею; коробочка, що давъ Гаркуша, пада на помістъ).

Сотничиха *(швидко підіймає коробочку и підступаючи до Сотника).* Дé ти узявъ сю коробочку?

Сотникъ. Гаркуша прислявъ тобі гостинця.

Сотничиха *(злякавшись, випуска зъ рукъ коробочку).* Гаркуша?!

Усі *(зъ жахомъ)* Гаркуша, Гаркуша! прислявъ пані Сотничисі гостинця?!

Куць *(сердито).* Не иродового сина синъ! осмілився зневажать мою крулеву! Та я ёго на шматки пошарпаю!... *(наміряється піднять коробочку).*

Сотничиха *(швидко).* Не рушъ! *(до Галі)* Підійми! *(на сторону)* Теперечки я усе зрозуміла... розвьязавъ очі!

Куць *(хоче узять коробочку)* Треба подивиться, щó тамъ таке, щó вінъ туди заховавъ!

Бебехъ и Хорунжий. Треба подивитьця, треба подивитьця!

Сотникъ. Не руште! Гаркуша сказавъ, що хто осмілитця подивитись, то вінъ подивитця, чи багацько у того клоччя въ голові...

Куць и Хорунжий *(зъ лякомъ одступають)* Нехай ій бісъ тій коробці!

Бебехъ *(хоче узять коробочку)* Я не злякаюсь Гаркуши!

Сотникъ *(загорожуе дорогу Бебеху)* Не дивись, не дивись! я ії спалю!

Сотникъ, Куць и Хорунжий. Такъ, такъ!—спалить бісову коробочку!

Бебехъ. Нехай буде й по вашому; а намъ вже пора чогонебудь и закусить: живітъ підвело...

Хорунжий. На-силу почули розумне слово!

Сотникъ. Ходімъ же у мою світлицю; мене ледві ноги держуть. (*Катерині*) Подайте закуску на мою половину.

Бебехъ, Куць и Хорунжий. Ходімъ, пане Сотнику, ходімъ!

Куць (*цілуе руку Сотничихи*) До зобачення, моя крулево! (*Сотника ведутъ на ёго половину; туди жъ идуть Бебехъ, Куць и Хорунжий, а Катерина зъ охотникомъ виходять черезъ дівочу*).

ВИХОДЪ 5-ий.

СОТНИЧИХА И ГАЛЯ.

Сотничиха (*жалібно*) Не добро вищували ёго таємні речі... такъ воно й сталось! Однакъ вінъ мене правдиво кохае и поважа, коли випустивъ на волю, и теперечки дожидае мого привіту...(*живо*) Ніколи сёго не буде! згину въ сій тюрмі, а не віддамъ себе розбійнику, харцизу!... О, злая моя доле! за що ти мене такъ люто караешъ?

Галя. Чого жъ ти убиваесся, моя пташечко?.. Невелике ще лихо, що Гаркуша прислявъ тобі гостинця; коли не подобаетця —покинешъ, а може тутъ гарне намисто! (*Хоче відчинить коробочку*). Не відчиняетця, замкнута...

Сотничиха (*оддае ключикъ*) Візьми ключикъ; — тільки не одмикай, не одмикай!

Галя. Чому?

Сотничиха, (*зъ жахомъ*) Тамъ копошать гадюки — зъ неі вихопитця річка людськоі крові и потопить мене, — вилетять тисячі замученихъ душъ и віпьютця въ мое серце!

Галя. Неподобне вигадуешъ, моя пташечко. За що жъ тебе топить въ людській крові? кого ти обідила на своему віку, кого скривдила?

Сотничиха. За те, що я дивилась въ ясніі ёго очі, чула якъ бьетця ёго серце, за те, що кохала ёго и до смерти кохати заприсягалась!

Галя. Хиба жъ ти Гаркушу любила? опамьятайся, що ти говоришъ, моя пташечко!

Сотничиха (*схилившись до Галі*) Галю, я любила розбійника! Гаркуша — той самий козакъ, що я бачила ёго до шлюбу въ лісі, а вчора була зъ нимъ у раю!

Галя (*дивуючись*) Охъ лишечко!.. дакъ, бачу, не брехали люде!

Сотничиха. Не думала й не гадала я, щобъ вінъ бувъ розбійникомъ... Такий добрий!,.. Ну, сама жъ таки подумай: я була въ ёго рукахъ; що бъ схотівъ , те й зробивъ би зо мною, а вінъ чесно, по-лицарській, поважавъ мене... Ні! Гаркуша не розбійникъ:нещаслива доля звернула ёго зъ праведного путя!...

Галя. (*скоро*) Ні, ні, вінъ не розбійникъ, та й непохожий на розбійника! Одімкнімо жъ, моя пташечко, коробочку. .

Сотничиха (*подумавши*) Одімкни.

Галя (*одмика коробочку*) Мій Боже милий, який гарний перстінь, яке намисто!... такъ и сяе! Подивись-лишень, моя пташечко! (*показуе*).

Сотничиха (*бере перстінь и розглядуе*) Якъ же я тебе дожидалась! душі въ собі не чула... Я думала, що ти, якъ той янголь, принесешъ зъ собою щасливу долю, проведешъ мене у рай, а ти!... (*зъ плачемъ обійма Галю*) Галю, серденько мое! чи ти бачила кого на світі нещасливійшого відъ мене?...

Галя. (*надіва на Сотничиху намисто*) Мій Боже милий, якажъ ти гарна у сімъ намисті!

Сотничиха (*здригнувшись*) Холодне якъ гадюка!... неначе каменюкою мене придавило. Здійми... швидче здійми, воно задушить!... Ні, не рушъ, не рушъ!... Розумъ замовкъ, серце мене не слуха. Ратуй же мене, Галю, ратуй! я гину, гину зъ душею!... Я люблю, люблю розбійника!... (*плаче*). Бездольний! одъ тебе одріклось и небо и земля; ти проклятий на сімъ и на тімъ світі, у тебе нема ні роду, ні вірної дружини!... Та яке бъ лихо мене ни спіткало — я тебе не покину; — пропаду, або вирятую тебе! ти мене дожидаешъ... Иду, иду!...

Галя (*удержуе Сотничиху*) Куди се, моя пташечко?...

Сотничиха. До ёго, до Гаркуши!

Галя (*дивуючись*) Чи ти здуріла?

Сотничиха. Міні треба ёго бачить, сказать ёму одно слово! кажу жъ тобі: або пропаду або вирятую ёго!прощай, Галю!

Галя. Я тебе не покину, моя пташечко! коли погибать, то пропадаймо вкупі!

Сотничиха (*обніма Галю*) Спасибі тобі, мое серденько, спасибі (*пада на коліна и молитця*) Господи милостивий! Ти знаешъ, Ти бачишъ, чого бажае моя душа; да будеть же надъ нами святая Твоя воля! (*Устае и бере за руку Галю*) Ходімъ, Галю! (*швидко виходятъ*).

КАРТИНА 2-ГА.

ВИХОДЪ 6-ий.

(Лісъ; въ глибині видко кілька розбійниківъ.)

ГАРКУША и УЛАСЪ.

Гаркуша *(похмуро)*. И досі немае.... пора бъ!... Може, й не прийде....

Уласъ *(усміхаючись)*. Заспокойся, пане отамане: прийде! Якажъ до тебе не приходила, якъ того тобі бажалось?..,

Гаркуша. Ся не похожа на тихъ!

Уласъ. Нігде правди діти: ся краща, та всежъ таки баба; а всі вони однимъ миромъ мазані: на виду тільки инші, а серце однакове.

Гаркуша. Не кажи сёго, Уласе; и серце у неі не однакове; ще ні одна не вразила такъ моеі душі, якъ ся.... Вона збудила въ моему серці те, чого вже я не сподівався; вона збудила и совість мою.... Чуешъ, Уласе: — совість!... Якъ гляну на неі, то ні-віть-куди дівастця и моя одвага: я млію передъ дитиною!...

Уласъ. Може вона Київська відьма? Утопить прокляту, щобъ не наганяла чаръ на козаківъ...

Гаркуша. Вона чаруе козаче серце чистою своею душею!... *(Прислухаетця)* Щось лопотить, — чи не вона? *(Приглядуетця)* Вона!... Иди собі, Уласе, и одведи ватагу туди дальшъ, у лісъ. *(Уласъ підходить до ватаги и зчезаютъ за лаштунками.)*

ВИХОДЪ 7-ий.

ГАРКУША, СОТНИЧИХА и ГАЛЯ. *(Сотничиха понурившись підходить; Галя остаетця оддаля.)*

Гаркуша *(иде на зустрічъ Сотничисі.)* Горличко моя! Очі проглядівъ, тебе дожидаючись; я вже подумавъ, що ти злякалась свого кохання.... Теперечки ніхто не одійме у насъ нашого щастя, ніхто не розлучить насъ!...

Сотничиха *(сміло.)* Козаче, не за тимъ я до тебе прийшла.... Слухай, що я тобі казатиму: я заприсягалась кохать ко-

зака чесного, лицаря, а не розбишаку, харциза!... Цураюсь твого кохання, козаче; я тебе зневажаю!... *(зрива зъ шиі намисто и кида на долівку.)*

Гаркуша *(сердито.)* Пострівай!... Згадай, що ти оддавалась міні зъ душею, а я незгодився, и здавсь на твою волю,— поки не довідаесся хто́ я; ти була властна не приходить: чого жъ теперечки прийшла до розбишаки, харциза?... Щобъ ёго корить, дратувать якъ собаку?... Жалкуй же сама на себе; теперечки я буду за-для тебе розбійникомъ, харцизомъ!...

Сотничиха *(сміло.)* Козаче, ти мене не злякаешъ; світъ міні огидъ; одна смерть - моя надія й втіха. Я прийшла сюди — або спасти твою душу, або пропасти; ніщо́ мене не злякае, и ніхто мене не одверне одъ моіхъ замірівъ!

Гаркуша. Що́ въ тебе на думці?

Сотничиха. Покинь твое харцизтво, покайся въ твоіхъ тяжкихъ гріхахъ передъ Богомъ и людьми, и будь чеснимъ козакомъ, лицаремъ, якимъ ти міні здавався и якимъ тебе Господь создавъ: тоді я твоя на віки вічні!...

Гаркуша *(всміхаючись.)* Дурна дитино! ти й сама не знаешъ, що́ верзешъ!... Давно вже стративъ я надію на милосердіе Боже. Ніяке каяття не викупить моіхъ тяжкихъ гріхівъ.... Не поможе бабі кадило, коли бабу сказило! Совість моя потоплена въ братній крові моіхъ братівъ; я пропащий, проклятий; я розбійникъ и розбійникомъ зостанусь, поки моя буйна голова на плечахъ....

Сотничиха *(чуло.)* Богъ милуе не того, у кого не тяжкі гріхи, а того, хто щиро каітця. На кого жъ и надія, якъ не на Ёго святого милосердного? Не одъ людей же тобі дожидатьця того помилування!... Молю жъ тебе, мій голубе, зробися, якъ бувъ чеснимъ козакомъ - січовикомъ; теперечки війна: иди битьця зъ невірними,—ратуй своіхъ братівъ, а не губи!... Богъ тебе помилуе и цариця простить!...

Гаркуша *(перебивае.)* Годі, перестань! сёго ніколи не буде!... Неподобне вигадуешъ!

Сотничиха *(вдохновенно.)* Колибъ твій батько и твоя мати устали зъ могили, а янголь-хранитель злетівъ до тебе зъ неба,—и вони бъ тобі сказали те саме, що́ й я кажу!

Гаркуша *(чуло.)* Годі, кажу, перестань, перестань! *(на сторону)* Збудила мою совість.... и вона тежъ заговорила!...

Сотничиха. Молю тебе, мій голубе, мій друже! *(Пада передъ Гаркушою на коліна)* Одступись одъ свого харцизства и покайся.... Господь тебе помилуе!

Гаркуша *(підійма Сотничиху.)* Устань, устань; одъ твоіхъ річей моя душа топитця, якъ олово на вогні; — твої бажання стають моіми!... Не знаю, що́ міні й робить; я заприсягався моімъ товаришамъ,—безъ іхъ ради ні на́ що не згожусь!

Сотничиха. Я, — ти самъ кажешъ, — дурна дитина, а преклонила тебе: — якъ же, щобъ ти, зъ душею міцною, зъ твердою волею, та не здолавъ умовить своіхъ товаришівъ?...

Гаркуша *(чуло.)* Ти стала міні за янголя-хранителя, ти обудила въ моій душі силу, котру я давно вже стративъ.... Нехай же буде якъ ти кажешъ.... Иду, иду, куди зове мене чесний запорозький звичай!...

Сотничиха *(простяга руки до-гори.)* Мій Боже милий! Спаси ёго, спаси и помилуй! Ти бачишъ, вінъ каітця!... *(Гаркуша посвистомъ ззива ватагу; розбійники підходять до ёго.)*

ВИХОДЪ 8-ий.

Тіжъ, УЛАСЪ, ВАКУЛА *и розбійники.*

Гаркуша *(до розбійниківъ.)* Я зібравъ васъ, пани-товариші, щобъ де-объ чімъ порадитьця....

Розбійники. Кажи, пане-отамане, будемо слухать.

Гаркуша. Скажіть міні, пани-товариші, якою хотіли бъ ви умерти смертю: чи такою, якъ повинно чеснимъ козакамъ, чи такою, якъ намъ належить: мотаючись на шибеницяхъ и крутячись на паляхъ?

Де-які зъ розбійниківъ. Не придбали ми собі чесної смерти,— такъ про се нічого й питать.....

Гаркуша. Ну, такъ я васъ ще спитаю: де бъ ви хотіли лучче бути: чи въ пеклі, чи въ раю?

Де-які зъ розбійниківъ. Не до насъ річъ, пане-отамане!

Другі розбійники. Не за-для насъ писано про той рай!

Гаркуша. Ну такъ, пани-товариші, хоть на се дайте одповідь: кого у васъ більше охоти різать—чи своіхъ, чи бусурменівъ?

Всі. Бусурменівъ, бусурменівъ!...

Гаркуша. Такъ ходімъ же,пани-товариші, різать бусурменівъ,

покаемось въ нашихъ гріхахъ, проллемъ кровъ за віру православну,—то Богъ милосердний насъ помилуе, а царица пожалуе! (*Розбійники мовчать и озираютця.*)

Гаркуша. Чого жъ ви мовчите? Схотілось повиснуть на шибеницяхъ, або пекла жаль?... А може злякались бусурменівъ?...

Уласъ. Не злякались! Не первина намъ зъ ними битьця, а не сподівались ми одъ тебе, пане отамане, такихъ річей; ти на насъ наскочивъ, якось налопомъ!...

Гаркуша. Чому жъ не сподівались? ви не які-небудь бурлаки, гультіпаки, а січовики; — показились трохи, погуляли, —и буде зъ насъ; зновъ зробимось такими жъ чесними козаками, якъ и були!...

Вакула. Якъ та́къ, такъ и та́къ, коли ти будешъ зъ нами; — въ добрий часъ!

Уласъ. Справді, пане-отамане: які ми розбійники? Ми — січовики, лицарі!... Нагрішили та й покаемся!...

Гаркуша (*до розбійниківъ.*) Нагрішили й покаемся: та́къ паничтовариші, и будемо чесними Січовиками.... Теперъ—въ Турещину, въ Турещину!

Всі. Въ Турещину, пане-отамане, — въ Турещину веди насъ! Согласні, согласні!

Гаркуша. И я согласенъ!

Сотничиха (*обійма Гаркушу.*) И я піду зъ тобою, мій голубе, піду на край світа!... теперъ ти не розбійникъ, а чесний козакъ; одягнусь козакомъ и поручъ зъ тобою буду воювать бусурменівъ!

Гаркуша. Пострівай, моя горличко: на дорозі покаяния росте тернина.... ніжки поколешъ! Теперечки у насъ запроважена січова регула: постъ и молитва.... зоставайся дома, и якъ дійде до тебе чутка, що я загинувъ якъ чесний козакъ, то помолись за грішну мою душу и поплачъ: слёзи милоі—козацькі поминки!

Сотничиха (*плачучи.*) Буду молить Господа, щобь вінъ тебе помилувавъ, сохранивъ, и щобъ намъ навіку довелось ище побачитьця!

Гаркуша (*удае спокійного.*) Спасибі тобі, моя горличко, спасибі! Прощай!...

Сотничиха. Прощай! (*одинъ одного тулитъ до серця.*)

Уласъ (*всміхаючись.*) А що́ теперечки скажете, пани-молодці?

Лаяли жіночокъ, а отъ чого наробила ся молодичка (*Показуе на Сотничиху*) Усіхъ разомъ навела на спасенну дорогу.

Гаркуша (*цілуе зомлілу Сотничиху и передае ії на руки Галі.*) Эхъ!... та вже теперечки не до неі!... за мною, пани товариші! (*Всі виходять.*)

Галя (*піддержуе Сотничиху.*) Які чудні оці козаки! жартуе-а у самого тремтять слёзи на очахъ! (*Завіса спускаетця.*)

Олекса Стороженко.

(ЗАБУТОКЪ ЗЪ СТАРОВИНИ.)

ПИСУЛЬКА ДО МОГО БРАТУХИ.

Гай-гай! ой ди́й же ёго́ ка́ту!
Бачъ, якъ давно вже говори́въ
До те́бе я, мирянський тату!..
Що ро́бишъ ти? чи ще ти живъ?
Тоді ще, якъ ти зъ сви́домъ до́вгимъ,
Підъ сіряко́мъ сукнянимъ до́бримъ,
По Харькову соба́къ лякавъ,
Тоді ще я тебе́ вида́въ.
Ти до́сі мабуть повну хату
Надба́въ поми́йниць, бліхъ, мисо́къ,
Й того́ дивця́, що: «мамо, тату!»
Я чувъ, повненький вже кутокъ.
Теперъ, братко́, тобі ні гадки:
Засівъ, мовъ кітъ, біля́ паньма́тки, — — —
Чи вже бъ то й досі ні півъ-стрічки
До ме́не ти не написавъ,
Якби́ не мавъ дурно́і зви́чки?
А якъ тоді язи́къ лама́въ!
Щобъ відъ жіно́къ ти не відби́вся,
Щобъ ти въ горі́льці утопи́вся;
Щобъ ти не зу́здрівъ похмілю́!
Чи бачъ, що́ я тобі сулю́!
Ось, глянь, який я гольтіпа́ка,
Який пустивъ на се́бе дуръ:
Блужу́ по світу мовъ бурла́ка,
Тільки зъ штанівъ висить очкуръ.
Чортма́ ні жінки, ні дитинки,

Не вірять шинкарі горілки,
Наспілу збився на тютю́нъ.
И, вже такъ жить!.. Живи, хочъ плюнь...
Подра́въ послідню семіряку,
Чортма въ чобо́тіхъ підошо́въ;
Хоча́ бъ який бісъ съ-переля́ку
Згуби́въ що́ де, а я бъ знайшо́въ.
А вкрасти бъ що—я непотре́бний,
Щобъ ви́брехать—тожъ недоте́пний——
Отъ, тільки въ ме́не и поради:
Банду́ра, люлька зъ гамано́мъ.
Якъ граю »доліс або »зради«,
Соба́ки ви́ють підъ вікно́мъ.
А якъ »Одарочки лихо́і«,
Або́ рубну ще́ якої,
Чи »Петру́ся«, чи тамъ »бичка«,
То й
Якъ прийде нічъ, сушу́ ону́чі,
Забра́вшись въ просо на печі́;
Ввесь день курю́ тютюнъ вонючий,
А якъ не спитця — и вночі.
Що жъ бі́лшъ робить? На вечерни́ці—
Дівки́, врагові молоди́ці,
Не пустять, очі заплюють,
А хло́пці ре́бра обібьють! — — —
Отъ, бачишъ, якъ живу́ на світі,
Що мовъ сорока на тину́;
А ти все тілки дбаешъ діти —
До ме́не й пальцемъ не кивну́въ,
Хіба жъ ти въ брехуни́ пошився,
Або́ поли́тики навчився,
Або жъ ти голови́ вже збувъ,
Що такъ мене́ зовсімъ забу́въ?

Ст. Писаревський

(якъ бувъ ще студентомъ Харьківського Колегіуму.)

БЕЗТАЛАННА.

В. К. Лучинской.

I.

Насъ було́ у ба́тька дво́е: я та ста́ршенький бра́тікъ, Степа́нъ. Поки́нувъ насъ ба́тько мале́нькими: мині ще й шести́ годкі́въ не було́. Що попопла́кала ма́ти на́ша покійна за ба́тькомъ, що попла́кали й ми!..Прийде, було́, до насъ тітка Пара́ска, да й ка́же на ма́тіръ: »не плачъ, сестри́чко! у те́бе дітки дрібне́нькі!« а ма́ти пла́че, та й пла́че!...

Занеду́жала й вона́ и пійшла́ ско́ро за ба́тькомъ на тей світъ. Оста́вила насъ мале́нькими; не довела́ до розуму, не дала долі...Того́ ща́стя, що ча́сомъ по ло́дяхъ ба́чишъ, я й зро́ду не зна́ла; мабу́ть, ёго и нема́ у ме́не!

II.

Я була́ тоді на́ньскою. Узяли́ мене́ у двіръ до панівъ. Мале́нька я була́, нічо́го не зна́ла, а хотіли пани́, щобъ я все робила́ імъ. Оце, було́, па́ні й ка́же на ме́не:

— Чомъ ти тутъ не все поприбира́ла? Тільки гуля́ешъ, та хлібъ нашъ іси ду́рно.

Та за́ ухо якъ візьме... ажъ у очахъ потемні́е.

Горюва́ла я такъ недо́вго: приіхала на́ша па́нночка до-до́му, десь у ро́дичівъ гостюва́ла.

— Що се, — ка́же, — ма́менька, у васъ дівчинка но́ва у кімна́тяхъ?...

— Эге-жъ, ду́шко, се я для те́бе узяла́.

Потімъ до мене обізва́лась:

— Сте́шко, — ка́же, — ходи́ поцілуй свою́ ба́ришню у ру́чку.

Я йду и боюсь — що то була́ ще мала́.

— Швидчійшъ, швидчійшъ, Сте́шко, — ка́же па́ні.

На тей часъ и панъ підійшо́въ у ті ха́ти, де па́ні зъ па́нночкою були́.

— Что ви, ба́би, тутъ витворя́ете зъ дівчо́нкой, — грімну́въ панъ.

Я ще гірше злака́лась. Отъ, ду́маю, ще́ дасть на горіхи. Ажъ він тільки подивівсь ско́са, та й прогна́въ мене́. Я ви́бігла за две́ри сама́ не своя́. Пійшла́ у садо́къ, пла́кала-пла́кала, та й засну́ла.

Спа́ла я чи-ма́ло. Чую крізь сонъ хтось зове́ мене́:

— Сте́шко, Сте́шко, сюди́ ходи́!

Я проки́нулась, — ажъ уже зовсімъ стемні́ло. Побі́гла скорі́йшъ до ко́мнатъ,— дивлю́сь, на поро́зі па́нночка стоїть.

— Сте́шко, йди до ме́не. Ти зна́ешъ, що вже ти моя бу́дешъ? бу́дешъ мене́ роздяга́ть, одяга́ть и мене́ тільки одну́ слу́хать. Я тебе́ люби́тиму, вишива́ть ви́вчу. Ти лю́бишъ шить?—пита́е мене́.

— Люблю́, — кажу.

Повела́ мене ба́ришня у свою кімна́тку. Любо-ми́ло такъ у її кімнатці. Ліжко таке́ висо́ке, та мягке́ у па́нночки; на вікнахъ квітки́ у поливья́нихъ горще́чкахъ квітуть, та паху́чи таки́, що й не сказа́ть. Біля вікна́ сто́ликъ мале́нький стоїть, а на нёму чого́ тамъ нема́: и пі́вникъ, и соба́чка, и скрипька мале́нька, и пля́шечки рі́зні, а въ божни́ці — Пресвята́ зъ Сы́номъ и Мико́ла святи́й, опра́влені у срібні ша́ті. Ле́гко ста́ло мині ди́хать, ле́гко на душі ста́ло.

— Ну що жъ, Сте́шко, вподо́балась тобі моя кімна́тка?—пита́е па́нночка.

— Вподо́балась, — ка́жу.

— Ну, роздяга́й же мене́.

Почала́ я роздяга́ть па́нночку. Чу́дно мині такъ, що нічо́го не вмію. Сама́ раді́ю якъ лу́чче зробить, та не туди́ ру́ки йдуть куди́ слі́дъ. Такъ-сякъ роздягла́ я па́нночку и пійшла собі у дівочу.

Прийшла на ду́мку ма́ти моя покійна, якъ ишла́ я відъ па́нночки; защими́ть мое се́рце, покоти́лись дрібне́нькі зъ очей. Такъ мині чогось ста́лось нена́че-бъ ма́ти у дру́ге на той світъ провожа́ю.

У дівочій спа́ла я, та старе́нька ба́бка, ро́дичка мині яка́сь да́льня,— за па́нею вона́ догледа́ла.

— Чого́ ти, Сте́шко, пла́чешъ? — пита́е во́на у ме́не.

— Такъ, ба́бочко, чогось мині жаль ста́ло. Бі́дна моя голо́вонька, матусенька моя рі́дна!.. на кого́ вона́ мене́ поки́нула?..

— Не плачъ, се́рце, — ка́же стара́. — Хиба́ тобі ба́ришня що́ сказа́ла таке́, або́, неха́й Богъ боро́нить, побила́?

— Ні, ба́бочко, не би́ла вона́ мене́, привіта́ла мене́ щи́рими слова́ми, якъ колись ма́ти.

— Э, Сте́шко, се у насъ зо́лото, а не па́нночка, пошли́, Го́споди, вікý ій до́вгого. Нікого вона́ да́ромъ не зобідить, се я до́бре зна́ю. Се не старúхъ панівъ!.. Чого́ я не приняла́ на своімъ вікý, — світу не ра́да бу́дешъ!..

Я ще гірше почала́ пла́кать, и до́вго, до́вго пла́кала.

Проки́нулась у-ра́нці ра́но. Ви́йшла въ садо́къ; ще зіронькі не всі зга́сли на не́бі, солове́йко сви́ще, квіткі квітýть. Лю́бо-ми́ло усе такъ, куди́ не ки́нешъ о́комъ. Веселій и мині ста́ло.

III.

До́бре мині жить було́ зъ па́нночкою. Якъ, ча́сомъ, и па́ні нападе́, вона́ за́разъ и засту́пится. Учи́ла вона́ мене́ шить у пьяльцяхъ: оце було́ сама́ ся́де и мене́ біля се́бе поса́дить и пока́зуе, а коли́ ча́сомъ не та́къ, вона́ й попра́вить безъ кри́ку, безъ зи́ку, — а я все роблю́ якъ лу́чче, щобъ ій угоди́ть.

Люби́ла мене па́нночка, и я ій дуже люби́ла. Хо́димо ми зъ нею по садкý, ро́бить вона́ квітнички́, и я ій помага́ю. Умісті й співа́емо, и квітки рвемо́, щобъ потімъ поста́вить у ії кімна́тці. Научи́ла вона́ мене́ бага́то своіхъ пісе́нь, а я ій своіхъ, — та разъ-у-разъ умісті й співа́емо.

Та не до́вго мині такъ жило́ся. Блискну́ло ща́сте у ві́чи, а само геть куди́ одлеті́ло, и не прилета́е, и не набли́житця... Засва́тавъ па́нночку яки́йсь при́зжий моска́ль, стари́й, та на видъ серди́тий такий, що й ди́вúтьця на нёго стра́шно. Не хотіла, серде́шна, йти за нёго, — панъ и пані упроха́ли ій, — пійшла́ вона́ и завья́зала собі світъ на вікі.

Стари́мъ пана́мъ полюби́вся вінъ — бага́тий бувъ, та до то́го енера́ломъ; а па́нночці не гро́шей тре́ба було!..

Мині тогді годівъ трина́дцять мину́ло. Було сиди́ть па́нночка у своій кімна́тці, та й ка́же мині, пла́чучи:

— Сте́шко, се́рденько, ви́йду я за́міжъ, пої́ду у чужу́ сто́рону... Що, коли́ чоловікъ бу́де не до ми́слі мині, та бу́де злю́щий: що́ я тоді робúтиму?.. Сте́шко, се́рце, ско́ро ві́нчанне бу́де, — а вінъ, суро́вий такий, ні о́дного сло́ва щи́рого мині не сказа́въ.

— Не пла́чте,— кажу́, — ба́ришенько: мо́же вінъ и хороший бу́де. Моліться лу́чче Бо́гу, — вінъ дасть вамъ щастя.

— И ти, Сте́шко, поідешъ зо мно́ю. Ти бу́дешъ спомина рідноі ха́ти.

— До́бре, ба́ришенько; я вікъ бу́ду зъ ва́ми.

Побра́лась на́ша ба́ришня ско́ро зъ сімъ енера́ломъ. Весілле таке́ весе́ле було́. Гостей поназбира́лось по́вні ха́ти. Усімъ було́ ве́село, — одна́ па́нночка була́ су́мна.

IV.

Спершу жи́ли молоді до́бре, а потімъ де́-коли й сварі́ться вінъ почáвъ на молоду́ па́ню, почáвъ и мене́ бить. Молода́ па́ні ино́ді ни́щечкомъ запла́че, коли́ па́на нема́ у госпо́ді, и мині все переказуе, що вінъ не довіря́е ій нічо́го, хо́че самъ усімъ ору́дувати.

Роска́зуе мині, и слова́ нена́че-бъ на се́рце кладе́,—такий мене́ жаль візьме, що й я запла́чу. Пла́чимо, пла́чимо, а тутъ чу́емо панъ приіхавъ (іздивъ куди́сь): утре́ скорійшъ свої слізки па́ні, та й побіжи́ть на зу́стрічъ чоловікові.

Приіхавъ разъ зъ гостей панъ пьяни́й таки́й, що й не доведи́ Го́споди, и почáвъ гри́мать на па́ню. Отъ попла́кала серде́шна!..

— Що́ я робитиму, Сте́шко, се́рце?.. Вінъ уже й пить почáвъ.

— Та се такъ,— кажу́ па́ні:— не пла́чте, безъ цёго не мо́жна — у гостяхъ бувъ.

— Ви́дно, ча́сто вінъ закида́ть бу́де; не разъ вже я ёго пьяни́мъ ба́чила, та тільки мовча́ла.

Ста́ла и я примічáть, що панъ пить почáвъ, та ще гірше гри́зти па́ню. Ча́сто прихо́дилось серде́шній терпіть му́ку.

V.

Ро́ківъ черезъ два, якъ побра́лась па́ні, давъ Богъ ій сино́чка, Васи́ле́чка. Чорня́ве таке́ очи́цями во́де, нена́че зіроньками, гу́бочки таки червоненькі, — зо́всімъ у па́ню вда́вся.

Панъ радий бувъ, пані ще радійша. Стали вони́ лучче жить, переста́въ вінъ й лаять. Оце якъ загрима́е панъ, Ва́силько ру́чками й кива́е; поди́вится на ёго панъ, та й переста́не. Повеселі́йшала тро́хи й па́ні; и мині кра́ще ста́ло, — не такъ вінъ мині докуча́е.

— Сте́шко, — ка́же, одного разу, па́ні, коли́шучи дитя́: — така́ на

мéне чáсомъ нападé тýга, що й свíту бóжому не рáда; мабýть мині недóвго й жить зостáлось.

— Бо-зна-що ви дýмаете, пáні, — кажý íй. — Нехáй Госпóдь не довóдить. У васъ, бáринько, синóчокъ есть, живíть ви для нéго. Нехáй вирóстае скорíйшъ вамъ на втíху, та на рáдість.

— Вáсічко, голýбчичокъ, чи любишъ ти менé?... Жаль тобí мáми?

А Вáсічко лежúть у колúсці, та рýчки простягáе, та й усміхáетця, ненáче-бъ то порáдовать мáтіръ хóче...

Пáні все самá хóдить колó синóчка. Самá й пелíночки переміняе, самá й колúше. Панъ нашъ рíдко сидівъ дóма, усе по гостяхъ гуляе. Зостáнемось у кімнáтяхъ тільки ми — я, та пáні, та й сидимó у двóхъ бíля колúски. Пáні самá й присипáе дитя́. Оцé якъ заспівáе:

Ой не ходи́, кóте, по лáвці,
А то бу́ду би́ти по лáпці,

и мині самíй захóчитця спати, дрімáю тільки, а Вáся зáразъ и зáсне.

VI.

Днí за днúми йдуть, якъ вода бíжить, — що й не примíтишь. Не вгадáла я, якъ стáла зъ дíвчини й дíвкою. Роспýстишъ, бувáе, кóсу: дóвга, дóвга, та густá, всяке бъ позавúдувало. Радію й сама, якъ уберýсь, та пíйду до цéркви. Стáну міжъ дівкáми, а на мéне усі такъ и поглядáють.

Підрíсъ и Вáся мíй (я все ёго своíмъ звáла, бо любúла якъ рíдну дитúну), ставъ вінъ вже й бігать, ставъ лепетáть.

— Стéшко, пíйдемо у-кóні гулять, — прóсить менé.

Я рáзъ-у-рáзъ изъ нимъ у-кóні гуля́ла. Оце маленьке за коня стáне, й басýе, й басýе, неначе-бъ то справді кінь. Дóбре, слухняне булó дитя́тко....

И панъ імъ ставъ утішáтись. Скáже, бувáло, Вáся: — Тáту, тáту, покачáй менé.—Панъ и посáдить ёго вéрхи на своі колíна, та й качáе, а воно́ тільки: »но, кóсю, но!...« та за пáнові вýси й візьметця, нáче за нуздéчку.

VII.

Надýмалось якось поíхать молодúмъ панáмъ до старúхъ. Пáнъ то й не хотівъ, та пáні ёго упросúла. Прошýсь и я, щобъ и мене зъ собою взялú. Вúросла я на чужій сторóньці; чýтки про мого́ брáтіка Степáна

ніякої не мала. Чи живъ вінъ, чи оженився? нічого я не знала. Довго лагодились пани їхать; якъ накміче пані день, панові й ніколи, усе вінъ оклядуе. Ну, якось призначивъ вінъ день. Жду-не-дождусь я съ нанею цего дня. Тільки й говору було — колибъ поіхать. Не оклядуе панъ; думка паша така, що певне поідимо. Той день устала я рано-рано. Цілу нічъ, тільки оце здрімну, — и снится мині, неначе я у брата мого, що вінъ женатий, и діточки бігають біля мене и тягнуть мене за спидницю,— я й прокинусь. Дивлюсь, нічого нема; темно такъ, що хоть би й було що, нічого бъ не побачила. Вийшла я у садокъ. Тихо, тихо; зіронькі блищать на небі, якъ свічечки. Волосожаръ низько спустився до земли — день скоро буде. Сіла я на лавочку, та й думаю — якъ то ми приідимо у село.... зразъ пійду до брата. Що коли его нема на світі,—подумаю собі, а морозъ такъ по мині й пійде. Зновъ візьмуть думки, якъ я могили батька, та неньки знайду, чи знать то іхъ, чи може зрівнялись съ землею? може й не найду іхъ. Квітки квитуть, а пахъ одъ іхъ такъ и обливае мене. Довго седіла я у садку, не вгадала якъ и зіроньки поховались, — розвиднило зовсімъ. Пійшла я у кімнати. Незабаромъ и панъ уставъ.

— Звели кучеру, щобъ коляcу лагодивъ: до старихъ панівъ сегодні поідемо, — каже.

Зраділа я дуже, не вгадала, якъ и опинилась біля конюшні.

VIII.

Приіхали ми у село дуже нерано; у селі всі вже спали. Якъ старі зраділи побачивши унучка свого: цілують вони его, обнимають, а воно неначе-бъ и вгадало, що рідня его. Пійшли наши пани базікать, а я одпросилась пійти до брата.

— Вже твій братъ оженився,—каже стара пані.

Я ажъ задріжала відъ радости, не почула якъ и стою. Вибігла я у дівочу, усі знакомі. Стара баба ажъ заплакала, побачивши мене.

— Стешко, голубко, якъ ти змінилась! ажъ и не вгадалабъ, коли-бъ де побачила. Виросла якъ, хоть зразъ зъ молодимъ стать.

И стара дуже змінилась, ще більшъ постаріла. Волосся біле, біле, якъ снігъ, вже й говорить не такъ, якось тихенько, кашляе за кожнимъ словомъ....

— Бабочко, голубочко, и ви змінились.

— Э, серденько, про мене й не кажи. Літа вже мої таки, а тутъ и житте!...

Зака́шлялась стара́ и не доказа́ла.

— Де́ мій братъ живе́? — пита́ю старо́і.

— Вінъ пійшо́въ у прийми до Кастюка-кушниря́, На́стю взявъ за се́бе. Вже й діточокъ дво́йко нажили́ собі, спасибі Бо́гу, — хло́пчикъ, та дівчинка.

— Пу́те, прощайте, ба́бочко! пійду́ я до ёго.

Прибіга́ю до Кастюко́вої ха́ти; світла нема́ вже, спать полега́ли. Я у две́ри посту́кала.

— Хто тамъ такий? — чу́ю, озва́всь све́коръ.

— Свої, — кажу́: — відчиніть.

— За́разъ світло засві́тимо, — одві́тує старий.

У ха́ті почали́ гомоні́ть. Старий и ка́же: »кому бъ у таку́ по́ру прийти́ до насъ?« а невістка (по го́лосу її угада́ла) одка́зує: »ще цена́че-бъ й дівка, го́лосъ дівоцький.« Відчини́ли ха́ту.

— Добри́-ве́чіръ, — кажу́: — чи вгада́ли мене́?

Усі дивлятця по міжъ собо́ю, та й мовча́ть.

— На́сте, сестри́чко моя: и ти не позна́ла мене́?

— Сте́хо!.. усі промо́вили у одинъ го́лосъ и почали́ цілува́тись.

— А братъ де́? — пита́ю.

— Повівъ ко́ней на почлігъ, — ка́же На́стя.

— Гуля́йте, я за́разъ за імъ збі́гаю, — ка́же старий.

— Горпи́нко, Ива́нчикъ! устава́йте! тітка прийхала, — ка́же На́стя до діте́й, що спа́ли на пе́чі.

Діточки позска́кували зъ пе́чи. Цілують мене, обнима́ють.

Незаба́ромъ и братъ прийшо́въ у ха́ту. Ки́нулась ёму я на шію. Кріпко, кріпко обня́лись ми, и слёзи зъ очей моіхъ покоти́лись. Висо́кій ви́рісъ братъ мій, ву́си до́вги, та чо́рні, тільки сму́тний такій на виду́.

— Чи до́бре жъ тамъ жило́ся то́бі, сестри́чко? — спита́въ мене́ братъ.

— Нічо́го, спасибі Бо́гові; па́ні до́бра, якъ рідна мині, а панъ-якъ прийдетця: иноди й побье́ и пола́е.

Здихну́въ мій братъ, тя́жко здихну́въ.

— А ви якъ тутъ живете́?

— Про на́ше житте й не пита́й лучче: звісно, якъ у панів.

Гомоні́ли ми до́вго. Я розказа́ла все свое житте, а вони́ розказа́ли про себе.

IX.

На дру́гий день бувъ пра́зникъ. Уста́ла я ду́же нера́но, тро́хи не о півдні. Бра́та не було́ у ха́ті. Побігла я скорійшъ у двіръ. Отъ, ду́маю собі, стара́ кричи́ть на ме́не, що не прийшла́ па́ню одягти́.

Убігла у ха́ту, та й пита́ю ба́бу, чи не ла́яли мене́.

— Ні, — ка́же: — стара́ почала́ крича́ть, та якъ молода́ па́ні щось сказа́ла ій, вона́ й змо́вкла.

Ажъ за́разъ и па́ні молода́ ввійшла у дівочу.

— Ну, що́, — ка́же, — позна́ла бра́та?

— Позна́ла, — кажу́, — ба́ринько.

— Ну, йди жъ до ёго и зоставайсь, по́ки не пої́демо до-до́му. Ми, мо́же, тутъ ти́жнівъ зо́ два проживемо́.

Зраді́ла я такъ що й.... Пійшла́ до бра́та, ажъ на-зу́стрічъ дівки й молоди́ці йдуть зъ це́ркви.

Поцілува́лись ми й пійшли́ по селу́. Не всіхъ и познала зра́зу, що то до́вго не ба́чила. Мо́тря Войти́ха мале́нькою була́ при мині, ра́зомъ у хре́щика гра́лись, а тепе́ръ така́ молоди́ця, що лю́бо гля́нуть: висо́ка така́, та чипурна́!

Зайшла́ я до своіхъ, та й кажу́ бра́ту, що коли́бъ пійти́ намъ ба́тька й не́ньку одві́дати?

Здихну́въ братъ, та й ка́же:

— До́бре, пійдемо, одві́даемо.... Мо́же чи не випро́сять вони́ у Бо́га ща́стя намъ.

Подиви́лась я на бра́та, та ажъ зляка́лась: не розгле́діла до́бре у-чо́ра у-ве́чорі. Жо́втий такий, жо́втий, якъ жовтя́къ. Щоки повпада́ли и вже й воло́сся прокида́етця біле... а молоди́й ще. Прийшли́ ми на мо́гилки....

— Ма́ти моя рідна, де́ ти?... Промо́въ хоть слове́чко до насъ, пора́дь своіхъ безтала́нних дітокъ. Ба́теньку мій рідній....

Запла́кала я гірко й упа́ла сама́ несвоя на зе́млю. Привели́ мене́ до-до́му. Наси́лу стя́милась я де́ лежу́, сама́ не памята́ю, якъ и що було́. Нездужала я днівъ зо три, по́ки прийшла́ до се́бе. Пі́сля цёго, такъ мині я́кось чу́дно ста́ло: за що́ не візьму́сь — зъ рукъ па́да. Напа́ла на ме́не ту́га така́, на́че не передъ добро́мъ; се́рце мое ві́щува́ло мині горе, та не счу́ла я ёго ві́щува́ння и запропасти́ла на вікъ свою голо́воньку.

X.

Передъ вéчіромъ захóдять до мéне дівчáта. Поседіли трóхи у хáті, та й кáжуть мині:

— Стéшко, пíйдемо зъ нáми на юлицю гулять.

Я була не хотíла йти, та дівки пристáли — пíйдемо, та й пíйдемъ.

Щó робúтимешъ? трéба йти. Наділа я спіднúцю новý, кóсу вúпустила, квíтками гóлову прибрáла, зъ підківками черевúки наділа и пíйшла зъ нúми. Вúйшли ми на юлицю. Заспівали дівки пісень, а я идý сóбі мóвчки, а луна́ такъ и розлігáетця по селу, одъ пісень дівóцькихъ.

Юлиця збирáлась біля цáрини, недалéчко Кóсого хáти. Прийшлú ми; тамъ уже булú íнші дівки, — огонь клáли. Не стúмились, якъ и парубкú підíйшлú. Свое такú, а все ненáче мині чужі. Сóромно мині, що то у дворі жилá, ні óдної душú живóї не бáчила.

Міжъ усíма парубками бувъ одинъ парубокъ — гáрний такий, що й не сказáти: висóкій, та прямúй якъ топóля, на все селó пáрубокъ. Не вспіли усі й добрúй-вéчеръ дать, якъ вінъ и підсівъ до мéне.

— Чи ти не-забýла менé, Стéхо?

— Ні, — кажý.

— А памьятáешъ, якъ колúсь гуляли умісті.

— Памьятáю, — кажý.

А самій сóромно такъ, що й Бóже!..

Балáкали ми дóвго. Вінъ усе коло мéне: куди́ я йду и вінъ слідомъ. Стáну я съ кімъ на колúсці колихáтьця, вінъ або менé прогóнить зъ колúскі, або́ у-двохъ колúшемось. Колúшемось, а вінъ дúвитця на мéне, очей не звóдить. Розíйшлúся свíтомъ. Вінъ провóдивъ менé до сáмої хáти....

— Надобра нíчъ, — кáже.

— Спасúбі, и вамъ тежъ.

— А зáвтра вúйдешъ гуляти?

— Не знáю; мóже, не вúйду, — кажý.

— Чóму, Стéхо? вихóдь. Тобі, мóже, не вподóбалась нáша гульня?

Я пýрхнула у хáту и тільки зачýла:

— Вихóдь, сéрце, вихóдь. Я самъ за тобóю прийдý, умісті пíйдемо!...

XI.

Про панський двіръ я й забýла; и не показувалась би туди́,—усе бъ гуля́ла, та пісні співáла, хочъ и мáло іхъ знáю. Вúрвалась птáшка зъ не-

во́лі,—усе́ забу́ла; забу́ла и па́на свого́, тільки па́ню молоду́ не забу́ла, бо то не па́ні була́ у ме́не!...

Цілу нічъ щось верзло́сь мині уві сні: то Хролъ присни́тця, що зновъ изо мно́ю сиди́ть, то дівча́та сня́тця. Уста́ла я нера́но; невістка и братъ пійшли́ на па́нщину, тільки свекру́ха зоста́лась у ха́ті, та небожа́та.

Прийшла́ ми́ні на ду́мку ю́лиця, прийшо́въ на ду́мку й Хролъ. Де́ то вінъ, — ду́маю: — мо́же на па́нщині музолі патира́е собі; а вже то пе́вне, що забу́въ про вчора́шню гульню́.

Незаба́ромъ и день пройшо́въ. Братъ и невістка съ па́нщини прийшли́. Пригна́ли вже й че́реду зъ лісу. Кажу́ я невістці:

— Дай, — кажу́, — сестри́чко, я за те́бе пійду́ коро́вку подою́, бо ти, — кажу́, — утоми́лась на па́нщині, отди́шъ тро́хи.

— До́бре, тільки чи зъуміешъ доіть, нікóли се ділó не робивши?

— Зъумію.

Та й пійшла́. Ви́йшла изъ сіне́ць, а Хролъ на-зустрічъ.

— Здоро́ва, Сте́хо. Пійдемъ на ю́лицю!

— Пі́коли,— кажу́: тре́ба упо́ратьця тро́хи. Ось за́разъ пійду коро́ву доіть, потімъ...

— Хиба́ пі́кому у васъ, окромъ тебе́?

— Невістка не здужае—на па́нщині була́; та й мині самій тре́ба запомогти імъ якъ-не́будь.

— Ти й не пійдешъ?

— Ні, ні, — кажу: — опісля тро́хи, при́йду.

— Ну, и я тутъ підожду́ тебе́, щобъ ра́зомъ пійти́ намъ.

— Идіть, коли́ хо́чете, самі: я й сама знайду́ доро́гу.

Дою я коро́ву, та й ду́маю собі: чого́ це вінъ пристае́ до ме́не? мо́же спра́вді хо́че за себе узять?.. Ні, у насъ такъ не ро́блятъ, що разъ подиви́всь, за́разъ и до шлю́бу... Хиба́ боітця, щобъ не поіхала я скоро?—та ні, не съ тіе́ю вінъ ду́мкою.

Подоіла я коро́ву, несу́ молоко́, а вінъ все стоіть на тімъ самімъ місці, де я его́ поки́нула: нахму́рився и ди́витця якось сумно у зе́млю; потімъ зи́ркнувъ на мене, та й ка́же:

— Ну, за́разъ пійдемо на ю́лицю?

— Ще ра́но,— кажу́:—тре́ба повече́рять.

Ввійшла я у ха́ту, а дівки вже прийшли́ за мно́ю, не дали́ й повече́рять—за́разъ и повели́. Хролъ зновъ до ме́не приста́въ. Музи́ку наня́въ и пійшли́ ми туди́, де учо́ра гуля́ли.

Зновъ не одстає́ відъ ме́не Хролъ, на́че приворо́жений: я зъ і́мъ и колишу́сь и танцю́ю и базі́каю.

XII.

Зоста́лось мині днівъ три ще жить у селі своі́мъ; не хотілось, ду́же не хотілось іхать, відті́ля, а тутъ ще й Хролъ причепи́всь. Якъ ви́йду на ю́лицю, він за́разъ и вро́дитця. Першъ до́бре поводився, а по́тімъ и жартува́ть ставъ.

Якъ приста́не, не одібьє́шься—поцілу́е. Спочáтку со́ромно було́ я́кось, а потімъ и сама́ бъ поцілува́ла:—та́къ він уподоба́вся. Не хотілось, кажу́, кида́ть села, ки́дать бра́та, небожáточокъ, Хро́ла не хотíла бъ ки́дать, та що робúтимешъ? — нево́ля.

Сижу я у ха́ті біля вікна́, куде́лю пряду́, та співа́ю собі.

Седíла, седíла, та й надýмалась навідатьця до будúнка па́нського. Прихожу́—стара́ па́ні мині на-зу́стрічъ.

— Що́, Сте́хо? мо́же прискýчило тобі у насъ у селі, що сюди́ прийшла́?

— Ні, кажу́: прийшла́ одві́дать молоди́хъ папівъ и пани́чика свого́.

— Ну, скажи́, Сте́шко, скажи́ щи́ру пра́вду; пі́йдемъ у кладо́ву, такъ скажи́—якъ живу́ть на́ши молоді?

— Спаси́бі Бо́гові, нічо́го тако́го нема́ між іми.

Запла́кала стара́, гірко запла́кала.

— Не хо́чешъ ти мині каза́ть щи́роі пра́вди: пога́но вони́ живу́ть, я ба́чу.

Ще гіршъ запла́кала, ажъ мене́ жаль узя́въ, и у самоі наверну́лись слёзи. Розказа́ла я ій усю пра́вду, що панъ и пье́ и па́ню зневажа́е, а про ме́не й каза́ть нічого!

— То-то, — ка́же па́ні: я за́разъ примітила, що між іми не все гара́здъ. Він и при мині кричáвъ на дочку́, не вважáвъ на мою ста́рість. Сте́шко, голу́бочко, не оби́ль хоть ти па́ню на чужій сторо́ньці! такъ видно ій суди́лось! Догле́джуй Ва́січку, —за се Богъ дасть тобі до́лю.

Гомоні́ли ми чи-ма́ло, потімъ пойшли́ у кімна́ти. Василе́чокъ мині назу́стрічъ такъ и ки́нувсь на ши́ю. Обніма́е мене́, цілу́е. Ви́йшла й па́ні молода́, — жо́вта, жо́вта. Я ду́мала, що вона́ хочъ у ма́тері попра́витця, ажъ ні, зъ запла́каними очи́ма ви́йшла.

Цілúй день бу́ла я у кімна́тяхъ. Стара́ па́ні дала́ мині обідать відъ сво́го сто́ла, дала́ й ча́ю. Зовсімъ стара́ змінúлась: бува́ло, слізьми сте́ж-

ку змива́ю; а тепе́ръ усе́ до ме́не, тро́хи не ці́лу́е. Передъ вечоромъ пійшла́ я до бра́та. Тільки що ступи́ла на порі́гъ, ажъ братъ и невістка до ме́не:

— Тебе́ не бу́ло, Сте́шко, а тутъ свати́ прихо́дили; — такъ зустрі́ли мене́ братъ зъ невісткою.

Мене́ ажъ моро́зъ обня́въ; й не счу́лась, де й стою́. У тіхъ слова́хъ чудне́ щось чу́ла, сказа́ть не мо́жна; тільки се́рце затёхкало, як не ви́скоче.

— Чого ти, Сте́шко, злака́лась? озва́лась невістка. — Чи ти зна́ешъ, за кого́ сва́тать приходи́ли?

— Не зна́ю, — тільки й промо́вила; а на ду́мці за́разъ ставъ мині Хролъ.

— За Хрола. Вінъ паробіка до́брий, робота́щий, не бу́дешъ горюва́ти; ми вже й рушники́ загото́вили про сей часъ для те́бе.

Тільки-що вона́ прока́зала се, ажъ чую — сене́шні двері ри́пнули и хтось у сінцяхъ кахи́кать почáвъ.

Невістка ки́нулась сюди́-туди́; засла́ла стілъ но́вою скатерти́нкою, хлібъ-сіль положи́ла. Ти́хо ста́ло у хáті. Усі посіда́ли, сі́ла и я, а ме́не тільки дрижаки́ беру́ть, на́че у лихома́нці.

— Про́симо у хáту, — озва́лась невістка.

Две́ри заскрипі́ли и ввійшли у хáту Мики́та Омельчу́къ и Иса́й Ко́сий.

— Добри́-вечіръ, лю́де до́брі, — озва́лись вони́. — До́брий ве́чоръ и вамъ старі, и вамъ молодші́, и тобі, Сте́хо.

— Спаси́бі! и вамъ тежъ, — озва́лись на́ши; а я мовчу́, ажъ у горлі пересо́хло.

Потімъ Омельчу́къ и ка́же:

— Ми за ді́ломъ прийшли́ до васъ, лю́де до́брі.

— А яке-жъ ді́ло ма́ете, лю́де до́брі? — ка́же невістка.

— Та ось, ба́чите: до насъ чу́тка така́ до́йшла, що у васъ е крамъ, а у насъ е купе́ць: чи не оддасте́ ви намъ свій крамъ на́шому купцю́?

— А якій же вашъ купе́ць? зновъ пита́е невістка.

— А мо́же чу́ли Хро́ла Ани́щенка?

Невістка до ме́не озва́лась. Я у слёзи. Ра́дились, ра́дились, а скінчилось тимъ, що рушники́ подава́ли.

XIII.

На дру́гий день пійшла я зъ молоди́мъ своїмъ до панівъ. Енера́лъ мій визві́рився:

— Не хо́чу, та й не хо́чу.

Па́ні ки́нулась до ёго. Стара́ тежъ почала́ блага́ти, наси́лу вже позво́ливъ обвінча́тись. Одложи́ли поіздъ свій на чоти́рі дні. Хро́ла мого́ назна́чили у лакéі до па́на, а я зоста́лась на ста́рімъ мі́сці, біля па́ні. У неді́лю пійшли́ до шлю́бу. Після вінця за́разъ зъ корова́емъ до панівъ. Панъ пьяни́й бувъ. Ле́ментъ такий підня́въ, розходивсь — трохи не поби́въ.

— Якъ ти сміла,—ка́же,—обвінча́тьця безъ мого́ спро́су? Чи я тобі позво́ливъ, чи що́? Вонъ зъ моіхъ очéй!... У ка́торгу завда́мъ васъ!..

Запла́кала я гі́рко, и дню сёму не ра́да.

Па́ні моя́ почала́ крича́ть на нёго.

— Якъ тобі не гріхъ? Чи боісся ти Бо́га? Подиви́сь, що́ ти ро́бишъ. Ти жъ самъ імъ позво́ливъ обвінча́тьця.

Пішли́ па́ни у ха́ту, а я зъ молоди́мъ за воро́та. Музи́ка гра́е, дівки співа́ють, а мині не до пісень. Усе весі́лля попсувавъ...

Прода́въ Хролъ свою худо́бу. Зібра́ли яку копійку и поіхали съ пана́ми.

XIV.

Чого́ вже міні не доставáлось відъ па́на, а якъ ви́йшла за́міжъ—ще гіршъ доста́ётця. Першъ, якъ па́ні почне́, було́, блага́ть, вінъ и замо́вкне, а тепе́ръ и пані не заступа́етця: сло́ва сказать боітця, — бо за́разъ побье́.

— Ти не смій,—ка́же,— ду́ра, за сіхъ ле́жнівъ заступа́тьця. Вони́ вороги́ на́ші: у ло́жці бъ утопи́ли насъ, коли́бъ іхъ во́ля!

Па́ні мовчи́ть, та слёзи ронить.

Буває, Вáся підбежи́ть, вінъ и ёго за чу́ба, та й отки́не геть. Намъ тільки й поко́ю, коли́ нема́ па́на у госпо́ді. Ти́хо, сми́рно, нема ле́менту, нема́ плачу́, а приіде па́нъ, и зновъ пійшла́ фи́ща.

Жаль було мині Хро́ла мого́. Завьяза́ла я ёму бідному о́чи. Не розказа́ла ёму нічо́го сёго́ передъ вінцемъ, не зхотівъ би вінъ йти у цю сібі́рь, не завьяли́въ би свої літа́ молоди́і, якъ теперъ вьяли́ть; ёму ще бі́льшь доставáлось ніжъ мині.

Приіхавъ разъ панъ зъ гостéй (у го́роді бувъ) ду́же нера́но; вже трейті півні переспівáли. Жда́ли ми ёго до́вго, па́ні й ка́же намъ:

— Лягáймо спать; ви́дно вже панъ не приіде сёго́дні.

Лягли́ ми спать, а на тей часъ и панъ приіхавъ. Стукавъ вінъ, сту-

кавъ у две́ри, поки добуди́всь насъ, а ми кріпко позасина́ли — первий сонъ. Хролъ прокинувсь, розбуди́въ мене́. Я засвіти́ла свѣтло. Одя́гся Хролъ и побігъ очинять две́ри. Я тежъ побігла па́ню буди́ть.

Розбуди́ла я па́ню, ажъ чу́емо крикъ такий підня́въ панъ, що й...За́разъ прибігъ у спа́льню, та до па́ні:

— Якъ вони́ сміли такъ робить,—пока́зуе на насъ.—Се бу́пть,—ка́же:—и ти ви́дно зъ ними проти́ мене йдешъ. Вонъ зъ мого до́му!.. Пійшла до ма́тері, — щобъ и нога́ твоя не бу́ла у моімъ домі!..

Увесь двіръ розбуди́въ. Васінька зско́чивъ и почавъ крича́ть, ажъ посинівъ бідний. Па́ні у слёзи.

— Що ти робишъ,— ка́же па́ні: — поду́май ти? Чого́ ти такъ кричи́шъ? Гріхъ тобі!...

Панъ причепи́всь до Хро́ла; першъ крича́въ на нёго, а по́тімъ и бить почавъ. Пані почала́ его оборонять. Панъ ще більше розсе́рдивсь.

— А,—ка́же, —ти за ёго заступа́есся! До́бре,—ка́же,—тепе́ръ я ба́чу, що и ти проти́ ме́не йдешъ. До́бре, до́бре!...

Що у насъ плачу́ було́!—ле́две, ле́две угомони́всь панъ и лігъ спать уже зовсімъ у день.

Па́ні вже й ми не лягали. Я гру́бу затопи́ла для самова́ру, Хро́лъ тежъ ді́ло знайшо́въ собі, не вгле́діли якъ и опівдня́. Пізно уста́въ панъ, не вихо́дивъ зъ свого́ кабине́ту ці́лий день. Па́ню на очи не пуска́е до се́бе. Самъ и чай пивъ, и обідъ туди́ носи́ли,—не хотівъ умісті й обідать.

XV.

Скільки днівъ пройшло́, а панъ не вихо́дить зъ свого́ кабине́ту, и па́ню икъ собі не пуска́е. Якъ Хролъ пійде до нёго, вінъ и почне́:

— Я тобі, мерза́вецъ, не забу́ду сёго, ти мене зна́тимешь.

Разъ каза́въ, що й у москалі одда́сть Хро́ла. Па́ні пла́че та й пла́че. У дво́рі ста́ло якось су́мно. У кімна́тахъ ти́ша така́я, непа́че-бъ души́ живо́і нема́; сло́ва боя́лись промо́вить одинъ другому. Па́ні пла́кала, пла́кала, та й злягла́ въ постіль відъ плачу́.

Вже я ду́мала, чи не зро́блено такъ зъ імъ, бо часто на ка́пость такъ ро́блять, хочъ и ворогівъ у па́ні не бу́ло — усі ії люби́ли. Уда́рилась я разъ до воро́жки. Ворожи́ла вона мині, ворожи́ла, — все не помагае. Я свячёною водою кімнати кропи́ла, непочатої води подава́въ умива́ться Хролъ па́ну, — а все нема́ добра́.

Такъ пройшло́ днівъ зъ де́сятокъ. Надýмавсь панъ поїхать у городъ. Отъ, дýмаемо, проїздитця, та й дурь спаде́ зъ нёго, хочъ трóхи у дворі ста́не по-лю́дськи. Велівъ панъ запряга́ть кóней. Не попроща́всь и зъ па́нею, поїхавъ непаче-бъ вóрогъ якій. И зъ Василе́чкомъ не попроща́вся.

XVI.

Пані почала́ прочýнювати, їсть якъ слідъ, и по хазя́йству прóйдетця. Повеселíшало и у дворі трóхи. Василе́чокъ почáвъ бігать, якъ и першъ бігавъ, и все пойшло.

Не було́ па́на днівъ зо три. Ми кóжну нічъ сторожи́ли ёго, щобъ зновъ такої ха́лепи не лучи́лось, якъ першъ було́. Оце Хролъ за́сне, а я не сплю; потімъ я ля́жу, а Хролъ на-сторóжі. И въ день стережемó. Якъ тільки зачýемо дзвонóкъ, за́разъ усі й дýмаемо, що панъ їде; дзвонóкъ все бли́зче й бли́зче дзвени́ть, пока́жется трóйка, мине́ нашъ двіръ—и відъ се́рця одлягне, непа́че-бъ ли́хо минýло.

На тре́йтій день усі зачýли дзвонóкъ такъ опівдня́. Хро́лъ ходить понýрий и ка́же мині:

— Охъ, Сте́шечко, тя́жко мині, чогóсь се́рце мое бье́тця — бідý віщýе. Чýе ви́дно, що панъ не зъ до́брою дýмкою їде до насъ. Розлýчить вінъ насъ на-ві́ки: хвали́всь у москалі́ мене́ отда́ть.

Дзвонóкъ дзвини́ть, а се́рце мое бье́тця, якъ не вискочить. Усі ста́ли біля́ вікóнъ. Ди́вимось, чи не проїде ли́хо, ажъ ні: се́рце пра́вду каза́ло— нашъ бувъ дзвонóкъ. Їде панъ, а зъ па́номъ ще два чоловіки сидя́ть.

Під'їхала па́ша трóйка підъ рундýкъ. Увійшóвъ панъ у ха́ту, а ті два чоловіки оста́лись на дворі. Пані вийшла до па́на, прогна́въ ії панъ відъ се́бе. Хролові давъ прика́зъ, щобъ ще запрягли трóйку кóней, и щобъ вінъ нікуди не відлуча́вся, — зъ ім їде. Ви́йшовъ Хролъ відъ па́на бліди́й, бліди́й и ка́же мині:

— Проща́й, Сте́шко, на-ві́ки проща́й. Мóже нікóли не поба́чимось. Панъ везе́ мене́ у москалі.

Поцілува́въ вінъ мене́, кріпко поцілува́въ. Покоти́лись слёзи. Я почала́ крича́ть, рвать на собі волóсся, трóхи не стеря́лась. Побігла па́ні, почýвши це; побігла й я до па́на. Ки́нулась я передъ ім навкóлішки, молила, блага́ла; а панъ мовча́въ непа́че-бъ не до нёго каса́лось.

Кóні під'їхали підъ рундýкъ. Ви́йшовъ мóвчки панъ, сівъ у тарантáсъ, на візъ звелівъ сісти Хро́лу и тім двомъ чоловікамъ.

Повéзли моró Хро́ла, мою втіху, мій тала́нъ!..

XVII.

Що́ було́ плачу́ після Хро́ла, и — Бо́же мій милостивий!.. я пла́чу, и пані зо мною пла́че.

Прихавъ панъ на другий день и сказа́въ намъ, що Хролъ пійшо́въ вже у Москву на слу́жбу.

— Ти, — ка́же на ме́не, — коли хо́чешъ, зоставайсь жить у насъ, а не хочешъ, то йди куди хо́чешъ.

Хотіла я одходить, — пані не пуска́е.

— Не кидай, — ка́же, — Стешко, хочъ ти мене. Пійдешъ відъ насъ — ні съ кимъ мині буде ту́гу одвести, нікому буде щи́рого сло́ва промо́вити. Жаль мині ста́ло паню, а тутъ и Вася приста́въ — хли́пае бідненький, за слізьми й слова не промо́вить.

Поду́мала, поду́мала, та й зоста́лась у па́ні. Куди́ жъ було́ и йти мині? у бра́та семья велика, а доста́тку нема́е; до Хрола йти, — де жъ ёго знайти́ тепе́ръ? далеко пійшовъ; у чужімъ кра́ю нічого не дозна́есся, а тутъ я тогді и не сама́ була́: Па́влика свого́ носи́ла.

Панъ присмири́въ трохи, — помири́вся зъ па́нёю, а все-таки́ — якъ во́рогъ який: промо́вить сло́во, та й замо́вкне.

Місяцівъ черезъ два, якъ-разъ на Пречи́сту, посла́въ мині Богъ Па́влика. Нема́ мого́ Хро́ла, ні́кому втіша́тись дити́ною: тільки ма́ти безтала́нна втіша́етця, а ба́тько́ й не ба́чивъ свого́ сино́чка!

XVIII.

Кра́ще ста́ло мині жить, а все-таки́, якъ згада́ю Хро́ла, то хоть би за́разъ у зе́млю лягла́; а тутъ го́ре: я — ві́льна, а сино́къ мій, единчикъ, — кріпа́къ!..

Поча́въ підроста́ть мій Па́вликъ. Якъ гля́ну на нёго, заразъ згада́ю Хро́ла. Па́вликъ и похо́дивъ на нёго; такий же чорня́венький якъ батько.

Усі люби́ли Па́влика, — не люби́въ ті́льки панъ ёго. Разъ, не було́ мене́ у кімна́тахъ, — на горо́дчику гря́дки копа́ла, — чогось панъ розсе́рдивсь, — а Па́вликъ, звісно — мале́, підпо́взъ до нёго, та за чо́бітъ и хапа́е: — якъ пхне ёго панъ, Па́вликъ такъ и покоти́вся не живи́й — не мертвий...

Після сёго случа́ю, скільки вже разъ збіралась я поки́нуть панівъ, —

дакъ синка́ не пуска́ють зо мною: безъ нёго якъ и йти? мале́—то забью́ть ёго, зані́вичать. Хочъ би й па́ні доглядала за нимъ, та все-таки́ чуже́ о́ко. Посуму́ю—посуму́ю, а тамъ забу́ду усе́ и зоста́нусь...

Геть-туди́, й Ва́ся ви́рісъ. Щасли́веньке було́ дитя́тко! було́, якъ пі́йдемъ у лісъ по гу́би, ніхто не зна́йде ні о́дного, а вінъ зна́йде. Щасли́ве було́!..

XIX.

Не вгада́ла я, якъ літа́ мої молоди́і пройшли́, не вгада́ла якъ и си́вий во́лосъ почáвъ вкида́тись, якъ и Па́вликъ мій підрісъ. Ва́сю одве́зли у Полта́ву, у москалі гото́вить. Гірко пла́кавъ Ва́ся проща́ючись зъ на́ми: везу́ть ёго, мало́го, відъ ба́тька-не́ньки, покида́е и рі́дне село́, и рі́дну ха́ту, — а що́ ще тамъ зна́йде?

Якъ випровадили Ва́сю зъ до́му, су́мно я́кось у ха́ті ста́ло. Було́, вінъ бі́гае и звеселя́е буди́нокъ, а тепе́ръ ти́ша така́: якъ у-день, то ще нічого, а якъ при́йде ве́чіръ, то ажъ сумно; а у-ночі, то ще сумні́йшъ. Чу́ли ми нера́зъ, якъ домови́къ по кімна́тяхъ хо́дить, — зовсімъ мо' чоловіка́; про́йдетця по ха́ті, — зачи́пить що́, воно́ й упа́де на зе́млю; ди́вися вра́нці —що-небудь и лежи́ть на мосту́. А у-день—дя́телъ почавъ ту́гу наво́дить на се́рце, — все стугони́ть надъ вікно́мъ. Усі догада́лись, що вижива́е кого́-не́будь зъ до́му, — не зна́ли тільки кого́. Сільце́ ста́вили, — не попадаетця,—ви́дно, спра́вді не відъ се́бе вінъ літа́въ, не відъ се́бе віщува́въ.

Ско́ро після Ва́сінихъ про́водъ, занеду́жала па́ні. Вже й лікарі приїзди́ли зъ го́рода кільки разъ,—не встае́ вона́ зъ ліжка. Ви́сохла якъ скіпка: лице́ бі́ле-бі́ле, а на що́кахъ кра́ска такъ и гра́е, на́че у молодо́і.

Не до́вго й сме́рти дожида́ла.... А при па́мьяті умира́ла па́ні, — гомоні́ла, поки душа ії свята́ не пішла́ на не́бо. Насъ усіхъ поблагослови́ла; Ва́сіньці своїму оста́вила золоти́й хре́щикъ, що сама́ на ши́і носи́ла. Усе́ спомина́ла про Ва́сю, — съ тимъ и очи заплю́щила.

Передъ па́ніною сме́ртю и панъ оду́мавсь, — ла́скавий ставъ, все седи́ть біля неі, и води́ ій пода́сть, и укри́е ії. Пла́кавъ вінъ, якъ дити́на, станови́вся на вко́лішки — проси́въ у пані, щобъ прости́ла ёму тя́жкій гріхъ ёго передъ нею. Самъ догада́вся, що ії зъ світу звівъ, — самъ уже́ ба́чить—та не ве́рне. Оце вда́ритця кулака́ми у гру́ди и упаде́ передъ па́нею....

Днівъ за два до смéрти пáнії, и панъ занедýжавъ — гарячка зробúлась. Вúдно, такъ Госпóдь давъ, що не допустúвъ ёго й попрощáтьця зъ пáнею.

XX.

Якъ умéрла пáні, зовсімъ не тей панъ ставъ. Хóдить мóвчки по будúнку, зідхáе, чáсомъ плáче; ходúвъ на могúлу кóженъ день; бувáло, якъ пійде у-рáнці, цілісенькій день и просéдить тамъ, нічóго не івши.

Дáлій панъ повеселішавъ трóхи. Гóсті почалú навертáтьця до насъ. Було, — при пáнії, — хай ій земля́ пірóмъ, — колú-не-колú на вéрнетця хто; а тепéръ úнші й днюють й ночýють. Чáсомъ назбирáетця гостéй пóвенъ двíръ, гуля́ють, пьють, пісні співáють. Забýвъ панъ свою тýгу; забýвъ пáнію покійну....

Одного разу, привозить панъ изъ гóрода якусь дівчину, та й кáже на насъ:

— Слýхайте ії: се вáша пáні.

Намъ чýдно булó якось слýхать ії: бо якъ же це вінъ такъ скоро оженúвся? Ніхтó й вíри не хотівъ нять. У насъ булá у дворі Гáнна, — дзúга такáя, що хоть щó—зáразъ розвідае; розвідала вонá що вони й невінчані.

Почалá ця пáні усімъ орýдувати, а далі й крича́ть на насъ. Не стéрпіла я якось, та й кажý ій:

— Цить, — кáжу, — бо й самá такá якъ и ми! не велúка пáні! Знáемо хто ти. Відкіль прийшлá, туди́ й пійдешъ.

Якъ напáла вонá на мéне, такъ и Гóсподи!... печé, та й печé.

— Я, — кáже на мéне,—зъ кодломъ твоімъ зведý тебé: не бýдешъ гýбу копúлить, москóвко проклáта!...

Зáразъ до пáна. Нагородúла тамъ такóго, що й неперекáжешъ.

Панъ повíрившъ ій и напáвсь на мéне. Плáкала я, плáкала та й пійшлá у нáйми. Пáвлика одвелá до старúхъ панівъ, тамъ покúнула, — а самá то у óдного, то у другóго наймáюсь. Назбирáла трóхи грóшей, усé для свогó Пáвлика...

Дáвно вже я ёго не бáчила, мóже й не побáчу більшъ; зайшлá далéко, — а тутъ и здорóвье, и літá вже не ті, що булú — лéдве нóги тягáю... А про Хрóла й чýтки немáе. Жúвъ вінъ, здоровъ вінъ — не знáю. Першъ листú славъ до мéне, а вже гóдівъ зъ пьять ні óдного не бáчила. Немá й Пáвлика бíля мéне. Самá я одинóка зостáлась. Гірко

жить у людéй, а ще гірше якъ не знаéшъ, хто моі рýки згóрне, хто очи закри́е, хто поховáе.

Лýчче бъ мáти менé малéнькою въ крини́ці втопи́ла, ніжъ такé життє ці́лий вікъ якъ моé....

Дани́ло.

Ки́ївъ.
22 Лютого 1862 року.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ ВАРІАНТЫ УКРАИНСКИХЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ПѢСЕНЪ.

VI.

Ой батьку жъ нашъ, панъ Кошовий,
Якъ поідешъ на столицю,
Попроси Царицю,
Чи не оддасть того степу
По прежню гряницю?

Ой у суботу у полудні
Москва наступила,
А въ неділю до східъ сонця
Лагері розбила.

Кинувсь Москаль по куріняхъ
Запасъ отбірати,——

Руйнували церкви й доми,
Стали брати свічі....
Оставайся жъ, панъ Отаманъ,
Съ писарями въ Січі!

Васюринський казаченько
На меду гуляе,
А ми батька Кошового
За милость благаемъ...

Хоть не станемъ зъ палашами,
Станемъ зъ кулаками:
Нехай наша слава пройде
Поміжъ козаками!

Тече річка невеличка,
Обливае кручі:
Ой заплакавъ панъ Кошовий
Відъ Цариці йдучи.

Чорна хмара наступае —
Либонь дощикъ буде:
Вже жъ нашого Запорожжя
До віку не буде!

Бо Цариця — мати наша,
На́пустъ напустила:
Славне військо Запорозьке
Та й занапастила.

(*Записана въ Кобеляцькімъ повіті Андр. Пригарою*).

VII.

Ой жалуютця хлопці,
Що насъ обіждаютъ:
Були́ дали́ зе́млю,
Та й назадъ одбера́ютъ!

Дарувавъ царь зе́млю
Одъ Дністра та до Богу,
А все гряницею
По Бендерську доро́гу.

Ой станьмо ми, миле братця,
Помолімося Богу:
Чи не дасть намъ Господь Богъ
Та щасливу доро́гу.

Ой прийшли до Дунаю
Та у голосъ гукну́ли,
Ой напьяли́ паруси́
Та й за Дунай махнули.

Ой зірнули Чорномо́рці,
Ой зірнули, зірнули,
Напьяли паруса́, напьяли паруса́
Та й за Дунай махну́ли.

Прийшли до Тураса
Та й вклонилися низько:
»Ой дай же намъ зе́млю
»Та й коло гряниці близько.«

— Якъ будете, хлопці,
Міні вірно служи́ти,
То дамъ я вамъ землю
Та по-прежнёму жити.

Дарую вамъ землю,
Ще й оби́два лимани,
Ловіть, хлопці, ри́бу
Та справляйте жупани.— —

»Ой раді бъ ми, пане,
Та и рибу ловити,
Коли́ нізя́ за Ляшками
На Вкраі́ні прожи́ти. —

(*Записавъ на Сухімъ-Ташлику, Бобринецького повіту Херсонської губ., Мих. Григ. Щербакъ*).

НА-СПОМИНЪ

(П. Пл. Чубинському).

Ой пригадай, милий брате,
На чужій чужині,
Якъ жили ми, працёвали
На рідній Вкраіні;
Якъ збиралася бідота
До твоеі хати,
Щобъ спочити після праці,
Зъ журби заспівати,
Щобъ забути на годину
Те лихо тяжкее,
Ой що сушить-вьялить серце,
Серце молодее, —
Ой що болить душа наша,
Не має спочину

Весе́лий часъ! — стояло літо
И зеленівъ той гай густий,
И красувалось тее жито
На рідній ниві золотій.
Пройшла пора — на рідномъ полі
Зелене жито одцвіло,
Одкрасувалось и до-долу
Колоссямъ повнимъ полягло;
И гай осипався — у гаю
Пожовкле листя шелестить
И въ твоій хаті, въ тому раю
Мовъ у могилі все мовчить

Ой збира́лася бі́дóта,
Гуля́ла-співа́ла
Зъ журби́, зъ ли́ха, по́ки до́ля
Лиха́я спіткáла
Тебе́, дру́же незабу́тний,
Мій кохáний бráте!
Ой не при́йде вже бі́дóта
До твоéі хáти;
Не зійдетця, не зберéтця
И не заспіва́е
Ти́ху пісню, що́ намъ се́рце
Сумне́ розважа́е.
Що́жъ робити, вірний дру́же?
Бу́демъ пра́вди жда́ти,
По́ки зъ не́ба завіта́е
До на́шоі хáти...
Су́мно, те́мно! тільки-жъ гля́не
Колúсь зъ не́ба со́нце
Въ на́шу хáту убóгую,
Въ розби́те вікóнце.

2-й день грудня 1862 р.,
у Київí.

Миколайчикъ Білокопúтий.

ЧЕРТЫ
ЮЖНОРУССКОЙ НАРОДНОЙ ИСТОРІИ.

III.

О судьбѣ народа въ западной части Южнорусской земли сохранились вообще отрывочныя и скудныя извѣстія; изъ нихъ однако видно, что въ XI и XII вѣкахъ этотъ край, пограничный къ Польшѣ и Угріи, былъ предметомъ нападеній со стороны этихъ странъ, и народъ нерѣдко подвергался бѣдствіямъ разореній. Во время борьбы Владиміра и Ярослава съ Польскими королями, Червенскіе города земли Южнорусской переходили то въ тѣ, то въ другія руки. Сцена борьбы Ярослава съ Болеславомъ по-поводу Святополка разыгрывалась на Бугѣ. Какъ этотъ фактъ отражался на судьбѣ народа, видно изъ любопытнаго разсказа, сохраненнаго у Длугоша, что въ 1025 году Ярославъ погналъ жителей края, прилегавшаго къ Червеню, въ Кіевскую землю и поселилъ ихъ на Поросьи (Порсѣ); съ другой стороны, Болеславъ мстилъ русскому народонаселенію этого же края за тяготѣніе къ Кіеву, бралъ знатнѣйшихъ людей и переселялъ ихъ въ Польшу. Судьба по-Днѣстрянскаго края и Покутья остается въ совершенной неизвѣстности. Кажется, они были независимы, ибо переселеніе жителей изъ отдаленнаго края поближе къ Кіеву показываетъ, что князья Кіевскіе мало имѣли возможности удержать въ повиновеніи себѣ такой отдаленный край. Когда Болеславъ помогъ Изяславу и возвращался изъ Кіева въ Польшу, то по дорогѣ напалъ на Червоную Русь, на берегу Сана. Изъ извѣстій, сообщаемыхъ объ этомъ событіи Длугошемъ (стр. 822, т. 3, Collect. Historiar. Pol.), не видно, чтобъ жители Червоной Руси находились тогда подъ властію Кіевскихъ князей. Кажется, что они были совсѣмъ независимы и только вслѣдствіе однона-

родности показывали тяготѣніе къ Кіевской Руси. Король Польскій хотѣлъ насильственными средствами отвратить ее отъ этого тяготѣнія и подчинить Польшѣ. Страна около Сана была уже значительно населена; жители жили въ деревняхъ, но имѣли укрѣпленные города, куда могли убѣгать вслучаѣ опасности; такихъ городовъ было нѣсколько на берегу Сана. Народъ однако былъ вообще невоинственный, мирный; Поляки легко могли его покорить, города сдавались отъ страху: нѣкоторые и рѣшались было защищаться, да скоро принуждены были къ повиновенію силою; а другіе сами поспѣшили выговорить себѣ льготы добровольною сдачею. Около Перемышля было сгущено народонаселеніе, и городъ Перемышль, главный между прочими, градъ между пригородами въ Посаньщинѣ, былъ крѣпче другихъ: туда убѣгало болѣе, чѣмъ въ другіе города, жителей. Они укрѣпили его на сколько по тогдашнему умѣли: городъ обвели глубокими рвами и земляными высокими валами, а съ одной стороны онъ прилегалъ къ рѣкѣ Сану; здѣсь эта рѣка служила естественною защитою, тѣмъ важнѣйшею, что въ то время, какъ Поляки осадили Перемышль, вода въ рѣкѣ Санѣ переполнилась отъ дождей. Поляки, какъ слѣдовало по тогдашнему образу веденія войны, стали разорять деревни, жечь хлѣбъ на поляхъ и забирать скотъ. Край былъ обиленъ и богатъ. Поляки набрали въ свой лагерь много запасовъ. Перемышль состоялъ, по общему обычаю Славянскихъ городовъ, изъ двухъ частей: замка или града и собственно города (мѣста, посада). Не только замокъ, но и послѣдняя часть была укрѣплена. Поляки овладѣли сначала частью посада, который выходилъ въ открытое поле, а потомъ, на четвертый день осады, и всѣмъ посадомъ, и осадили замокъ. Тамъ было множество народа и такъ много женщинъ съ дѣтьми, что осажденнымъ невозможно было долго прокормиться запасами, особенно послѣ того какъ все, находившееся въ городѣ досталось Полякамъ, и такимъ образомъ они принуждены были сдаться отъ голода и болѣзней. Польскій король сдѣлалъ Перемышль еще крѣпче и поставилъ тамъ польскій гарнизонъ для обладанія покоренною страною.

Этотъ разсказъ можетъ намъ указывать вообще на способъ веденія войны въ то время и на способы покоренія и подчиненія народовъ. Коль скоро городъ, владычествовавшій надъ краемъ, доставался въ чужія руки, и весь край сельскій долженъ былъ покоряться, какъ по прежней привычкѣ зависѣть отъ своего главнаго мѣста, которое владѣло городомъ, такъ равно и по физической необходимости оставаться ему въ покорности; ибо военная сила, установившись въ городѣ, всегда готова была усмирять оружіемъ всякое неудовольствіе сельскихъ жите-

лей. Въ 1073 году, Болеславъ, подъ видомъ помощи Изяславу, покушался овладѣть цѣлою страною Волынскою, но жители не имѣли добровольнаго тяготѣнія къ Польшѣ: страну Волынскую надобно было покорять. Поляки, прежде чѣмъ овладѣли крѣпкими замками, опустошали окрестныя села, сожигали жилища, жгли на поляхъ хлѣбъ, грабили и убивали скотъ, толпами гнали жителей въ плѣнъ; король дарилъ побѣжденныхъ въ неволю своимъ воинамъ. Видно, что это были тяжелыя времена для края. Народъ разорялся и терялъ свободу. Трудно было ему защищаться. Край былъ населенъ деревнями (frequentes habens vicos), городки ихъ были бревенчатые и только тѣмъ держались, что для нихъ мѣста выбирались самыя высокія. Историкъ польскій говоритъ о взятіи трехъ городовъ: Владимира, Волыня (?) и Холма. Сначала покорилъ король землю собственно Волынскую, потомъ Владимирскую. Устрашившись опустошеній, причиняемыхъ Поляками, князь Владимирскій, котораго называетъ Длугошъ Георгіемъ (или Григоріемъ, 1074), долженъ былъ признать себя данникомъ Болеслава. Длугошъ повѣствуетъ, что Всеволодъ (вѣроятно, Святославъ) вышелъ противъ него, хотѣлъ вырвать Волынскую землю изъ рукъ польскихъ, не могъ этого сдѣлать и самъ былъ разбитъ. Но край этотъ, не имѣя тяготѣнія къ Польшѣ, склонялся, напротивъ, къ Кіеву. Неизвѣстно, какъ этотъ завоеванный Поляками край опять перешелъ къ Русскимъ князьямъ. Вѣроятно, воспользовались разстроеннымъ состояніемъ Польши послѣ Болеслава. Волынь досталась опять Кіеву, но кіевскій князь сажалъ тамъ своихъ посадниковъ или другихъ подручныхъ князей. Такъ сначала владѣлъ тамъ Ярополкъ, сынъ Изяслава, а потомъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ замышляетъ измѣну противъ кіевскаго князя, сослали его. Луцкъ добровольно призналъ княземъ Владимира Мономаха. Владимиръ данъ Давиду Игоревичу, котораго отецъ тамъ княжилъ, назначенный туда отцомъ, Ярославомъ. Ярополкъ повелъ на него Поляковъ, но былъ убитъ измѣнически. Въ концѣ XI вѣка Волынскій край терпѣлъ опустошеніе отъ Половцевъ, Поляковъ и Угровъ, по поводу междоусобной войны южнорусскихъ князей вслѣдъ за ослѣпленіемъ Василька. На сторонѣ Давида былъ Бонякъ Шолудивый съ ордою; на сторонѣ Святополка — Поляки и Угры. Во Владимирѣ княжилъ сынъ Изяслава. Волынь съ тѣхъ поръ осталась навсегда въ соединеніи съ Кіевомъ; тамъ-то появлялись особые князья, то опять княземъ Владимира дѣлался Кіевскій. Такъ, на примѣръ, въ 1123 году Владимиръ отданъ Андрею, потомъ въ 1136 году Изяславу Мстиславичу. Владимиръ сталъ главнымъ городомъ Волынской земли. Случалось, что пре-

тенденты призывали Поляковъ, и тогда сельскій край страдалъ. Такъ Ярославъ Святополчичъ, внукъ Изяслава Ярославича, котораго родъ былъ въ связи съ польскимъ домомъ, привелъ Поляковъ и Угровъ; но его постигла неудача.

Во время борьбы Изяслава Мстиславича съ Ольговичами и съ Юріемъ, Волынь служила Изяславу убѣжищемъ въ случаѣ неудачи; онъ нѣсколько разъ туда убѣгалъ, прогнанный изъ Кіева, и снова ворочался, набравши силъ. Волынь осталась за сыновьями его и перешла къ внуку его, Роману, который соединилъ съ Волынскою землею, подъ однимъ управленіемъ, и Галицкую землю.

Червоная Русь, по освобожденіи отъ власти Поляковъ, начала имѣть своихъ князей Ростиславичей. Какимъ образомъ фамилія Ростиславичей тамъ явилась—неизвѣстно, но кажется, что они были призваны, ибо Червоная Русь всегда сохраняла преимущественно предъ другими полную свободу и тамошніе князья были болѣе ограничены, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, такъ какъ и въ Новгородѣ. Жители этой страны должны были терпѣть отъ междоусобій по поводу ослѣпленія Василька, но еще болѣе по поводу частыхъ войнъ съ Поляками. Такъ, Длугошъ разсказываетъ (относя это неправильно къ 1125 году), что по поводу ссоры Володаря съ Поляками, Поляки опустошили огнемъ и мечемъ Русскую землю, истребляли села и города, убивали людей. Когда Поляки взяли въ плѣнъ русскаго князя хитрымъ образомъ, по Длугошу — Ярополка, а по соображенію съ нашими лѣтописями — Володаря, съ обѣихъ сторонъ разразилась разорительная народная вражда. Галичане, врываясь въ польскіе предѣлы до Вислы, истребляли безъ состраданія людей, безъ различія возраста, пола и званія, и все сожигали. Потомъ Болеславъ Кривоустый распустилъ свое войско по Руси и началось, по словамъ лѣтописца, убійство многихъ: убивали и старыхъ и малыхъ, мучили невинныхъ, и то была ярость, а не справедливая война. Никому не давали пощады, даже не велѣно брать выкупа за жизнь непріятеля (Длуг. 953).

Когда дѣти Ростислава вымерли въ первой половинѣ XII вѣка (1141 г.) Червонорусская земля, прежде раздѣленная на удѣлы, соединилась подъ властію одного князя (Володимирка) Володаревича. Въ его политикѣ является очевидное стремленіе обособиться и не подлежать власти Кіева, хотя впрочемъ безъ совершеннаго нарушенія связи съ домомъ, владѣвшимъ Русью. Въ этомъ отношеніи, личное стремленіе князя совпадаетъ со стремленіемъ страны, сознававшей свою отдѣльность. Такое стрем-

леніе раздражило русскія области, ибо въ 1144 году изъ нѣсколькихъ земель двинулись на Галичъ ополченія съ цѣлію принудить Червоную Русь и съ нею князя ея наравнѣ съ другими областями русскаго міра признавать старѣйшинство кіевскаго князя. Кромѣ Русскихъ, участвовали въ этомъ дѣлѣ иноземцы; на сторонѣ князей были Поляки; Владиміръ призвалъ Угровъ. Тутъ открылся путь иноземцамъ на будущее время вмѣшиваться въ дѣла Червоной Руси и рѣшать ея судьбу: это повторялось современемъ много разъ. Сила была на сторонѣ русскаго ополченія, но Владиміръ зналъ, что Всеволодъ хочетъ упрочить за своимъ братомъ Кіевъ и обѣщалъ послѣднему помогать; это повело къ примиренію съ кіевскимъ княземъ: Владиміръ долженъ былъ заплатить ему 1400 гривенъ серебра — огромная сумма. Такимъ образомъ дѣло червонорусское было проиграно. Не могло это нравиться галичанамъ; во-первыхъ, плата такой большой суммы должна была лечь на страну, во-вторыхъ, Галичь со всею землею долженъ былъ признать зависимость отъ Кіева. Составилась партія противъ князя. Воспользовались случаемъ, когда Владиміръ уѣхалъ въ Тисмяницу на охоту. Охота у князей въ то время была тотъ же походъ. Недовольная партія приглашаетъ племянника Владимирова Ивана Ростиславича, изъ Звенигорода. Но согласія въ этомъ дѣлѣ не было. Сильные приверженцы оставались за Володимиркомъ. Такимъ образомъ, открылась междоусобная война: она была, какъ всегда, жестока, ибо Владиміръ долженъ былъ три недѣли осаждать Галичъ. Наконецъ городъ былъ взятъ. Владиміръ многихъ изъ своихъ противниковъ изрубилъ; другіе казнены лютою смертію. Это не слѣдуетъ приписывать личности самого Владимира, ибо онъ былъ орудіе партіи, которая имѣла его на челѣ своемъ, какъ это показывается въ послѣдующихъ его дѣйствіяхъ. Иванъ убѣжалъ въ Кіевъ. Кіевляне, со вспомогательными дружинами другихъ земель, явились снова въ Червоную Русь водворять Ивана, но въ Звенигородѣ приверженцы Владимира отдались.

При Изяславѣ Мстиславичѣ Владиміръ постоянно держалъ сторону Юрія Долгорукаго, и старался изъ этой борьбы извлечь мѣстную пользу присоединеніемъ мѣстностей. Изяславъ возбудилъ ему опасныхъ и сильныхъ враговъ въ сосѣдяхъ Уграхъ. Галичъ во всеобщей сумятицѣ успѣлъ захватить города: Тихомль, Шумскъ, Выгошевъ, Гнойницу (Ипат. 69), которые русскій князь считалъ принадлежащими къ Волыни. Но послѣ Игоря, Изяславъ одолѣлъ Юрія съ Уграми; онъ вошелъ въ Червоную Русь и пустилъ ратниковъ, т. е. разорителей, по странѣ. Тогда Володимиръ принужденъ былъ смириться и обѣщалъ возвратить захва-

ченные города, но не исполнилъ обѣщанія и не могъ его исполнить, ибо дѣло было народное; бояре галицкіе не дозволяли ему, ибо хотѣли разширить свою землю. Владиміръ умеръ внезапно и смерть его считалась признакомъ божія наказанія за клятвопреступленія. Сынъ его Ярославъ, признанный послѣ него княземъ, готовъ былъ мириться и признавалъ Изяслава сына рѣшеніе; но бояре, защищая дѣло своей земли, насильно вовлекли его въ войну. Русскіе и Волынскіе полки и Черные Клобуки вступили въ Червоную Русь къ Теребовлю. Галичане говорили своему князю: ты еси молодъ, поѣди прочь и насъ позоруй: дѣло было земли, а не князя. Галичане были разбиты и тяжело наказаны. Русскіе набрали плѣнниковъ столько, что число ихъ превышало дружину, бывшую съ Изяславомъ, и кіевскій князь приказалъ всѣхъ побить. Это не казалось безчестнымъ и ужаснымъ. Бысть плачъ по всей землѣ галицкой, говоритъ лѣтописецъ. Неизвѣстно, въ чьей власти оставались послѣ того города спорные. Княженіе Ярослава оспаривалъ претендентъ его, двоюродный братъ Иванъ Берладникъ; русскіе князья помогали ему, иногда употребляя его какъ пугало противъ Ярослава. Князь Юрій Долгорукій, которому нужна была помощь Галичанъ, хотѣлъ было выдать этого изгнанника, но митрополитъ уговорилъ не дѣлать этого. Изяслáвъ Давидовичъ принялъ его сторону, получивши кіевскій столъ. Была и въ самой Червоной Руси партія недовольная Ярославомъ и готовая пристать къ противнику. Когда Изяславъ Давидовичъ въ 1159 году собирался противъ Галича и приглашалъ къ союзу Черниговскихъ князей, изъ Галича одна партія прислала тайно къ нему грамоту, извѣщая, что есть люди недовольные Ярославомъ и готовые пристать къ Ивану. Но большая часть галичанъ оставалась вѣрна Ярославу; галичане соединились съ волынцами и успѣшно содѣйствовала изгнанію изъ Кіева самого Изяслава. Когда Андрей, князь Владиміра Залѣсскаго, сталъ возвышаться и явно оказывать стремленіе къ гегемоніи надъ князьями, галицкая политика измѣнилась и уже не придерживалась сына Юрьева такъ, какъ нѣкогда отца, а напротивъ галичане являются на сторонѣ Изяслава Изяславича, оспаривавшаго Кіевъ у суздальскаго князя съ волынцами. Кажется, что галичане играли въ этихъ послѣднихъ междоусобіяхъ второстепенную роль, но тогда мѣстный характеръ ихъ сталъ обозначаться. Галичъ примыкаетъ тѣснѣе къ кругу Южной Руси; до тѣхъ поръ, не желая подлежать Кіеву, червонорусскі примыкали къ отдаленной суздальской сторонѣ; но когда въ суздальской землѣ явилось поползновеніе на подчиненіе всей Южной Руси и въ томъ числѣ Червоной, Галичъ уже дѣйствуетъ за-одно съ Кіе-

вомъ и Волынью. Какъ дѣло касалось предпріятія, имѣвшаго цѣлію интересъ всей южнорусской земли,—Галичъ посылалъ свою помощь. Такъ когда въ 1166 году кіевляне, полѣсчане и волынцы со своими князьями выходили изъ Канева для обереганія торговаго пути купцевъ изъ Греціи (дондеже взыде Гречининъ и залозникъ, Ип. л. 94), — и галицкая помощь находилась съ другими ополченіями южнорусскихъ земель.

Волынь разбилась тогда на многія мелкія владѣнія; былъ свой князь въ Луцкѣ, были свои князья въ Бужскѣ, въ Дубровицѣ, Пересопницѣ. Одни княжества возникали, другіе исчезали, не оставляя большого вліянія на народную жизнь, не измѣняя ея теченія. Но при раздробленіи волынской и польской земель рѣзко выдавалось единство Червоной Руси и при большемъ паденіи Кіева политическое значеніе Галича выказалось силою обстоятельствъ даже безъ задуманнаго плана.

Галичъ получилъ значеніе старѣйшаго города, и князь галицкій, какъ будто силою обстоятельствъ, самъ доходилъ къ достоинству старѣйшаго князя. Пѣвецъ Игоревъ, современникъ, такъ характеризовалъ Ярослава: Галицкы осмомысле Ярославле! высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ; подпеpъ горы угорскыи своими желѣзными плъкы, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча времены чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грады твоя по землямъ текутъ, отворяеши Кіеву врата, стрѣляеши съ отня злата стола за землями.« Ясно изъ этого, что современники считали могущественнымъ галицкаго князя. Галицкая земля, то есть принадлежавшая Галичу, была обширна и заключала въ себѣ плодородныя пространства по Днѣстру, Сану и Пруту до горъ. Дунайское устье было въ рукахъ Галича. Вѣроятно, Бессарабія и берега Черноморскіе принадлежали ему, ибо уже было свободное плаваніе съ Дуная и Днѣстра по морю и въѣздъ въ Днѣпровское устье. Было много условій зажиточности обитателей. Почва Червоной Руси способна для земледѣлія и скотоводства; рѣки, въ то время судоходныя, вели къ сообщенію съ Дунаемъ и моремъ. Это способствовало торговли съ Югомъ. Кромѣ хлѣба, скота и кожъ, которые отпускала Червоная Русь, важнѣйшимъ туземнымъ продуктомъ была соль изъ Бакуты. На Черномъ морѣ у галичанъ была пристань Олешье при устьѣ Днѣстра; тамъ образовался складъ для торговли съ югомъ; оттуда товары шли по Днѣстру и снабжали города, густо лежавшіе рядомъ одинъ за другимъ вдоль этой рѣки. Но положеніе галицкой земли въ отношеніи политической самостоятельности было очень опасно: двое сосѣдей каждочасно готовы были наложить руки на Червоную Русь, — Поляки, уже издавна то овладѣвавшіе

ею, то терявшіе ее, и Угры. Быть можетъ эти обстоятельства сближали Галичъ съ греческимъ міромъ; такъ одному царевичу греческому дали въ управленіе нѣсколько городовъ Червонорусской земли.

Очевидно, что для поддержанія самобытности, Галицкая Русь должна была вступить въ болѣе тѣсное единство съ остальною южной Русью, чтобъ взаимными силами охранить себя. Теченіе обстоятельствъ вело къ этой связи. Жизнь народная подвергалась опасности наравнѣ съ политическою самобытностію. Галицкая земля при первой возможности должна была стать мѣстомъ столкновенія нѣсколькихъ враждебныхъ силъ, театромъ войны, а тогда плохо было жителямъ того края, куда сойдутся драться между собою народы. Единовластный принципъ былъ тогда чрезвычайно слабъ. Князь галицкій былъ совершенно княземъ по старославянской идеѣ. Завоеваніе, какъ видно, коснулось слишкомъ мало и непрочно Хорватовъ. Князья, правившіе Галичемъ, были избираемы и зависѣли отъ вѣча; полчища кочевыхъ ордъ были отъ него далѣе, чѣмъ отъ Кіева; смѣшеніе съ тюркскими племенами и въ десятую долю не доходило до той степени какъ въ Кіевѣ; народность оставалась болѣе ненарушенною. Отъ этого и древнія начала свободы удержались тамъ долѣе и развивались по славянскому образцу, съ славянскими достоинствами и пороками. Какъ ни скудны наши лѣтописи подробностями внутреннихъ причинъ, какъ ни часто ставятъ на челѣ разсказа одни лица, не показывая — на чемъ держалась матеріальная сила этихъ лицъ, но и изъ такихъ извѣстій можно видѣть, что понятіе о князѣ въ Червоной Руси никакъ не доходило даже до первыхъ признаковъ царственнаго значенія и ограничивалось значеніемъ его какъ предводителя войска и правителя, совершенно зависящаго отъ вѣча. Галичане были судьями дѣйствій своего князя, какъ политическихъ, такъ и домашнихъ. Прежде было сказано, какъ по смерти Володимирка, Ярославъ хотѣлъ мириться съ Изяславомъ Мстиславичемъ и готовъ былъ исполнить клятву, данную отцомъ, но Галичане не дозволили ему отдавать захваченныхъ городовъ. Ярославъ былъ зависимъ и въ семейныхъ дѣлахъ. Онъ поссорился съ женою и взялъ себѣ любовницу и прижилъ отъ послѣдней сына Олега. Княгиня съ державшими ея сторону боярами убѣжала съ сыномъ въ Польшу. Галичане лишили своего князя свободы, перебили его пріятелей и сожгли любовницу, воротили княгиню и привели князя своего къ кресту, *яко ему имѣти княгиню въ правду*. Черезъ два года снова убѣжалъ сынъ Ярослава въ Луцкъ; на этотъ разъ Ярославъ нанялъ Ляховъ за 3,000 гривенъ серебра и принудилъ луцкаго князя отпустить отъ себя немилаго сына Ярославова. Вотъ и здѣсь, какъ уже ви-

дѣли мы въ Кіевѣ, сосѣдство чужеземцевъ и возможность приводить иноземные полки могли доставлять князьямъ возможность дѣйствовать по своимъ видамъ вопреки народному желанію. Видно, что въ Галичѣ Яр. мало могъ найти приверженцевъ, когда обратился къ иноземной помощи. Безъ сомнѣнія, это вмѣшательство чужеземныхъ полковъ, приводимыхъ княземъ, должно быть одним изъ элементовъ разрушительно дѣйствовавшихъ на единство и саморазвитіе народнаго духа. Сынъ Ярославовъ, преслѣдуемый отцемъ, переходилъ отъ князя къ князю и дѣлался ихъ игрушкою, такъ что они одинъ другому уступали его и готовы были выдать его отцу, когда нуждались въ союзѣ съ нимъ, пока наконецъ сѣверскій князь Игорь примирилъ его съ отцомъ. Въ 1187 году, Ярославъ, умирая, просилъ Галичанъ утвердить его распоряженіе о назначеніи Галича Олегу, меньшему сыну, а старшему Перемышля. Галичане не хотѣли раздражать старика; хотя быть можетъ находилось тогда мало соглашавшихся на его распоряженіе, они уступили, но по смерти Ярослава, Олега выгнали и посадили Владиміра. Черезъ годъ Владиміра, за пьянство и развратное поведеніе, выгнали и призвали Романа Волынскаго. Володиміръ ушелъ въ Угры, но король угорскій вмѣсто того, чтобъ помогать ему, засадилъ его въ башню, а въ Галичѣ посадилъ своего сына. Романъ принужденъ былъ бѣжать съ толпою Галичанъ.

Такъ Червоная Русь подпала подъ власть иноплеменниковъ. Состояніе народа въ это время выказывается изъ словъ польскаго лѣтописца: Угры перебили много Галичанъ, противныхъ новому порядку, роздали имѣнія и должности своимъ, отстраняя Галичанъ, Галичане вездѣ были угнетены, порабощены, унижены (Dlug. h. VI). Владиміръ, убѣжавши изъ башни и скитаясь въ Германіи, пришелъ наконецъ въ отечество и съ шайкой удальцовъ дѣлалъ разоренія въ предѣлахъ Червоной Руси и въ Польшѣ. Эта разбойничья шайка насиловала дѣвицъ и женщинъ, не щадила маленькихъ дѣтей, убивала священниковъ въ священныхъ одеждахъ во время богослуженія (Cadlub. гл. 1). Лѣтопись русская говоритъ: *у мужій Галичкыхъ почаша отъимати жены и дщери на постель къ собѣ, и въ божницахъ почаша кони ставляти.* (Ип. 138). Между тѣмъ въ Галичѣ образовалась партія, находившая себѣ выгоду въ иноземномъ владычествѣ. Явилась другая, призывавшая сына Берладникова, Ростислава. Король, чтобъ держать тверже свою власть, отвелъ въ Угрію родственниковъ знатнѣйшихъ фамилій, и они теперь должны были по неволѣ стоять за него. Партія болѣе смѣлая, хотѣвшая, при помощи Иванова сына, освободиться отъ чуждаго ига, привела из-

гнанника; но такъ-какъ Угровъ было много, то отъ Ивана отступили; брошенный, онъ былъ взятъ въ плѣнъ и Угры приложили смертное зелiе къ его ранамъ. Наконецъ, при посредствѣ Нѣмецкáго императора, главнѣе для того, чтобъ не дать утвердиться Угорскому могуществу, Казимиръ принялъ сторону изгнанника и воевода его Василiй съ полками повелъ Владимира на Галичъ. Иноземное владычество слишкомъ показалось несноснымъ, и потому не удивительно, если къ Владимиру явилось много помощниковъ въ Галицкой землѣ. И это облегчило ему водвориться на столѣ Галицкомъ. Королевичъ долженъ былъ удалиться, и Галичане увидѣли, что имъ трудно отдѣлаться отъ притязаній иноземныхъ войскъ, если онѣ уже одинъ разъ объявились; надобно было искать сильной опоры, и Галичъ долженъ былъ повидимому начать измѣнять прежнее свое направленiе — удержать самобытность, и войти въ тѣснѣйшую связь съ Русскимъ міромъ. До сихъ поръ Галичане при Ярославѣ были противниками Суздальскихъ князей; теперь Владиміръ послалъ ко Всеволоду искать покровительства и признавалъ его старѣйшинство. Романъ, разъ уже призванный на княженiе, непріязненно смотрѣлъ на Владиміра, и когда поссорился съ Рюрикомъ, то Владиміръ съ Галичанами своей партiи опустошилъ принадлежавшiя Волынскому князю земли около Перемышля.

Наконецъ умеръ Владиміръ. Тогда Романъ, оказавшiй большiя благодѣянiя Казимиру Польскому, (ибо возстановилъ его на престолѣ, котораго послѣдній было лишился, когда доставилъ Владимиру власть въ Галичѣ) сдѣлался Галицкимъ княземъ при помощи Казимира. Противъ него была до того озлобленная партiя, что просила Польскаго короля присоединить лучше Галичъ къ Польшѣ, и такимъ образомъ рѣшалась лучше потерять независимость, чѣмъ имѣть такого князя. Это были недоброжелатели Романа. Казимиръ слишкомъ много обязанъ былъ Роману, чтобъ согласиться на выгодное предложенiе, и притомъ его дѣлала одна только партiя; была и другая противная и сильнѣйшая. Романъ, сдѣлавшись княземъ, по извѣстiямъ польскимъ, дѣлалъ варварства надъ Галицкими боярами: онъ ихъ зарывалъ живыми въземлю, разносилъ по членамъ, съ живыхъ сдиралъ кожу, разстрѣливалъ стрѣлами, сожигалъ огнемъ. Многихъ нельзя было умертвить явно; Романъ ласково заманивалъ ихъ къ себѣ, угощалъ, ласкалъ, и когда они были спокойны и бéзбоязненны, давалъ знакъ, являлись слуги, и гости подвергались неописаннымъ мученiямъ (Bogucli. 130). Надобно прежде убить пчелъ, чтобъ медъ ѣсть, говорилъ онъ. Ему хотѣлось истребить знатнѣйшiя фамилiи въ Галичѣ. Это

польское извѣстіе если справедливо, то во всякомъ случаѣ показываетъ, что дѣло было не Романовой личности, а Романовой партіи. Романъ не могъ дѣлать такихъ жестокостей, еслибъ не опирался на чемъ-нибудь. Онъ не могъ опираться на безмысленномъ повиновеніи, потому что достоинство князя не могло еще усвоить такого значенія, чтобъ народъ безропотно оправдывалъ все, что только вздумаетъ князь. Онъ не опирался на чуждую власть, ибо не побоялся вскорѣ нарушить союзъ свой съ Поляками, слѣдовательно, онъ, дозволяя себѣ жестокости, долженъ былъ опираться на сильную партію, которая чрезъ посредство князя удовлетворяла своимъ враждебнымъ отношеніямъ къ противнымъ партіямъ. По крайней мѣрѣ у Романа должна была быть сильная партія: это показываетъ уже то, что по смерти его она сгруппировалась около его вдовы и малолѣтныхъ его сыновей. Въ 1201 году Романъ былъ убитъ въ сраженіи съ Поляками, съ которыми поссорился, не смотря на прежнюю тѣсную дружбу и взаимныя услуги. Тогда въ Галичѣ открылось раздолье страстямъ и произошло запутанное столкновеніе и своихъ, внутреннихъ, и внѣшнихъ стремленій.

Развитіе народной свободы необходимо должно было произвести возвышеніе однихъ предъ другими и образованіе сильнаго класса. Власть и сила находилась въ рукахъ бояръ. Бояре Галицкіе не составляли, въ строгомъ смыслѣ слова, аристократію, замкнутое сословіе, совокупность фамилій съ наслѣдственными предразсудками и наслѣдственнымъ сознаніемъ фамильныхъ правъ. Подъ именемъ бояръ, какъ и вообще въ Русскомъ мірѣ, въ Галичѣ еще болѣе, разумѣлись люди богатые, владѣльцы земель; теченіемъ обстоятельствъ, умѣньемъ ими пользоваться для своего возвышенія, пріобрѣли они силу и вліяніе, и также легко возвышались, какъ и упадали. Есть примѣръ, что въ числѣ такихъ сильныхъ земли Галицкой были сыновья поповъ и простыхъ мужиковъ, смердовъ. *Доброславъ же вокняжилъся бь и Судьичь поповъ внукъ*; о другихъ: *пріидоста Лазарь Домажьричь и Иворъ Молибожичь, два беззаконьника отъ племени смердья, и поклонистася ему до земль; Якову же удивившуся и прашавшу вины, про что поклонистася, Доброславу же рекшу: вдахъ има Коломыю* (Ип. л. 179) Они возвышались пользуясь смутными обстоятельствами. Благодаря безпрестаннымъ смутамъ усилился въ Червоной Руси боярскій элементъ, особенно во время смутъ происходившихъ послѣ смерти Романа. Каждый претендентъ старался набрать себѣ союзниковъ и раздавалъ пособникамъ, принявшимъ его сторону, города *(и прія*

(Данило) *землю Галичскую и розда городы бояромъ и воеводамъ, и бѣіаше корма у нихъ много.* Ип. лѣт. 173) Такой счастливецъ возводилъ свою родню и пріятелей и служившихъ ему, и составлялъ около себя *чадь.* Они владѣли землями управляли городами. Народъ страдалъ отъ ихъ произвола. Доброславъ, *вшедъ въ Бакоту, все Понизье прія безъ княжа повельнія*; *Гри-горьи же Васильевичъ собѣ Горную страну Перемышльскую мышляше одержати, и бысть мятежь великъ въ земль и грабежь отъ нихъ* (Ип. л. 179). *Послаху исписати грабительство нечестивыхъ бояръ* (ibid). Они между собой враждовали; каждый возвышался на счетъ другого, и каждый хотѣлъ оторвать у другого достояніе, чтобъ улучшить свое. Этою-то враждебностію, какъ замѣчено выше, объясняются тиранства князей Владиміра и Романа надъ своими противниками; партія, съ своей стороны, хотѣла утвердиться подъ знаменемъ своего князя, а потому и поджигала его на уничтоженіе противниковъ. Хотя стеченіе обстоятельствъ во многомъ благопріятствовало тому, чтобъ Галичъ сдѣлался центромъ соединенія Южной Руси, но этому препятствовалъ также духъ жителей, подъ тѣми же обстоятельствами развившійся необузданнымъ стремленіемъ лицъ къ возвышенію какими бы то ни было путями. У Галичанъ притомъ развилось удалое уваженіе къ воинской доблести, какъ это видно изъ многихъ мѣстъ Волынской лѣтописи. Храбрость личная была добродѣтель и являлась въ ореолѣ поэзіи. Успѣхъ храбреца дѣлался его оправданіемъ. Бояре, становясь на общественную ступень, усвоивавшую за ними это названіе, не думали объ общемъ дѣлѣ, и потому находилось много такихъ, что приставали къ Уграмъ и возбуждали ихъ на отечество, — другіе наводили Поляковъ, третьи—такого-то и такого-то князя, и выигравшая сторона возносила этихъ князей. Когда они замѣчали, что князь не проченъ, то спѣшили приставать къ другой партіи и часто случалось, чтобъ заранѣе упрочить себя, подвигали враговъ на тѣхъ, которыхъ сами призвали. Естественно, значеніе князя упадало болѣе и болѣе: князь не окружался никакимъ аттрибутомъ могущества; онъ постоянно дѣйствовалъ по указанію бояръ (совѣтомъ) и какъ бояре жили между собою въ несогласіи, то безпрестанно попадали впросакъ; надобно было угодить однимъ — значитъ — приходилось раздражить другихъ. Какъ обращались съ князьями, можно видѣть изъ того, что *Данилу въ пиру веселящуся одинъ отъ тѣхъ безбожныхъ бояръ лице зали ему чашею* (Ипат. л. 171). Романъ, видно, не успѣлъ перемучить всѣхъ своихъ противниковъ; можетъ быть изъ его благопріятелей

стали противники,—только жена его съ дѣтьми должна была удалиться. Призвали дѣтей Игоря Сѣверскаго и посадили одного въ Галичѣ, а другого въ Звенигородѣ. Заправлялъ этимъ призваніемъ Володиславъ, конечно думавшій воспользоваться новыми князьями для себя. Потомъ выгнали вдову Романа изъ Владимира. Тамъ посадили третьяго Игоревича, котораго перевели въ Перемышль. Скоро однако призванные князья совершенно закружились въ этомъ омутѣ; бояре поджигали ихъ однихъ на другихъ; одни старались вооружить князей на другихъ бояръ, другіе сносились съ Уграми, третьи съ Поляками, четвертые хотѣли жить независимо. Между тѣмъ, съ Игоревичами пришли и свои мужи и, конечно, отчасти при ихъ содѣйствіи, съ помощію нѣкоторыхъ бояръ, мстившихъ своимъ братьямъ, съ которыми были во враждѣ, Игоревичи составили заговоръ и стали убивать *величавихъ бояръ*. Въ лѣтописи число убитыхъ выставлено до 500; но это быть можетъ позднѣйшая вставка, ибо въ нѣкоторыхъ спискахъ оно пропущено и вообще это число слишкомъ велико для числа однихъ знатныхъ (величавыхъ) особъ по преимуществу. Но главные коноводы боярскіе ушли въ Угрію; на челѣ ихъ былъ Володиславъ. Когда они съ помощію подступили къ Перемышлю и приглашали жителей сдаться и выдать Игоревича Святослава, то говорили: *братья, почто смущаетеся? не сіи ли избиша отци ваши и братью вашю, а инѣи имѣніе ваше разграбиша и дщери ваша даша за рабы ваша, а отьчествіи вашими владѣша иніи пришельци?* (Ипат. л. 158.) Это мѣсто, характеризуя способъ насилія того времени, указываетъ, что съ Игоревичами прибыли Сѣверцы и они-то поставили себя въ положеніе иноземцевъ къ Галичанамъ. Не только Угры были тогда вызваны боярами. Когда Володиславъ съ братіею бѣжали въ Угры, другіе ушли къ Полякамъ и призывали ихъ на помощь, третьи — въ Бѣлзъ, гдѣ княжилъ удѣльный князь Всеволодъ, четвертые въ Пересопницу на Волынь. Игоревичи съ своей стороны закликали Половцевъ. Такимъ образомъ въ Червоной Руси явились разорительныя полчища иноземцевъ. Можно представить себѣ, какъ тяжело для массы народа должна была отзываться эта трагедія. Дѣло Игоревичей было проиграно, не смотря на Половцевъ; князья были взяты въ плѣнъ. Бояре Володимирскіе и Галичскіе—на челѣ первыхъ Вячеславъ, на челѣ другихъ Володиславъ—рѣшились наконецъ признать себѣ княземъ Данила, сына Романова, тогда бывшаго еще дитятею. Его посадили на столѣ въ церкви Богородицы, въ Галичѣ. А трое изъ Игоревичей,—Романъ, Святославъ и Ростиславъ, взятые въ плѣнъ Уграми,—были вы-

прошены галичанами на свой судъ и повѣшены. Фактъ оригинальный, показывающій, что въ Червоной Руси родъ князей не считался уже выше обыкновенныхъ родовъ и жизнь ихъ подлежала общему суду народному. Значеніе Рюрикова рода видимо упало. Галичъ не считалъ уже ничьего права княжить у себя не только за тою или другою вѣтвію князей, но и вообще за Рюриковымъ родомъ. Скоро Володиславъ подобралъ себѣ партію, и выгналъ Данила съ матерью, а Володиславъ захватилъ правленіе и сталъ *княжитися*. (1208—1209). Угорскій король поспѣшилъ воспользоваться новымъ порядкомъ и обобралъ Володислава и его пріятелей, съ которыми непремѣнно долженъ былъ Володиславъ раздѣлить свою власть, такъ что товарищъ его, Судиславъ, весь въ *злато премѣнися*, т. е. откупался отъ венгерскаго короля. Володиславъ торжественно *сѣде на столѣ*. Такимъ образомъ княжеское достоинство выступило изъ Рюрикова рода; этимъ, казалось, удѣльный укладъ начиналъ новый поворотъ и онъ возникалъ прежде всего въ Галичѣ; тамъ подавали примѣръ; тамъ стали князей казнить смертью, не обращая вниманія на ихъ княжеское достоинство; тамъ стали признавать князьями особъ не отъ Рюрикова рода. Почти можно по этому предвидѣть, какъ бы разыгралась исторія удѣльнаго уклада безъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя способствовали единовластію. Русь возвратилась бы къ порядку, существовавшему до призванія Варяговъ, то есть у разныхъ народовъ въ разныхъ земляхъ были бы свои князья, свои вѣча, не связанныя уже единствомъ княжескаго рода.

Но это новое явленіе, возникновеніе новыхъ родовъ на мѣсто единаго княжескаго, уже въ теченіе вѣковъ освятившаго древностію свое званіе въ глазахъ народа, встрѣчено было сосѣдними князьями и Поляками не отрадно. Напали Поляки; ихъ тяжкія посѣщенія были такъ непріятны, что народъ готовъ былъ повиноваться скорѣй Володиславу, чѣмъ иноземцамъ. Наконецъ, послѣ непродолжительныхъ сумятицъ, земля Галицкая подпала подъ власть иноплеменниковъ. Лестько Польскій передѣлилъ ее съ Уграми. *Не есть льпо боярину княжити въ Галичѣ* (Ип. сп. 160.)—говорилъ онъ, —но поими дщерь мою за сына своего Коломана и посади въ Галичи. И такъ Галичъ достался Уграмъ. Въ немъ посаженъ Коломанъ, а Перемышль достался Лестьку. Но явился внезапно удалой Мстиславъ, борецъ правды удѣльнаго уклада, охранникъ Новгородской свободы. Мстиславъ отдалъ за Данилу свою дочь, сначала не успѣлъ противъ Угровъ и Поляковъ, а потомъ привелъ Половцевъ и выгналъ иноплеменниковъ. Воевода Угорскій Филъ, называемый въ нашей

лѣтописи Филя Прегордый,—говорившій поговорку: единъ камень—много горнцевъ погибаетъ, — былъ взятъ въ плѣнъ. Мстиславъ сдѣлался княземъ Галицкимъ. Но не утишилась Земля. Александръ, князь Бѣльзкій, не ладилъ съ Даниломъ, княжившимъ во Владимирѣ; народъ въ Бѣльзской землѣ пилъ тогда горькую чашу: поплѣнена бысть около Бѣлиза и около Червена Даниломъ и Василькомъ и вся земля поплѣнена бысть; бояринъ боярина плѣнивша, смердъ смерда, градъ града, якоже не остатися ни единой веси неплѣненѣ (Ип. сп. 163.) Потомъ чрезъ два года Александръ Бѣльзскій настроилъ Мстнслава Удалого противъ зятя Данила. Послѣдній призвалъ Поляковъ на помощь: *Даниду же князю воевавшу съ Ляхи землю Галичькую и около Любачева, и плѣни всю землю Бѣльзескую и Червеньскую даже до осшавшихъ Василку же князю многы плѣны пріемшю стада коньска и кобылья* (Ип. Сп. 165). Князья вскорѣ помирились; о послѣдствіяхъ, какія имѣлъ народъ отъ этого мимошедшаго облака между тестемъ и зятемъ никто недумалъ? Отважный, прямой характеръ Мстислава Удалого никакъ не могъ сладить съ ложными извилистыми кознями бояръ: одни ему совѣтовали то, другіе иное, онъ не имѣлъ рѣшимости Романа и одного изъ своихъ враговъ только изгналъ. По совѣту бояръ, онъ отдалъ дочь за Угорскаго королевича, управлявшаго Понизьемъ, и самъ долженъ былъ удалиться изъ Галича. Бояре не захотѣли его; нашлась партія, предавшая отечество снова Уграмъ, потому что надѣялась возвыситься.

Время 1226—1237 было запутанное для Южной Руси. Князья шли одинъ на другого, ссорились, мирились, опять ссорились. Данило стремился къ покоренію себѣ всей Волыни; кромѣ Владиміра, Луцка, Черностава, уже Пересопницы и Берестье тогда были въ его рукахъ, пошли на него Кіевляне, Черниговцы, Сѣверцы, Туровцы, Пиняне, приглашены Половцы. Данило успѣлъ разрушить этотъ союзъ противъ себя, оказалъ услугу Польскому князю Конрату и въ 1229 г. покусился опять на Галичъ. Партія, недовольная Уграми, приглашала его; это были враги Судислава, сильнѣйшаго изъ бояръ, который правилъ тогда съ своими клевретами всею Галицкою землею отъ имени королевича. Эта партія призвала Данила. Домъ Судислава и все имущество было расхищено. Таковъ былъ обычай: имущество тѣхъ, кто навлекъ на себя месть или кару народную, предавалось разграбленію. Самъ Судиславъ въ виду народа бѣжалъ съ королевичемъ; въ него кидали каменьями и кричали: »изыди изъ града мятежниче земли«. Данило отпустилъ безъ преслѣдованія королевича, помня прежнюю дружбу съ отцемъ его. Лишившись всего,

сверженный съ своего величія, Судиславъ побудилъ короля Бѣлу явиться въ Русь въ силѣ тяжцѣ. Но Богъ послалъ на него архангела Михаила, который отворилъ небесныя хляби: угорскія лошади тонули, грязли и падали. Угры подступили къ Галичу. Но у Данила были Половцы Бѣгбарсовы. Днѣстръ разлился и сыгралъ »игру злу« Уграмъ, такъ что Уграмъ было плохо и запасы у нихъ погнили; они умирали съ голода. Удалилась Угорска рать. Но на слѣдующій годъ (1230) партія бояръ, враждующая съ Даниломъ, составила заговоръ умертвить Данила и Василька и возвести на столъ князя Бѣльзскаго, Александра, ихъ двоюроднаго брата. Одинъ изъ бояръ, Филиппъ, устроилъ пиръ въ Вишнѣ и звалъ туда князей братьевъ съ этой коварной цѣлію. Но тысячскій Демьянъ предупредилъ ихъ. Князья ополчились на Александра; Александръ призвалъ Угровъ. Данило опять лишился Галича. Въ 1234 г. одинъ изъ бояръ, придерживавшійся партіи Угорской, бывшій у короля воеводою, по имени Глѣбъ Зеремѣевичъ, перешелъ на сторону Данила. Королевичь, Судиславъ и тысячскій Дьянишъ съ королевскою партіею заперлись въ Галичѣ. Когда Данило подошелъ къ Галичу, королевичь умеръ и Данило овладѣлъ Галичемъ; но князь Луцкій Володиміръ пригласилъ его воевать противъ Черниговскихъ князей. Галичане опустошили землю Черниговскую съ Даниломъ; народъ терпѣлъ за князей своихъ, но Галичанамъ заплатили тѣмъ же. Когда Василько, братъ Даниловъ, оставался въ Галичѣ, бояре составили заговоръ противъ него и Данила и пригласили Михаила Черниговскаго. Очевидно, что такъ поступали потому, что надѣялись возвыситься съ помощію новыхъ князей. Съ ними были въ союзѣ Болоховскіе князья; это, вѣроятно, были особы не Рюрикова рода, но бояре, сдѣлавшіеся владѣтелями. Данило счастливо привелъ Торковъ и разбилъ ихъ. Болоховскіе князья были схвачены и приведены плѣнными во Владиміръ. Однако новая Михаилова партія, посадивши у себя Михаила въ Галичѣ, заключила въ тоже время союзъ съ Конрадомъ польскимъ и призвала Половцевъ, для новыхъ разореній. Данило до поры до времени долженъ былъ уступить и удовольствовался тѣмъ, что Михаилъ и сынъ его Ростиславъ отдали ему Перемышльскую землю въ управленіе. На сторонѣ Михаила были Поляки; но Данило отстранилъ польское союзничество съ Михаиломъ тѣмъ, что поднялъ на Конрада Литву; Михаилъ отнялъ у Данила уступленный Перемышль, а самъ отправился въ Кіевъ, а въ Галичѣ оставался сынъ его Ростиславъ. Тогда Даніилъ заключилъ союзъ съ Уграми, прежними своими давними врагами. Данило подступилъ къ городу Га-

личу. Галичанамъ надоѣли смуты и безпрерывные перемѣны власти. Они собрались на вѣче и избрали Данила княземъ. Епископъ Артемій и дворскій Григорій стали было противиться, но увидѣли, что всѣ желаютъ Данила и сами отправились къ нему съ поклономъ.

Данило объявилъ противникамъ своимъ примиреніе и не сталъ никого преслѣдовать. Прежніе князья, да и самъ Данило, едва ли могли бы рѣшиться не послѣдовать здѣсь голосу своей партіи, а всякая партія всегда требовала мести, ибо цѣль ея была занять мѣсто тѣхъ, которые ей враждовали. Но на этотъ разъ не партія, а большинство народа было на сторонѣ Данила.

Время княженія Данила не могло благопріятствовать спокойному теченію народной жизни, не смотря на внѣшній признакъ политической цѣлостности всей Южной Руси. Въ 1240 году пронеслась опустошительная буря Татаро-монгольскаго нашествія. Послѣ взятія Кіева, разрушительное полчище двинулось на Колодежный. То былъ первый городъ западнаго края Южно-руской земли павшій въ руки завоевателей. Жители сначала храбро защищались, но завоеватели предложили имъ сдаться, обѣщая пощаду. Рускіе видѣли, что отъ такого полчища нельзя отдѣлаться легко, и послушались; Татары всѣхъ перебили: таковъ у нихъ былъ обычай — обманывать и истреблять врага всѣми средствами. Взятъ былъ Каменецъ, взятъ Изяславль, взятъ былъ Володимиръ Волынскій, взятъ наконецъ и Галичъ. Современникъ не распространяется въ подробностяхъ взятія городовъ, но городовъ этихъ было много, *имже нѣсть числа*, а о судьбѣ жителей лѣтописецъ повѣствуетъ очень кратко, но довольно выразительно и понятно: *изби и, не щадя*. Впрочемъ города кажется не были сожжены и вообще бѣдствіе, постигшее жителей Червоной Руси, захватило меньшую массу народонаселенія, чѣмъ въ иныхъ земляхъ Руси, потому что тысячскій Даниловъ, Димитрій, подружившійся съ Татарами въ Кіевѣ, побуждалъ ихъ скорѣе выходить въ Угрію, предупреждая Батыя, что въ случаѣ промедленія Угры успѣютъ собраться съ силами и дадутъ отпоръ: *Земля та есть сильна, сберутся на тя и не пустять тебе въ землю свою* (Ип. л. 178). Народъ оставлялъ свои домы и прятался въ лѣсахъ и горахъ. Самъ Данило убѣжалъ въ Польшу и переждалъ Татарское прохожденіе въ Судомирѣ. Между тѣмъ, пока Татаре были въ Угріи, Ростиславъ, сынъ Черниговскаго князя, сдѣлался орудіемъ противной Данилу партіи; около него собралась группа искателей, думавшихъ, по обычаю, возвыситься при всякой перемѣнѣ; союзниками его были и Бологовскіе князья, уже

выпущенные Даниломъ изъ плѣна. Лѣтописецъ намекаетъ, что они попадались (вѣроятно послѣ того, какъ были плѣнены Даниломъ) въ плѣнъ Полякамъ, но Данило и Василько освободили ихъ. Эти князья тяготились претензіями, какія оказывалъ на нихъ князь Червоной Руси и потому приняли Татарское нашествіе за удобный случай утвердить свою независимость. Прежде чѣмъ Татары, изъ любви къ разрушенію, стали разорять ихъ земли, князья эти послали къ Батыю согласіе быть покорными и служить ему. И Батый оставилъ въ покоѣ ихъ землю съ тѣмъ, чтобъ владѣльцы ея орали и сѣяли пшеницу и просо для продовольствія Татаръ, которые предполагали утвердить свои колоніи въ разоренной странѣ. Эти-то Болговскіе князья стали съ Ростиславомъ. Сторону его приняли также другіе сильные владѣтели, бояре, или имѣвшіе свои земли въ Червоной Руси, или получавшіе въ управленіе города и смотрѣвшіе на управляемые ими края какъ на свою собственность. Ростиславъ около семи лѣтъ боролся съ Даниломъ, но постоянно успѣхъ оставался на сторонѣ послѣдняго, хотя за Ростислава были и Угры и Ляхи. Наконецъ, въ 1249 г. Данило окончательно побѣдилъ Ростислава, въ кровопролитной битвѣ на р. Санѣ разбивъ помогавшихъ ему Угровъ и убивъ угорскаго бана Фила (прегордаго); Ростиславъ бѣжалъ, и не возвращался болѣе, получивъ удѣльное княжество въ Мачвѣ, на берегахъ Савы. Раздражившии Угровъ и Поляковъ партіи Лестьковыхъ дѣтей, Данило находился въ такомъ положеніи, что надобно было ему держаться Татаръ, чтобъ по крайней мѣрѣ страхомъ ихъ помощи удержаться противъ западныхъ своихъ сосѣдей. И онъ выбралъ удачно. По требованію Татаръ онъ пріѣхалъ въ Переяславль, гдѣ уже поселились постоянно Татары. Онъ долженъ былъ ѣхать къ Куремсѣ, предводителю Татарской орды кочевавшей въ Южной Руси, а потомъ на Волгу къ Батыю, потѣшилъ хана тѣмъ, что поклонился, по его требованію, кусту и согласился, въ угоду повелителю, пить кобылій кумысъ. Видно, что въ Южной Руси это униженіе поражало сильнѣе умы и сердца, чѣмъ подобное въ Сѣверной съ тамошними князьями. *О, зліе зла честь Татарская! Данилови Романовичови, князю бывшу велику, обладавшу Рускою землю, Кыевомъ и Володимеромъ и Галичемъ со братомъ и инѣми странами, нынѣ сѣдить на колѣну и холопомъ называется! и дани хотять, живота не чаеть и грозы приходять* (Ип. л. 185). Какъ ни обидно было такое униженіе и непривычно для буйныхъ княжескихъ головъ, да за то Данило, пробывши 25 дней у Татаръ, *отпущенъ бысть, и поручена бысть земля его ему.* Въ этихъ многознаменательныхъ словахъ заклю-

чается зародышъ новаго уклада Руской политической жизни. Досихъ поръ политическая судьба Русскихъ краевъ зависѣла отъ столкновенія побужденій, отъ случая — если можно допустить это слово. Право было одно — воля массы; иногда она страдательно принимала что ей давалось; но все таки принципа другого не было, кромѣ согласія или не противодѣйствія массы. Теперь это право — была власть завоевателей. Съ этого утвержденія власти Данила надъ Червонорусскою и Волынскою землями, начинается господство единодержавнаго принципа въ Южной Руси, который, впослѣдсвіи, перешелъ въ руки Литовскихъ обрусившихся князей и, послѣ долгихъ колебаній со старымъ удѣльновѣчевымъ выработалъ государство подъ именемъ Великаго Княжества Литовскаго.

Н. Костомаровъ.

ДО ТОВАРИША (1)

ОДЪ ШКОЛЯРІВЪ.

Де́ ти, дру́же де́ ти, любий,
Де́ ти? обізвися!
Чи далеко, чи близенько,
Братіку, — вернися...

Не ве́рне́сся, голубчику,
Ми се добре знаемъ:
Підстре́лили тебе люде
Якъ пташку підъ гаемъ, —

Не злюби́ли бо мавъ еси
Серденько тепленьке,
Не злюбили, бо у те́бе
Розумокъ ясне́нький.

Ти не вмивъ кривить душою,
Ти не кутавъ правди
И за насъ промо́вивъ щире
Слово до громади.

---

(1) До семинариста, котораго письмо напечатано въ Липцёвій книжці *Основи*.

Такъ лети жъ ти, нашъ го́лубе,
Лети на край світа,
Чи не знайдешъ поміжъ лю́дьми
Иншого привіту.

»За вікнами більше світу,»
Якъ тамъ люде кажуть
Сміло жъ лети, — люде добрі
Путь доро́гу вкажуть.

Тілки отъ що, товаришу;
Якъ щасли́вимъ будешъ, —
Карай тебе, грізний Боже.
Коли насъ забудешъ!

Лихо наше тя́жке знаешъ, —
Нічого й казати!
Поможи жъ намъ, милий брате,
Днокіль же амъ ждати?

Замовъ, гляди, наше лихо
До вірній громади,
Скажи ти ій, що ми гинемъ
Безъ правої ради,

Що ми бідні, безпомошні,
Якъ риби безгла́сні;
Скажи, що насъ давлять, душять
Люде самовласні;

Що зъ насъ пу́тнёго нічого
До-віку не буде,
Поки вчителі вельможні
Власти не забудуть.

Не забудь же насъ, соко́ле,
Богъ тобі порада!
Не забуде тебе й наша
Вірная громада!

Е — М

Черниговъ
26 окт. 1862.

ДО ВОРОЖКИ.

Ой лишенько, бабусенько,
Серденько болить!
Навчіть мене́, голубонько,
Що́ ёму робить?

Куди гляну — серце вьяне:
Красенъ Божий світъ,
Бриня́ть всюди паняночки,
Якъ королівъ цвітъ. .

Піймавъ-би я любе́сеньку, —
Принади нема:
Нема гро́шей-побря́зкачівъ —
И вдачі катъ-ма́!

Поворожіть, бабусенько,
Дайте грошенятъ: —
Куплю собі поле й хату,
Коней-соколятъ;

Приберуся въ оксами́ти
На-диво панамъ,
Стукну-брязну підківками,
Словами додамъ!

Буде въ мéне принадонька —
Пта́шки налетять,
Клюватимутъ принадоньку,
Мене́ звеселять...

А-то лишко, бабусенько,
Принади нема:
Нема гро́шей-побря́зкачівъ —
И вдачі катъ-ма́!

А. Глібовъ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ АКТЫ.

I.

ПИСЬМО ОРЛИКА КЪ СТЕФАНУ ЯВОРСКОМУ (*).

Ясне въ Богу преосвященнѣйшіи милостивый отче Митрополитъ Резанскій, мой велце милостивый въ духу святомъ отче, пастыру и добродѣю.

До сихъ часъ въ бѣдахъ, во изгнаніихъ, въ тѣснотахъ пришелствова душа моя съ ненавидящими міра; теперь уклонившися и душею и сердцемъ отъ душевреднаго того пришелствія, архіерейскую, Вашей святыни, миръ всѣмъ дающую, десницу духомъ лобызаю. По речеши мнѣ ваша Святыня: »друже, како вшелъ еси сѣмо, не имый одѣянія, милости монаршей?« для чого опасатися мушу (принужденъ), чтобъ съ симъ моимъ дерзновеннымъ писаніемъ не былъ отверженъ отъ лица вашей Святыни, однакъ съ тоей реляціи, которую до вашей Святыни имѣю, яко ученикъ до учителя, яко (аще и недостоинъ уже нарещися) сынъ до отца, яко овца до пастыра, тѣмъ дерзновеннѣй прибѣгаю до вашей святыни, имъ благонадѣжнѣйшій могу быть, что ваша святыня, яко премудрѣйшій мой учитель, благоразумнѣ и наставиши и накажеши мя, яко отецъ блудному сыну объятія своя отверзеши и яко добрый и бодрый пастырь погибшую овцу обращеши, и на раму свою воспріемлеши. А поне-

---

(*) Письмо это, сообщенное, въ свое время, (какъ значится на подлинникѣ), государственному канцлеру, доставлено было »чрезъ министровъ Голштинскихъ;« но — кому? — Яворскому ли, или канцлеру, — не видно. На конвертѣ была надпись: »A Son Eminence Monseigneur Etienne de Iaworski, Archevêque Métropolitain de Resagne et Mourome.«

Прим. ред.

же многіе, едны недоброхоты мои, другіе, хотящіи себе оправдати, злоклеветнымъ своимъ донесеніемъ милосердное царского величества сердце на болшій гнѣвъ и отмщеніе противъ мене возбудили и подвигнули, будто я единомысленнымъ и единосовѣтнымъ съ Мазепою тоей измѣны былемъ автором и всѣ тайны оныя вѣдалемъ, — того ради заблагоразсудихъ предъ вашею Святынею, аки предъ самымъ прошедшимъ небеса архіереемъ, вѣдущимъ тайная сердца, все то чистою совѣстію, праведно, а не ложнѣ (погубитъ бо Господь всякого глаголющаго лжу) исповѣдати, что колвекъ могу о той измѣнѣ вѣдати, яко о томъ совершеннѣй выразумѣешь, ваша святыня, съ послѣдующихъ.

Ежели Мазепа передъ тымъ, пока на службѣ царского величества съ войскомъ не былъ въ Полши, и пока діаволъ княгиню Долскую союзомъ кумовства въ тайные съ нимъ конференціи не впровадилъ и имѣлъ якую пиклинацію до противной стороны и помышлялъ о измѣнѣ, о томъ самъ Богъ, испытующій сердца и утробы, вѣдаетъ; а я внутрнихъ не моглемъ проникнути и изслѣдовати. Однакъ видя его извнѣ являемую къ царскому величеству непоколибимую вѣрность и радителные службы, по человѣческу разсуждати могу, что онъ Мазепа твердъ былъ въ своей вѣрности и усердную имѣлъ къ царскому величеству любовь.

Оставляю иные того документа, единый токмо въ подтвержденіе моего мнѣнія привожду, что въ 1705 году, когда Мазепа обозомъ подъ Замостемъ стоялъ, подосланый былъ до его тайно отъ Станислава Лещинского съ Варшавы съ тайными прелесными пропозиціями Францишекъ Волскій, которого онъ Мазепа наединѣ выслушавъ, по авдіенціи секретной, велѣлъ его Григорію Ивановичу Апшенкову за караулъ взять, и тортурами о той посылкѣ прелестной и о иныхъ непріятелскихъ намѣреніахъ допросить, потомъ его Волского оковавъ, въ Кіевъ до князя Димитріа Михайловича Голицына, а писма тые прелестные до царского величества, одослалъ.

Якій же могъ быть по видимому болшій документъ вѣрности его Мазепиной къ царскому величеству надъ той? Но когда онъ Мазепа стоялъ на квартирахъ зимовыхъ въ Дубнѣ, а Войнаровскій съ Иваномъ Чернишемъ резиденцію свою у двора царского величества въ Гроднѣ континуовалъ, и Димитрій Горленко, бывшій полковникъ Прилуцкій, вмѣсто Гетмана съ своимъ и Кіевскимъ полками на службѣ царского величества тамъ же подъ Гродномъ зоставалъ, писалъ онъ Горленко до Мазепы съ нарочнымъ куріеромъ пространное на килкахъ листахъ писмо, въ которомъ многіе обиды, поношенія, уничиженія, досады, коней разграб-

леніе и смертные побои козакамъ отъ Великороссійскихъ началныхъ и подначалныхъ въ то время дѣючіеся выписалъ, наконецъ и тое приложилъ, будто его Горленка наказного Гетмана, кудась едучого, съ коня сопхнено и насилно съ подъ его и съ подъ прочихъ ему послѣдующихъ началныхъ людей кони въ подводы забраны. Писалъ такожде отъ себе до Мазепы съ тымъ же куріеромъ и Иванъ Чернишъ, а въ писмѣ своемъ прислалъ заключенную копію указу царского величества, которымъ будто опредѣлено было тые два полки городовые Кіевскій и Прилуцкій, подъ комендою Димитріа Горленка бывшіе, посылать въ Прусы, ради научченіа и устроенія ихъ въ регулярные драгунскіе полки. Велѣлъ тые писма и копію указу царского величества Мазепа передъ собою мнѣ прочесть, которыхъ выслушавъ тые формальные сказалъ слова: »якогожъ намъ добра впредь надѣятися за наши вѣрные службы, и хтожъ бы былъ такій дуракъ, якъ я, чтобъ подъ сее время не преклонилъся до противной стороны на такіе пропозиціи, якіе Станиславъ Лещинскій до мене прислалъ?«

Не по многомъ времени пріѣхалъ и самъ Димитрій Горленко въ Дубно до Мазепы съ подъ Гродни, оставивъ тамъ подъ камендою сына своего Андрея тые два полки, Кіевскій и Прилуцкій, которіи при инныхъ реляціяхъ доносилъ и тое Мазепѣ, будто онъ, опасаяся, чтобъ его съ полками тѣми въ Прусы не послано и въ драгуны не устроено, чимъ бы онъ подвигнулъ на ненависть и вражду противъ себе цѣлое войско, что отъ его початокъ того регулярного строю учинилъся, притворилъ себѣ якуюсь болезнь и подъ покривкою оной упросилъ себѣ у енерала Рена отпускъ, будто къ дому, подаривъ ему за тое килка коней добрихъ и 300, чаю, ефимковъ.

Въ краткихъ числѣхъ по пріѣздѣ Димитрія Горленка въ Дубно, прошеным былъ Мазепа въ кумовство и на христины отъ князя Вишневецкого, воеводы Краковского, до Бѣлой Криниці, которого дочери, будучи тамъ съ маткою его княгинею Долскою, воспріемникомъ, якіе имѣлъ съ нею денные и нощные конференціи, и если такъ малый вѣтрикъ реляціи Димитріа Горленка и Ивана Черниша поколибалъ сердце его Мазепы и до измѣны преклонилъ, или княгиня Долская прелестми своими ему оную выперсвадовала, о томъ самъ единый Богъ вѣсть. Однакъ отъ болшой части разсуждаю, что тая прелестница мѣла его обезумить.

По килкаденныхъ пированіахъ и доволныхъ розговорахъ, повернувшися Мазепа на кватеру свою съ Бѣлой Криниці до Дубны, велѣлъ мнѣ писать листъ благодарственный до тоей же прелестницы княгини Дол-

ской, и послать ей ключь циферной для корреспонденціи съ собою, отъ которой въ килка дней получилъ онъ Мазепа респонсъ и въ ономъ малую цедулку цифрами писаную, которая въ дешифровании своемъ тое заключала: »Уже я гдѣ надлежитъ послала съ донесенемъ истинной в. м. пана пріязни.« По прочитании тоей цедулки циферной, одобралъ оную отъ мене, ни единого мнѣ не сказавши слова.

А когда по указу царского величества рушивши съ войскомъ регименту своего съ Дубна, прибылъ до Минска въ 1706 году, получилъ тамъ невѣдомо черезъ кого отъ княгини Долской малое писмечко цифрами писаное, въ которомъ она княгиня извѣщала ему о поворотѣ посланца своего отъ двору, и о посылки листу отъ якогось безъименного короля до его писаного. По прочитаню дешифрованого отъ мене того письмечка взялъ къ себѣ оное и, засмѣявшися, сказалъ тые слова: »дурная баба! хочетъ черезъ мене царское величество обмануть, чтобъ его величество, отступя короля Августа, принялъ въ свою протекцію Станислава и воспомоглъ ему до сукцессіи на королевство Полское, а онъ обѣщаетъ подать такіе способы, которыми латво можетъ царское величество Шведа побить и побѣдить. Уже я о томъ ей дурачествѣ государю говорилъ, которому его величество посмѣялъся. «Повѣрилъ я тому и ни единого подзору о его Мазепиной измѣнѣ не имѣлъ. А хто былъ тотъ посланецъ и якій былъ черезъ него листъ, и отъ якого короля, и въ якое время и съ якимъ отвѣтомъ отъ себе Мазепа оного отпустилъ, о томъ я досели не вѣдаю, и не видѣлемъ его, въ чомъ свѣдитель мнѣ есть на небеси вѣренъ.

А когда Мазепа по указу царского величества рушивши съ войскомъ регименту своего съ Минска, прибылъ въ Украину и за пришествіемъ его величества въ Кіевъ и самъ туда жъ спѣшно пріѣхалъ, давши ординансъ въ полки, чтобъ наскорѣ подъ Кіевомъ стягалися, получилъ тамъ листъ отъ тоейже княгини Долской цифрами писаный, который при себѣ въ комнатѣ спалной велѣлъ мнѣ перевесть и тамъ передъ собою прочесть. А въ листѣ томъ просила она Мазепы княгиня именемъ Станислава, чтобъ дѣло намѣренное зачиналъ, надеженъ будучи скорого себѣ цѣлымъ войскомъ Шведскимъ съ Волыня сукъкурсу и всѣхъ желаній своихъ, чого тылко претендовати будетъ, неотрицателнаго исполненія, обѣщая на тое прислать ассекурацію Станислава и гваранцію короля Шведского. Слухалъ тото листу Мазепа (яко видимо было) съ великимъ гнѣвомъ, а выслухавши, порвалъся розъяреный съ постели и началъ княгиню поносить тыми словами: »проклятая баба обезумилася: прежде мене просила, чтобъ цар-

ское величество воспріялъ Станислава въ свою протекцію, а теперь инное пишетъ; бѣснуется тая баба, хочетъ мене, ношеного и искусного птаха, обманить; на бѣду бъ мнѣ крайнюю пошло, когда бы единой бабѣ далъ прелститися; возможное ли дѣло, оставивши живое, искать мертвого и отплывши едного брега, другого не достигнуть? Станиславъ и самъ не есть надеженъ своего королевства; рѣчь посполитая раздвоенная: якій же можетъ быти фундаментъ безумныхъ тоей бабы прелестей? Состарѣлемъся служачи царскому величеству и нынѣшнему и отцу и брату его величества вѣрне, не прелстили мене ани король польскій Янъ, ани ханъ Крымскій, ани Донскіе козаки; а теперь при кончинѣ вѣку моего единая баба хочетъ мене обманити!« Тое вымовивши, взялъ съ рукъ моихъ оригинальное циферное писмо и переводъ его и, велѣвши принести огню, спалилъ, а до мене обратившися реклъ: »пиши до тоей проклятой бабы циѳрами, не выходя отсюду, въ тые слова:

»Прошу вашой княжой милости оставити тую корреспонденцію, которая мене можетъ погубити и на житіи и на гонорѣ и на субстанціи. И не токмо ваша княжая милость не надѣйся, но ни помышляй о томъ, чтобъ я при старости моей вѣрность мою царскому величеству повредилъ, которую отъ молодшихъ лѣтъ моихъ досели нерушимо сохранилъ и въ оной умрѣти желаю, не хотячи и за живота, и по смерти моей, безчестного измѣннического пороку и имени на особу мою нанесть и того ради и повторе в. к. м. прошу оставить тую корреспонденцію и болшъ о томъ до мене не писать«.

Такій листъ циѳрами написаный велѣлъ при себѣ запечатать и взялъ до рукъ своихъ, который если до княгини Долской одослалъ и черезъ кого (понеже я и въ то время посланца того не видѣлъ), или иный рукою своею писалъ, о томъ Богу сосвѣдителствующу не знаю.

Токможъ отъ того времени черезъ цѣлый годъ ни единого мнѣ листу циѳерного о тыхъ измѣнническихъ аферахъ отъ помянутой княгини до переводу не давалъ, и знатно, что для отшествія съ войсками до Саксоніи короля шведского и Станислава, оставила была тую корреспонденцію. Писала однакъ единъ листъ цифрами до его Мазепы съ Львова, въ которомъ для перестороги доносила ему, что она тамъ же въ Львовѣ была у когось (того не упамятаю) воспріемницею съ Борисомъ Петровичомъ Шереметомъ, а сѣдячи у столу на христинахъ между тѣмъ же Борисомъ Петровичемъ и енераломъ Реномъ, воспомянула по случаю передъ нимъ Реномъ имя его Мазепы похвалнымъ словомъ, а енералъ Ренъ, отвѣтуя ей, такожде похвално, будто соболѣзновалъ ему Мазепѣ тако: »пожался

Боже того доброго и разумного Ивана! онъ бѣдный не знаетъ что князь Александеръ Даниловичь яму подъ нимъ ріетъ и хочетъ, его отставя, самъ въ Украинѣ быть гетманомъ;« а она тому удивившися, вопрошала Бориса Петровича Шереметa, если то можетъ событися? Что будто и онъ когда подтвердилъ, рекла она: »и для чого жъ нихто его съ добрихъ пріятелей не перестережетъ?« а Борисъ Петровичь будто отвѣщалъ: »не возможно, и мы сами много терпимъ, но молчать принужденны.« Выслушавъ писма того, Мазепа сказалъ: »знаю я самъ барзо добре, что они и о васъ думаютъ и о мнѣ: хотятъ меня укоптентовать княженіемъ римскаго государства, а гетманство взять, старшину всю выбрать, городы подъ свою область отобрать и воеводъ или губернаторовъ въ нихъ постановить; а когда бы спротивилися, за Волгу перегнать и своими людми Украйну осадить. Якожъ не треба о томъ много говорить, сами вы слышали, чого имѣете надѣятися, когда князь Александеръ Даниловичь, въ квартери моей въ Кіевѣ, во время бытности царского величества, до уха мнѣ говорилъ: »пора нынѣ за тѣхъ враговъ пріматца.« »Другое слышали вы, якъ тотъ же Александеръ Даниловичь публичне о княженіе себѣ черниговское просилъ, черезъ которое стелетъ и готуетъ путь до гетманства«. О чемъ и о иныхъ пространнѣе говорилъ, наипаче о обидахъ своихъ, а именно почиталъ онъ Мазепа за великое себѣ уничиженіе и поруганіе, что царское величество, во время пришествія своего и главной арміи своей отъ Гродни въ Кіевъ въ 1706 году, ординовалъ свѣтлѣйшаго князя Александра Даниловича съ кавалеріею къ Волыни, а ему Мазепѣ съ войскомъ регименту его указалъ вслѣдъ за его свѣтлостію поступать и, что его свѣтлость повелитъ, исполнять. А сказывалъ онъ Мазепа, будто тая кампанія на Волынь по отшествіи войскъ Шведскихъ оттуду во Саксоніи не потребна была, токмо будто его свѣтлость нарочно оную воспріялъ для своего возвышенія, а его пониженія, и для показанія цѣлому свѣту, что его гетмана имѣетъ подъ своею коммендою, для чого онъ былъ жалостный и вмѣнялъ себѣ тое въ безчестіе, что онъ при старости лѣтъ за такъ многіе свои вѣрные службы (яко онъ сказывалъ) получилъ награжденіе быть подъ комендою Меншикова; наконецъ говорилъ, что не такъ бы ему жалостно было, когда бы его дано подъ коменду Шереметa, или иного якого великоименитого и отъ предковъ своихъ заслуженого человѣка.

Повторе вмѣнялъ онъ Мазепа и тое себѣ въ посмѣяніе, поруганіе и обману, что свѣтлѣйшій князь Александеръ Даниловичь приговорилъ былъ съ нимъ отдать сестру свою въ супружество Войнаровскому, чого онъ будучи надеженъ черезъ килка лѣтъ ожидалъ совершенства, и не старал-

ся нигде о жену Войнаровскому, а когда предлагалъ его свѣтлости о исполненіи того приговору, то будто его свѣтлость отвѣщалъ ему, что уже теперь невозможно того учинить, понеже царское величество самъ хочетъ на сестрѣ его свѣтлости женитца. Кромѣ того говорилъ и о инныхъ своихъ досадахъ, наконецъ рекши: »свободи мене, Господи, отъ ихъ панованя«, велѣлъ мнѣ до княгини Долской отписать, благодарствуя ей за пріязнь и пересторогу.

А что Мазепа воспоминалъ вышеписаные свѣтлѣйшаго князя Александра Даниловича слова, а именно тые: »пора нынѣ за тѣхъ враговъ пріиматца,« то дѣлалося тое такимъ образомъ: въ 1706 мъ году, во время бытности царского величества въ Кіевѣ, просилъ Мазепа его величества къ себѣ на кушене, по которомъ свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичь, будучи маленко шуменъ и силенъ, взявъ его Мазепу за руку, сѣлъ съ нимъ на лавкѣ и прикланяся къ нему, сказалъ до уха такъ голосно, что близъ предстоящая енеральная старшина и нѣкоторые полковники могли слышать тые слова: »Гетманъ Иванъ Степановичь, пора нынѣ пріиматца за тѣхъ враговъ,« а енеральная старшина и полковники, слыша то и видя, что тайно съ собою хотятъ говорить, когда начали удалятца, Мазепа, помаанѣмъ указавъ имъ на едномъ мѣстѣ стоять, отвѣтовалъ его свѣтлости единымъ словомъ: »не пора«, будто до уха, но нарочно голосно, въ услышаніе енералной своей старшинѣ и полковникамъ; а его свѣтлость на тое сказалъ:« Не можетъ быть луччая пора, какъ нынѣ, когда здѣсь самъ есть царское величество съ главною своею армеею.« Отвѣщалъ Мазепа: »Опасно будетъ не скончя едноей войны съ непріятелемъ, другую начинать внутрню. »Паки его свѣтлость отвѣщалъ: »ихъ ли враговъ опасатца и щадить? какая съ нихъ полза царскому величеству? Прямо ты вѣренъ царскому величеству; но надобно тебѣ знаменіе тоей вѣрности явить и память по себѣ въ вѣчные роды оставить, чтобъ и впредь будущіи государи вѣдали и имя твое блажили, што единъ такій былъ вѣрный гетманъ Иванъ Степановичь Мазепа, который такую ползу государству Россійскому учинилъ.« Тѣмъ времянемъ хотячи царское величество одойти до своей кватери, всталъ съ своего мѣста и пресѣкъ тотъ дискурсъ, который съ обоихъ сторонъ слышанъ былъ енералной старшинѣ и полковникомъ; а Мазепа, проводивши царское величество и возвратившися съ послѣдствующими себѣ енералною старшиною и полковники въ внутрнюю свою комнагу, вопрошалъ ихъ: если все слышали, что свѣтлѣйшій князь говорилъ? а когда отвѣщали, что слышали, сказалъ тые слова: »всегда мнѣ тую пѣ-

сенку поютъ, и на Москвѣ и на всякомъ мѣстѣ; не допусти имъ токмо, Боже, то исполнить, что думаютъ.«

Преразили тые слова страхомъ сердце слышавшихъ и частое было роптаніе и переговори между полковниками, наипаче, что, по указу царского величества, безъ всякой противности, вѣрнымъ и послушливымъ сердцемъ, козаки своими оброками служатъ далекими и долгими походами, съ послѣдней худобы разоряются, кровь свою проливаютъ, и на разныхъ мѣстахъ, то въ Инхляндахъ, то въ Полши, то въ Литвѣ, то въ Казанскомъ государствѣ, то въ Донскихъ городахъ, погибаютъ и умаляются, а за тые службы, и прежніе за турецкой войны и за теперешніе не токмо жадной нѣтъ милости, но еще и ругаютъ насъ и уничижаютъ и бездѣлицами называютъ, и вѣрной нашей службы въ полушку не ставятъ, а наконецъ и о погибели нашей промышляютъ.«

Зачалося потомъ дѣло фортификаціи Печерской, наступили переходы черезъ Малороссійскіе городы до главной армеи то рекрутовъ, то всякихъ началныхъ особъ, то многочисленныхъ съ запасами и припасами обозовъ, а полковники съ старшиною своею часто, до гетмана приходя, жалостнѣ предлагали, что приставы у того дѣла фортификаційнаго козаковъ палками по головамъ біютъ, уши шпадами обтинаютъ и всякое поруганіе чинятъ, что козаки, оставивши домы свои, косовицу и жнива, поносятъ на службѣ царского величества тяготу дней и варъ, а тамъ Великоросійскіе люде домы ихъ разграбляютъ, розбираютъ и палятъ, жонамъ и дочкамъ ихъ насиліе чинятъ, коні, быдло и всякую худобу забираютъ, старшину біютъ смертными побоями. Надъ то два полковники, Миргородскій и Прилуцкій, яко начальнѣйшіе и паче иныхъ болшое до Мазепы дерзновеніе имѣвшіи, одозвалися съ тымъ: Миргородцкій сказалъ ему Мазепѣ: »очи всѣхъ на тя уповаютъ и не дай Боже, на тобе смерти а мы достанемо въ такой неволи, то и кури насъ загребутъ«. А Прилуцкій подтвердилъ тыми словами: якъ мы за душу Хмельницкого всегда Бога молимъ и имя его блажимъ, что Украину отъ ига Ляцкого свободилъ, такъ противнымъ способомъ и мы и дѣти наши во вѣчные роды душу и кости твои будемъ проклинать, если насъ за гетманства своего по смерти своей въ такой неволи зоставишь.« А когда таковыми переговорами часто ему Мазепѣ наприкрался, отказалъ имъ тыми словами: «уже я до двору царского величества о таковыхъ обидахъ и разореніахъ часто и многократнѣ писалъ и, если вамъ угодно, изберѣте отъ себе до царского величества, или ты Прилуцкій ѣдь, а я отъ себе съ енералной старшины пошлю съ тобою Орлика, и буду черезъ васъ до царского величе-

ства писать и чоломъ бить, чтобъ права и волности наши ненарушимы были.« Соизволили на то всѣ, и надежны были, что онъ Мазепа обѣщанное исполнитъ. Но по нѣколикихъ дняхъ предложилъ намъ, будто онъ о той посылкѣ до царского величества говорилъ и совѣтовалъ съ княземъ Димитріемъ Михайловичемъ Голицинномъ и будто его княжая милость ему говорилъ, что то дѣло царскому величеству не угодно будетъ, и если пошлешь, то и себѣ бѣду здѣлаешъ и ихъ погубишъ.

Наддѣлавши фортеци Печерской, когда уже зима надходила, роспустилъ Мазепа, по указу царского величества, войско по домамъ и самъ до Батурина возвратился, гдѣ въ 1707 году получилъ онъ царскаго величества указъ ѣхать до его величества до Жолкви, куда пріѣхалъ онъ въ великій пятокъ предъ свѣтлымъ Воскресеніемъ, а по недѣли Ѳоминой былъ воинскій совѣтъ, на которомъ и ему Мазепѣ велѣно быть. Не знаюжъ, якое онъ тамъ мѣлъ неуконтентоване, понеже по томъ совѣту ни на обѣдъ до царского величества не пошолъ, а ни у себе ничого черезъ цѣлый день не ѣлъ, и когда мы, старшина енералная по обыкновенію въ свое время тогожъ дня до его пришли, застали его велми сердитого, и ничого болшъ намъ не сказалъ, кромѣ тыхъ словъ: »если бы Богу такъ вѣрнѣ и радителнѣ служилъ, получилъ быхъ наиболшое мздовоздаяніе, а здѣсь, хотя бъ въ аггела премѣнилъся, не моглъ быхъ службою и вѣрностію моею жадного получить благодарствіа.« Тое сказавши, велѣлъ намъ одойти до своихъ кватеръ. А на завтрѣе, чили въ третій день потомъ, посылалъ онъ Мазепа знатного товариша войскового Димитріа Думитрашка съ указомъ царского величества встрѣчь противъ казны, якая отъ Кіева до Жолкви провадилася, для одобранія съ тоеи же казны, чаю, 10,000 рублей, отъ его царского величества опредѣленыхъ на заплачене за кони, которые подъ драгунію за полковые денги покуплены были. Тотъ убо Думитрашко, получа указъ царского величества въ канцеляріи, принеслъ до Мазепы купно съ листомъ отъ свѣтлѣйшаго князя Александра Даниловича до Танского полковника компаніискаго, а нынѣ Кіевского, себѣ даный, который онъ Мазепа видя, удивилъся и велѣлъ ему Думитрашку, тотъ часъ ѣхать съ указомъ противъ казны, а листъ его свѣтлости оставить и предъ собою положить, который онъ по отъшествіи Думитрашка когда роспечаталъ и прочиталъ, порвалъся съ мѣста отъ гнѣву для того, понеже въ томъ листѣ написанъ былъ до Танского ординансъ, чтобъ онъ съ кватеръ своихъ, выбравши на шесть, чаю, мѣсяцей мѣсячные денги и провіанты, ишолъ немедленно съ полкомъ своимъ до его свѣтлости; и того ради разъярившися, закричалъ тако: »Если жъ мо-

жетъ быть болшое поруганіе, посмѣяніе и уничиженіе моей особѣ надъ тое! По всякъ день князь Александеръ Данилович съ мною видится, по всякъ часъ съ мною конверсуетъ, а мнѣ и единого слова о томъ не сказавши, безъ моего вѣдома и согласіа ординансы до людей реименту моего посылаетъ! И хто жъ тамъ Танскому безъ моего указу мѣсячные деньги и провіанты выдастъ, и якъ онъ можетъ безъ воли моей куда нибудь съ полкомъ своимъ, которому я плачу, ити, а если бъ пошолъ, то бъ я его велѣлъ якъ пса розстрѣлять. Боже мой, ты видищъ мою обиду и уничиженіе!« Тѣмъ временемъ принеслъ діаволъ вмѣсто себя съ Львова езуиту Зарленского, о которомъ, когда ему Мазепѣ донесено, что стоитъ въ антикамерѣ, внезапу оставилъ гнѣвъ и радостно вопросилъ: »а онъ откуду явилъся?« Тое сказавши, велѣлъ обозному енералному Ломѣковскому и мнѣ просить до себе того проклятого езуиту во внутрнюю комнату, а намъ до кватеръ своихъ одыйти. Тамъ убо на единѣ съ собою затворившися, о чомъ черезъ долгое время конферовали, самъ Богъ вѣсть, понеже онъ езуита, кроме того, что его Мазепа посылалъ въ Саксонію до Станислава, болше нічого мнѣ въ Бендерѣ не объявилъ, экскузуючися присягою, на додержане секрету учиненою; однакъ я наименшой и въ тѣ пори не моглъ мѣти суспиціи о Мазепиной невѣрности къ царскому величеству.

А когда его Мазепу царское величество съ Жолкви съ благословенія памяти государемъ царевичемъ отпустилъ, въ томъ пути уѣхавши онъ нѣсколько миль отъ Жолкви, просилъ его государя царевича, чтобъ передомъ ѣхалъ; а самъ свернувши съ дороги, вступилъ до единого дворца княгини Долской, гдѣ отъ ей присланного едного ксіендза закону тринитарского заставши, мѣлъ съ нимъ наединѣ якуюсь конференцію, а по скончекю оной, постигъ государя царевича и континуовалъ съ нимъ прележащій путь. Но ни въ то время не было у насъ о невѣрности его Мазепы къ царскому величеству жадного подзору; мнѣніе токмо имѣли что она княгиня, требуя взаимъ денегъ, для выкупленя своихъ клейнотовъ, прислала съ прошеніемъ оныхъ, о которые предъ тымъ и словесно и черезъ писма просила.

Прибывши Мазепа въ Кіевъ и выпровадивши государя царевича въ путь свой къ Смоленску, возвратилъся самъ до Батурина, и тамъ нѣсколко дней переживши, воспріялъ походъ паки къ Кіеву, для докончення фортецы Печерской, где получилъ указъ царского величества о устроеніи козаковъ, подобіемъ Слободскихъ полковъ, въ пятаки, который такъ устрашилъ и раздражилъ былъ всѣхъ полковниковъ и старшину, что цѣ-

ле отчаявшися своихъ волностей, ни о чомъ инномъ не говорили, токмо что тотъ выборъ пятаковъ, степень есть до устроенія въ драгуны и солдаты, для чого много роптали и часто собиралися до обозного енералного Ломѣковского, а наипаче повседневно до полковника Миргородского, у которого и о способахъ обороны своей совѣтовали, и пакта Гадяцкіе читали, якіе тотже полковникъ Миргородскій съ библіотеки Печерской взялъ былъ, а потомъ покойнику Кочубею, въ донесене царскому величеству обманническо, на погибель его бѣдного, при инныхъ ложныхъ сплетеніяхъ, объявилъ, будто тые совѣты у гетмана въ Печерскомъ бывали, и на оныхъ пакта тые Гадяцкіе предъ полковниками и старшиною читывалися, а того въ самомъ дѣлѣ никогда не было, понеже онъ Мазепа ни единаго по себѣ знаменія, ни словомъ, ни дѣломъ, въ откровеніе внутрнихъ своихъ мыслей и всезлобныхъ намѣреній, никому не являлъ, но покривалъ оные притворною вѣрностію; обаче, яко ничтоже есть тайно, еже не откріется, тако и мнѣ случися изслѣдовать сокровенную тую его Мазепы съ противною стороною факцію такимъ-образомъ.

Въ томъ же 1707 году, сентября въ 16 день, тамъ же на службѣ царскаго величества въ Печерскомъ, писалъ я отъ Мазепы до двору его величества (не упамятаю, въ якихъ дѣлехъ) долгую експедицію, которую писанемъ продолжилъ до ночи; а онъ Мазепа, не терпя того продолженія, часто съ внутрней своей комнаты вопрошалъ мене, если уже скончилъ, принуждая скоро окончитъ и сказывая, что естъ еще инное дѣло. По окончаніи убо тоей експедиціи, запечаталъ я и положилъ оную на столѣ предъ Мазепою, а онъ, держа рукою въ маленкой обволютѣ писмо, реклъ до мене: »княгиня Долская черезъ единого Волошина прислала тое писмечко, зашивши ему въ шапку. Я знаю, что она едножъ пишетъ, а чортъ ей проситъ о тую корресподенцію; когдась мене тая шаленая баба погубитъ, и не дармо сказуютъ: у невѣсты волосъ долгій, а разумъ краткій. Возможно ли есть, чтобъ она една баба дурнымъ своимъ разумомъ мене обманила!» То рекше, далъ мнѣ тое писмечко, и велѣлъ распечататъ и прочитатъ. А я, приступя до свѣчки, которая была умбракуломъ отъ очей его Мазепы заслонена, роспечаталъ обволюту и вынялъ съ ней писмо цифрами писаное отъ княгинѣ Долской, въ которомъ былъ заключеный маленки листокъ подъ печатю особною, о якомъ я надѣяся, что такожде отъ княгини и не смотря на печатъ, роспечаталъ, и увидѣлъ въ серединѣ при печати подпись Stanisław Krol, о чомъ я не сказуя ему Мазепѣ, прочиталъ самъ первѣе съ разсужденіемъ тотъ ли-

стокъ; а когда Мазепа видѣлъ, что я молчу и голосно ему не читаю циферного писма, сказалъ: »для чого ты долго медлишъ и не читаешъ? ты обыклъ тые писма, до якихъ имѣешъ у себе циферные ключи, и безъ переводу читатъ.« Отвѣщалъ я на тое: прочитаю я на потымъ и безъ ключа циферное княгини писмо, но есть здѣсь листокъ отъ Станислава, до которого не надобно ключа. »Что онъ услышавъ, сказалъ: то не возможно.« Реклъя ему: »возможно, понеже естъ и подписъ имени его и печать.« Велѣлъ онъ прето дати къ себѣ тотъ листокъ, который когда взялъ, увидѣлъ и прочиталъ, ужаснулъся, и отъ страху съ рукъ на столъ упустилъ, рекши тые слова: »о проклятая баба, погубишъ мене!« И долго седѣлъ молча и думая, а потомъ допросилъ мене: »что мнѣ дѣлать съ тымъ писмомъ, посылатъ ли его до царского величества, или удержать?« Отвѣщалъ я ему: »самъ, ваша велможностъ, изволишъ разсудить высокимъ своимъ разумомъ, что надобно посылатъ, чимъ самымъ и вѣрностъ свою непоколибимую явишъ и болшую милостъ у царского величества поищешъ.« А тое я ему мовилъ, не помышляя о его измѣнѣ. Замолчалъ онъ на тое, и долго молча думалъ; потомъ велѣлъ мнѣ читатъ листъ циферный отъ княгини Долской, въ которомъ она извѣщала ему Мазепѣ, что ксіондзъ Тринитаръ, посыланый отъ ей до двору Станислава въ Саксонію, выѣхалъ оттуль тогожъ самого дня, якого войска Шведскіе къ Полщи рушали, и повернулъся уже съ тымъ писмомъ, якое до его отъ Станислава прислала, и съ словесною информаціею, чтобъ намѣренное дѣло зачиналъ, пока войска Шведскіе зближатся къ границамъ украинскимъ; а привезлъ съ собою и трактатъ въ 12 пунктахъ для его Мазепы, и цѣлого Войска Запорожского, по которой абы онъ вѣрного кого до ей прислалъ, просила о тое. Когда я тое писмо прочелъ, припомянулъ себѣ, что тотъ, а не иншій ксіондзъ Тринитаръ, съ которымъ онъ Мазепа, ѣдучи съ Жолкви, видѣлъся и конферовалъ въ дворцѣ княгини Долской, и въ тое уже время совершенно я порозумѣлъ, что онъ Мазепа думаетъ лукавое о измѣнѣ. По прочитаню того писма, велѣлъ мнѣ оное передъ собою спалитъ, а самъ молчалъ долго и думалъ; потомъ сказалъ: »съ умомъ боруся, посылатъ ли тое писмо до царского величества, или удержатъ? о чомъ утро посовѣтуемъ, а теперъ одыйди до своей кватери, и молися Богу, да якоже хощетъ, устроитъ вещъ: можетъ твоя молитва бытъ пріятнѣйшая, нежели моя, понеже ты по христіанску живешъ. Богъ Самъ вѣсть, что я не для себе чиню, но для васъ всѣхъ и жонъ и дѣтей вашихъ.« Тое рекши, отпустилъ меня поздно въ ночи. А я, пришедши до моей кватери и взявши денегъ два рубли, выйшолъ и роздалъ

оные старцамъ и старицамъ бѣднымъ убогимъ, лежачимъ въ кущахъ на улицѣ и въ богадѣльняхъ въ Печеркомъ зостаючимъ, съ тымъ намѣреніемъ, чтобъ Богъ Всемогущій свободилъ мене отъ обстоимыхъ бѣдъ и отвратилъ сердце Мазепино отъ того лукавого предся взятія. Бранили мене старци и старици, по улицѣ лежачіи, когда въ нощи толкалъ въ ихъ кущи, не милостини отъ мене надѣяся, но паче воровства опасаяся; однакожъ, слыша отъ мене не воровскіе слова, убижденны прошеніемъ отворять дверци, и пріймали подаемую себѣ милостиню. Нелицемѣрнимъ духомъ и не въ похвалу себѣ тое до вашой святини пишу, но въ откровеніе на исповѣдѣ сей совѣсти моей, что устрашаемся тоей измѣны, дабы въ ней зъ жоною и съ дѣтми не пропастъ и не хотѣлемъ къ ней сердца моего прекланятъ. Но врагъ сіе сотвори, что прелщенный въ боязни согрѣшихъ.

По прешедшей той ночи сентября въ 17 день, прійшолъ я до Мазепы призваный рано, и засталъ его сѣдячого въ концѣ стола, а предъ нимъ крестъ съ животворящимъ древомъ лежачій, и когда я ему Мазепѣ предсталъ, началъ онъ до мене тыми говоритъ словами:

»До сего часу не смѣлъ я тебѣ прежде времени намѣреніа моего и тайны тоей объявлятъ, якая тебѣ вчерась по случаю открилася, не для того, чтобъ я о твоей къ себѣ вѣрности имѣлъ якое подозрѣніе, понеже никогда не могу такой быть о твоей почтивости опиніи, дабы ты за толикую мою къ тебѣ милость, любовъ и благодѣяніе, неблагодарствіемъ мнѣ платилъ и предателемъ моимъ былъ; но разсуждая, что ты хотя человѣкъ разумный и совѣсти не подозрѣнной, однакъ еще молодый, и несовершенную въ таковыхъ циркументанціахъ имѣешъ експеріенцію, опасалемъся, дабы ты и съ Великороссійскими и съ нашими всякого чина людми конверсуючи, или съ конфиденціи или съ неосторожности не вымовилъся предъ кимъ съ тымъ секретомъ, и тымъ самымъ мене и себе не погубилъ. А понеже теперъ предъ тобою не могло то утаитися, прето предъ Всевѣдущимъ Богомъ протестуюся и на томъ присягаю, что я не для приватной моей ползы, не для вышшихъ гоноровъ, не для болшаго обогащенія, а ни для иныхъ яковыхъ нибудъ прихотей, но для васъ всѣхъ, подъ властію и реиментомъ моимъ зостаючихъ, для жонъ и дѣтей вашихъ, для общаго добра матки моей отчизны бѣдной Украины, всего войска Заапорожскаго и народу Малороссійского, и для подвышшеня и разширеня правъ и волностей войсковыхъ, хочу тое при помощи Божой чинити, чтобъ вы, зъ жонами и дѣтми, и отчизна съ войскомъ Запорожскимъ такъ отъ Московской, якъ и отъ Шведской стороны, не погибли.

А если бымъ для якихъ нибудь приватныхъ моихъ прихотей тое дерзалъ чинить, побій мене, Боже, въ Троицы святой единый и невинная страсть Христова, на души и на тѣлѣ. »То рекши поцѣловалъ крестъ съ животворящимъ древомъ предъ собою лежачій. А до мене обратившися, реклъ тые слова: »Держу я о тебѣ крѣпко и надѣюся, что а ни совѣсть твоя, а ни цнота, а ни почтивость, ни врожоная кровь шляхецкая, не допуститъ тебѣ, абысь мене пана и благодѣтеля своего звралилъ, однакожъ для лучшей конфиденціи, чтобъ я о твоей вѣрности найменшого не мѣлъ сумнѣнія, якъ я присягнулъ, такъ и ты присягни мнѣ предъ тымъ же распятымъ на животворящемъ древѣ Христомъ, что мнѣ додержишъ вѣрности своей и секрету.«

Въ чомъ я указъ его Мазепы исполняя, якъ мнѣ изъ устъ своихъ говорилъ, такъ я, словамъ его послѣдуя, присяглъ и крестъ святый въ рукахъ его поцѣловалъ.

По совершеніи присяги, дерзнулъ я сказать ему Мазепѣ тое: »съ самой присяги вижу усердную велможности вашей ревность и отческое о отчизнѣ своей и о всѣхъ насъ промышленіе и попеченіе, но хто можетъ судбы Божіи изслѣдовать, якій онъ настоящей войнѣ предѣлъ положилъ и при комъ будетъ викторіа? если при Шведахъ, то велможность ваша и мы всѣ щасливчіи; а если при царскомъ величествѣ, то и мы пропадемъ и народъ погубимъ.« Отвѣщалъ мнѣ Мазепа на тое: »яйца курицу учатъ! албо жъ я дуракъ, прежде времени отступать, пока не увижу крайней нужды, когда царское величество не доволенъ будетъ, не токмо Украины, но и государства своего, отъ потенціи Шведской оборонить; уже я въ Жолквѣ предлагалъ царскому величеству, что если король Шведскій и Станиславъ съ войски своими раздѣлятца, и первый пойдетъ въ государство Московское, а другой въ Украину, то мы войскомъ нашимъ безсилнымъ, частыми походами и войною зруйнованымъ и умаленымъ, не можемъ оборонитця отъ войскъ Шведскихъ и Полскихъ, и того ради просилъ я царского величества, тамъ же въ Жолквѣ, чтобъ принамнѣй намъ 10,000 отъ войскъ своихъ регулярныхъ въ суккурсъ изволилъ дать, а его величество мнѣ отказалъ: »не токмо 10,000, но ни десять человѣка не могу дать; якъ можете, сами боронитеся.« И тое мене принудило посылать того ксендза тринитара, капеляна княгини Долской (а о езуитѣ Заленскомъ ани вспомянулъ) до Саксоніи, чтобъ тамъ, видя якую колвекъ мою къ себѣ инклинацію, но непріятелску съ нами не поступали, и огнемъ и мечемъ бѣдной Украины не зносили; однакъ вѣрность мою къ царскому величеству поти буду непремѣнно продолжать,

пока не увижу, съ якою потенціею Станиславъ къ границамъ Украинскимъ прійдетъ и якіе будутъ войскъ Шведскихъ въ государствѣ Московскомъ прогресса; и если не сила наша будетъ боронить Украины и себе, то для чого жъ имѣемъ сами въ погибель лѣсти и отчизну погублять? и самъ Богъ и цѣлый свѣтъ будетъ видѣти, что по нуждѣ тое учинилисмо мы и, яко вольный незавоеваный народъ, старалисмося о способѣ цѣлости нашой, а безъ крайней и послѣдней нужды не премѣню я вѣрности моей къ царскому величеству. И для того заблагоразсудилъ писать къ царскому величеству и послать тотъ Станиславовъ листокъ до мене писаный въ объявленіе его величеству моей вѣрности, о чомъ ты заразъ, не отходя отсюду, напиши такъ до царского величества, яко и до Гаврила Ивановича Головкина, и въ его листѣ заключимъ тотъ листокъ Станислава въ донесеніе царскому величеству. И тогожъ времени информовалъ мене онъ Мазепа, якъ мѣю обадва тые листа къ его царскому величеству, и до сіятельнѣйшаго графа его милости Гаврила Ивановича Головкина, писалъ, которые когда я по его информаціи написалъ и запечаталъ, взялъ онъ тѣ писма до рукъ своихъ, сказывая мнѣ, что яже матка его игуменіа Печерская мѣетъ у себе вѣрного слугу и отчасти сродственнаго, черезъ которого обѣщала послать тѣ писма до Войнаровского, чтобъ онъ руками своими отдалъ царскому величеству и графу его милости Гаврилу Ивановичу. Але онъ Мазепа обманилъ мене въ томъ и, не посылая тыхъ писемъ съ листомъ Станислава, у себе удержалъ, опасаяся, чаю, чтобъ я его не предалъ, имѣя въ рукахъ своихъ документъ, и уже когда мы были на сторонѣ Шведской, отдалъ мнѣ тѣ писма запечатаные, рекши, чаю, ложнѣ тѣ слова: »я тебѣ до сихъ часъ забылъ сказать о тыхъ писмахъ, что госпожа добродѣйка матка не посылала оныхъ до Войнаровского, но удержала у себе, и передъ кончиною своею вручила внучцѣ своей, а моей племенницѣ панѣ Маріанѣ, и велѣла ей отдать мнѣ по смерти своей и тое сказать, что она госпожа матка просила едноей по Бозѣ живучой черници о молитвы до Господа Бога, дабы онъ самъ управилъ тое дѣло, если надобно посылать или удержать тые писма; и будто тая черница имѣла якоесь откровеніе, что если тѣ писма до царского величества пошлются, то гетманъ погибнетъ.

Писма тые съ трема грамотами царского величества, въ дѣлѣ Кочубея и Искрк писанными, вложилемъ я до шкатулки, гдѣ были клейноты жоны моей и килка тысячей червоныхъ, якую шкатулку единую тылко по баталіи Полтавской до карету своей жона моя вставила, и черезъ Днѣпръ въ едной токмо сукнѣ зъ дѣтми переправилася, а всѣ мои

животы въ 30 возахъ съ срѣбромъ и съ грошми надъ Днѣпромъ пропали, и тымъ способомъ писма помянутые у мене остались, съ которыхъ едно до царского величества писаное, съ листкомъ прелестнымъ Станислава, до рукъ вашой святыни посылаю (1), дабы ваша святыня вѣдалъ, что черезъ инструментъ того листка отворилася мнѣ сокровенная тайна факціи и конпителліенціи Мазепиной съ противною стороною, а кромѣ того листка, ни единаго я писма отъ Станислава у его Мазепы не видѣлъ, и не вѣдалъ, если онъ съ нимъ имѣетъ корреспонденцію; и уже въ Бендерѣ, по смерти Мазепиной, явилися двѣ писмѣ отъ Станислава, которые Иванъ Максимовичь, писарь мой преждній енералный, усмотривши у Войнаровского въ квартери его гдесь лежачіе, тайно взялъ и мнѣ объявилъ.

На завтрѣе убо по написаню предвоспомянутой до двору царского величества о томъ Станиславовомъ писмечку експедиціи, то есть сентемврія 18 день, велѣлъ мнѣ Мазепа отписать до Станислава цифрами тыми, которыми съ княгинею Долскою корреспондовалъ, а въ писмѣ томъ объявлялъ онъ Мазепа Станиславу, что указу его не можетъ исполнить и жадного дѣла не смѣетъ начинать съ тыхъ рацій: первая, что Кіевъ и иные фортецы въ Украйнѣ великими гварнизонами осажены, подъ которыми козаки, якъ перепелица подъ ястребомъ, не могутъ головы поднести, а въ подтвержепіе того припоминалъ онъ Мазепа, якъ за гетмана Брюховецкого гварнизоны Великороссійскіе, выбѣгая съ фортецъ, окрестные городы и села огнемъ и мечемъ руйновали. Другая, что потенція вся царского величества въ Полщи не въ такъ далекомъ разстоянііи отъ Украины, якъ войска Шведскіе зостаютъ. Третяя, что въ Украйнѣ и начальныи и подначальныи, и духовныи и мірскіи, якъ розные колеса, не въ единомыслномъ суть согласіи, и едны благоволятъ въ протекціи Московской, другіи склонны суть до протекціи Турецкой, третіи смакуютъ себѣ побратимство Татарское, чинячи тое зъ врожоной къ Полякамъ антипатіи. Четвертая, что Самусь съ прочими полковниками, старшиною и козаками, по недавныхъ бунтахъ въ сегобочной Украинѣ, опасаяся отъ войскъ Полскихъ отмщенія, не латво преклонитися могутъ до Рѣчи посполитой, и того ради надобно первшъ старатца войско и цѣлый народъ до единомыслія припровадить, по обоимъ сторонамъ Днѣпра въ Украинѣ. Пятая, что на килка тысячей войска Великоросійского регулярного и добре екзерцитованого и мундеровнаго, всегда при боку своемъ онъ Ма-

(1) Упомянутыя письма Мазепы и Станислава Лещинскаго помѣщены дальше. *Ред.*

зепа имѣетъ, которое бодримъ окомъ смотритъ на всякіе его поступки и всякое противное начинаніе доволно есть пресѣкти. Шестое, что Рѣчь Посполитая есть еще раздвоеная и съ собою несогласная. Обѣщалъ однакъ онъ Мазепа ни въ чомъ интерессомъ его Станислава и войскомъ Шведскимъ не шкодить, но всячески отъ того оберегатца, и просилъ, чтобъ Станиславъ прежде стараљся Рѣчь Посполитую соединить, которая бы единогласно узнала его за пана и короля своего.

А до княгини Долской такожде велѣлъ писать, чтобъ она трактатъ той, о якомъ ознаймовала, у себе удержала, а листъ отъ его писаный до Станислава експедіовала и для переводу оного ключь отъ себе циферный послала.

Здѣ убо вашой святынѣ подъ совѣстію объявляю, что болшъ я писмъ отъ Мазепы предъ отшествіемъ его въ противную сторону никогда до Станислава не писалъ, кромѣ того единаго вышшепомянутого, а другого съ Ромна, когда уже мы были при Шведахъ, которые на сегобочной Украйнѣ перенято, и не знаю до сихъ временъ, если онъ самъ Мазепа собственною своею рукою когда нибудь до тогожъ Станислава писалъ.

Въ томъ же 1707 году, по совершеніи фортецы Печерской, роспустивши Мазепа войско реименту своего по домамъ, отъѣхалъ и самъ въ послѣднихъ числахъ мѣсяца ноемвря до Батурина, куда въ самый праздникъ Рождества Христова на другій день принеслъ діаволъ по колядѣ езуиту Заленского, который неѣдучи просто до Батурина, сталъ за двѣ мили въ селѣ Оленовцѣ, и написалъ оттуль листъ до Мазепы, даючи знать о своемъ пріѣздѣ и просячи указу, гдѣ мѣетъ стать. Поалтеровалъся тымъ листомъ Мазепа, и призвавши мене предъ себе, сказалъ тые слова: »признаюся тебѣ теперъ, что я зъ Жолкви посылалъ ксендза Заленского до Саксоніи для провѣдованя, якъ скоро оттуль войска Шведскіе рушатъ, которого чортъ сюда принеслъ, и чекаетъ въ Оленовцѣ отъ мене на указъ, гдѣ мѣетъ стать; и если онъ сюда пріѣдетъ, то въ явный мене всѣмъ подастъ подзоръ. »Тое сказавши, велѣлъ мнѣ заразъ до Оленовки ѣхать и выговорить ему Заленскому, что подъ сее время не надобно было ему такъ далеко до Батурина трудитца, но паче надлежало съ Винници о своемъ поворотѣ съ Саксоніи извѣстить и о повѣреннымъ себѣ дѣлѣ выписать реляцію, а не самому ѣхать для возгнищенія въ сердцахъ подзорныхъ противного о своемъ пріѣздѣ мнѣнія; и приказалъ мнѣ его Заленского въ Бахмачь до дворца своего запровадить. А когда я по указу Мазепы до Оленовки пріѣхалъ, и все то Заленскому выговорилъ, удивился онъ, что о томъ секретѣ уже знаю, о якомъ ни единъ духъ, ни же

самъ Войнаровскій прежде сего вѣдалъ, яко ему въ Жолквѣ Мазепа сказывалъ. Потомъ причину своего пріѣзду донеслъ мнѣ, что онъ, вѣдая о зъѣздѣ въ дни сіе празничные полковниковъ и старшинъ съ повѣшованемъ гетмана нарочно на тотъ зъѣздъ до Батурина поспѣшалъ, дабы моглъ унѣверсалъ Станислава до цѣлой Украйны выданый, а чрезъ его присланый, всѣмъ объявить и словесно всякими волностями и королевскимъ особливымъ призрѣніемъ и милостію ассекуровать. Выслухавши я тоей реляціи, взялъ его Заленского зъ Оленовки и запровадилъ въ Бахмачь до дворца, откуду, по указу Мазепы, два разы тогожъ Заленского до его на Гончаровку привозилъ, разъ для авдіенціи, а другій разъ для абшейту; при которой своей авдіенціи отдалъ Заленскій Мазепѣ унѣверсалъ Станислава до цѣлой Украины, въ якомъ онъ мужество, храбрость и отваги Войска Запорожского похвалялъ, разширеніемъ и примноженіемъ правъ и волностей обнадеживалъ и отческимъ сердцемъ подъ свою протекцію цѣлый народъ пригорнуть обѣщалъ и возбуждалъ, дабы всѣ до его, яко до ласкаваго на себе отца и дѣдичнаго пана своего, прибѣгали, подъ головою предостойнѣйшого вожда своего и о изверженіи съ шеи своей ига Московского старалися, при скорой непобѣдимыхъ войскъ шведскихъ и полскихъ помощи. По отданю до рукъ Мазепы того унѣверсалу, чинилъ онъ Заленскій реляцію о войскахъ шведскихъ, якъ великіе и мундеровные и что король шведскій едноею стороною отъ Литвы намѣриваетъ ити на Москву, а Станиславъ зъ другой стороны отъ Полщи подъ Кіевъ, съ которымъ будто мѣла и Орда, черезъ посланника Турецкого въ помощь деклароваая, лучитися. Листу жадного приватного отъ Станислава онъ Заленскій не мѣлъ, и Мазепа, когда его отпущалъ, ничого до Станислава не писалъ, токмо велѣлъ ему Заленскому въ Виннцѣ неисходно зоставать до далшой вѣдомости. И тотъ то единый токмо былъ пунктъ праведный о Заленскомъ въ донесеніи покойника Качубея, въ прочіихъ же едино было сплетеніе или мнѣніе безъ всякихъ доводовъ.

По отъездѣ єзуиты того Заленского, разсуждалъ я всегда въ умѣ моемъ, что тая Мазепы съ противною стороною корреспонденціа на крайнюю когдась мене наразитъ погибель, если царское величество съ подлинныхъ документовъ довѣдается. И того ради всегда снѣдалемъся внутрнею боязнію, страхомъ и скорбію, а смотря на жону и дѣти мои, по всякъ день часто воздыхалемъ, чтобъ съ собою и ихъ не погубить, и когда колвекъ жона моя вопрошала мене о причинѣ такъ частого и тяжкого воздыханія, отвѣтовалемъ ей, что грѣхъ моихъ ради, которыми Бога Создателя моего прогнѣвилемъ, съ жалю воздыхаю. Не вѣрила тому жона

моя и всегда мене и любовію и прошеніемъ своимъ до объявленія себѣ скорби моей убиждала, однакъ обязаный будучи присягою никогда предъ нею, съ тымъ секретомъ, не выдалемся, ажъ до самого того дня, якого Мазепа до Шведовъ съ Батурина выѣзджалъ, въ который объявилемъ я ей, для чого я такъ часто воздыхалъ и въ якую теперь сторону идемъ, рекши ей наконецъ тые слова о Мазепѣ: »и самъ згинетъ, и насъ погубитъ:« что и исполнилося. А между тою моею предъ воспомянутою боязнію и скорбію разсуждалемъ еще и тое, что онъ Мазепа, не мѣючи о той своей факціи жаднаго согласія съ старшиною енералною и полковниками, не можетъ самъ безъ нихъ и безъ войска едноею своею головою явственно царскому величеству измѣнить, токмо и противную сторону склонностію своею лститъ, и царскому величеству вѣрность свою являетъ, метаяся на обѣ стороны для охраненія Украины.

Вскоре по отѣздѣ того Заленского, въ новомъ уже 1708 году въ первыхъ числѣхъ мѣсяца февруарія, воспріялъ Мазепа, по указу царского величества, военный походъ до Бѣлой Церкви, въ которомъ получилъ онъ перестрогу отъ Кочубею съ пунктами отъ его черезъ полковника Ахтирского до двору царского величества посланными, между якими былъ особный пунктъ о Заленскомъ, который барзѣй еще мене устрашилъ, и отъ того времени началъ былъ я думать о способахъ салвованя себе отъ предлежащихъ бѣдъ, но отвсюду одержимъ былемъ стужающими умъ мой мыслями, понеже когда я помышлялъ въ подтверженіе покойника Кочубея донесеня черезъ кого нибудь царское величество перестеречъ. съ едной стороны устрашала мене жадного въ рукахъ на писмѣ доводу не имѣючого великоросійское жестокое и въ цѣломъ свѣтѣ необыклое право, черезъ которое многіи невинныи часто погибаютъ, а именно »доводчику первый кнутъ.« А до того и самъ мене Мазепа многажды тыми упоминалъ словами: »смотри, Орликъ, чтобъ еси мнѣ додержалъ вѣрности; вѣдаешъ ты въ якой я у царского величества милости; не замѣняютъ тамъ мене за тебе: я богатъ, а ты убогъ, а Москва гроши любитъ; мнѣ ничого не будетъ, а ты погибнешъ.« Яко въ Бендерѣ, когда Войнаровскій, по указу его Мазепы, не токмо мене оскорбилъ, но и на житіе мое настоевалъ, а я жалостнѣ ему выговаривалъ: »такое ли есть за вѣрность мою награжденіе?« отказалъ онъ: »еслибъ ты мнѣ не былъ вѣренъ, то такожъ бы погиблъ, якъ и Кочубей,« и того ради принужденъ я былъ отъ него удалитця до Ясъ.

Зъ другой стороны, представляла мнѣ совѣсть христіанская присягу мою, которою на вѣрную службу ему Мазепѣ единому, яко гетману и пану своему (понеже царскому величеству будучи иноземцемъ и пришелцемъ

въ Украйну, а ни на подданство, а ни на вѣрность, никогда не присягалемъ,) обовязанный былемъ, и того ради почиталемъ себѣ въ мысляхъ моихъ за пагубу душевную, не токмо клятвопреступникомъ, но и предателемъ пана и добродѣя своего, быть, и воздать ему неблагодарнымъ сердцемъ злая возъ благая, ненавѣсть за возлюбленіе и за хлѣбъ ядъ смертоносный.

Наконецъ, ставалъ мнѣ всегда въ мысли покойникъ Мокріевічъ, который будучи въ томъ же, въ якомъ и я былемъ, писарства енералного чину, у гетмана Демяна Многогрѣшнаго, чи праведно, чили неправедно, Богъ вѣсть, обвинилъ его, гетмана своего, о противные государству Россійскому съ Дорошенкомъ пересылки и согласія и предалъ его лестію въ ссылку въ Сѣбиръ; а якуюжъ напотымъ за тое имѣлъ честь? и уряду писарского отъ Самуйловича лишплъся, и зъ Украины изгонимый былъ, и на всякомъ мѣстѣ чрезъ все житіе свое предательствомъ укораемый и поносимый былъ и отъ мирскихъ и отъ духовныхъ особъ, наипаче отъ блаженныя памяти преосвященнаго архіепископа Чернѣговского Лазара Барановича, который, когда колвекъ его Мокріевича въ церквѣ или на обхожденіи видѣлъ, во услышаніе всѣмъ и ему самому именовалъ его Іюдою, пана своего предателемъ, а сыновъ ехидниимъ порожденіемъ, и когда антидору ему давалъ, всегда обыклъ былъ тые мовить слова: »и Христосъ Іюдѣ хлѣбъ далъ, и по хлѣбѣ вниде вонь сатана.«

И съ тыхъ прето мѣръ разсуждая и жестокость уложенія Великоросійского на доношиковъ узаконеннаго и душе-пагубное клятвопреступленіе и безчестный и мнѣ и дѣтемъ моимъ предательства порокъ, колибаемъся умомъ и неспокойными по всякъ день мыслями. А тѣмъ временемъ получилъ въ Бѣлой Церкви Мазепа першъ въ собственноручномъ царского величества писмѣ, потомъ въ публичныхъ грамотахъ, милостивое егожъ величества обнадеживане, что какъ Кочубею, такъ и впредь иннымъ на непорочную его Мазепы вѣрность клеветникомъ, никакая вѣра не подастся, но всякъ таковый воспріиметъ достойную казнь. Якое царского величества обнадерживане отвратило мене отъ тыхъ мыслей, а найпаче кода видѣлемъ его Мазепу великою боязнію одержимаго и въ словахъ кающагося того своего начинанія. Но тое покаяніе въ скорѣ премѣнилося въ раскаяніе, понеже обозный енералный Ломѣковскій и полковники Миргородскій и Прилуцкій, до которыхъ присовокупилъся на потымъ и Лубенскій, видя Мазепу въ боязнѣ и въ небезпеченствѣ, часто ему въ Бѣлой Церквѣ стужали, чтобъ и о своей и о общой всѣхъ

цѣлости промышлялъ, обѣщая, при его достоинствѣ и при оборонѣ правъ и волностей войсковыхъ до крове, стоять, и въ наболшомъ нещастю не отступать его, яко вожда и рейментара своего, а чтобъ о постоянной ихъ къ себѣ вѣрности и доброжелателствѣ не усумнивалъся, просили его о клятвенную роту, съ которой бы могли ему на вѣрность свою присягнуть, соизволилъ Мазепа по долгомъ себѣ о томъ стужаніи, и велѣлъ обозному енералному Ломѣковскому, абы онъ самъ такую, якая имъ угодна будетъ, клятвенную роту написалъ.

Исполнилъ тое Ломѣковскій по согласію своихъ единомысленниковъ, и написаную отъ себе роту подалъ Мазепѣ, которую онъ исправивши и призвавши ихъ тамъ же въ Бѣлой Церквѣ предъ себе, одобралъ отъ нихъ на вѣрность къ себѣ въ избѣ своей приватне присягу съ цѣлованіемъ креста и Евангеліа святаго, а потомъ и самъ на томъ же Евангеліи присяглъ имъ въ таковыхъ же терминахъ, якъ и предъ мною въ Печерскомъ присягалъ. И для того-то, по многократныхъ царского величества указахъ, полковника Миргородского Мазепа подъ арештъ не бралъ, но всячески его охоронялъ, понеже онъ былъ съ нимъ въ согласіи поприсяжномъ. Я убо расуждая, что тая Мазепина съ противною стороною факціа можетъ по времени укрѣпитца и свое воспріять совершенство, когда енералная старшина и полковники почали уже приступать къ единомыслію, умыслихъ былъ оную пресѣкть такимъ образомъ. Былъ тамъ же въ Бѣлой Церквѣ при канцеляріи нашей войсковой единъ подъячій отъ свѣтлѣйшаго князя Александра Даниловича, для наученіа Малороссійскаго языка и писма данный, которого я хотѣлъ крестнымъ цѣлованіемъ на секретъ обовязать и послать до свѣтлѣйшаго князя съ донесеніемъ тайнымъ, дабы отъ царского величества была якая особа знатная прислана для одобраня присяги отъ гетмана, енералной старшины, полковниковъ и сотниковъ, понеже гетманъ, будучи оклеветанъ отъ Кочубея, въ великой боязнѣ и отчаяніи милости монаршеской зостаетъ, а старшина енералная и полковники часто ропщутъ за многіе обиды и нарушенія правъ и волностей своихъ. И такимъ способомъ намѣривалъ я, безъ поврежденія совѣсти и присяги моей, и факцію Мазепину пресѣкть и старшину всю отъ оной отвратить, но тогожъ времени пришла вѣдомость, что Кочубея и Искру безъ всякого розыску на пытку брано, кнутовано и мучено и обѣщано ихъ прислать къ Мазепѣ для воспріятія смертной казни; якая вѣдомость мене устрашила, и того ради принужденъ я былъ оставить тое умышленіе, опасаяся такой же и на себе погибели. Felix quem faciut aliena pericula cautum.

Обявляю тое вашой святынѣ подъ совѣстію по самой истинѣ; а если бымъ въ томъ предъ вашою святынею лгалъ, да разрушитъ мене Богъ до конца.

Перешолъ потымъ Мазепа съ войскомъ реименту своего съ сегобочной Украины на тамтую сторону Днѣпра, где, когда получилъ вѣдомость, что король Шведскій отъ Смоленска обратился къ Украинѣ, сказалъ тые слова: »діаволъ его сюда несетъ! всѣ мои интереса превратитъ, и войска Великоросійскіе за собою внутрь Украины впровадитъ на послѣднюю оной руйну и на нашу погибель!« — А въ томъ времяни одобралъ онъ Мазепа царского величества указъ, чтобъ съ войскомъ реименту своего шолъ въ слученеся, чаю, съ енераломъ Инфлянътомъ для паленя въ полку Стародубовскомъ некрѣпкихъ городковъ, селъ, гуменъ и млыновъ ординованого, но онъ Мазепа иначе себѣ тотъ указъ тлумачилъ и мнѣлъ, будто его къ енералу тому хотятъ приманить и къ рукамъ своимъ прибрать, и того ради велѣлъ Миргородскому, Прилуцкому и Лубенскому полковникамъ до обозного енерального Ломѣковского собратца, до которыхъ и мене послалъ, и велѣлъ имъ предложить, если мѣютъ по указу царского величества въ злученеся съ тымъ енераломъ итить. Отказали на тое всѣ единогласно, чтобъ не ишолъ, и совѣтовали, дабы немедленно до короля Шведского посылалъ съ прошеніемъ о протекцію, поспѣхъ и стараљся съ нимъ злучится при границахъ, чтобъ не допустить войскъ Великоросійскихъ въ Украину; просили токмо его о обявленіе, чего имѣетъ съ цѣлою Украиною и Войскомъ Запорожскимъ надѣятися, на якомъ фундаментѣ тую онъ махину заложилъ. Извѣщалъ онъ Мазепа на тое съ гнѣвомъ тыми словами: »для чого вамъ о томъ прежде времени вѣдать? спуститеся вы на мою совѣсть и на мое подлое розумѣшко, на которомъ вы не заведетеся болшъ; я по милости Божой мѣю розумъ единъ, нижъ вы всѣ;« и обратившися до Ломѣковского сказалъ: »ты уже свой розумъ выстарѣлъ,« а на мене: »у того еще розумъ молодый, дитинный;« а о посылкѣ до короля Шведского отвѣтовалъ: »самъ я буду вѣдать, якого часу послать;« и съ гнѣвомъ вынявши съ шкатулы своей унѣверсалъ Станислава отъ Заленского принесенный, велѣлъ мнѣ предъ ними прочитать, зъ которого были контенты.

Въ скорихъ потымъ числехъ пришолъ дворъ царского величества до Глухова при пѣхотѣ, откуду писано многократнѣ до Мазепы, чтобъ давши кому иному вѣрному коменду надъ войскомъ, самъ пріѣжджалъ въ Глуховъ для совѣтовъ, въ таковомъ состояніи часто потребныхъ. Требовалъ онъ Мазепа и въ тѣ пори совѣту своихъ единомышленниковъ, если мѣетъ

ѣхать до двору царского величества въ Глуховъ; но они окрикнули его, что если поѣдешъ, то и себе и насъ и Украину погубишъ. А тое онъ чинилъ, чаю, искушая и предлагая имъ склонность свою внѣшнюю до отъезду въ Глуховъ, а внутрѣ о томъ и не помышлялъ, понеже всегда донесене о себѣ Кочубея въ умѣ мѣючи, опасалъся и мнѣлъ, будто его хотятъ министри къ себѣ приманить и, къ рукамъ прибравши, дѣло Кочубеево отновить и розыскать, наипаче когда мѣлъ вѣдомости съ Полщи, что тамъ всюда о его Мазепиной съ Станиславомъ согласіи и факціяхъ прославилося и рознеслося, и того ради притворилъ онъ себѣ было болѣзнь, и оною предъ министрами царскóго величества екзскузовался. —

А когда обозный генералный Ломѣковскій и полковники помянутіи часто Мазепѣ стужали о посылкѣ до короля Шведского, ординовалъ мене до нихъ едного вечера, чтобъ крайнѣ постановили. если посылать или оставить тую посылку, чаю, и въ тѣ пори ихъ искушая; о чомъ когда я имъ предложилъ, отвѣщалъ Ломѣковскій именемъ своимъ и прочіихъ жалѣяся на такую его Мазены осталось и умедленіе, что на многократные ихъ предложенія и прошенія не токмо давнѣй не посылалъ и не одозвалъся до короля еще при границахъ, и тымъ своимъ умедленіемъ на руину и на всенародное кровопролитіе впровадилъ всѣ силы Великоросійскіе въ Украину, но и теперь, когда уже подъ носомъ Шведы зостаютъ, невѣдомо для чого медлитъ. Возвратилъся я отъ Мазены съ тоею отъ нихъ реляціею, которой онъ выслухавши, розгнѣвалъся и сказалъ: »знаю я, что не хто иншій тое переговориваетъ, токмо тотъ чортъ лысый Ломѣковскій.« И призвавъ ихъ къ себѣ, зъ великимъ гнѣвомъ сказалъ: »вы не совѣтуете, токмо о мнѣ переговоруете; бери васъ чортъ! я, взявши зъ собою Орлика, до двору царского величества поеду, а вы хочъ пропадайте.« Потымъ умягчившися, и оставивши гнѣвъ, вопрошалъ ихъ, если посылать до короля. Отвѣщали они: »якъ же не посылать? давно тое надлежало учинить, и теперь не треба откладать.« — Услышавъ тое Мазепа, велѣлъ того жъ часу Быстрицкого призвать, и при всѣхъ насъ присягнуть ему на секретъ, а мнѣ приказалъ написать ему инструкцію до граоа Пипера Латинскимъ діалектомъ, зъ которой учинилъ переводъ по Нѣмецку атпекаръ его Мазены, и сътымъ переводомъ, ни такимъ ни сякимъ безъ подпису, безъ печати и безъ жадного ни до короля, ни до Пипера писаного листу отъ себе, выправилъ назавтрѣе Быстрицкого, придавши ему за толмача едного невольника Шведского: а въ той инструкціи, ни подписаной рукою Мазены ни припечатаной, обявлялъ онъ Мазепа великую свою радость съ пришествія королевского величества въ Украину, просилъ

себѣ, Войску Запорожскому и всему народу о протекцію и о свобожденіе отъ тяжкого ига Московского, предлагалъ великое свое небезпеченство, и такожде просилъ о скорое присланіе помощественнего себѣ для обороны войска, для которого переправы обѣщалъ онъ на Деснѣ у пристанѣ Макошинской паромы мѣти въ готовости. Повернулъся вскорѣ Быстрицкій съ устною реляціею, что самъ король обѣщалъ до тоей пристани съ войскомъ поспѣшить въ пріидучій пятокъ, то есть 22 октоврія. На который день надѣялъся и ожидалъ Мазепа пришествіа королевского, но не получилъ совершенства своей надежды. А въ 23 день того-же октоврія, въ суботу, прибѣгъ Войнаровскій въ Борзну до Мазепы, избѣгши тайно отъ свѣтлѣйшого князя Александра Даниловича, и объявилъ, что его свѣтлость завтра въ недѣлю будетъ въ Борзнѣ на обѣдъ и будто онъ Войнаровскій для того, оставивши свои возы и челядь, тайно отъ его свѣтлости бѣжалъ, что нѣякій офицеръ Нѣмецкой породы другому офицеру въ кватерѣ его, Войнаровского, тые слова говорилъ: »пожалься, Боже, тыхъ людей: завтра они будутъ въ кайданѣхъ.« О чомъ если онъ Войнеровскій слышалъ, или былъ отъ Мазепы для прелщенія насъ такъ говорить о томъ научоный, досели не знаю. По полученію той вѣдомости о близости свѣтлѣйшого князя и о пришествіи его свѣтлости наутріе въ Борзну, порвалъся нечаянно Мазепа, якъ вѣхоръ, и поспѣшилъ въ вечеръ, поздно того-жъ дня въ суботу до Батурина, а на завтрешній день въ недѣлю рано, 23 октоврія, переправившися чрезъ Сеймъ рѣку, прибылъ вечеръ до Коропа, где переночовавши, рано въ понедѣлькъ 24 того-жъ переправился нагле черезъ Десну и въ ночи прибылъ до регименту Шведского драгунского, за Орловкою въ едномъ селѣ стоячого на кватерахъ, откуль обозного енералного Ломѣковского и мене выправилъ до короля, а и самъ вскорѣ туда жъ поспѣшилъ.—

А когда переправившися Мазепа съ воискомъ Шведскимъ черезъ Десну, получилъ первую вѣдомость о взятю и спаленю Батурина, жалоснимъ былъ, и сказалъ тые слова: »злые и нещастливые наши початки! знатно, что Богъ не благословитъ моего намѣренія, а я тѣмъ же Богомъ засвидѣтельствуюся, что не желалемъ и не хотѣлемъ Христіанского кровопролитія, но постановилъ былъ у себе въ намѣреніи, пришедши въ Батуринъ съ королемъ Шведскимъ, писать до Царского величества благодарственный за протекцію его листъ и въ немъ выписать всѣ наши обиды преждніе и теперешніе, правъ волностей отятіе, крайнее разореніе и предуготованную всему народу пагубу, а наконецъ приложить, что мы какъ свободнѣ подъ высокодержавною царскаго величества руку для пра-

вославного Восточнаго единовѣрія приклонилися, такъ, будучи свободнымъ народомъ, свободнѣ теперь отходимъ, и за протекцію царскому величеству благодарствуя, не хочемъ руки нашей на кровопролитіе Христіанское простирать, но подъ протекціею короля Шведского совершеннаго нашего свобожденія будемъ ожидать, которое онъ Мазепа (яко самъ сказывалъ) надѣялъся не войною, но покоемъ, черезъ трактатъ получить, и будто хотѣлъ короля Шведского всякими способами до тогожъ съ царскимъ величествомъ покою преклонять. —О безумія! А потымъ тые слова сказалъ: »уже теперь въ нынѣшнемъ нашемъ нещасливомъ состояніи всѣ дѣла иначе пойдутъ, и Украина Батуриномъ устрашенная боятися будетъ едно съ нами держать. Велѣлъ однако, по прошенію полковниковъ, унѣверсалы свои въ городы писать и выписать въ нихъ причины, для якихъ онъ, отступя отъ царского величества, одыйшолъ въ протекцію короля Шведского. А прибывши до села Бахмача, першъ самъ публичне на Евангеліи святомъ присягалъ предъ всѣми енералною старшиною, полковниками, сотниками и знатнымъ товариствомъ, что онъ не для приватной своей ползы, но для общого добра цѣлой отчизны и Войска Запорожского приняlъ протекцію короля Шведского; потомъ всѣмъ енералной старшинѣ, полковникомъ и сотникомъ и всему знатному товариству казалъ присягть на вѣрность къ себѣ и натуюжъ короля Швецкого протекцію. —

А что онъ Мазепа, въ тѣхъ же своихъ унѣверсалахъ, велѣлъ приложить, будто онъ отъ зычливыхъ себѣ съ министровъ царского величества пріателей мѣлъ пересторогu, тоя вашей святынѣ истинѣ подъ клятвою душевною обявляю, что жаденъ съ министровъ ани о измѣнѣ его Мазепы не вѣдалъ, ани его ни въ чомъ не перестерегалъ, но такимъ образомъ тое дѣялося, яко съ тоей реляціи вырозумѣешъ ваша святыня. —

Посылалъ онъ Мазепа съ Борзны до двору царского величества въ Глуховъ съ писмами канцеляристу войскового Болбота, по которого отъ туду возвращеніи обявлялъ намъ всѣмъ, будто единъ съ министровъ царского величества, а другій съ канцелляріи истинныи его пріятели, черезъ того жъ канцеляристу Болбота перестерегали его Мазепу, чтобъ до двору царского величества не ѣхалъ, но паче своей и цѣлого народа Малоросійского цѣлости всякую усмотрилъ охорону и старалъся, дабы всякъ, хто что мѣетъ, въ безопасныхъ мѣстѣхъ въ землю закопалъ, понеже въ такомъ состояніи, не надѣяся въ Украинѣ жадного постоянства, царское величество намѣренъ есть и о Гетману и о всемъ народѣ вещъ якуюсь противную устроить. И будто тотъ же министеръ и нихтось зъ

канцеллярiи черезъ тогожъ канцеллярiсту Болбота обовязали его Мазепу совѣстiю, дабы о той ихъ пересторогѣ нихто не вѣдалъ. Реляцiа тая Мазепы устрашила насъ всѣхъ, который напотымъ и унѣверсалами своими велѣлъ тоежъ предъ народомъ оголосить, но солга неправду себѣ, яко мнѣ послѣ жде, въ 1714 году, тая его хитрость и прелѣсть открилася такимъ способомъ. Когда покойникъ король Шведскiй съ Турецкой земли черезъ Мултанскую путь свой до Померанiи управлялъ, а я, послѣдуя его величеству, вступилъ въ духовномъ дѣлѣ до Букурештъ, — знайшолъ тамъ канцеллярiсту Болбота, готующагося въ монастырь на монашеское житiе, съ которымъ черезъ два дни тамъ конверсуючи и о измѣнѣ Мазепы, такожде и о нещастiю нашомъ дискуруючи, воспомянулемъ между иными вещами и о той пересторогѣ, пыталемъ его: если то была правда? который подъ совѣстiю обявилъ мнѣ, что Мазепа, посылая его въ Глуховъ до двору царского величества самъ единъ на единѣ, приказывалъ ему, чтобъ всячески тамъ стараласа довѣдатца, якъ о немъ розумѣютъ и для чого указы засылаютъ, чтоби до двору ехалъ. Где онъ Болботъ, по указу Мазепы, о всемъ томъ провѣдовалъ, но ничого ни отъ кого противного о немъ не слышалъ о вашемъ князѣ. Григорiй Федоровичь Долгорукiй истиннымъ сердцемъ чрезъ его-жъ Болбота совѣтовалъ ему Мазепѣ, чтобъ ничого не опасаяся, якъ наискорѣй ѣхалъ до двору, представляя и душу и совѣсть свою въ закладъ ему въ томъ, что царское величество ни единого сумнѣнiя о его вѣрности не имѣетъ и не слухаетъ никого, если хто о немъ плутаетъ. Тое жъ самое и секретарь Ореховскiй о непзреченной царского величества къ нему Мазепѣ сказывалъ предъ Болботомъ милости, равной или болшой еще, нежели къ князю Александру Даниловичу, и совѣтовалъ, чтобъ жители Украинскiи опасны были отъ Шведскихъ хитростей и животы свои въ землю закопывали, или на инныхъ мѣстѣхъ непроходныхъ хранили, понеже Шведы всюду цѣлостiю добръ и всякихъ прибытковъ въ унѣверсалахъ своихъ народы обнадеживаютъ, а обнадеженыхъ потомъ рабуютъ и все граблятъ. — Но тое все Мазепа иначе перевернулъ и для прелщенiя першъ насъ словесно говорилъ и Болбота тое жъ сказывать присягою обовязалъ, а потомъ, для устрашенiя и возмущенiя народа, унѣверсалами публиковати повелѣлъ.

Тое все отъ начала даже до конца измѣны Мазепиной праведнѣ предъ вашею святынею, аки предъ самымъ испытуещимъ сердца и утробы Богомъ, подъ тайною исповѣди изявляю, неправду аще подзрѣхъ въ сердцу моемъ, да не услышитъ мене Господь.

Розсудишъ убо, ваша святыня, съ тоей моей реляцыи высокимъ сво-

имъ розумомъ, якая моя большая вина на инныхъ и естли я въ томъ прегрѣшилъ, что по случаю черезъ подосланый Станислава листокъ тайну факціи Мазепиной предъ тымъ отъ мене сокровенную изслѣдовавши и обовязанымъ отъ его до додержаня секрету будучи, тое учинилъ, что̀ мнѣ мой властелинъ повелѣвалъ, то я тымъ самымъ самъ единъ ему Мазепѣ не моглемъ быти оказіею до измѣны, и до отшествія въ противную сторону, а ни онъ самъ Мазепа дерзнулъ бы съ едиою моею головою одыйти, естли бы прочіи съ енеральной стороны, обозный енеральный Ломѣковскій, и съ полковниковъ — Миргородскій, Прилуцкій и Лубенскій до той его факціи не присовокупилися, яко первѣйшіи и начальнѣйшіи въ Войску Запорожскомъ особы, и за собою старшины своей съ полками своими не потягнули и тѣмъ его Мазепу въ зломъ намѣреніи не утвердили.

Вѣдалемъ я о той тайнѣ, по случаю мнѣ откровенной, принужденный былемъ указомъ и страшною Мазепы присягою, а дотого и прелестми взаимнѣ присягнуть на вѣрность, не открилемъ никому тайны, сохранялъ я невреженнѣ вѣрность, яко слуга пану, яко иноземецъ и креатура своему благодѣтелеви, и долженъ былемъ тое сохранить, понеже натура мнѣ тое сама съ предковъ моихъ дала не быть придателемъ, и всякому надъ собою властелину вѣрнымъ быть; дозналъ того по мнѣ вѣчно достойныя памяти король Шведскій, для чого отъ его былемъ и почитаемый и любимый. Я убо единъ иноземецъ тайну тую вѣдалъ, и единъ я не моглъ никакого вреду царскому величеству здѣлать, бо unus-nullus; для чого жъ прочіе Украйнскіи сыны, ревностное отчизны своей нечадіе, царского величества вѣрныи съ отцевъ своихъ подданныи, тайную тую сами изслѣдовали, изслѣдовавши для чого не открили, но паче оную присягою своею потвердили и до крове при Мазепѣ за права и волности стоять цѣлованіемъ Евангеліа святого обовязалися? Благопривѣтствую убо имъ полученной милости монаршой и не завѣдую такого щастя, токмо надъ нещастемъ своимъ уболѣваю, что я единъ одержень есмъ отъ лица помазанника Божія, изгнаніе съ фамиліею моею стражду, не имѣя града пребывающаго. Старалемъся о милосердіи царского величества черезъ святѣйшого патріарху Іерусалимского, черезъ блаженныя памяти господаря и воеводу Мултанского, Константина, черезъ Константина и Михаила Кантакузиновъ, но въ томъ моемъ стараню, суетные мои были труды. Теперь убо отчаявся въ людской помощи, всякія надежды единаго ходатая Богу и человѣкомъ царя царствующихъ, Христа Господа, до христа Господня царского величества представляю,

той за мною вопіетъ на крестѣ: *отпусти*. Той, милосердствуя о грѣшникахъ, до милосердія возбуждаетъ сердце монаршое; будѣте милосердны, якоже и отецъ вашъ небесный милосердъ есть, той и наказуетъ и устрашаетъ: аще не отпустѣте человѣкомъ согрѣшенія ихъ отъ сердецъ вашихъ, ниже Отецъ Мой, Иже есть на небесѣхъ, отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ. Петру повелѣнно до седмъ десять кратъ седмерицею отпущати согрѣшающимъ. Вѣрую, яко повелѣнное исполнитъ милосердное сердце Петрово. А вашей святыни покорно прошу, аще можеши, помози мнѣ по древней своей милости и отческой любвѣ, которой себе навсегда вручаю.

$^{1}/_{12}$ Іюня 1721 г.

вашой святыни нижайшій слуга
Idem qui pridem.

II.

ПИСЬМО МАЗЕПЫ КЪ ПЕТРУ I, ПРИСЛАННОЕ ОРЛИКОМЪ.

(1707.)

Пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій царъ государъ мой всемилостивѣйшій.

Уже то вторично постизаетъ мене искушеніе отъ Станислава Лещинского въ прелѣстныхъ его писмахъ. Первое зъ подъ Варшавы, когда я на службѣ вашого царского величества подъ Замостемъ въ 1705 году зоставалемъ (якіе писма тогдыжъ одослалемъ вашему царскому величеству до Гродни), а нынѣ другое въ Кіевѣ, въ подосланомъ тайно отъ его-жъ Лещинского маленкомъ листку. Я убо, вѣрный вашего царского величества подданый, пребывая аки столпъ непоколибимый въ истинной моей непорушимой вѣрности, яко издревле и блаженной памяти родителю вашого царского величества, великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, и брату вашого жъ царского величества, великому государю царю и великому князю Ѳедору Алексѣевичу, всея Великия и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцемъ, тако и нынѣ и у вашему царскому величеству, щастливе и всемилостиво намъ государствующему

всероссійскому монарсѣ, не восколибалемся досели толь многими прелесныхъ вѣтровъ бурями и волнами, которые устремлялися на м не, то отъ короля Полского покойного Яна третего, то отъ хана Кримского Салимъ - Кгерея, то отъ Донскихъ козаковъ, то послѣжды и отъ Станислава Лещинского; а яко прежде сего, всѣ тые лестные, прелестные и враждебные писма, являя мою тужде непреодолѣнную всякими вражіими навѣты, ухищренми и изобрѣтеніами, вѣрность, посылалемъ вашему царскому величеству, тако и нынѣ послѣдній Лещинского листокъ, для вѣдома хитростей и прелестей его, вашему царскому величеству посылаю, и покорнѣ прошу, дабы ваше царское величество въ непремѣной своей монаршей милости и призрѣнію мене, гетмана, вѣрного своего подданнаго, изволилъ сохранятн, его-же высокодержавную десницу съ доземнымъ поклоненіемъ лобызаю и пребываю непремѣннѣ.

Вашего царского величества вѣрный подданый,
слуга наинижайшій Иванъ Мазепа гетманъ.

съ обозу подъ Кіевомъ
Септеврія 17-го року 1707.

III.

ПЕРЕВОДЪ ПИСЬМА ЛЕЩИНСКАГО КЪ МАЗЕПѢ (1).

По наслѣдственной нашей къ знатному народу Запорозскому благосклонности, благовременно вамъ, вельможной господинъ гетманъ, напоминаемъ, дабы вы всѣхъ преславныхъ и вольныхъ козаковъ предостерегли, дабы вскорѣ къ намъ, какъ къ наслѣдственному государю своему, приступили и приходили. Такимъ образомъ, мы моглибы упредить опасности, которыя могутъ воспослѣдовать; мы же тотъ народъ всегда готовы отечески принять и удовольствовать. 15-го августа 1707 года.

Станиславъ король (М. П.)

---

(1) Подлинникъ начинался такъ: Z dziedziczego naszego ku zacnemu narodowi, и. т. д.

ВАРООЛОМЕЕВІ ШЕВЧЕНКОВІ,

(на ёго́ звістку, що заспокóївъ пра́цею свою́ ста́рість).

(Вароломе́й Шевче́нко така́ люди́на, що́ не́ю мо́жна похвали́тись передъ усіма́ землякáми. Ви́купивсь він изъ кріпáцтва ще зáмолоду, продáвши всю свою́ мизе́рію до-ще́нту. Зроби́всь він во́льнимъ и вбо́гимъ, мовъ той Лазарь, та й почáвъ працюва́ти весе́лимъ ду́хомъ изно́ву. Поборо́въ кріпáцтво поборо́въ и дру́гу нево́лю — убо́жество. Ще жъ сёго́ мáло: набрáвшись за свого́ важко́го життя́ всякого лúха. набрáвсь и ро́зуму не аби́-якого. Ви́йшовъ зъ ёго чоловíкъ якъ слíдъ письме́нний и тямущий. Спізнавшись изъ нимъ, ми побрáталисъ постаросвíцькій покозáцькій.)

Нема́ въ свíті, рíдний бра́те,
Якъ своя́ хати́на!
Пожи́ве́ въ теплí, въ затúшку
Вся твоя́ роди́на.

А якъ ще коло хати́ни
Та й млино́къ на Ро́сі, —
Спи собí тодí безпе́чне
Підъ него́ду, въ про́сі!

А проки́нувшись, дивúся,
Якъ дітво́ра гра́е;
Слу́хай, се́рцемъ весели́ся,
Якъ *стара* співáе.

Неха́й сла́вить ди́во ди́вне —
Красоту́ дівоньку,

Щобъ згада́въ ти те́плимъ се́рцемъ
Ве́сну парубо́цьку.

Неха́й сла́вить Бо́же свя́то —
Лю́бощі-коха́ння,
Щобъ душі твоій приспи́лось
Да́вне жениха́ння.

А підъ співи зросту́ть діти,
Якъ роже́ві квіти.
Ви дава́йте імъ нау́ку,
Якъ у світі жи́ти.

Въ сві́ті жити — не тужи́ти,
Хліба зароби́ти,
Не боя́тись наступи́ти
На терно́ві віти.

Не самі квітки́ зрива́ти
По гая́хъ, по по́лю: —
Че́снимъ по́томъ виробля́ти
Изъ нево́лі во́лю.

Працюва́ли, добува́ли
Хліба ви свято́го
За перво́цвіту-коха́ння
Віку молодо́го.

На стерни́ну и терни́ну
Сміливо ступа́ли,
А квітка́ми передъ ми́ромъ
Го́лову квіча́ли.

И слёзу́, и пітъ кріва́вий
Відъ люде́й таіли, —
У знева́гу не дава́ли
Молодо́і си́ли.

Ой вели́ка си́ла въ се́рцї,
Що кохáти вмiє!
И недóлю, и невóлю
Вонá подолiе.

Немá си́ли въ Бóжiмъ мúрi
Надъ святé кохáня:
Воно́ рóбить изъ невóлi
Чéсне панувáння.

П. Кулiшъ.

БЫЛИ ЛИ МАЛОРУССЫ ИСКОННЫМИ ОБИТАТЕЛЯМИ ПОЛЯНСКОЙ ЗЕМЛИ, ИЛИ ПРИШЛИ ИЗЪ-ЗА КАРПАТЪ ВЪ XIV ВѢКѢ?

«Si liceat historiam pro sua cuique cupiditate detorquere — quid intactum manebit et integrum?»
Kopitar—Hesychii discipulus.

Эти слова покойнаго Копитара, несмотря на всю суетность ихъ по отношенію къ автору, имѣютъ полное оправданіе и въ нашей современной исторической наукѣ: стоитъ только вспомнить, какъ г. Соловьевъ, положивъ въ основу своей исторической системы идею о государственномъ нарядѣ, засудилъ все козачество, видя въ немъ только броженіе противугосударственнаго элемента; какъ г. Погодинъ, въ древней русской исторіи норманнскаго періода, искалъ оправданія и поддержки своимъ политическимъ идеямъ, навѣяннымъ событіями послѣдней войны, и, по этому поводу, создалъ теорію, по которой истинною *столицею русской исторіи*, въ первыя 200 лѣтъ по основаніи государства, является *Константинополь*; о мнѣніяхъ нѣкоторыхъ польскихъ публицистовъ и историковъ—и говорить нечего: они хорошо извѣстны читателямъ «Основы»... Но добро бы политическія и религіозныя убѣжденія, всегда имѣющія живой страстный характеръ, добро бы они одни приводили историковъ къ неумышленному искаженію истины; нѣтъ: — наклонность вымучивать у исторіи желанные отвѣты встрѣчается часто тамъ, гдѣ нѣтъ пищи ни пристрастію, ни антипатіи,—въ такихъ мирныхъ уголкахъ науки, какъ напр. вопросъ о древнемъ отечествѣ южнорусскаго племени. Только увлеченіемъ собственною мыслію историка можно объяснить такое явленіе; но излишняя любовь къ собственной мысли, какъ она ни дорога у историка, для исторической истины вещь не безопасная, такъ-какъ обыкновеннымъ слѣдствіемъ ея бываетъ ложное пониманіе дѣла. Это, дѣйствительно, мы и находимъ въ вопросѣ о древнѣйшемъ отечествѣ Малороссовъ.

Общее мнѣніе объ этомъ предметѣ таково, что малороссы суть исконные—мы разумѣемъ это слово въ чисто-историческомъ его значеніи—обитатели днѣпровскаго бассейна; но существуетъ и иное мнѣніе, по которому они являются довольно поздними колонистами этого края. Никто яснѣе и рѣзче г. Погодина не выразилъ этого мнѣнія; мы и обратимся только къ нему одному и разберемъ подробно его историческія доказательства.

Въ своей «запискѣ о русскомъ языкѣ» помѣщенной въ «извѣстіяхъ Академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности» г. Погодинъ, путемъ чистыхъ логическихъ заключеній, пришелъ къ выводамъ, совершенно новымъ въ исторической наукѣ;—вотъ главнѣйшіе изъ нихъ:

1–ое. Наши южныя лѣтописи писаны на такъ-называемомъ языкѣ церковно–славянскомъ и, такъ-какъ они не заключаютъ въ себѣ ничего непонятнаго для русскаго, то должно признать, что *церковно-славянскій и русскій языки въ-сущности одинъ и тотъ же языкъ*.

2–ое. Въ языкѣ южныхъ нашихъ лѣтописей нигдѣ не видно присутствія малорусскаго элемента: если бы онъ былъ, то многое въ нихъ было бы непонятно великоруссу, потому что не могли лѣтописцы писать совершенно чистымъ церковно–славянскимъ языкомъ: они, хоть ненарокомъ, должны были обмолвиться и сдѣлать уступки въ пользу роднаго нарѣчія; такихъ уступокъ нигдѣ не замѣтно въ лѣтописяхъ: въ нихъ все не только понятно великоруссу, но и принадлежитъ ему, какъ его кровная собственность; потому должно признать, *что южныя лѣтописи* (а равно и другія произведенія южно–русской письменности до татарскаго періода) *писаны великоруссами*.

3–е. Изъ предыдущихъ положеній уже нѣкоторымъ образомъ слѣдуетъ, что и *обитателями южной Руси въ кіевскій періодъ — должны были быть великоруссы*... Это находитъ рѣшительное подтвержденіе а) въ тѣхъ характерахъ (типахъ), какіе намъ рисуютъ лѣтописи и другіе памятники письменности той эпохи: всѣ эти характеры не имѣютъ въ себѣ ничего малорусскаго, а — напротивъ все— великорусское; b) въ полномъ отсутствіи у малороссовъ кіевскаго богатырскаго эпоса и поэтическихъ преданій о кн. Владимірѣ—красномъ солнышкѣ: и то и другое есть *исключительное* достояніе великоруссовъ.

4–ое. Если великороссы были древнѣйшими обитателями полян-

ской земли, то гдѣ же были въ то время малороссы, откуда, когда и по какому поводу пришли они въ нынѣшнее свое отечество? *Татарскій погромъ оттьснилъ великоруссовъ съ юга на сѣверъ; пустыя и брошенныя ими земли, по прекращеніи татарскихъ ужасовъ—были заняты малороссами, которые выселились туда изъ-за Карпатъ—своей прародины. Случилось это въ XIV вѣкѣ.* Положеніе это находитъ оправданіе и въ языкѣ памятниковъ письменности, гдѣ *только* съ XIV вѣка появляются, по мнѣнію г. Срезневскаго, а за нимъ и г. Лавровскаго, настоящіе признаки малорусскаго языка, до того времени нигдѣ и ничѣмъ себя не обнаружившіе.

Вотъ главныя положенія г. Погодина. Въ настоящую минуту мы не имѣемъ подъ руками его «Записки», а потому и не могли придерживаться его собственныхъ словъ; мы изложили только его мысли и, кажется, не опустили ничего существеннаго, не исказили ихъ лишнею прибавкою чего-либо посторонняго.

Вся система имѣетъ видъ стройной логической постройки — и съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ полнаго вниманія, но, къ-счастію или сожалѣнію, для исторической истины недостаточно однихъ логическихъ основаній: нужны достовѣрныя данныя и правильное ихъ пониманіе. Съ этой стороны мы и хотимъ взглянуть на систему г. Погодина. О логической постройкѣ собственно и говорить нечего:—если въ основаніи лежитъ ложная мысль, то, само-собою разумѣется, и дальнѣйшія посылки и заключеніе—также будутъ ложныя.

На первомъ пунктѣ—о тожествѣ церковно-славянскаго языка съ русскимъ—мы не остановимся долго: есть вопросы въ наукѣ, которые рѣшаются однажды навсегда; послѣдующіе успѣхи въ наукѣ, каковы бы они ни были — могутъ расширить это рѣшеніе, уяснить его частностями и подробностями, но не измѣнить его въ основѣ;— потому, порѣшивъ разъ, уже никто болѣе не возвращается къ такимъ вопросамъ. Таковъ, по нашему понятію, и вопросъ объ этнографическомъ, если можно такъ выразиться, различіи языка церковно-славянскаго отъ русскаго. Въ славянской лингвистикѣ — это давно признанный фактъ, стоящій внѣ всякихъ сомнѣній; но если не важно опроверженіе основной мысли г. Погодина, то въ настоящемъ случаѣ для насъ очень важна *причина* этой мысли,—то, почему онъ пришелъ къ ней... Не на строгомъ сравнительно-историческомъ разборѣ звуковъ и грамматическихъ формъ обоихъ языковъ—основалъ онъ

свое мнѣніе, а на простомъ явленіи, что въ южныхъ лѣтописяхъ нашихъ, писанныхъ, по его мнѣнію, на языкѣ церковно-славянскомъ — нѣтъ ничего непонятнаго для русскаго. Очевидно, что здѣсь опущена изъ виду древнѣйшая близость всѣхъ славянскихъ нарѣчій вообще, и еще большая близость юговосточной вѣтви этихъ нарѣчій: и въ древнѣйшихъ юго-славянскихъ рукописяхъ глагольскаго и кирилловскаго изводовъ также нѣтъ ничего особенно непонятнаго для русскаго (а тѣмъ болѣе для русскаго *ученаго*, знакомаго съ древнимъ языкомъ ex ipso fonte), но кто скажетъ, что всѣ эти памятники писаны на языкѣ русскомъ? Отсюда видно, что не только мысль г. Погодина, но прежде всего самое ея *основаніе* несправедливо и несостоятельно въ ученомъ отношеніи, потому что *совершенно оставлена безъ вниманія историческая сторона вопроса.* Тотъ же роковой недостатокъ находимъ мы и во *второмъ* положеніи г. Погодина. Говоря о томъ, что въ языкѣ южныхъ лѣтописей нѣтъ до XIV в. присутствія малорусскаго элемента, онъ отправляется отъ современнаго южнорусскаго языка, какъ будто эта позднѣйшая форма южнорусской рѣчи есть та идеальная мѣра, по которой можно мѣрить все историческое развитіе языка! Это все равно, если бы кто сказалъ, что въ языкѣ новгородскихъ лѣтописей не видно присутствія русскаго элемента, потому что современный русскій языкъ далеко не похожъ на лѣтописный новгородскій!—Потому и попытка г. Погодина доказать это положеніе выборкой словъ и выраженій изъ лѣтописей не имѣла успѣха: «Филологическія Письма» г. Максимовича ясно показали, что эти выраженія на столько же русскія, на сколько и малороссійскія, а вслѣдъ затѣмъ и г. Лавровскій прямо объявилъ, что со стороны лексической этотъ вопросъ и рѣшать нельзя. Значитъ, и въ этомъ случаѣ—г. Погодинъ примѣнялъ современное къ старинѣ и тѣмъ отступилъ отъ основнаго закона историческаго изслѣдованія, запрещающаго мѣрить старину аршиномъ новѣйшаго издѣлья. Такъ, какъ г. Погодинъ не входитъ въ сравнительно историческій разборъ звуковъ и грамматическихъ формъ южнорусскаго языка, то и мы оставимъ, до поры до времени, вопросъ о присутствіи малорусскаго элемента въ русской рѣчи до XIV в. Вопросъ этотъ требуетъ особой ученой осторожности—и можетъ быть рѣшенъ только послѣ тщательнаго изслѣдованія памятниковъ древней южнорусской письменности (*). Вотъ

(*) Мы скрѣпляемъ наше мнѣніе судомъ такого знатока этого дѣла, какъ О. М. Бодянскій. См. его примѣч. къ сочин. Лавровскаго: «Описаніе семи рукописей...»

почему и изслѣдованія г. Лавровскаго. (Журн. М. Н. Пр. 1859 и «Основа» 1861 іюль) предпринятыя въ томъ же духѣ отрицанія малорусскаго элемента въ русской рѣчи до XIV в.—не могли убѣдить насъ; но какъ бы то ни было, допустивъ даже, что малорусскаго элемента дѣйствительно не видно въ южнорусской письменности до татарскаго періода—даетъ ли намъ это одно поводъ и право утверждать вмѣстѣ съ г. Погодинымъ, что и малорусское племя пришло въ полянскую землю изъ-за Карпатъ только послѣ татарскаго погрома?—Мы думаемъ—никоимъ образомъ!

Посмотримъ сперва на его *третье* положеніе: «великоруссы являются коренными обитателями полянской земли, потому что лѣтописные характеры—всѣ чисто великорусскіе.» Здѣсь опять у г. Погодина виденъ *не*-историческій пріемъ: задавать старинѣ вопросы и требованія, почерпнутыя изъ современности. Характеръ народа не есть нѣчто неподвижное, однажды навсегда данное или прирожденное: онъ есть результатъ многихъ историческихъ и природныхъ условій, вообще всего прожитаго. Если бы характеръ народа былъ неподвиженъ и какъ бы предопредѣленъ, не могло бы существовать никакой разницы не только между великоруссомъ и малоруссомъ, но даже между нѣмцомъ и русскимъ, между французомъ и индусомъ, потому, что всѣ они принадлежатъ къ индоевропейскому племени и вышли изъ одного источника. Мы говоримъ о вещахъ слишкомъ рудиментарныхъ; но что же дѣлать, когда и безъ нихъ иногда нельзя обойтись...

Ничто такъ сильно не вліяетъ на измѣненіе народнаго характера, какъ историческія событія и въ-особенности *народныя* историческія событія, гдѣ народъ не былъ только послушнымъ орудіемъ иной посторонней силы, но дѣйствовалъ свободно и самостоятельно, весь предавался борьбѣ, вѣнчался торжествомъ ея или позоромъ. Когда съ этой точки мы взглянемъ на сравнительную исторію великорусскаго и южнорусскаго племени, мы не только объяснимъ современное различіе въ ихъ характерахъ, но и поймемъ—почему великорусскій характеръ можетъ-быть ближе къ лѣтописному, чѣмъ современный малорусскій.

Этой бурной, тревожной жизни, этой великой вѣковой борьбѣ за свободу родины, борьбѣ безъисходной, на жизнь и смерть, среди которой совершались судьбы малорусскаго племени — что подобное находимъ мы у великоруссовъ? Никогда исторія у нихъ не принимала такихъ широкихъ размѣровъ, никогда она такимъ усиленнымъ шагомъ не спѣшила впередъ, какъ у малоруссовъ. Была и въ Вели-

кой–Россіи своя борьба, но борьба пассивная, борьба, въ которой человѣкъ скорѣе терялся, чѣмъ крѣпнулъ. Понятно, почему у нихъ не развилась та могучая своенравная энергія, тотъ гордый непреклонный духъ, яркіе слѣды которыхъ въ народномъ характерѣ малорусса не сокрушились еще и теперь — послѣ вѣковаго рабства. Великоруссъ имѣлъ всѣ условія, чтобы сохранить старинный характеръ, малоруссъ— напротивъ—всѣ условія, чтобъ измѣниться и—въ новой школѣ исторіи—образовать новый самобытный характеръ. Исключительно государственный характеръ великорусской исторіи (съ XV в.) не могъ сообщить народу никакой дѣятельной инціативы и своею мелкою привязанностію къ наружному обряду и казуистикѣ всегда удерживалъ и смирялъ самобытное народное стремленіе впередъ.. Прибавимъ къ этому вліяніе пространственныхъ отношеній и, вообще, внѣшнихъ условій, предрасполагающихъ къ пассивности духа.

Не слѣдуетъ также упускать изъ виду существенной разницы въ этнологическихъ основахъ обоихъ народностей: на сѣверѣ и востокѣ— чудскій элементъ ничего не внесъ въ великорусскую народность, никакого *своего*, новаго, оживляющаго начала: онъ видимо уступалъ предъ нею въ нравственной силѣ и потому долженъ былъ поступиться; въ пограничныхъ мѣстностяхъ образовалась временная переходная помѣсь, но въ сердцѣ великорусской народности не залегло ни одного основнаго, долговѣчнаго чудскаго зерна.. Совершенно иное встрѣчаемъ у малоруссовъ: элементъ восточныхъ азіатскихъ кочевниковъ яркою полосою проходитъ по исторіи и бытовой жизни козачества. Здѣсь онъ— уже не внѣшнее начало, но основная черта народности, черта столь же, покрайней мѣрѣ, сильная, сколь сильна и стихія славянская. Этнологія древнихъ и среднихъ вѣковъ убѣждаетъ насъ, что такое вліяніе двухъ различныхъ народностей—всегда производитъ *новую*, *самобытную* и энергическую народность.....

Искать въ такой далекой старинѣ, каково время до XIV вѣка, причинъ для отрицанія или оправданія современнаго малорусскаго народнаго характера, значитъ, по нашему крайнему убѣжденію, противорѣчить историко–этнологическимъ началамъ изслѣдованія, безъ которыхъ нельзя и браться за вопросъ *о народности и народномъ характерѣ*. Итакъ, если въ настоящее время различіе—въ народныхъ характерахъ великоруссовъ и малоруссовъ—разительно и очевидно для каждаго,— оно есть результатъ различія въ историческихъ и этнографическихъ судьбахъ того и другаго племени: не будь этого послѣдняго—не суще-

ствовало бы и перваго; вотъ-почему, въ-древности, до начала государственной централизаціи у великоруссовъ и народной исторіи у малоруссовъ—разность племенныхъ характеровъ почти незамѣтна: вотъ почему въ южныхъ лѣтописяхъ нельзя видѣть собственно ни малорусскихъ, ни исключительно-великорусскихъ современныхъ характеровъ. Только отбросивъ историко-этнологическую сторону вопроса, г. Погодинъ могъ видѣть въ южныхъ лѣтописяхъ исключительно великорусскіе типы—и потому правъ былъ г. Максимовичъ, когда возражалъ, что въ тѣхъ самихъ характерахъ, на которые указывалъ г. Погодинъ—онъ не видитъ ничего немалорусскаго! Оттого у г. Погодина и вопросъ о характерахъ поставленъ чрезвычайно глухо,—скорѣе какъ дѣло личнаго вкуса и чувства, чѣмъ какъ ученое основаніе...

Кореннымъ различіемъ двухъ народныхъ исторій объясняемъ мы и то обстоятельство, что кіевскій эпосъ существуетъ исключительно у великоруссовъ (это второе доказательство г. Погодина) и совершенно не существуетъ у малоруссовъ. Мы не коснемся здѣсь вопроса о существованіи малорусскаго туземнаго (кіевскаго) эпоса въ эпоху до образованія казачества, потому что намѣрены сказать объ этомъ подъ конецъ нашихъ замѣчаній; но не можемъ не замѣтить, что если историческія обстоятельства и условія благопріятствовали сохраненію эпоса въ Великой Руси, то тѣ же историческія условія сдѣлали существованіе и продолженіе старинаго эпоса совершенно невозможнымъ для Южной-Руси. Дѣло въ томъ, что эпосъ, какъ плодъ органическаго совокупнаго развитія народа, для своего возникновенія и дальнѣйшей жизни нуждается *въ извѣстныхъ* жизненныхъ условіяхъ, внѣ которыхъ источникъ его перемѣняетъ свое направленіе, или окончательно изсякаетъ. Эти эпическія условія жизни главнымъ образомъ заключаются въ наивности и первичной простотѣ быта, воззрѣнія на людей и на природу. Какъ скоро въ жизнь вторгается новое начало и возмущаетъ спокойный, ровный, опредѣленный вѣковѣчнымъ преданіемъ ходъ ея,—наивность и простота народнаго быта и воззрѣнія пропадаютъ, человѣкъ со страстію и увлеченіемъ отдается настоящему съ его интересомъ; съ этимъ вмѣстѣ исчезаетъ или перерождается и старинный эпосъ: онъ болѣе не согрѣваетъ народа своей теплотой; на мѣсто его выступаютъ новыя литературныя формы, и по содержанію и по взгляду болѣе соотвѣтствующія текущему времени. Такимъ рѣшительнымъ переломомъ въ народной жизни—бываютъ историческія *народныя* событія. Теперь, когда припомнимъ, какъ слабо исторія коснулась ве-

ликорусскаго племени въ сравненіи съ южнорусскимъ, мы не удивимся, что старинный эпосъ могъ уцѣлѣть въ своей первобытной свѣжести на такихъ окраинахъ, какъ земли олонецкія, Пермь, Сибирь, куда даже не доходила исторія.. У малоруссовъ—грозныя событія козацкой эпохи всколебали до дна народныя массы: народъ не былъ только зрителемъ, но и актеромъ кровавой драмы, актеромъ не поневолѣ, но по глубокому сочувствію общему дѣлу, по восторженному убѣжденію въ святости и правотѣ его. При такомъ общемъ воодушевленіи—не было недостатка въ истинномъ героизмѣ и высокихъ жертвахъ для мести за оскорбленную святыню родины... На эту новую, полную великой поэзіи, сторону исторической жизни обратилось народное поэтическое воодушевленіе: старые образы померкли, уступили мѣсто новымъ, современнымъ, для которыхъ создалась и новая поэтическая форма, извѣстная подъ именемъ *думы*.

Этимъ объясненіемъ мы, однако, еще не разрѣшаемъ вопроса: «почему именно *кіевскій* эпосъ сохранился у великоруссовъ.» При всей недостаточности и несовершенствѣ ученой разработки русско народной поэзіи, мы не рискуемъ сдѣлать большую ошибку, если скажемъ, что для названія великорусскаго эпоса *кіевскимъ*—не существуетъ прочныхъ ученыхъ основаній: этнографія нашихъ былинъ, не смотря на то, что дѣйствіе происходитъ по большей части, «во стольномъ городѣ во Кіевѣ, у ласкова князя Володиміра,» не можетъ быть названа южнорусскою въ строгомъ смыслѣ; богатыри—почти всѣ не-кіевляне; народы, съ которыми приходится воевать имъ, чаще сосѣдники великоруссовъ, чѣмъ малоруссовъ. Этимъ обстоятельствамъ мы придаемъ значеніе на столько, на сколько нужно для подкрѣпленія нашего крайняго убѣжденія, что происхожденіе и образованіе нашего богатырскаго эпоса совершилось до племеннаго раздѣленія на велико-и мало-руссовъ; это эпосъ—русскій, но никакъ не исключительно великорусскій; корень его можетъ быть, дѣйствительно, возникъ на кіевской почвѣ—и тѣмъ самимъ *Кіевъ вошелъ въ великорусскій побѣгъ русскаго эпическаго дерева, какъ сказочная столица* еще болѣе *сказочнаго Владиміра—красна солнышка*. О немъ въ настоящее время и говорить нечего, такъ-какъ нѣтъ ни малѣйшей причины видѣть въ немъ историческаго Владиміра, и есть много причинъ принимать это лицо за позднѣйшую замѣну—древнѣйшей миѳической личности Волотомана или Волота.

Разобравъ всѣ доказательства г. Погодина, мы возвратимся къ

вышеоставленному нами вопросу: если въ южныхъ нашихъ лѣтописяхъ до XIV в. и не видно присутствія малорусскаго элемента, — даетъ ли это намъ право утверждать, вмѣстѣ съ г. Погодинымъ, что нынѣшніе Южноруссы пришли въ землю Полянъ изъ-за Карпатъ только послѣ татарскаго погрома? Послѣ всего нами сказаннаго, мы, конечно, не задумаемся отрицательнымъ отвѣтомъ; Малорусскіе элементы могли быть и не быть въ лѣтописяхъ; но южнорусское племя, непосредственные потомки котораго сохранились въ современныхъ намъ Малоруссахъ или Украинцахъ, составляло отъ древнѣйшихъ временъ и непосредственныхъ обитателей Днѣпровскаго и Бужскаго бассейновъ (*).

Мы покончили со мнѣніемъ г. Погодина, но не съ самимъ дѣломъ; нашъ разборъ до сей поры имѣлъ главнымъ образомъ—отрицательную цѣль; теперь взглянемъ на нѣкоторыя положительныя данныя, дающія нашему мнѣнію силу несомнѣннаго историческаго факта.

Не всякое историческое научное положеніе бываетъ основано на непосредственныхъ ясныхъ свидѣтельствахъ: многое принимается наукою только потому, что не существуетъ никакихъ противуположныхъ указаній; здѣсь историку предстоитъ или вовсе отказаться отъ всякаго сужденія, или послѣдовать закону логическому: отказаться отъ всякаго сужденія —значитъ отказаться отъ науки, отъ всякой попытки уяснить прошедшія судьбы человѣчества; такимъ образомъ получаетъ силу процессъ логической мысли: онъ восполняетъ для науки то, о чемъ нѣтъ, и даже не можетъ быть, помину въ историческихъ свидѣтельствахъ. Добытое такимъ путемъ положеніе не всегда можетъ имѣть значеніе непререкаемой истины, какъ потому, что зависитъ отъ чисто-логическихъ соображеній, такъ и потому, что впослѣдствіи могутъ встрѣтиться нѣкоторыя противорѣчащія свидѣтельства; тогда вопросъ принимаетъ новую форму, переизслѣдуется—и вмѣсто

(*) Г. Погодинъ опирается на изслѣдованія г. Срезневскаго, который (Мысли о. ист. рус. яз.) утверждалъ, что малорусскій элементъ является въ письменности послѣ XIV в. Но вѣдь г. Срезневскій XIV в. принимаетъ эпохою переворота во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, а не въ одномъ малорусскомъ!...

argumentum a silentio—является *историческое доказательство*. Яснѣе всего это видно на нашемъ вопросѣ о древнѣйшемъ отечествѣ южнорусскаго племени. До послѣдняго времени—наша историческая наука принимала исконную историческую туземность малорусскаго племени на русскомъ югѣ; никто не бросалъ сомнѣнія на это положеніе, потому что ничто не вызывало на это сомнѣніе: южнорусское племя живетъ теперь главнымъ образомъ по теченію Днѣпра, ни въ лѣтописяхъ, ни въ иныхъ письменныхъ источникахъ нѣтъ свидѣтельствъ, что оно пришло откуда нибудь изъ другаго мѣста уже въ историческое время; а потому, весьма естественно и законно—признать это племя за исторически-исконныхъ обитателей страны (вопросъ о переселеніи съ Дуная сюда не идетъ, такъ-какъ мы говоримъ объ эпохѣ исторической). Теперь, когда г. Погодинъ (*) признаетъ этотъ *argumentum a silentio* — недостаточнымъ и, на основаніи логическихъ соображеній, приходитъ къ совершенно иному заключенію—наука обязана взглянуть на дѣло серьезнѣе и поискать уже историческихъ доказательствъ своего положенія. Какъ логическія, такъ и историческія соображенія г. Погодина, оказались несостоятельными, но пытливость—глубже изслѣдовать вопросъ—возбуждена (и это не малая заслуга г. Погодина!) и мы попытаемся, по нашему крайнему разумѣнію, удовлетворить хотя аѳористически этому стремленію.

Первое доказательство исторической туземности нынѣшняго южнорусскаго племени на полянской землѣ — есть лѣтописная географическая номенклатура городовъ, урочищъ, рѣкъ, горъ и т. д. Почти вся она всецѣло сохранилась у теперешнихъ южноруссовъ: если бы они пришли изъ-за Карпатъ въ XIV в., то, нѣтъ сомнѣнія, принесли бы съ собою и новыя топографическія названія, которыя напоминали бы ихъ прежнюю родину.

Второе доказательство — народныя южнорусскія преданія: въ нихъ и Царьградъ и историческіе Татаре играютъ довольно видную роль. Таковы, напр., легенда о Кіевскихъ Золотыхъ Воротахъ или о Михалкѣ Семиліткѣ, пѣсня о службѣ южноруссовъ въ Царьградѣ (Малорусск. Сборникъ г. Мордовцова: пѣсни собранн. г. Костомаровымъ); но — что всего важнѣе—въ современномъ южно-русскомъ народѣ хранятся и такія преданія, которыя занесены въ начальную Кіевскую лѣтопись, таковы:

(*) Нѣчто подобное утверждалъ, помнится, г. Даль, съ своей статьѣ: «о нарѣчіяхъ русскаго языка» Вѣстн. Геогр. Общ. 1852. Но, къ-сожалѣнію, у насъ нѣтъ подъ руками этой статьи.

о Кириллѣ Кожемякѣ, въ которомъ изслѣдователи, не безъ основанія, видятъ отрока Владимірова, Усмошвеца, о бѣлгородской осадѣ — какъ горожане обманули Печенѣговъ (и теперь показываютъ тѣ колодцы, гдѣ, по лѣтописи, была разведена сита и кисель). Древлянскій край и теперь полонъ памятью объ Ольгѣ; рѣки и водные источники — носятъ ея имя; также названіе Кіевскихъ урочищъ (Щековица и Хоревица), рѣки Лыбеди—указываютъ на преданія начальной лѣтописи. Предположить, что все это зашло къ народу изъ письменныхъ источниковъ и послѣ XIV в. — невозможно; остается принять, что тотъ же народъ, который жилъ въ эпоху начальной лѣтописи, живетъ и нынѣ на тѣхъ же самихъ мѣстахъ, въ своихъ потомкахъ

Третье доказательство — «Слово о Полку Игоревѣ», поэтическій складъ котораго находитъ полное оправданіе въ современной народной поэзіи Малороссовъ. Послѣ тщательныхъ изслѣдованій этого вопроса гг. Максимовичемъ (лекціи о Сл. о П. Иг., въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1837 г.) Буслаевымъ и Бодянскимъ (въ изданіи Памятн. г. Дубенскаго)—южно–русская основа памятника уже не можетъ подлежать сомнѣнію: народъ, поющій малороссійскія думы, есть потомокъ народа создавшаго «Слово о Полку Игоревѣ», такъ–какъ между этими произведеніями народной поэзіи открывается не внѣшнее, но внутреннее, этнографическое, родство и преемственность.

Четвертое доказательство—принадлежитъ уже области христіанскаго вѣрованія и легенды: мы разумѣемъ идеалы братской любви, *народныхъ* св. Бориса и Глѣба. Что до XIV в. эти идеалы были присущи благочестивому чувству южнорусскаго человѣка, это доказывается не только начальною лѣтописью, но и житіемъ ихъ, дошедшимъ къ намъ въ рукописи XII в. И что́ же? Тогда какъ въ Великой–Руси мы нигдѣ не замѣчаемъ особеннаго *народнаго* значенія этихъ святыхъ, въ Южной–Руси (въ Переяславѣ) имъ посвященъ особый *народный* праздникъ (*); здѣсь они—въ полномъ смыслѣ—*народные святые*, стоящіе въ непосредственной связи съ историческими воспоминаніями народа. Кто́ скажетъ, что этотъ праздникъ возникъ въ позднее время, установленъ церковью, а не созданъ народомъ?

Но *главное доказательство* туземности малорусскаго народа въ полянской землѣ — это опять несостоятельность самой мысли, чтобы

(*) Объ этомъ празднествѣ см. статьи М. А. Максимовича, въ «Кіевлянинѣ,» 1850 г., кн. 3.

страну, оставленную *своимъ* населеніемъ въ такое страшное время, какъ татарскій погромъ, могло занять *чужое*. Что́ вызывало на такое невыгодное перемѣщеніе, что могло заставить выйти изъ покойныхъ и природою обезопасенныхъ жилищъ, каковы Карпаты—затѣмъ, чтобы *подвинуться* къ Татарамъ и на открытомъ мѣстѣ служить постоянною приманкою для дикихъ кочевниковъ?

Только любовь къ родному пепелищу, къ отогрѣтому мѣсту, съ которымъ соединялось много дорогихъ воспоминаній, только эта любовь могла побудить разбѣжавшееся, при вторженіи Татаръ, населеніе—къ *возвращенію* на прежнія жилища. Эту привязанность къ отчизнѣ не могли искоренить даже многовѣковыя бури непосѣдной козацкой жизни: подвергаемое многочисленнымъ искушеніямъ святое чувство это только крѣпло, мужало: оно и теперь залегло основнымъ камнемъ народнаго малорусскаго характера—и оно то, главнымъ образомъ, служитъ вѣрною порукою, что нынѣшніе Малороссіяне—прямые и достойные потомки тѣхъ *Руссичей*, къ народному чувству которыхъ обращался пѣвецъ Игоря, возбуждая *вступиться за землю Русскую и за обиду того времени!*

А. Котляревскій.

ОБЪ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ МУЗЫКѢ.

(Два слова о музыкальной обработкѣ и о г. Безугломъ).

Получивъ извѣстіе объ изданіи малорусскихъ пѣсенъ, собранныхъ г. Едличкою, мы искренно этому обрадовались. Теперь эти пѣсни уже не пропадутъ для будущихъ поколѣній, какъ пропали безслѣдно и безвозвратно многія другія, преимущественно воинственнаго содержанія. Мы искали ихъ въ собраніи г. Едлички, но не нашли. Тѣ же, которыя у него записаны, изъ числа военныхъ, или походныхъ пѣсенъ, по ихъ мелодіи не отвѣчаютъ тексту: ихъ ритмъ какой-то сентиментальный, не отчетливый, не маршовой. Конечно, это не вина г. Едлички: есть пѣсни, которыя въ различныхъ мѣстностяхъ поются на различные мотивы, и весьма вѣроятно, что въ той мѣстности, гдѣ талантливый собиратель записывалъ ихъ, онѣ пѣлись такъ, какъ онъ ихъ издалъ. Но здѣсь мы вовсе не думаемъ разбирать это изданіе, предоставляя этотъ трудъ другому, болѣе свѣдущему, критику. Цѣль настоящей статьи совсѣмъ другая; объ ней мы скажемъ ниже.

Намъ жаль мелодій тѣхъ украинскихъ пѣсенъ, которыя утратились и которыхъ нѣтъ въ собраніи г. Едлички; а, судя по бурной жизни Запорожцевъ, этихъ пѣсенъ было много. Пѣсня — это живая, устная лѣтопись; часто, при отсутствіи другихъ историческихъ данныхъ, она становится важнымъ документомъ. Січъ Запорожская сначала говорила голосомъ своихъ лицарей; а послѣ, черезъ посредство бардовъ — лирниковъ, передавала свѣту исторію своихъ подвиговъ. Конецъ козачества, перемѣна политической жизни украинскаго народа были сопровождаемы такими потрясающими событіями, такой ужасной борьбой, такими судорожными движеніями народа, и событія эти слѣдовали одно за другимъ такъ быстро, въ такомъ бурномъ обиліи, въ такихъ страшныхъ картинахъ и формахъ, что неудивительно, если народная лира смолкла, онѣмѣла. Трудно было плачущему внуку запѣть лихую,

веселую дѣдовскую пѣсню, говорящую про вольную жизнь. Новый политическій бытъ вызвалъ новые порядки, и всякій думалъ, какъ повести свою жизнь сообразно съ ними. Старое поколѣніе тяготилось новыми порядками, тосковало по старинѣ; но молодое по-немногу свыклось съ ними и лишь изрѣдка слышался стонъ, вырывавшійся изъ груди народа, — и преданія, и характеръ котораго не согласовались съ настоящимъ его бытомъ. О лирѣ никто и не думалъ: на ней были порваны струны...

Если насъ порадовало изданіе малорусскихъ пѣсенъ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно-же и опечалило насъ. Намъ пришло на мысль, что эти, богатыя своей музыкальностью, мелодіи, подвергнутся той же участи, какая постигла пѣсни великорусскія. Ихъ примутъ въ свои руки разные петербургскіе композиторы; надѣлаютъ изъ нихъ безчисленное множество *фантазій*, *варьяцій*, *капризовъ* и прочей музыкальной всячины; словомъ,—какъ говорятъ,—займутся ихъ разработкой. Это значитъ, что ихъ одѣнутъ во всевозможное музыкальное лохмотье, — во все то, что̀ взбредетъ на умъ, или, лучше сказать, что̀ попадетъ подъ пальцы плодовитой посредственности. Загляните въ музыкальные каталоги,—вы тамъ найдете цѣлыя страницы заглавій музыкальныхъ композицій, написанныхъ на великорусскія пѣсни; вы тамъ встрѣтите сочинителей, которые оптомъ, сотнями, взяли на себя ихъ разработку. Вы можете быть увѣрены, что мы не преувеличиваемъ; но ужъ кстати, заглянувши въ каталогъ, потрудитесь заглянуть и въ сочиненія. Берите и разсматривайте смѣло первое что̀ подъ рукою: *капризъ* ли это, *фантазія*, или *букетъ* — всё равно; будьте увѣрены, что узнавъ одну такую композицію, вы будете имѣть понятіе обо всѣхъ. Всѣ онѣ сшиты на одну мѣрку; всѣ пѣсни вставлены въ одинаковыя рамки,—только на каждой тетради другое названіе. Вездѣ одна и та же манера, одни и тѣ-же опошлившіеся пассажи: тутъ вы найдете весь соръ музыкальный, все, чѣмъ такъ богата посредственность...

Но, несмотря на все это, ихъ покупаютъ: онѣ хорошій товаръ въ музыкальныхъ магазинахъ. Великоруссы любятъ свои пѣсни и закупаютъ ихъ—тоже оптомъ, полагаясь на то, что все напечатанное должно быть хорошо. Да, и дѣйствительно, откуда же имъ знать, что̀ хорошо и что̀ дурно, пока они не купятъ сочиненія? Музыкальной критики въ Россіи не существуетъ; а если и выходятъ въ Петербургѣ музыкальные журналы, то они, въ критическомъ отдѣлѣ, забавляются извѣстіями изъ-за границы, біографическими разсказами и анекдо-

тами, и всѣмъ другимъ, только не критикой. Въ прочихъ же литературныхъ газетахъ и журналахъ, если и бываетъ что-нибудь касающееся музыки, то все тамъ хорошо, все хвалятъ. Единственный примѣръ, что не похвалили г. Лазарева, ничего не доказываетъ...

Что остается дѣлать любителямъ музыки при такомъ отсутствіи музыкальной критики? на что полагаться при покупкѣ нотъ? На заглавіе, или на имя автора; но какъ часто обманываетъ и то, и другое. Безъ критики всякій авторъ, имя котораго вы встрѣтите на множествѣ композицій, будетъ вамъ казаться наилучшимъ, и такимъ образомъ г–ну Черни придется уступить первое мѣсто. Остается положиться на вкусъ продающаго, но вѣдь и это шатко. Впрочемъ, провинціалы большею частію такъ и поступаютъ; и часто случается, что нѣжный родитель, ничего не смысля въ музыкѣ, привезетъ изъ губернскаго города, или изъ столицы, въ видѣ гостинца, своей дочкѣ кучу нотъ, съ которыми та не знаетъ, что дѣлать: однѣ ей не по вкусу, съ другими она не можетъ справиться. Но купецъ, продающій ноты, не можетъ, да и не хочетъ предвидѣть этихъ неудобствъ: его дѣло, повозможности, сбыть свой товаръ съ рукъ. Однако и родитель въ этомъ случаѣ не въ большомъ накладѣ: онъ больше бы потерялъ, еслибы повѣрилъ похваламъ литературныхъ газетъ. Онъ тогда накупилъ бы сочиненій того великаго *русскаго* композитора, котораго Англія приглашала къ себѣ, для сочиненія ей ораторій; онъ накупилъ бы произведеній великаго maestro, которому музыкальныя общества подносятъ золотые жезлы, какъ накупили ихъ мы, соблазнясь блестящими отзывами. Эти сочиненія лежатъ передъ нами, и мы, перелистывая ихъ, должны невольно сознаться, какъ горько ошиблись мы въ нашихъ надеждахъ и ожиданіяхъ. Тщетно ищемъ мы въ нихъ великихъ идей великаго русскаго мастера; тщетно желаемъ углубиться въ оригинальность модуляцій, въ поразительныя красоты мелодій. Ничего этого въ нихъ нѣтъ: рамки, въ которыхъ думали увидѣть картину, содержатъ только пятна, намеки на что-то; соблюденіе формы идетъ за мысль. Но можетъ быть мы ошибаемся? можетъ быть наши музыкальныя познанія такъ слабы, что намъ недоступны идеи великихъ музыкальныхъ мыслителей?

Беремъ сочиненія другаго, не очень великаго, но все – таки знаменитаго петербургскаго композитора, объ которомъ часто газеты воспоминаютъ, какъ о великомъ виртуозѣ и замѣчательномъ композиторѣ. Тутъ есть пожалуй и мысль; но манера! манера! Какъ эта тальберговщина намъ надоѣла. Какое однообразіе, монотонія! Довольно пе-

ресмотрѣть одно сочиненіе, чтобы уже не смотря, безъ ошибки разсказать, какъ составлено другое, десятое, сотое. Почти не ошибешься, если скажешь, что послѣ темы, пойдетъ варьяція вверхъ и внизъ по всей клавіатурѣ пассажами. Другая варьяція будетъ перенесеніе темы въ басъ; третья пойдетъ трелями и т. д. Въ слѣдующемъ сочиненіи будетъ тоже наизнанку, и тема—основная мысль сочиненія, эта эссенція, надоѣстъ вамъ своими повтореніями, пока вы доиграете до конца все сочиненіе.

Кажется, давно пора-бы бросить эту манеру. Неужели она еще не надоѣла, я не говорю—публикѣ, но самимъ же гг. композиторамъ? Конечно, тальберговская манера легче всякой другой, и потому-то она такъ дорога г.г. артистамъ средней руки: съ ея помощью — и бездарная посредственность становится на одну доску съ истиннымъ талантомъ. Но, вѣдь истинный талантъ не станетъ на-скорую руку составлять свои произведенія; онъ не спѣшитъ за сомнительной извѣстностью, онъ идетъ своей дорогой, и въ немъ должна преобладать оригинальность. Въ одно время съ Тальбергомъ жилъ и Шопенъ, и посмотрите какая разница ихъ произведеній! Кто знаетъ Шопена, кто умѣетъ понимать его, тотъ и не взглянетъ на произведенія петербургскихъ великановъ. А между тѣмъ, по слѣдамъ Тальберга пошло многое множество различныхъ виртуозовъ и композиторовъ, тогда-какъ у Шопена нѣтъ подражателей.

Досадно, что у насъ не понимаютъ Шопена до-сихъ-поръ. Правда и то, что произведенія его дышатъ такой оригинальностью; всѣ мысли, всѣ фразы его запечатлѣны такой геніальностью, что не всякій артистъ можетъ ихъ и исполнить, какъ слѣдуетъ. У него встрѣчается такое разнообразіе мотивовъ и мелодій, что публика, слушающая его произведеніе, часто не успѣваетъ схватить его мысли, и лучше любитъ, чтобы композиторъ повторялъ ей свою мысль двадцать разъ сряду на различные тоны: тогда она ужъ поневолѣ наизустъ заучитъ эту мысль. А Шопенъ, нелюбившій повторяться, все-таки, для большинства, остается загадкою, сфинксомъ, и многіе, прослушавъ въ концертѣ его піэсу, выходятъ изъ залы, повторяя вслѣдъ за нѣмцами: Das ist keine musik!

Малороссійскія пѣсни имѣютъ большую извѣстность и всѣмъ нравятся—знающимъ и незнающимъ; неудивительно, что за ихъ разработку возьмется цѣлая толпа петербургскихъ композиторовъ, которые будутъ стараться втискивать ихъ въ тѣ же рамки, изъ которыхъ такъ пла-

чевно выглядываютъ великорусскія пѣсни. Для того, чтобы успѣшно сочинять на мотивы народныхъ пѣсенъ, необходимо хорошо знать этотъ народъ: его нравы, обычаи, исторію; а для этого надо или родиться, или много жить въ той странѣ, національную музыку которой разработываешь, и, во всякомъ случаѣ, нужно много и пристально изучать.

Въ изданіи г. Едлички мы встрѣтили нѣсколько знакомыхъ мотивовъ народныхъ пѣсенъ, которыя мы слышали гораздо прежде въ сочиненіяхъ *г. Безуглаго,* и которыя намъ такъ понравились тогда. Это подало намъ поводъ написать настоящую статью; такъ—какъ уже давно мы не встрѣчали въ газетахъ никакихъ отзывовъ о г. Безугломъ, то были вправѣ подумать, что публика или не знаетъ его, или вовсе о немъ забыла. Въ первомъ случаѣ, намъ жаль публику; а второе было бы несправедливо въ – отношеніи композитора, такъ какъ все, что онъ написалъ до–сихъ–поръ, носитъ на себѣ печать истиннаго таланта, и таланта оригинальнаго.

Всѣ гоняются за оригинальностью; но она есть достояніе весьма немногихъ. Обыкновенно бываетъ такъ, что юный артистъ, въ молодости, избираетъ себѣ преимущественно какого нибудь знаменитаго композитора, къ произведеніямъ котораго питаетъ больше симпатіи; изучаетъ его манеру и, въ своихъ сочиненіяхъ,—непремѣнно подражаетъ ему. Счастливы тѣ, вкусъ которыхъ, вслѣдствіе воспитанія, рано очищается: они очень скоро перестаютъ восхищаться произведеніями современныхъ знаменитостей, понимая, что никакіе фокусы, никакой музыкальный фейерверкъ, не замѣнитъ истиннаго благородства и изящной простоты старыхъ maëstro. Моцартъ, Бетховенъ, Веберъ, а изъ новѣйшихъ—Шопенъ—вотъ ихъ идеалы. Другіе, менѣе счастливые, или менѣе талантливые останавливаются на Тальбергѣ или Листѣ и далѣе нейдутъ, предпочитая хореграфическія движенія рукъ на клавишахъ, богатству и силѣ мыслей. Но всякій истинный талантъ не долженъ, и не можетъ, остановиться на одной точкѣ. До конца своихъ дней онъ развивается и совершенствуется; а развиваясь—и усвоиваетъ себѣ оригинальность, хотя въ первоначальныхъ его произведеніяхъ всегда слышится та или другая манера уже знакомыхъ композиторовъ.

Конечно, читатели поймутъ, что мы говоримъ, собственно, о піанистахъ, тѣмъ болѣе, что и г. Безуглый, о сочиненіяхъ котораго мы намѣрены говорить, также піанистъ. Но все сказанное нами можетъ относиться и ко всякаго рода музыкѣ.

Эту статью мы пишемъ исключительно для Украины, чтобы познакомить ее, насколько это въ нашихъ силахъ, съ произведеніями ея національнаго композитора, потому–что г. Безуглый родился въ Подольской губерніи, и все дѣтство и юность провелъ въ Украинѣ. Вотъ почему онъ такъ хорошо усвоилъ себѣ малороссійскія мелодіи, и такъ вѣрно передаетъ въ своихъ произведеніяхъ характеръ народной украинской музыки.

Первое сочиненіе г. Безугляго мы слышали въ 1855 году, сыгранное самимъ авторомъ въ блестящемъ концертѣ, данномъ имъ вмѣстѣ съ г. Тропянскимъ. То была «Podolanka–mazurka». Публикѣ весьма понравилась эта піэса, хотя она принадлежитъ къ числу юношескихъ произведеній автора. Въ этой мазуркѣ нѣтъ того, чѣмъ обыкновенно любятъ похвастать молодые композиторы: школьнаго педантизма, или претензіи на блескъ. Напротивъ, тутъ видна не смѣлость, почти робость: ни мудреныхъ комбинацій, ни блестящихъ пассажей,— нѣсколько мелодій, сплетенныхъ въ скромный вѣнокъ, нѣсколько, чуть замѣтныхъ ошибокъ — и больше ничего. Но зато чистое вдохновеніе вѣетъ отъ каждой фразы, отъ всякой ноты. Это сочиненіе было издано въ Варшавѣ; но въ немногихъ экземплярахъ, и уже конечно изданіе давно изчерпано.

Второе произведеніе украинскаго композитора появилось въ 1856 году, и было издано въ Петербургѣ, подъ заглавіемъ L'enfant d'Ukraine. Въ немъ талантъ автора уже какъ–бы сложился и опредѣлился вполнѣ, но, къ сожалѣнію, подъ вліяніемъ тальберговской манеры, которая намъ крайне противна. Впрочемъ, весьма многимъ нравится это сочиненіе; и дѣйствительно, оставя въ сторонѣ нашъ личный вкусъ и взглядъ на музыку, оно имѣетъ свои несомнѣнныя достоинства, по мысли, по общему плану и фактурѣ. Въ немъ авторъ выказалъ большое знаніе сложнаго контрапункта и законовъ гармоніи, и чуть–ли не исчерпалъ всѣ средства, которыя, въ наше время, представляетъ усвоенный имъ инструментъ. Все это заставляетъ насъ разобрать эту піэсу.

Послѣ небольшой прелюдіи, грустнаго содержанія и формы чисто тальберговской, идетъ украинская пѣсня полными аккордами грустнаго и серьезнаго характера. Эта пѣсня повторяется затѣмъ въ другой разъ, разбросанными аккордами, выражающими какое–то волненіе, которое увеличивается, и пѣсня повторяется третій разъ, быстрыми, какъ молнія, прыжками аккордовъ. Тема, однако, ясно и отчетливо поется на среднихъ тонахъ. Въ этой варіаціи, очевидно, авторъ хочетъ вы-

разить сильное волненіе, борьбу, козацкую стычку, и, до нѣкоторой степени, успѣлъ въ этомъ. Затѣмъ, быстрое движеніе аккордовъ уменьшается, прерывается и слѣдуетъ вторая тема, другая украинская пѣсня, веселаго характера и игривой формы. Живое движеніе пѣсни, ея веселый мажорный тонъ, выражаютъ какое-то разгульное веселье: то затянетъ ее хоръ дружно, то съ присвистомъ и присядкой; то голоса распадаются, то опять слагаются въ стройный хоръ. Слышно какое-то опьяненіе, разгулъ, неистовство, какъ будто послѣ предъидущей схватки лихіе козаки празднуютъ побѣду. Но тоны смѣшиваются; голоса начинаютъ не дружно; всякій тянетъ по-своему, одинъ другаго перебиваетъ. Охрипшіе голоса начинаютъ не въ тактъ: тотъ поетъ выше, другой ниже, словомъ: «кто въ лѣсъ, кто по дрова». Такая неистовая веселость должна истощить наконецъ и козацкую натуру и, вотъ, хоръ уменьшается; шумъ и гамъ стихаютъ, только изрѣдка начинаютъ долетать отрывочные тоны пѣсни, и, наконецъ, все смолкаетъ. Начинается andante, въ которомъ въ верхнихъ нотахъ повторяется первая тема; но другая гармонія придаетъ ей новый характеръ и выраженіе какого-то раздумья. Быть можетъ, это—войсковые старшины сошлись *на ра̀ду* и обсуживаютъ дѣло? Но гармонія входитъ въ первоначальныя границы,—и опять волненіе, опять борьба; мѣстами прорываются стоны, слышится плачъ... Гдѣ же плоды того раздумья, которое выразилось въ andante?—Намъ кажется, что піэса въ этомъ мѣстѣ не выдержана. Или, можетъ быть, лихая доля послала несчастье на страну и потому-то, хотя волненіе и прекратилось, но плачь долго еще слышится. Дребезжащіе звуки почти замираютъ и издалека слышатся тихіе, мягкіе тоны прежней веселой пѣсни; но живой ритмъ ея однако не заглушаетъ плача, и, какъ слабый проблескъ надежды, тонетъ въ слезахъ. Эти разнохарактерныя пѣсни, соединенныя вмѣстѣ въ концѣ піэсы, производятъ удивительный эффектъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого сочиненія видна какая-то небрежность, какъ будто автору лѣнь было переписать ее въ другой разъ.

Третье сочиненіе г. Безуглаго мы слышали два раза въ концертахъ, но не знаемъ было ли оно напечатано. Мы имѣемъ его въ рукописи и по ней постараемся разобрать его такъ-же безпристрастно, какъ и предъидущія. Сочиненіе это называется «Украинская колыбельная пѣсня» и есть чистая идиллія въ украинскомъ духѣ.

Основная мысль этой піэсы, если ее можно заключить въ слова́, была—выразить мечты матери надъ колыбелью своего ребенка, уба-

ющей его ко сну и мечтающей о его будущности. Пока ребенокъ шевелится еще и плачетъ въ люлькѣ, мать убаюкиваетъ его мотивомъ грустной пѣсни, той самой, которой всѣ украинки убаюкиваютъ своихъ дѣтей, которой, можетъ быть, самого композитора убаюкивала въ дѣтствѣ его мать. Пѣснь эта тихая и спокойная; ее поддерживаетъ однообразная гармонія, выражающая мѣрное колыханіе люльки, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, припоминающая слѣпца лирника, который аккомпанируетъ себѣ на своемъ инструментѣ. Здѣсь не только тема національная, но и самый аккомпаниментъ, который служитъ поддержкой нѣсколькимъ мотивамъ, слѣдующимъ одинъ за другимъ въ разныхъ интонаціяхъ (majoг et minor), оставаясь на той же тоникѣ. Но ребенокъ уснулъ, и мать уносится мечтами въ далекую будущность; ея воображеніе рисуетъ богатыя картины; барвинкомъ и любисткомъ устилаетъ она жизненный путь своего младенца; ей видится даль только въ розовомъ цвѣтѣ, и любовь материнская радугой счастья окружаетъ будущую судьбу своего дѣтища. И забыла она, да и гдѣ жъ ей, счастливой и любящей, помнить, что некрутчина, какъ роковой призракъ стоитъ въ самомъ началѣ жизненнаго пути ея младенца. Она такъ предалась своимъ мечтамъ, такъ въ нихъ погрузилась, что люлька едва шевелится; голова ея склоняется на грудь, улыбка счастья озаряетъ ея уста и мечты матери перешли въ волшебныя сновидѣнія. И ребенокъ и мать заснули.

Простота и задушевность этой небольшой піэсы увлекательны. Въ ней авторъ остается вѣренъ самому себѣ и своему таланту, не заимствуя для своего произведенія ни чьей избитой манеры. Послѣ фантазіи «L'enfant d'Ukraine» это сочиненіе насъ очень обрадовало, потому что мы уже считали самобытность г. Безуглаго погибшей: мы думали, что онъ, вслѣдъ за другими, навсегда пошелъ по тальберговской рутинѣ. Оказалось, однако, что фантазія въ тальберговскомъ родѣ была только пробой и упражненіемъ, и что авторъ никогда не имѣлъ пристрастія къ этой манерѣ. Можно надѣяться, что талантливый композиторъ отказался отъ такого рода сочиненій навсегда и не будетъ болѣе тратить столько воображенія, столько мысли, для блестящихъ пассажей и граціозныхъ положеній рукъ на клавишахъ.

Наши надежды осуществляются, потому-что г. Безуглый, въ двухъ новыхъ своихъ произведеніяхъ, двухъ «балладахъ» въ украинскомъ духѣ, остается снова вѣренъ своему оригинальному направленію, и, кажется, твердо пошелъ по избранному имъ пути. Намъ очень трудно

сдѣлать разборъ обоихъ этихъ произведеній, потому что они еще не напечатаны и мы не имѣемъ ихъ даже въ рукописи. Но мы слышали нѣсколько разъ, какъ ихъ игралъ самъ авторъ, и попробуемъ хоть вкратцѣ передать ихъ содержаніе, такъ, какъ мы его прочувствовали.

Первая «баллада»—поэма любви; это одна изъ драмъ, которыхъ такъ много разыгрывается втихомолку въ глуши хутора, или деревни. Всякій украинскій балагуръ, первый попавшійся слѣпецъ, каждая украинская «тітка», или «дядина», разскажутъ вамъ подобную исторію. Кто знаетъ Украину, кто знаетъ, какъ сильно, страстно умѣютъ тамъ любить, тотъ услышитъ въ звукахъ «баллады» самыя живыя сцены и возвышенность чувствъ, и упоеніе любви, и борьбу противъ злой доли. Сколько прелести, увлеченія, въ лирическихъ сценахъ любви, столько-же драматизму и силы въ сценахъ отчаянія. Композиторъ не сентиментальничаетъ, не вдается въ мелодраму: плаксивости нѣтъ; но нѣтъ и жесткости. Онъ не надоѣдаетъ мелодіей, не мозолитъ ушей темой, и украинскіе мотивы здѣсь даже не на первомъ планѣ. Авторъ разсказываетъ *по-своему*, а народныя мелодіи являются какъ подтвержденіе его разсказа.

Вторая «баллада» болѣе серьезнаго содержанія. Мысль ея взята тоже изъ быта Украины, но изъ быта историческаго, а потому тутъ важную роль играютъ мотивы походныхъ козацкихъ пѣсенъ. Первая частъ баллады передаетъ, какъ козаки выступаютъ въ походъ. Это уже не скрытный набѣгъ, но регулярный походъ на войну. Полки ведетъ Сагайдачный; народъ провожаетъ ихъ и отвѣчаетъ козакамъ на ихъ прощальную пѣснь, могучими аккордами, стройной и сильной гармоніей: въ этихъ отрывистыхъ взрывахъ могучаго хора слышится и сочувствіе и ободреніе. Походная пѣсня переходитъ въ военный маршъ и козаки исчезаютъ за тучей пыли, поднятой копытами ихъ коней.

Затѣмъ, композиторъ вводитъ въ балладу эпизодъ совершенно частный,—но который находится въ непосредственной связи съ 1-й частью баллады, прямо изъ нея вытекаетъ. Между народомъ, провожавшимъ козаковъ на войну, «дівчина» проспала своего «сокола» и ея-то любовь и тоску передаетъ авторъ въ этой второй части баллады. Сначала она припоминаетъ всю свою прошлую жизнь, свое знакомство съ милымъ, послѣдній его разговоръ, который композиторъ передаетъ прелестнымъ дуэтомъ. Но козаки не возвращаются изъ похода; бѣдная, ни слуху, ни вѣсти не имѣетъ о своемъ миломъ; и вотъ—она въ отчаяніи поетъ лебединую пѣснь «віють вітри». Задушевная, полная тоски,

мелодія этой пѣсни талантливымъ композиторомъ доведена до выраженія полной безнадежности, сильнѣйшаго отчаянія, и необыкновенно удачно заканчиваетъ піэсу.

Вотъ все, что́, покуда, мы знаемъ о сочиненіяхъ г. Безуглаго; но мы слышали, что онъ пишетъ еще что́-то, въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, но съ тѣмъ же направленіемъ. Мы будемъ очень рады, если первые познакомимъ Украину съ музыкальными произведеніями, которыя она только одна можетъ оцѣнить по достоинству,—потому, что талантъ г. Безуглаго прямо вытекаетъ изъ народной мелодіи, или, лучше сказать, народная мелодія придаетъ ему тотъ оригинальный характеръ, которымъ отличаются его сочиненія. Что́ до насъ касается, то мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ появленія въ печати послѣднихъ произведеній украинскаго композитора, и душевно желаемъ, чтобы талантъ его неуклонно шелъ по избранному имъ пути.

Бачный.

30 октября
1861 года.

О ПЕРЕДАЧѢ НАУЧНЫХЪ СВѢДѢНІЙ НА НАРОДНОМЪ ЯЗЫКѢ.

Въ замѣткѣ, подъ названіемъ «*Устня мóва зъ наýки*» (Основа, за мартъ 1862) выражено желаніе благомыслящихъ и просвѣщенныхъ Малоруссовъ—упростить способы изложенія общеполезныхъ свѣдѣній, и такимъ образомъ содѣйствовать къ успѣшнѣйшему распространенію просвѣщенія между массою южнорусскаго народа. Для этого, разумѣется, прежде всего необходимо обработать первоначальныя науки на родномъ языкѣ. Нельзя не пожелать успѣха въ такомъ прекрасномъ дѣлѣ. Мы думаемъ, что въ украинскомъ языкѣ, неиспорченномъ, подобно великорусскому, чужестранными вліяніями, развивающемся самобытно изъ родныхъ источниковъ, найдется достаточно средствъ для замѣны научныхъ терминовъ словами общепонятными и чисто-славянскаго происхожденія; великорусскому научному языку все еще не удается освободиться отъ множества всякаго рода *логій*, *номій*, *грамма* и т. п.

Гораздо больше неудачъ встрѣтится съ той именно стороны, съ которой менѣе всего, можетъ быть, ожидаютъ ревнители родного слова. Нѣкоторые полагаютъ, что преподавать или излагать популярно элементарные учебные предметы—дѣло легкое. Такое ложное мнѣніе у насъ вкралось отъ общаго недостатка знаній какъ этихъ элементарныхъ предметовъ, такъ и основныхъ началъ педагогіи. Людямъ, серьезно размышлявшимъ объ этомъ и дѣлавшимъ уже опыты въ популярной передачѣ элементарныхъ познаній, очень хорошо извѣстно, какими качествами необходимо обладать преподавателю, чтобы достигнуть болѣе или менѣе полнаго успѣха; они очень хорошо знаютъ, чего стóитъ такая задача. Тутъ недостаточно одного знанія предмета въ томъ объемѣ, въ какомъ предположено его преподавать или излагать. Наставникъ народа или учитель дѣтей младшаго возраста долженъ: *во-первыхъ*, знать элементарные предметы такъ же хорошо, какъ и лучшій спеціалистъ, съ тою только, разумѣется, разницею, что первый принимаетъ къ свѣдѣнію послѣднее слово науки, такъ сказать, *на вѣру*, а второй *повѣряетъ* это слово *собственными* опытами и наблюде-

ніями; *во-вторыхъ*, знать основныя начала педагогіи; *въ-третьихъ*, знать дѣтскую природу въ-особенности,—а для этого, разумѣется, необходимо—обладать извѣстнымъ тактомъ и даромъ особенной наблюдательности; и наконецъ *въ-четвертыхъ*, учитель, по своимъ понятіямъ, ставъ выше той среды, въ которой желаетъ оказать свое вліяніе, долженъ умѣть и снизойти въ эту среду и проникнуться ея понятіями. Однимъ словомъ, отъ подобныхъ дѣятелей требуется слишкомъ много и *знаній*, и *опытности*, и *таланта*. Смѣшно и вмѣстѣ жалко смотрѣть, какъ нѣкоторые издатели популярныхъ книжицъ премило лепечутъ дѣтскимъ языкомъ о совершенно-немилыхъ (т. е. совершенно-непонятныхъ) предметахъ; или какъ бѣднаго, ни въ чемъ неповиннаго мужичка, стараются наставить на путь истины, пудря ему голову совершенно не мужицкимъ манеромъ и коверкая и ломая его простую рѣчь на московскій или петербургскій ладъ. Изъ всѣхъ этихъ безцеремонныхъ, медвѣжьихъ лобзаній и лягушечьихъ кваканій, разумѣется, ничего больше не выходитъ, какъ чистая *пошехонская* чепуха. И виною всему этому вовсе не *мужицкій языкъ*, а *невѣжественное обыкновеніе*—браться не за свое дѣло,—т. е. браться за столь святое дѣло такъ легкомысленно, безъ надлежащаго приготовленія, знанія и таланта.

Положимъ, что въ необходимомъ матеріалѣ, изъ котораго можно черпать научныя свѣдѣнія, недостатка не будетъ, если прибѣгнуть къ помощи иностранной литературы; но съумѣть выбрать, расположить и передать понятнымъ, т. е. болѣе или менѣе *наглядным*ъ образомъ, элементарныя знанія—будетъ гораздо труднѣе. Для достиженія этого, прежде всего необходимо отдать себѣ отчетъ въ томъ, кому именно передаются эти знанія—*дѣтямъ*-ли или же *взрослымъ простолюдинамъ*? При составленіи учебниковъ и книгъ для народнаго чтенія у насъ вошло и, какъ надо полагать, вошло *безсознательно*,—въ привычку—смѣшивать простолюдиновъ съ дѣтьми и излагать науку тѣмъ и другимъ одинаковымъ образомъ. Очевидно, что это совершенно неосновательно; ибо понятія и свѣдѣнія, пріобрѣтаемыя опытомъ, жизнію, у тѣхъ и у другихъ весьма различны, слѣдовательно, не все то, что для взрослаго необразованнаго человѣка понятно и занимательно, можетъ быть такимъ для дитяти; и на оборотъ: не все то, что́ привлекаетъ вниманіе дитяти, можетъ быть привлекательно для взрослаго. А отсюда слѣдуетъ, что при популярномъ изложеніи какой-либо науки въ томъ и другомъ случаѣ должно употреблять разные пріемы;

да и объемъ науки будетъ то расширяться, то сокращаться въ своихъ частяхъ, смотря потому, кому мы сообщаемъ ея истины—мальчику–ли, находящему болѣе интереса въ искусномъ устройствѣ силковъ, нежели въ умѣньи предугадывать вёдро,—или же взрослому земледѣльцу, для котораго чрезвычайно интересно узнать причину, если не всѣхъ, то весьма многихъ явленій природы. Вообще, въ первомъ случаѣ болѣе всего слѣдуетъ обращать вниманіе на поэтическую, или вѣрнѣе, чувственную сторону предмета, т. е. на такую сторону, которою болѣе всего можно привлечь вниманіе дитяти; во второмъ—тотъ же предметъ разсматривается преимущественно со стороны прямой его пользы, т. е. со стороны его практическаго значенія.

Возьмемъ для примѣра «спробу» популярнаго объясненія «*про дощъ*», помѣщенную въ мартовской книжкѣ *Основы*, и посмотримъ, насколько этотъ опытъ не достигаетъ надлежащей цѣли по причинѣ упущенія этого условія. Съ одной стороны, мы находимъ въ этой статьѣ кое–что лишнее, а съ другой—замѣчаемъ отсутствіе самаго необходимаго. Объяснимъ это на дѣлѣ.

Если эта бесѣда «*про дощъ*» ведется съ цѣлью поученія взрослыхъ людей, то, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы ее расширить, обративъ особенное вниманіе на слѣдующіе предметы:

а) на *туманъ* и *облака*, по которымъ можно болѣе или менѣе вѣрно предсказывать погоду;

и б) На состояніе воздуха—его *сухость* или *влажность*, на способъ, какъ узнавать это состояніе воздуха, и на его вліяніе на измѣненіе погоды.

Все это предметы чрезвычайно любопытные и притомъ такіе, которые не трудно объяснить понятнымъ образомъ для необразованнаго, но практически–опытнаго, человѣка. Какъ извѣстно, по нѣкоторымъ атмосфернческимъ явленіямъ наблюдательные земледѣльцы иногда довольно вѣрно угадываютъ погоду, вовсе не умѣючи объяснить причину и таинственную связь между этою послѣднею и самимъ явленіемъ;—такъ напр. они знаютъ, что красноватыя облака, замѣчаемыя при захожденіи и восхожденіи солнца, предвѣщаютъ вѣтеръ и дождь. Но знаетъ–ли кто изъ нихъ, что «яркость цвѣта всегда пропорціональна количеству паровъ, переходящихъ изъ прозрачныхъ въ состояніе тумана»? и что, слѣд., по степени яркости цвѣта, можно судить о болѣе или менѣе быстрой и рѣзкой перемѣнѣ погоды? А вѣдь какъ хорошо, какъ любопытно знать подобныя вещи!

Если же мы станемъ толковать про то же самое явленіе —про дождь дѣтямъ, тогда вовсе ненадо толковать о засухѣ и о *тяжелыхъ временахъ*: дитяти до этого вовсе нѣтъ никакого дѣла. Напротивъ, ему будетъ очень интересно узнать, что серебристыя капельки, росинки, которыя оно видѣло на цвѣткѣ, имѣютъ аналогію съ такими же капельками воды, которыя, безъ сомнѣнія, замѣчало на крышкѣ кострюли, на тарелкѣ, ложкѣ, или на стеклѣ и т. п. Тутъ не слѣдуетъ уже говорить о какихъ бы то ни было законахъ и о взаимной связи явленій природы, до–тѣхъ–поръ, пока вы не объясните послѣдовательно этихъ явленій, начиная съ самаго легкаго и постепенно переходя къ болѣе трудному, и пока не разовьете въ дитяти извѣстную степень наблюдательности, которой у него не можетъ быть въ той степени, какъ у взрослаго, и безъ которой нельзя усвоить никакихъ положительныхъ знаній. Такимъ–образомъ, прежде чѣмъ вы начнете говорить о дождѣ, побесѣдуйте сперва кой–о–чемъ другомъ: сначала о водѣ и парахъ вообще, а потомъ—о росѣ, туманѣ и облакахъ. Да и вообще, при общедоступномъ объясненіи дождя, едва–ли будетъ кстати держаться другаго, а не этого, порядка.

Говоря это, мы указываемъ на тѣ недостатки, которыхъ не трудно избѣжать, но которые, несмотря на ихъ важность, очень часто упускаются изъ виду. Мы хотѣли подѣлиться своею опытностію и навести достойныхъ дѣятелей на болѣе вѣрную дорогу. На долю южанъ выпали болѣе благопріятныя, въ этомъ отношеніи, обстоятельства, чѣмъ для сѣверянъ, промахи и самонадѣянныя замашки которыхъ, безъ сомнѣнія, послужатъ поучительными уроками для украинцевъ, если только послѣдніе воспользуются обильными указаніями русской педагогической литературы. Какъ бы то ни было, мы напередъ увѣрены, что для южанъ, близкихъ и вѣрныхъ своему народу, этотъ трудъ дается лучше, чѣмъ онъ давался до–сихъ–поръ сѣверянамъ. Да, кажется, и всегда такъ бываетъ, что юная литература, заявившая уже свои жизненныя силы, но еще не вполнѣ установившаяся, и испытывающая нападки даже насчетъ ея правъ существованія въ общей семьѣ одноплеменницъ,—такая литература, говоримъ, всегда способна проявить особенную энергическую дѣятельность—какъ справедливый укоръ своей горделивой и, хотя и размашистой, но не очень подвижной, сестрицѣ.

І. Шарловскій.

24 октября 1862.

Старосвѣтскій бандуриста, Николая Закревскаго. Москва. 1860–61, въ 8–ю д. листа VIII, 628 двойн. стр. *Книга первая*. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 коп. Избранныя малороссійскія и галицкія пѣсни и думы. *Книга вторая*. Малороссійскія пословицы, поговорки и загадки, и галицкія приповѣдки. *Книга третья*. Словарь малороссійскихъ идіомовъ.

Издатель старосвѣтскаго *Бандуриста*, въ предисловіи къ пѣснямъ и словарю, излагаетъ свой краткій взглядъ на нашъ языкъ и литературу. По его мнѣнію, «малороссійское нарѣчіе *никогда* не возвысится до степени языка обработаннаго, *облагороженнаго классическою литературою!*» потому что «народное нарѣчіе каждый образованный малороссіянинъ употребляетъ *единственно* для *выраженія* шутки, для увеселенія. Цѣль сочиненій на этомъ нарѣчіи есть забава, невинное увеселеніе, пріятное препровожденіе времени, и для многихъ малороссіянъ, разсѣянныхъ по огромному Русскому царству, есть сладостное воспоминаніе обычаевъ, поговорокъ, простодушныхъ остротъ своихъ земляковъ и возобновленіе пріятныхъ впечатлѣній собственной молодости, проведенной на родинѣ.» Мы приводимъ эти слова вовсе не для того, чтобы возражать на нихъ: мы хотѣли только указать читателямъ на степень разумѣнія сего, донынѣ неизвѣстнаго, дѣятеля. Что̀ можетъ значить подобное старческое лепетанье—для людей, преданныхъ дѣлу родины? Къ чему же оспаривать его? Къ чему — слова, гдѣ само дѣло, сама жизнь, говоритъ и ясно, и убѣдительно?.. Продолжайте, г. Закревскій, въ этомъ же родѣ; а мы обратимся прямо къ пѣснямъ.

Малороссійскія пѣсни г. Закревскій раздѣляетъ на четыре отдѣла: военныя, нѣжныя, веселыя и обрядовыя; точь–въ–точь, какъ въ *новѣйшихъ россійскихъ пѣсенникахъ*! Вслѣдствіе этого дѣленія у него выходятъ забавныя несообразности; такъ, напримѣръ, чумацкія

и бурлацкія пѣсни втиснуты въ отдѣлъ военныхъ, и т. п. Впрочемъ, это дѣленіе существуетъ только въ предисловіи; въ самомъ же сборникѣ пѣсни расположены не по группамъ, а въ перемежку, по образцу лучшихъ, подобнаго рода, иностранныхъ сборниковъ.

Мысль издать отборныя малороссійскія пѣсни—превосходная. Въ самомъ дѣлѣ, въ сборникѣ, гдѣ были бы собраны такъ-сказать перлы украинской народной поэзіи, чувствуется сильная потребность. Подобный сборникъ для каждаго образованнаго малорусса могъ бы служить настольною книгою, которую можно было бы съ удовольствіемъ прочесть всю до конца, не выпуская изъ рукъ, и даже заучить на память. Конечно, при такомъ сборникѣ необходимы и ноты, для того, чтобы всякому желающему можно было познакомиться съ лучшими голосами родныхъ пѣсень. Но за это дѣло долженъ взяться человѣкъ съ болѣе развитымъ эстетическимъ чувствомъ, нежели г. Закревскій. Прежде всего слѣдуетъ сказать, что хотя въ заглавіи «старосвѣтскаго бандуриста» и напечатано, будто въ этой книгѣ помѣщены пѣсни собранныя самимъ издателемъ, но это—неправда. Всѣ онѣ перепечатаны изъ извѣстныхъ уже сборниковъ: Максимовича, Метлинскаго, Вацлава зъ Олеска, Кулаго и др. Легко собирать подобнымъ образомъ! Добро бы еще, если бы г. Закревскій выбралъ оттуда дѣйствительно лучшія пѣсни, а то нѣтъ: у него и на это не хватило способности. Изъ числа 190 пѣсень его сборника почти половина посредственныхъ или вовсе плохихъ. Многія изъ нихъ представлены въ изуродованномъ видѣ, другія въ отрывкахъ; таковы напр. пѣсни подъ № 12, 75, 110, 113, 173 и др. Въ подтвержденіе справедливости нашихъ словъ приведемъ двѣ общеизвѣстныя пѣсни въ томъ видѣ, какъ онѣ напечатаны у г. Закревскаго.

1.

Ой дівчина-горлиця
До козака горнетця,
А козакъ якъ орелъ
Якъ побачивъ, такъ и вмеръ.
Якъ би мені зранку
Горілочки шклянку,
И тютюнъ, та люльку,
Дівчину Ганнульку:
Горілочку бъ пивъ, пивъ,

И люлечку бъ я курив;
И дівчину Ганнулечку
До серденька бъ все туливъ.
Колибъ мені зранку
Кави филижанку,
Сухарця, й до того
Хлопця молодого.
Кавоньку бъ я пила,
Сухарець би їла,
Хлопця молодого
До себе тулила.

2.

Ой за гаемъ, ой за гаемъ, та вже зелененькимъ —
Тамъ орала дівчинонька воликомъ чорненькимъ.
Ой орала дівчинонька, не вміла гукати,
Та наняла козаченька у скрипочку грати.
Козакъ въ скрипку грае, бровами моргае,
Вража ёго мати знае, про що вінъ гадае?
Чи про моі воли, чи про чорни брови,
Чи про мое біле личко, здатне до любови!

И вся! Между тѣмъ эта пѣсня такъ распространена даже между Русскими, что ее можно бы записать напримѣръ хоть въ Архангельской губерніи, отъ лицъ никогда не бывавшихъ въ Малороссіи.

Кажется, достаточно двухъ приведенныхъ примѣровъ, чтобы видѣть неспособность издателя къ задуманному имъ предпріятію. Въ «старосвѣтскомъ бандуристѣ» между пѣснями помѣщены, что̀ называется, ни къ селу, ни къ городу, и искуственныя произведенія: уродливая по своему языку дума Мазепы, пѣсни Писаревскаго, Головатаго, вирши Аѳонасьева-Чужбинскаго, неподражаемаго, по словамъ издателя, Котляревскаго и другихъ піитовъ.

Не лучше ли было бы г. Закревскому, вмѣсто того, чтобы перепечатывать уже обнародованныя пѣсни, заняться сравненіемъ ихъ съ славянскими? Изъ такого сравненія вышли бы чрезвычайно любопытные результаты. Тогда онъ убѣдился бы между прочимъ, что украинскія пѣсни досягаютъ глубокой древности, а не относятся, какъ онъ полагаетъ, къ XVII или даже къ прошлому столѣтію (стр. VII). Желательно знать, на чемъ г. Закревскій основываетъ свое мнѣніе?

Ужъ не на томъ ли обстоятельствѣ, что во всѣхъ нашихъ пѣсняхъ языкъ новъ? Но вѣдь это поновленіе языка ничего не доказываетъ! Мы и въ числѣ перепечатанныхъ имъ пѣсень нашли двѣ, относящіяся къ глубокой древности: Щиглове весілля (№ 90) и Вивідка (69). Доказательствомъ ихъ древности служитъ то обстоятельство, что онѣ извѣстны Чехамъ, Словакамъ и др. западнымъ Славянамъ. Совѣтуемъ издателю для разубѣжденія въ своемъ предположеніи прочесть въ чешскомъ альманахѣ «Китица» на 1859 г., малорос. колядки, сравненныя Эрбеномъ съ чешскими и моравскими пѣснями. Въ одномъ мѣстѣ книги г. Закревскаго напечатана довольно любопытная загадка:» Большая половина Днѣпра принадлежитъ Малороссіи, однако о немъ въ пѣсняхъ почти ни слова. Почему же часто говорится объ отдаленномъ Дунаѣ? Скажутъ, что это осталось въ воспоминаніи народа отъ древнихъ врёменъ, когда онъ жилъ въ странахъ Дунайскихъ. Но въ то же самое время жили Славяне на берегахъ Волхова, Днѣпра, вдоль Балтійскаго моря, пожалуй до самой Даніи.. Зачтожъ одинъ Дунай попалъ въ такую милость?» Мнѣ кажется, это можно объяснить во первыхъ тѣмъ, что Дунай есть самая большая изъ всѣхъ рѣкъ, на которыхъ жили древніе Славяне; оттого она и сохранилась въ памяти преимущественно предъ другими рѣками.

Въ пѣсняхъ Дунаю обкновенно придаются эпитеты *широкій* и *глибокій*; т. е. что онъ глубже и шире всѣхъ другихъ извѣстныхъ Славянамъ рѣкъ. Вторая причина можетъ быть та, что слово *дуни* или *дунай* въ древности означало рѣку вообще (*). Въ нѣкоторыхъ нашихъ пѣсняхъ слово Дунай употребляется въ послѣднемъ смыслѣ, т. е. вмѣсто рѣки вообще.

Есть польская пѣсня, въ которой употреблено выраженіе: za rzekami za dunajami.

Къ пѣснямъ приложены ноты 32 мелодій, положенныя на музыку

(*) Г. Буслаевъ (Рус. Вѣсти, 1862 г. кн. 3) говоритъ: Племена, выселившіяся изъ общей родины въ Европу, вынесли съ собою общее индо-европейское имя рѣки вообще *дуни*, и въ этомъ же нарицательномъ значеніи оставили его между горными племенами на Кавказѣ, гдѣ доселѣ у Осетинцевъ форма дунъ и донъ означаетъ рѣку или воду вообще. Дунавъ или Дунай имѣетъ значеніе и собственное извѣстной рѣки, и нарицательное рѣки вообще (*).

(*) Слово *дунай* или *дунья* есть чисто арабское, значитъ—*богатство*. Оно дано Дунаю вѣроятно татарами, во время ихъ могущества,—какъ и Волгѣ, которая называлась ими *Итель*, что̀ значитъ тоже *богатство* (по судоходству, по рыбѣ и проч.). *Примѣч. корректора:*

самимъ издателемъ; также двѣ статьи: о движеніи мелодіи (modulation) малороссійскихъ пѣсень и о бывшемъ нѣкогда отношеніи Малой Россіи къ Польшѣ. Не понимаемъ, зачѣмъ попала сюда послѣдняя статья. Должно быть, г. Закревскимъ обуяла неудержимая страсть высказать свои задушевныя убѣжденія: онъ и давай писать. Эта статья оканчивается слѣдующимъ разсужденіемъ: «Русскіе вѣнценосцы постоянно старались облегчать участь своихъ единовѣрцевъ, страдавшихъ подъ тяжкимъ игомъ Поляковъ и Турокъ; вели по этой причинѣ войны. Неужели бы государи наши стали подавать руку помощи мятежникамъ? Въ наши дни Франція, Англія и Россія приняли участіе въ горестной судьбѣ Грековъ, содѣйствовали ихъ освобожденію изъ-подъ ярма турецкаго, и область ихъ признали за самостоятельное королевство. И чтожъ! Турки будутъ всегда называть ихъ мятежниками, какъ Поляки называютъ козаковъ!

«Но справедливо ли это? Императоръ Николай, котораго характеръ былъ олицетворенный порядокъ и истина, доказавшій это всему свѣту подавленіемъ мятежа Венгерскаго и Польскаго, еще разъ было обнажилъ мечъ на защиту несчастныхъ единовѣрцевъ и для вразумленія ихъ гонителей. Завистливый Западъ, боясь колосса Русскаго, подъ предлогомъ противуборства его мнимому желанію къ завоеваніямъ, воспрепятствовалъ полному достиженію великой и великодушной цѣли. По крайней мѣрѣ факты эти, опровергая собою всѣ пристрастные и недобросовѣстные возгласы польскихъ писателей, говорятъ ясно, что русскіе цари всегда различали справедливыя жалобы и требованія утѣсненнаго народа отъ мятежа, и всегда готовы подать великодушную помощь гонимымъ единовѣрцамъ своимъ... (стр. 129). Русскіе цари людей всегда почитали за людей, и подданныхъ своихъ никогда не считали хуже жида и пса, да и никогда не допускали права помѣщикамъ неограниченно расправляться съ своими крестьянами. Оттого подъ владычествомъ царей русскихъ въ Малороссіи не было никогда коліивщины, да и причины нѣтъ къ ней. Вѣра одна, языкъ одинъ, законъ для всѣхъ равенъ, гоненія нѣтъ, слѣдовательно, и возстанія быть не можетъ. Если есть жалобы и неудовольствія,—на то есть суды, поставленные верховною властію, а не произволомъ вельможъ! (стр. 131). Справедливость требуетъ сказать нѣчто и о духѣ народа Русскаго. Великій князь, или удѣльный, царь, или императоръ, для Русскаго человѣка былъ всегда неприкосновенное и священное лицо. Онъ иначе и не воображаетъ себѣ царя, какъ со властію неограни-

ченною, творящаго одни только благодѣянія. Послѣ Бога, царь для него есть первое лицо на землѣ; поэтому истинно Русскому человѣку и въ голову никогда не приходило ограничивать власть своего государя, котораго любитъ онъ безпредѣльно, повинуется ему безусловно и ожидаетъ отъ него только одного добра. Всѣ подданные составляютъ одно тѣло, а на этомъ колоссальномъ тѣлѣ одна голова—царь! Вотъ тайна, почему Россія сильна и, благодареніе Господу, наслаждается миромъ и благоденствіемъ. Мы видимъ, каково идетъ въ другихъ земляхъ!» (стр. 131). Но—довольно.

Къ пословицамъ и поговоркамъ издатель приложилъ столь же мало собственнаго труда, какъ и къ пѣснямъ. Онъ просто заимствовалъ ихъ изъ различныхъ сборниковъ, прибавивъ отъ себя только до трехъ сотъ поговорокъ и напечаталъ все это по алфавитному порядку, безъ всякихъ объясненій. Число поговорокъ въ его собраніи 3878; изъ нихъ 2706 галицкихъ, перепечатанныхъ изъ сборника Илькевича.

Г. Закревскій, какъ видно изъ многихъ мѣстъ его книги, хорошо знакомъ съ нѣмецкою литературою; такъ отчего бы, кажется, ему не послѣдовать примѣру нѣмцевъ и не издать нашихъ пословицъ по образцу нѣмецкихъ сборниковъ: не въ алфавитномъ порядкѣ, а по группамъ,—такимъ образомъ, чтобы каждая группа заключала въ себѣ пословицы, относящіяся къ отдѣльнымъ предметамъ и понятіямъ; напр. въ первой группѣ могли быть помѣщены пословицы религіозныя, во второй нравственныя, въ третьей миѳологическія и т. д. Каждую изъ этихъ группъ слѣдовало бы объяснить остальными памятниками украинской народной словесности: пѣснями, сказками, загадками, заговорами, также народными разсказами, преданіями, повѣрьями и пр. Далѣе все это должно быть объяснено научными изслѣдованіями; потому что у насъ есть много такихъ пословицъ и поговорокъ, значеніе которыхъ, по причинѣ ихъ древности, забыто самимъ народомъ. Прочитавши такой сборникъ, всякій могъ бы составить себѣ самое полное понятіе о нашемъ народѣ, узналъ бы весь кругъ его познаній, его міровоззрѣніе, его дурную и хорошую стороны. Наконецъ, наши пословицы должны быть сравнены съ славянскими, частью для лучшаго уясненія смысла непонятныхъ уже пословицъ, наприм. миѳологическихъ, а главнымъ образомъ для того, чтобы изъ подобного сравненія лучше опредѣлить личность нашего народа, какъ члена великой славянской семьи: показать, что̀ въ его духѣ, характерѣ и понятіяхъ общаго съ остальными славянами и что̀ особеннаго, ему одному свой-

ственнаго, выработаннаго подъ вліяніемъ историческихъ и мѣстныхъ условій. Конечно, подобный трудъ не легокъ, можетъ быть даже не возможенъ для одного человѣка; все-таки г. Закревскому слѣдовало бы въ видахъ общей пользы сдѣлать хоть попытку подобнаго рода.

Опытъ подобнаго изслѣдованія мы постараемся представить въ послѣдствіи времени въ отдѣльной статьѣ, гдѣ будутъ разобраны украинскія миѳологическія пословицы, поговорки и загадки; а теперь скажемъ еще нѣсколько словъ о недостаткахъ изданія г. Закревскаго и объяснимъ нѣкоторыя малопонятныя пословицы изъ его сборника.

Нѣкоторыя пословицы и поговорки у г. Закревскаго напечатаны не вполнѣ, другія неправильно. Къ поговоркѣ *Не їсть панъ дякъ гусей*, должно быть прибавлено: *ажъ у ёго повна стеля кісточокъ!* Въ поговоркѣ: *У дурня до Юрья, а у розумного до Миколи*, пропущены слова: *стане сіна*. Поговорки: *Ні богові свічка, ні чортові кожухъ* и *одинъ тому часъ, що мати въ плахті*— должны быть исправлены такъ: *Ні богові свічка, ні чортові ожогъ*, и *одинъ тому часъ, що батько въ плахті*.

Первая изъ вышеприведенныхъ поговорокъ произошла отъ слѣдующаго случая. Одинъ дякъ у селі боявся гусей. Якъ летять гуси, то вінъ заразъ кричить: охъ, боюся гусей! и заразъ ховаетця въ хату. А тими часами пропадали гуси, такъ, що мусйли йти по хатахъ трусити. Отъ и почали, и вже більше половини села зходили, а ніде не витрусили. Тільки йдуть поузъ дяківъ двіръ; одни кажуть: »никого не минати—и дяка,« а другі кажуть: оце-таки, коли дякъ и гусей боітця, а тобъ ще й кравъ; — а ті таки кажуть: «ні, ходімо таки, ходімо». Почали трусити дяка, коли у ёго у мішкахъ пірья і пухъ і у ряднахъ позавъязувано пірья, а полізли на горіще, ажъ тамъ самі кістки. Зъ того часу й пішла погудка: *не їсть панъ дякъ гусей, ажъ у ёго повна стеля кісточокъ!*

Вторая поговорка объясняется существующимъ до настоящаго времени языческимъ обычаемъ выгонять скотъ на подножный кормъ въ первый разъ 23 апрѣля, когда приходится день св. Георгія Побѣдоносца. На основаніи этого обыкновенія, хозяева беззаботные и неаккуратные не сберегаютъ сѣна дальше Юрьева дня, а предусмотрительные запасаются на дольшее время, потому что надобность въ немъ можетъ случиться и послѣ Юрьева дня. Въ третьей поговоркѣ слово *ожогъ*, пропущенное въ словарѣ г. Закревскаго, означаетъ кочергу (?) Четвертая-произошла отъ древняго обычая, совершаемаго на другой

день свадьбы, и состоящаго въ томъ, что отецъ новобрачной переодѣвается въ женскую одежду *плахту*.

Къ поговоркамъ: *Баране! не мути води вовкові. Воробень на себе смерти немае. Вихопився, якъ козакъ зъ маку. Грай, Петре, а все шумки. И підъ столомъ не відбрешисся. Коваль згрішивъ, а шевця повісили. Носитьця, якъ баба зъ ступіромъ. Попався, жучку, панові въ ручку. Ци опиханий, паноньку, ячмень?* прибавлено замѣчаніе, что эти поговорки заимствованы изъ сказокъ и *баёкъ*; самыя же сказки не приведены, какъ будто въ этомъ не было никакой надобности. Къ другимъ же поговоркамъ и этого не прибавлено, между тѣмъ онѣ очевидно заимствованы или изъ сказокъ и разсказовъ, или изъ обычаевъ. Таковы наприм. поговорки: *Баба зъ пекла родомъ. Баба да чортъ, то собі рідня. Баба, якъ туръ. Біда біду породила, а біду чортова мати. Де чортъ не зможе, туди бабу пошле. Гарбуза наіжся, а на вербу подивися, то станешъ голодний. Блискавка блисни, дамъ огірокъ. Волосъ виливати. Десь дзвінъ великий лльють, що пустили таку поголоску. Жене якъ дідько вітри. За твое добро кадукъ тобі въ ребро. Земля би го святая не приняла. Зъ бабою и дідько справу програвъ, Змішався якъ Омелькова мати передъ смертю. Кашу треба зварити, бо граматку зкінчивъ. Коза зъ вовкомъ тягалася, тільки шкура зосталася. Обійшовся, якъ Сахно въ церкві. Прийшовъ хтось та взявъ щось: бігти за нимъ, та незнаю за кимъ. Пирийшла якъ Уляна у ляшську віру. Товчетьця, якъ Марко по пеклу. Цуръ тобі, пекъ тобі!* Постараемся, по мѣрѣ силъ, объяснить нѣкоторыя изъ этихъ пословицъ и поговорокъ.

Баба зъ пекла родомъ; баба да чортъ, то собі рідня; де дідько не зможе, туди бабу пошле; біда біду породила, а біду чортова мати. Поговорки эти древняго происхожденія. Это можно заключить изъ того, что онѣ извѣстны и другимъ народамъ: Поляки говорятъ: Gdzie diabeł nie zmoże, tam babę poszle, Нѣмцы: Wo der Teufel selbst nichts ausrichten kann, da schickt er seine Grossmutter и пр. Первоначальное ихъ значеніе языческое. Предки наши, языческіе Славяне, вѣрили, что у нечистой силы есть мать или бабушка. Гейне (*) говоритъ, что по народнымъ нѣмецкимъ преданіямъ

(*) Traditions populaires Въ De l'Allemagne par H. Heine: Paris 1855. T. 2-e. 110 стр.

чортова бабушка появляется иногда въ нашъ міръ, съ цѣлью исполнить разныя порученія своего сына; отсюда, по его мнѣнію, и произошла приведенная нами нѣмецкая поговорка. «Но она обыкновенно живетъ въ адѣ (баба зъ пекла родомъ) (1), гдѣ или занимается приготовленіемъ пищи своему сыну, или сидитъ на своемъ красномъ креслѣ. Когда дьяволъ, утомленный послѣ дневныхъ трудовъ, возвратится вечеромъ домой, онъ съ поспѣшностью глотаетъ то, что приготовитъ ему его мать, потомъ кладетъ свою голову на ея колѣни, заставляетъ ее *ськати въ голові* и засыпаетъ.»

Баба, якъ туръ, говорятъ о женщинахъ полныхъ и высокихъ ростомъ. Слово *туръ* существуетъ до сихъ поръ въ малороссійской рѣчи; у насъ есть еще поговорки: *кріпкій, хочъ ту́ри гони* и *у ёго натура якъ у тура*. Галичане говорятъ: *ззираютьця, якъ на тура*. Въ одной малороссійской пѣсни поется:

Ходить пуга по лугу,
Гнетьця туръ-вілъ у дугу.

Слово туръ означаетъ зубра (bos urus) (2). Зубръ слово греческое, а туръ латинское (taurus); но то и другое существуетъ въ литовскомъ языкѣ и въ славянскихъ. По литовски tauras и stumbras, или stumbris; по чешски tur, по польски zubr. При Владимірѣ Мономахѣ зубры водились возлѣ Чернигова, какъ видно изъ его Поученія дѣтямъ своимъ. Въ Литвѣ, еще во 2-й половинѣ XVI стол., зубры были довольно обыкновенны, однако цѣнились выше всѣхъ другихъ дикихъ и домашнихъ животныхъ (3). Туръ былъ символомъ ярости, силы и мужества. Волынская лѣтопись говоритъ о Романѣ Галицкомъ: храборъ же бѣ, яко и туръ. Въ краледворской рукописи сказано: Ярославъ скакалъ «jak tur jary.

Какъ сильны были туры, видно изъ слѣдующаго мѣста Поученія Владиміра Мономаха: Тура мя два метала на розѣхъ *и съ конемъ*. Туръ имѣлъ у насъ и миѳологическое значеніе; онъ былъ символомъ Перуна (4).

---

(1) Сабининъ бабу-ягу называетъ богинею пекла или ада. Волосъ. стр. 18. Ж. М. Н. Пр. 1843 г. № 10.

(2) Тождество тура и зубра доказано въ статьѣ Долматова о приручении и порабощеніи зубра. Современ. 1848 г. Т. XI.

(3) Литов. стат. 1529 года, Розд. IX, ст. 2. 1588 г. Розд. X, арт. 2.

(4) Черн. Губ. Вѣд. 1860 г. № 38, Дополн. къ укр. послов. и поговоркамъ.

Блискавка блисни, дамъ огірокъ. Разъ мужикъ вертався пізно до дому черезъ свій городъ; нічъ була темна, хочъ око виколи, тільки коли–не–коли моргне блискавка... Іде чоловікъ и чуе, що щось гомонить въ городі. То бувъ циганъ; кравъ огірки у мужика... Було такъ темно, що не можна наветъ й огірка налапати; отъ циганъ и приказуе до блискавки: *блискавко блисни, дамъ огірокъ...* Мужикъ тихесенько підкрався і цапъ цигана за чуприну, піймавъ і давай лущити ёму боки кіемъ; мужикъ бье, а циганъ проситься; далі бачe, що прозьба не помага, й каже: Ну, чоловіче добрий, що хочъ зо мною роби, бий скільки хочъ, тільки змилуйся, будласко, не кидай мене черезъ плітъ, бо якъ довідаютця наші, то не приймуть мене до шатра. »А, сімъ чортівъ твоій матері! добре, що ти мені сказавъ: заразъ тебе перекину черезъ плітъ, щобъ не приймали такого вражого сина: тоді, може, не будешъ красти моіхъ огірківъ; тягне цигана, а циганъ ніби пручаетця, і проситьця, щобъ не кидавъ; але мужикъ притягъ за чуприну до плоту, й перекинувъ. Опинившись за плотомъ, циганъ уставъ и кричить: Э, дурню, дурню! на городі й дурень мене піймае; піймай мене теперъ въ полі, то справді будешъ розумний!

Волосъ виливати. Волосомъ (по–в.–русски волосатикъ) называется тонкій, какъ конскій волосъ, длиною вершковъ въ пять, червь, заводящійся въ тѣлѣ у людей и лошадей отъ дурнаго качества воды; по–персидски онъ называется риште, что значитъ нитка. Въ Архангельской губ. народъ вѣритъ, что волосатики, это конскіе волосы, упавшіе въ рѣку и ожившіе тамъ. *Волосомъ* въ Таврической губ. называютъ еще особый родъ толстой, величиною въ мезинецъ, гусеницы, покрытой длинными черными волосками. Отъ волосатиковъ лѣчатъ такимъ образомъ: Каждый мѣсяцъ *на молодику* отбираютъ *тридевять* (27) пшеничныхъ колосьевъ, кладутъ ихъ на голову больному; потомъ зачерпываютъ рукой теплой воды и, выливая на голову, произносятъ заговоръ, которымъ вызываютъ волосатика выдти наружу (*). Послѣ этого, говорятъ, волосатики выходятъ на колосья. Впрочемъ, у насъ иногда волосатиковъ смѣшиваютъ съ волосками (волосинки), которые у иныхъ ростутъ подъ рѣсницами (Trichiasis et Distichiasis), и лѣчатъ отъ нихъ также какъ и отъ волосатиковъ.

(*) Черн. Губ. Вѣд. 1859 № 49. Въ статьѣ «Украин. шептания и замовляния» напечатанъ подобный заговоръ.

Десь дзвінъ великий льлють, що пустили таку поголоску. Эта поговорка произошла отъ обыкновенія распускать какую нибудь неправдоподобную или ложную молву въ то время, когда отливаютъ большой колоколъ, въ той увѣренности, что чѣмъ дальше пойдетъ эта молва, тѣмъ колоколъ будетъ звонче. Это объясненіе слышалъ я не въ Малороссіи, а въ Великороссіи, именно въ Москвѣ.

Жене, якъ дідько вітри. Вѣтры у насъ олицетворяются, какъ и во всѣхъ почти миоологіяхъ. Въ Словѣ о Полку Игоревѣ, вѣтры названы *Стрибоговыми внуками*, т. е. внуками бога вѣтровъ (*стри*-вѣтеръ). У насъ они называются *сыновьями бога вѣтровъ*; такъ пословица говоритъ: *гоне, якъ Вітрівъ Батько. Вітрівъ батько* въ малороссійскихъ сказкахъ описывается сѣдымъ старикомъ, съ длинною бѣлою бородою, одѣтымъ въ бѣлую рубашку. Онъ разсылаетъ своихъ сыновей во всѣ стороны по бѣлому свѣту; къ нему приходятъ люди съ жалобою на его сыновей, за причиненныя ими разоренія (1). Сыновья Вітрового Батька олицетворяются въ видѣ молодыхъ людей (парубківъ) съ надутыми губами (2). Галицкая поговорка: *Вітеръ божий духъ*, объясняетъ, что вѣтры происходятъ отъ дуновенія добраго божества. Наша поговорка: *жене, якъ дідько вітри*, позднѣйшаго происхожденія, если только въ ней подъ словомъ вітри надобно подразумѣвать обыкновенный вѣтеръ, а не бурю.

За твое добро, кадукъ тобі въ ребро. Есть еще ругательство: *кадукъ твоій матері. Кадукъ* по малороссійски и по бѣлорусски означаетъ сатану, или самого старшаго злаго духа. По бѣлорусскому преданію, кадукъ живетъ въ лѣсномъ болотѣ, окруженный младшими чертями, которые служатъ исполнителями его воли. Самъ онъ появляется на свѣтъ только тогда, когда кто нибудь изъ его свиты не въ состояніи исполнить даннаго ему порученія. Кадукъ, говорятъ, питается младенцами, похищаемыми для него подчиненными духами (3).

Земля би го святая не приймала. Есть и другая, подходящая съ этой поговорка: *Нехай надъ нимъ земля перомъ.* Предки наши вѣрили, что душамъ умершихъ доступны всѣ ощущенія свѣта, и что они чувствовали даже тяжесть давившей ихъ земли. Въ пѣснѣ поется:

Не йди на могилу, не кидай землею,
Ссама сéрце, знаешъ, *якъ тяжко підъ нею.*

---

(1) Сказки, запис. Н. Костомаровымъ. Молодикъ на 1843 г,

(2) Lud Ukrainski. 1857 T. I. str. 241,

(3) Прибл. къ Ж. М. Н. Пр. 1846 г. кн. 4 Бѣлорус. народн. повѣрья, Древлянскаго.

Отъ этого вѣрованія произошла поговорка: *Нехай надъ нимъ земля перомъ!* которую говорятъ при воспоминаніи объ умершемъ. У Римлянъ на гробницахъ часто писались буквы s. t. t. l. т. е. Sit tibi terra levis (да будетъ надъ тобою земля легка) (1). Эти же слова у Виргилія Эней произноситъ послѣ смерти Дидоны. Изъ пословицы: *Земля би го святая не приймала*, видно во первыхъ, что въ древности у насъ, какъ и у другихъ народовъ, не быть похороненнымъ считалось позоромъ и большимъ несчастьемъ; а во вторыхъ, что земля олицетворялась и считалась божествомъ. Въ одномъ заклинаніи земля называется *Титяною*, къ ней обращаются со словами: Здорова вода Уляна и *ти земля Титяна*. Дай мені уроки урочища відшептати и т. д. (2).

Кашу треба зварити; бо граматку якінчивъ. Эта поговорка произошла отъ обыкновенія, по окончаніи ученикомъ букваря, варить кашу для этого ученика и его товарищей. *Горщокъ*, въ которомъ варится каша, разбивается послѣ ѣды. Въ народѣ есть обычай начинать обучать грамотѣ дѣтей со дня пророка Наума; вѣроятно для того, чтобы онъ навелъ учащагося на умъ. Это сходно съ индійскимъ обычаемъ начинать учить дѣтей въ день посвященный Ганезу, богу мудрости. (3)

Кому ся веде, тому ся и когутъ несе; кому везетъ счастье, тому и пѣтухъ носитъ яйца. У великороссіянъ есть повѣрье, что пѣтухъ дѣйствительно можетъ снесть яйцо. Изъ такого яйца, по истеченіи трехъ лѣтъ, рождается змѣй (4).

Прийшовъ хтось, та взявъ щось; бігти за нимъ, та не знаемъ за кимъ. Это загадка, означающая вѣтеръ, а не поговорка Она приведена и въ собраніи малороссійскихъ загадокъ Закревскаго (26), но не вполнѣ, а только вторая ея половина.

Стрижено, а не кошено! Варіанты: *Стрижено, а не смалено! Стрижено а не голено! Кошено! «Ни, стрижено, таки стрижено!» А голено? «голено. А стрижено? «стрижено»*. Поговорки эти объясняются однимъ малороссійскимъ анекдотомъ о мужѣ и женѣ. Мы не приводимъ его здѣсь, такъ какъ онъ разъ уже былъ напечатанъ (5)

---

(1) Описаніе Помпеи. Классовскаго.

(2) Черн: Губ. Вѣд. 1859 г. № 49 Укр. шепт. и замовл.

(3) Нравы, и обычай памят. всѣхъ народовъ земн. шара. М. 1846 г. стр. 46.

(4) Отеч. зап. 1852 LXXX Зооморфич. божества А. Афонасьева. Ст. 2-я.

(5) Въ одномъ изъ №№ Чер. Губ. Вѣд. за 1859г.

и потому еще, что онъ совершенно сходенъ съ сообщаемымъ ниже великороссійскимъ книжнымъ анекдотомъ. Въ собраніи Сербскихъ сказокъ Вука Караджича, есть слѣдующій разсказъ (т, 37). Жили мужъ и жена. Жена ни въ чемъ не слушала своего мужа, перечила ему. Однажды шли они вмѣстѣ по скошенному лугу и мужъ сказалъ женѣ: «какъ хорошо лугъ скошенъ», на что она возразила, что лугъ не скошенъ, а «постриженъ». Поднялся споръ; наконецъ жена уставила къ его глазамъ пальцы и, изображая ими ножницы, кричала: стрижено! стрижено! Она не замѣтила однако позади себя ямы и, оступившись, упала въ нее. Этотъ анекдотъ находится въ Fabliau (старинная французская сказка въ стихахъ) du prê tendu, и послѣ того онъ перешелъ во многіе юмористическіе сборники XV и XVI столѣтій, между прочимъ въ знаменитую книгу Le moyen de parvenir (сравн. Liebrechts Dunlop 51c.) «Въ великорусскихъ старинныхъ сборникахъ онъ, по словамъ г. Пыпина, попадается въ двухъ видахъ: въ собраніи шуточныхъ разсказовъ, переведенныхъ съ польскаго, подъ названіемъ: Смѣхотворныя повѣсти, XVII в. и въ Великомъ Зерцалѣ (№ 180, гл. 845). Въ послѣднемъ сборникѣ онъ переданъ такъ: Нѣсть гнѣва, паче гнѣва женьскаго, ни жестосердія и непокорства твердѣйшаго и неукротимаго. Мужъ съ женою единою иде чрезъ живу, рече: изрядно зѣло есть сія земля покошена; жена же противнымъ образомъ рече: нѣсть се покошена, но пострижена, сопротивляющися мужу много. Егда же мужъ глоголаше яко покошена, а жена глагола подстрижена. Мужъ же подвигшеся, вверже ю вь воду; егда же въ водѣ ващше не можаше глаголати, протяже руку отъ воды, творяше знаменіе перстами на подобіе ножницъ являюще, яко быти пострижена, и сопротивляющися даже до смерти. Этотъ анекдотъ извѣстенъ и у великорусскаго простонародья. Какъ объяснить то обстоятельство, что этотъ разсказъ извѣстенъ различнымъ народомъ? На это г. Пыпинъ отвѣчаетъ такимъ образомъ: «Анекдоты о злыхъ женахъ, какъ и филишники противъ нихъ, нерѣдки въ старой нашей письменности, и съ большою вѣроятностью можно предположить, что происхожденіе упомянутой сказки было чисто книжное или вообще ненаціональное: если рѣдко одинъ народъ принимаетъ отъ другаго миѳологическія сказанія, то переходъ легкихъ и забавныхъ разсказовъ совершается безъ большихъ затрудненій (*)».

(*) О Рус. народ. сказкахъ. Отеч. Зап. 1856 г. № 4.

Товчетця, якъ Марко по пеклу. По бѣлорусскимъ повѣрьямъ, какой – то Марко, о которомъ существуетъ у Бѣлоруссовъ поговорка подобная нашей, попалъ въ адъ, и надѣлалъ тамъ такой кутерьмы, что разогналъ всѣхъ чертей (1) У Великороссіянъ тоже самое разсказывается объ одномъ солдатѣ. (2) Вѣроятно, и у насъ существуетъ подобный же разсказъ.

Два плута въ селі, і селу безчестія не роблять. Эта поговорка не наша, а русская. У насъ и слова плутъ не существуетъ.

Цуръ тобі! пекъ тобі! Поговорка чрезвычайно древняя. Я распрашивалъ о ея значеніи и происхожденіи у многихъ простолюдиновъ, но никто не могъ удовлетворить моего любопытства. Наконецъ, въ Харьковѣ одинъ старосвѣтскій панъ изъ козаковъ, любящій родную старину, объяснилъ мнѣ ее такъ: Въ прежнее время, когда приходилось кого нибудь пытать, то брали палку, затесанную съ обоихъ концовъ *(цурка)*, вкручивали ее въ чубъ, и, такимъ образомъ, подымая ее все выше и выше, страшно мучили. Для усиленія мукъ у ногъ разводили огонь, и *пекли* имъ. Въ подтвержденіе своего объясненія разскащикъ сказалъ, что тому, кто скажетъ вышеприведенную поговорку, отвѣчаютъ: *цурка тобі міжъ ноги*! Что подобныя пытки существовали, видно изъ сочиненія г. Снѣгирева: Русскіе въ своихъ пословицахъ. Онъ одну изъ пытокъ описываетъ такъ: въ застѣнкахъ нерѣдко истязуемаго поднимали на блокѣ вверхъ, разводили подъ нимъ огонь, и мучили его дымомъ и жаромъ. (3) А. А Метлинскій (4) эту поговорку переводитъ такъ: «оставь его, чортъ съ нимъ! Цуръ то же, что по великороссійски чуръ, и произошло отъ торъ, чортъ, шторъ; пекъ сокращенное слово пекло—адъ.» Намъ кажется неправильнымъ и это ученое объясненіе профессора, и объясненіе старосвѣтскаго пана. Первое объясненіе все таки правдоподобнѣе послѣдняго; въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, во время существованія у насъ пытокъ, народъ пріурочилъ вышеприведенную поговорку къ пыткамъ. Но въ болѣе отдаленныя доисторическія времена, она имѣла совсѣмъ иное значеніе. Обратимся для ея объясненія къ помощи философіи и миѳологіи. Слово цуръ имѣетъ корнемъ санскритскій глаголъ чуръ, что значитъ печь, палить, жечь (по малороссійски *пекти*); отсюда и слово цуръ или щуръ (напр. въ

---

(1) Приб. къ Ж. М. Н. Пр. 1846 г. Кн. 4.

(2) Великор. народ. легенды. А. Афонасьева

(3) Рус. въ своихъ посл. М. 1831 г.

(4) Думки і пісні та ще де що А. Могили.

словѣ пращуръ, означающее какъ *очагъ*, такъ и начальника очага, старшаго въ родѣ (въ послѣдствіи домоваго). Славяне обоготворяли главнымъ образомъ солнце, луну, звѣзды и очагъ, какъ источники благотворной и творческой силы огня (свѣта и теплоты). Въ то же время они обожали души человѣческія и въ особенности души умершихъ своихъ предковъ, родоначальниковъ. Души предковъ они представляли въ видѣ огня. Естественно, что съ теченіемъ времени эти оба понятія — понятія огня и души въ умѣ Славянина слились въ одно представленіе. Когда же они стали олицетворять свои вѣрованія, то явился «образъ домоваго, на котораго были перенесены всѣ животворныя понятія, соединяемыя съ очагомъ, и всѣ качества домовитаго хозяина — патріарха, какимъ былъ старшій въ родѣ (*). Самыя названія домовой, лысый дідько, хозяинушко и пр. подтверждаютъ это. Теперь кажется легко понять значеніе выраженія *цуръ тобі, пекъ тобі*! буквально оно значитъ: да будетъ съ тобой чуръ (или домовой) и пекъ (или очагъ)! въ переносномъ смыслѣ оно ближе всего подходитъ къ выраженію: Богъ съ тобой! Словъ *відцуратьця*, напр. въ выраженіи: *ти відцурався відъ насъ*, означаетъ: ты отрекся отъ нашего очага, или дома.

Г. Закревскій не счелъ нужнымъ въ своемъ словарѣ объяснить многихъ словъ, которыя употребляются въ пословицахъ и поговоркахъ; наприм. *козаръ*, *шумки*, *мусулька*, *палілі*, *язя* и др.; оттого смыслъ многихъ пословицъ дѣлается непонятнымъ. Въ его сборникѣ въ первый разъ напечатана чрезвычайно интересная поговорка о кожаныхъ деньгахъ: *То ще тоді діялося, якъ шкуряні гроші на світі були.*

Считаемъ полезнымъ для лицъ занимающихся собраніемъ памятниковъ южнорусской народной словесности указать здѣсь на изданные уже сборники нашихъ пословицъ и поговорокъ и статьи, въ которыхъ онѣ были напечатаны. 1) Грамматика малороссійскаго нарѣчія, А. Павловскаго. Спб. 1818 г. стр. 78—86. 146 послов. 2) Русскіе въ своихъ пословицахъ И. Снегирева. М. 1831 г. кн. 1 стр. 104—115. 120 пословицъ. Часть ихъ перепечатана изъ грамматики Павловскаго, а другая доставлена Котляревскимъ, авторомъ Энеиды. 3) Ученыя записки профессоровъ московскаго университета 1834 г.

(*) Архивъ юридич. свѣд. о Россіи. Сборникъ Калачова Кн. 1-я ст. Соловьева: Очеркъ нравовъ и религіи Славянъ во время язычества.

Ч. VI. Въ статьѣ И. Срезневскаго: Взглядъ на памятники украинской народной словесности, помѣщено на стр. 148, одинадцать поговорокъ о Великороссіянахъ. 4) Малороссійскія пословицы и поговорки, собранныя В. Н. С. (Смирницкимъ). Харьковъ. 1834 г. 617 послов. 5) Ластівка. Сборникъ на малороссійскомъ языкѣ, изданный Е. Гребенкой. Спб. 1841. 318 стр. числомъ 90. 6) Вѣстникъ Географ. Общества, кн. 5. Въ статьѣ священ. Михнѣвича: Этнографическія и статистич. свѣдѣнія объ Ольгопольскомъ уѣздѣ, Каменецъ-Под. губ. на стр: 23—40 напечатано 150 пословицъ. 7) Чернигов. Губернск. Вѣдомости. Пословицы, собранныя священ. П. Огіевскимъ. 8) Черниг. Губернск. Вѣдомости. 1853 г. № 38. Малороссійскія историческія пословицы и поговорки. А. Лазаревскаго. Числомъ 30. 9) Описаніе мѣстечка Олишевки. А. Шишацкаго-Иллича. Черниговъ. 1854 г. 143—151 стр. числомъ 166. 10) Lud Ukrainski przez A. Nowosielskiego, Wilno. 1857 г. Т. 2-й 231—262 стр. 710 пословицъ. 11) Ужінокъ рідного поля, вистачений працею Н. Куцаго. М. 1857 г. 327—353 стр. 617 послов. 12) Сборникъ малороссійскихъ пословицъ и поговорокъ. Составилъ А. Шишацкій-Илличъ. Черн. 1857 г. (Изъ Черн. Губерн. Вѣд. 1857 г. № 10—16). 1403 пословицы. 13) Кіевскія Губерн. Вѣд. 1858 г. № 26. Пословицы, собранныя Григ. Кулжинскимъ. 14) Черниг. Губ. Вѣд. 1859 г. № 6, 16, 18, 25. Украинскія пословицы и поговорки, собранныя П. Ефименкомъ. Тамъ же, 1859 г. № 31, 32, 33, 38 и 40. 1-е дополненіе къ укр. пословицамъ. Тамъ же, 1860 г. № 23, 24, 25 и 26. Додатокъ до украин. помовокъ та погудокъ. Тамъ же, 1860 г. № 38 и 40. 3-е дополненіе; тамъ же, 1861 г. № 4-е дополненіе. Всего напечатано мною 1050 пословицъ и поговорокъ. 15) Объ украинскихъ пословицахъ и поговоркахъ. А. Тищинскаго. Черн. Губ. Вѣд. 1859 г. № 29. Въ этой статьѣ указано нѣсколько ошибочныхъ объясненій пословицъ въ моемъ сборникѣ и приведено нѣсколько новыхъ. 16) Черн. Губерн. Вѣдом. 1860 г. Батуринъ, мѣстечко Черн. губ. М. Исаенко. № 1—19. Здѣсь помѣщено нѣсколько сотенъ поговорокъ. 17) Малоросъ въ анекдотахъ про него и въ произведеніяхъ народной его литературы. Омельяненка. Кіевскій Телеграфъ. 1859 г. № 12 и 14, 18) Галицкіи приповідки и загадки, зібранін Григоримъ Илькевичомъ. У Вѣдни. 1841 г. VI+124 стр. 2706 погов. 19) Stare gawędy i obrazy, Wojcickiego. Въ различныхъ статьяхъ этого сборника, касающихся до Галиціи, напечатано нѣсколько десятковъ посло-

вицъ. 20) Коляда. Мѣсяцословъ, изданный на 1853 г. Моравскою Матицею. Здѣсь напечатаны В. Дундрою пословицы и приповѣдки частію зъ баснословія Малорусиновъ. 21) Граматка. Спб. 1857. Нѣсколько десятковъ пословицъ и поговорокъ. Въ другихъ граматкахъ, напр. Гатцука, Шейковскаго и пр. тоже напечатаны поговорки. 22) Grammatik der ruthenischen, oder klein–russischen Sprache in Galizien, von Joseph Lewicky. Przemisl. 1834 г. 148 галицкихъ приповідокъ. 23) Перемышлянинъ. Сборникъ, издававшійся воспитанниками Перемышльской семинаріи, на 1853 г. Галицкія приповідкі. На 1854 г. Продолженіе приповідокъ. 24) Вінокъ Русинамъ на обжінки. Я. Головацкаго. Вѣна. 1846 г. кн. 2–я. Въ статьѣ издателя: Поділъ часу у Русинівъ, нѣсколько десятковъ приповідокъ, относящихся къ праздничнымъ и хозяйственнымъ днямъ. 25) Записки русскаго географическаго общества. 1847 г. кн. 2. Объ этнографическомъ изученіи русской народности, Надеждина. На 111 стр. помѣщены галицкія приповідки. 26) Archiv fur wissensch. Kunde von Russland. 1854 г. кн. XIII. Малороссійскія пословицы въ нѣмецкомъ переводѣ. Доктора Альтмана.

Весьма желательно, чтобы кто–нибудь собралъ въ одинъ сборникъ пословицы и поговорки, разбросанныя въ разныхъ поименованныхъ нами и неизвѣстныхъ намъ сборникахъ и статьяхъ.

Что касается до рукописныхъ сборниковъ пословицъ, то ихъ множество; почти у каждаго изъ нашихъ писателей–этнографовъ есть они; напр. мы знаемъ о существованіи подобныхъ сборниковъ у А. Л. Метлинскаго, А. В. Марковича Н. М. Бѣлозерскаго, О. М. Бодянскаго, и у мн. др. Изъ старинныхъ сборниковъ намъ приходилось видѣть только одинъ у покойнаго Шишацкаго–Иллича. Онъ находится въ концѣ той рукописи, въ которой помѣщены стихотворенія монаха Климентія. Эта рукопись пріобрѣтена теперь В. М. Бѣлозерскимъ.

Малороссійскія загадки въ книгѣ Закревскаго перепечатаны изъ сборника А. Сементовскаго. Наши загадки были напечатаны еще С. Д. Носомъ въ 24 № Черн. Губ. Вѣд. за 1859 г., въ Полтав. Губ. Вѣд. (не помню кѣмъ и въ которомъ году), и во 2–мъ томѣ изданія Новосельскаго Lud Ukrainski.

Словарь малороссійскихъ идіомовъ составляетъ главный трудъ издателя Старосвѣтскаго Бандуриста, надъ которымъ онъ работалъ въ продолженіи двадцати слишкомъ лѣтъ. Посмотримъ же какъ выполненъ имъ этотъ трудъ. Мы уже привели мнѣніе г. Закревскаго о томъ,

что малороссійскій языкъ не есть самостоятельный языкъ, а нарѣчіе языка русскаго .Слова «языкъ и нарѣчіе,» когда дѣло идетъ о малороссійскомъ языкѣ и его отношеніи къ русскому, для многихъ составляетъ камень преткновенія. Многіе господа не могутъ ясно разграничить себѣ этихъ двухъ понятій, оттого и путаются въ сужденіяхъ о малороссійскомъ языкѣ. Дѣло въ томъ, что понятія языкъ и нарѣчіе—относительныя; языкъ есть родовое понятіе, нарѣчіе видовое. Родовое понятіе въ данномъ случаѣ есть восточно-славянскій или славяно-русскій языкъ, видовыя его понятія—нарѣчія сѣверноруссное и южнорусское. Такимъ образомъ малороссійскій языкъ относительно восточно-славянскаго—есть нарѣчіе, такъ же точно, какъ и великороссійскій языкъ; относительно же сѣвернорусскаго есть равный ему языкъ. Однимъ словомъ, южнорусскій и сѣвернорусскій языки суть вѣтви одного и того же корня славяно-русскаго, или восточно-славянскаго языка. Когда произошло это развѣтвленіе — кончательно еще не рѣшено: одни говорятъ, будто въ XIV столѣтіи, другіе утверждаютъ, что гораздо раньше.

Чтобы дать возможно полное понятіе о словарѣ г. Закревскаго, постараемся привесть какъ можно больше примѣровъ его объясненій малороссійскихъ словъ. «*Бакша́* — гряда на огородѣ, негодная трава; *бакшу полоти*». Бакша въ Харьковской губ. означаетъ не гряду на огородѣ и не сорную траву, а то же, что *баштанъ* въ другихъ нашихъ губерніяхъ; выраженіе бакшу полоти значитъ выпалывать на бакшѣ сорную траву. «*Бузько* — аистъ, журавль, цапля». Какъ будто это все одно! «*Бурдюгъ* — пастушья котомка. Бурдюгомъ въ Таврической губерніи называется кожаный мѣшокъ, которымъ берутъ воду изъ глубокихъ степныхъ колодцевъ. «*Валка* привалъ, отдыхъ; *прийшовъ до чумаківъ, до валки.*» Валка чумацкій обозъ, а не привалъ. «*Валкъ* (Екатерин. г.) — чумацкій обозъ.» Такого слова въ Екатерин. губ. не существуетъ, а есть валка. «*Дра́хва* степная птица.» Во первыхъ не дра́хва, а дрохва́, во вторыхъ степныхъ птицъ множество. «*Каби́ця* — малороссійское снадобье для варенія пищи, подвижной очагъ. «У насъ, въ Таврич. губ. кабицею называется не какое-то снадобье для варенія пищи, а печка, имѣющая видъ продолговатой ямы, копаемая на степи, въ которой раскладывается огонь для сваренія пищи. «*Кватира* — продолженіе непогоды.» Слово это означаетъ четверть или квадру луны. «*Клектъ*, полетъ.» Клектъ — орлиный крикъ; въ этомъ смыслѣ слово клектъ употребляется и въ

словѣ о П. Игоревѣ. «*Личманъ* — особое состояніе людей въ простомъ быту, передовой человѣкъ (!); *такъ туди нехай веде, а самъ попереду якъ личманъ иде.*» »Что это за особое состояніе людей въ простомъ быту? Откуда г. Закревскій узналъ, что слово личманъ въ приведенномъ примѣрѣ означаетъ передоваго человѣка, прогрессиста? Личманъ въ Екатеринослав. губ. означаетъ просто старшаго *чабана*, то же что въ Таврич. губ. *отагáсъ* (отъ слова ватага). Личманъ, или отагасъ обыкновенно идетъ впереди овецъ, которыя слѣдуютъ за нимъ, по его желанію; позади стада идутъ остальные пастухи. Это обычай древній, временъ кочеваго быта; онъ извѣстенъ и на востокѣ, какъ видно изъ Евангелія отъ Іоан. Гл. 10, ст. 4. «И когда (пастырь) выведетъ своихъ овецъ, *идетъ передъ ними*; а овцы за нимъ идутъ, потому что знаютъ голосъ его. За чужимъ же не идутъ.» Обычай пасти козъ вмѣстѣ съ овцами столь же древній, о чемъ можно судить изъ слѣдующихъ словъ Евангелія отъ Матоея (25, 32): «и соберутся предъ нимъ всѣ народы; и отдѣлитъ однихъ отъ другихъ, *какъ пастырь отдѣляетъ овецъ отъ козловъ.*» «*Лунь іого вхопивъ*»—онъ околѣлъ. Слово лунь не объяснено. *Накрытокъ* — проступокъ; честь тоді святилась дуже; накритокъ карали. «Изъ слова накрытка, или покрытка, г. Закревскій сдѣлалъ слово накрытокъ и выдумалъ для него особое значеніе! «*Овчарка*—собака, охраняющая въ степныхъ губерніяхъ стадо овецъ.» Такого названія между Малороссіянами въ степныхъ губерніяхъ не существуетъ, а есть другое названіе—*чабанська собака*; слово же овчарка чисто русское. «*Ожина*, или *рогізъ*, *рогоза* — ситникъ (Scirpus palustris); *малюе брови чорною ожиною*; *ой у лісі білий цвіт ожина.*» Здѣсь смѣшаны два растенія: ожина и рогізъ: второе по русски ситникъ (Scirpus palustris); это растеніе водяное: корень его употребляется въ пищу; первое же по русски ежевика (Rubus); она растетъ въ новороссійскомъ краѣ по оврагамъ, а въ Малороссіи въ лѣсахъ, какъ видно и изъ приведенныхъ, г. Закревскимъ словъ пѣсни; ягоды ея сочны, черноватаго цвѣта; — ими дѣйствительно можно намалювати брови, а ситникомъ не намалюешь. «*Паслінъ* — растеніе съ черными ягодами; дикорастущее по дворамъ. Дѣти ѣдятъ его безвредныя, но дурныя ягоды. Малороссіяне почитаютъ его бурьяномъ.» Во первыхъ ѣдятъ его не одни дѣти, но и взрослые; во вторыхъ ягоды паслина въ зеленомъ видѣ не безвредны, но довольно ядовиты; въ третьихъ для народа

эти ягоды недурныя, а составляютъ лакомство; ихъ даже продаютъ иногда на рынкахъ, и въ четвертыхъ Малороссіяне не называютъ этого растенія бурьяномъ. «*Рало*—плугъ, соха.» Въ Таврич. губ. ни то, ни другое; а особенное земледѣльческое орудіе, которое часто служитъ вмѣсто бороны. »*Ратиці*—нога, копыто дичины.« Копыто, но животныхъ двукопытныхъ: овецъ, свиней, козъ и пр., а не лошадей и вообще однокопытныхъ «*Сазонь*—родъ рыбы». Не сазонь, а сазанъ, или коропъ; такъ въ Таврич. губ. называется рыба карпъ. «*Свиріпа*—бурьянъ, негодная трава». Свиріпа, по русски сурѣпа, изъ семейства крестоносныхъ, она растетъ на пажитяхъ: въ пшеницѣ, ржи и пр. Правда, это трава сорная, но никакъ нельзя сказать негодная; потому что изъ нея добываютъ постное масло. «*Співка*—пѣсенка; *самотні співці*» Изъ слова співець, т. е. пѣвецъ, поэтъ, г. Закревскій сдѣлалъ слово співка! «*Табунъ* стадо дикихъ лошадей, пастухъ коихъ *табунщикъ*.» Табунъ—стадо лошадей и дикихъ и обыкновенныхъ; табунщикъ—пастухъ лошадей обыкновенныхъ: дикихъ не упасешь. « *Тхірь*—кротъ, хорёкъ.» Кротъ и хорёкъ не одно и то же; кротъ по малороссійски крітъ, а хорекъ—тхіръ, «*Чабаный*—выхоженный, откормленный; *мои воли чабаниі*.» Слово чабаній намъ неизвѣстно: въ Таврической губ. о волахъ говорятъ *чабанські*; это тѣ волы, которыхъ обыкновенно запрягаютъ въ чабанські *гарби* (арба), слѣдующія всегда за стадами овецъ.

Теперь станемъ продолжать наши выписки изъ словаря, не дѣлая отъ себя никакихъ замѣчаній. *Бо*—ибо; иди бо додому! *Буча*—неустройство, бѣдствіе, драка. *Бурть*—огорода, край чего либо, костеръ; *изъ трупивъ бурти насипали*. *Гава*—галка, *Гирло* водоворотъ. *Джинджуриста*—бравая. *Живиця*—бѣлая, чистая смола. *Жарнівка*—жемчужина, перлъ; *зуби якъ жарнівки*. *Защемити серце* влюбиться. *Занапастити*—сдѣлать несчастнымъ. *Зворохнути*—встрепенуть, подать знакъ. *Змагатися*—упрямиться, сопротивляться. *Куций*—короткій. *Плавъ*—плаваніе; *люди до ёго, якъ плавъ пливуть*; *утінка на плаву*! *Побиля*—подобно, какъ!! *Прирва*—бездна, морской водоворотъ. *Притьмомъ* старательно, неотступно, настойчиво, совершенно. *Рожь*—рожь, хлѣбъ. *Свѣтъ за очи* соотвѣтствуетъ русскому: такъ и быть. *Скиньця*—сначала!!! а починай съ кіньця. *Смажніі уста*—привлекательныя, горячія. *Старовати*—стараться, нещись, начальствовать, руководить. *Стерня*—пахатное поле, на коемъ жатва снята. *Упинатися*-отказываться. *Гусаръ*, *Куцюрубъ*, *Материнка*, *Ой ненько*—названія разныхъ танцевъ. *Зколотини*—родъ

скоромнаго кушанья. *Клесачка*—инструментъ сапожника. *Кукольванъ*—приманка для ловленія рыбы. *Мета* родъ дѣтской игры. *Моргунъ*—родъ кушанья. *Намішованикъ*—булка особаго рода. *Обідець* родъ женскаго украшенія. *Парши*—накожная болѣзнь. *Пари*—родъ карточной игры. *Пашкетъ*—родъ кушанья. *Пашокъ*—родъ карточной игры. *Пістрячка*—родъ накожной болѣзни, *Причілокъ*—уголъ. *Пундикъ*—родъ пирожнаго. *Разі*—земледѣльческое орудіе. *Себелі*—названіе рыбы. *Тропакъ*, гоцакъ—родъ танца. *Гримаки* въ игрѣ дѣтей куски льда, извѣстнымъ образомъ приготовленные. Г. Закревскій! въ словарѣ все предполагается неизвѣстнымъ, а потому должно быть объяснено обстоятельно. Неужели и это неизвѣстно Вамъ, члену общества исторіи и древностей россійскихъ?

Въ словарѣ г. Закревскаго немало и великороссійскихъ словъ, которыхъ никогда не услышите въ малорусской рѣчи, напр. *варнакъ* (соотвѣтств. нашему сібірний) *сусликъ* (по нашему оврашокъ, или хавряшокъ,) *овчарка* и т. п. Сюда же внесены слова выкованныя Н. Куцымъ: *явза* (самолюбіе,) *явзатися* (любить только себя,) *явзачь* (эгоистъ,) *усідійма* (исторія) и мн. др.

Вотъ двадцатилѣтній трудъ г. Закревскаго! Вотъ его знаніе малороссійскаго языка! И неудивительно: человѣкъ, какъ самъ пишетъ, съ 1829 года постоянно жилъ внѣ родины. За чѣмъ же браться за словарь, судить и рядить о языкѣ, котораго не знаешъ?! По всей вѣроятности, все это дѣлалось «ради забавы, шутки, для невиннаго увеселенія и для пріятнаго препровожденія времени!?»

Конечно, не всѣ слова въ словарѣ малороссійскихъ идіомовъ объяснены такимъ образомъ, какъ вышеприведенныя. Изъ числа двѣнадцати тысячъ словъ многія переведены правильно; но это именно тѣ, которыя или сходны съ польскими (издатель знакомъ съ польскимъ языкомъ), или тѣ, которыя перепечатаны имъ изъ словарей, приложенныхъ къ разнымъ малороссійскимъ сочиненіямъ и историческимъ актамъ.

Г. Закревскій обѣщаетъ продолжать свое изданіе: въ 4-й книгѣ будутъ напечатаны имъ: 1, выборъ изъ сочиненій современныхъ писателей; 2, Статьи историческія. Извлеченія изъ грамотъ, универсаловъ, писемъ, лѣтописей, журналовъ и проч. 3, Статьи нравственнаго содержанія изъ старопечатныхъ малороссійскихъ книгъ, Книга 5. Грамматика малороссійскаго нарѣчія. Судя по первому тому Старосвѣтскаго Бандуриста, трудно предполагать, чтобы изъ рукъ г. Закревскаго

вышло что нибудь путное; въ особенности сомнительно, чтобы онъ былъ въ состояніи совладать съ малороссійскою грамматикою. Впрочемъ, *дай, Боже, нашому теляті вовка піймати.*

П. Ефименко.

Г. Онега, Арх. г.

ОБЫЧАИ НАСЛѢДОВАНІЯ У ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ КРЕСТЬЯНЪ ЮЖНОРУССКАГО КРАЯ.

(По свѣдѣніямъ, собраннымъ министерствомъ государственныхъ имуществъ въ 1848 и 1848 годахъ.)

Перепечатывая этотъ дорогой трудъ, составленный г. Ѳ. Барыковымъ, съ просвѣщеннымъ пониманіемъ всей важности обычнаго права, мы ограничились вступленіемъ и свѣдѣніями, касающимися южнорусскаго края, съ цѣлію вызвать отъ мѣстныхъ наблюдателей и знатоковъ нашей народностисообщеніе черезъ *Основу* своихъ замѣчаній, которыя съ такою пользою для науки и для законодательства могли бы дополнить и исправить свѣдѣнія, собранныя оффиціальнымъ путемъ. Мы надѣемся преимущественно на молодыхъ людей, занимающихся этнографіей и юридическими науками. Намъ уже извѣстно, съ какимъ стараніемъ и добросовѣстностью наблюдалъ и записывалъ народные юридическіе обычаи бывшій воспитанникъ петербургскаго университета, *П. П. Чубинскій*; намъ также извѣстно, что на эту сторону народнаго быта обращали вниманіе многіе священники, судьи, слѣдователи и мировые посредники; надѣемся, что они не откажутъ подѣлиться съ нами своимъ народознаніемъ.

Было бы полезно обратить вниманіе на разность и на причины разности (гдѣ она окажется) въ обычаяхъ государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ одной и той же мѣстности. *Ред.*

Министерство государственныхъ имуществъ, въ 1848 и 1849 годахъ, собрало свѣдѣнія о существующихъ у государственныхъ крестьянъ обычаяхъ наслѣдованія во всѣхъ 47 подвѣдомственныхъ ему гу-

берніяхъ. Поводомъ къ этому былъ возбужденный одною палатой вопросъ: имѣютъ-ли право отставные солдаты, возвращаясь на родину, требовать себѣ части наслѣдства, оставшагося послѣ ихъ родителей, которымъ воспользовались другіе ихъ родственники во время состоянія ихъ на службѣ? Такъ какъ крестьянское имущество есть трудовое достояніе членовъ семейства, а солдатъ, во время службы, въ приращеніи его не участвовалъ, то палата, не имѣя въ виду положительнаго закона, затруднилась въ разрѣшеніи этого вопроса и представила его министерству. Здѣсь мнѣнія раздѣлились. Второй Департаментъ полагалъ прямо рѣшить его по общимъ гражданскимъ законамъ, установленнымъ для всѣхъ сословій, съ тѣмъ только, что права солдата на наслѣдство ограничиваются имуществомъ, оставшимся отъ родителей, не простираясь на послѣдующее его приращеніе. Первый-же департаментъ находилъ, что, по особенному свойству крестьянскаго имущества, вопросъ этотъ не можетъ быть рѣшенъ безъ предварительнаго собранія свѣдѣній: какимъ образомъ раздѣлы наслѣдства совершаются въ разныхъ мѣстахъ по обычаямъ народа. Министръ графъ Киселевъ согласился съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ. По его распоряженію сперва, въ 1847 году, поручено было нѣкоторымъ палатамъ доставить свѣдѣнія: «1) какой порядокъ наслѣдованія существуетъ между государственными крестьянами, и 2) какое въ подобныхъ случаяхъ имѣютъ участіе отставные солдаты». Сообщенныя этими палатами свѣдѣнія касались большею частію только порядка производства дѣлъ по наслѣдству и недостаточно опредѣляли основанія самаго раздѣла имущества; посему министерство въ 1848 году снова отнеслось съ этими вопросами уже ко всѣмъ 47-ми палатамъ, дало имъ подробную программу и указало на тѣ обстоятельства, которыя имъ слѣдуетъ принять во вниманіе, а именно: «1) на законы о раздѣлахъ семейныхъ, которые необходимо должны имѣть вліяніе и на самые раздѣлы наслѣдства, 2) на законы объ учрежденіи опекъ надъ малолѣтными, 3) на существующее между государственными крестьянами право старшаго въ семействѣ, по которому управленіе и распоряженіе хозяйствомъ переходитъ нерѣдко не къ прямому наслѣднику, а къ тому члену семейства, который, по мѣстнымъ обычаямъ, считается старшимъ въ семействѣ, и 4) на такъ называемыя наградныя деньги, выдаваемыя отъ семействъ нижнимъ чинамъ, при поступленіи въ военную службу, и надѣляемыя имъ въ продолженіи оной пособія».

Программа вопросовъ была дана слѣдующая:

О переходѣ дома по смерти хозяина. 1) По смерти хозяина, въ чье завѣдываніе переходитъ домъ и хозяйство при различномъ состояніи оставшагося семейства, напримѣръ: когда остались послѣ хозяина жена, сыновья и братья его?

О раздѣлахъ имущества. 2) Всегда–ли со смертью хозяина дѣлается раздѣлъ въ имуществѣ, и какъ оно раздѣляется въ тѣхъ случаяхъ, когда семейство состоитъ изъ жены, сыновей и сестеръ замужнихъ и не замужнихъ, или въ тѣхъ случаяхъ, когда въ семействѣ находятся сверхъ того братья умершаго, или ихъ вдовы и дѣти?

3) Какія части выдѣляются каждому члену семейства по различному отношенію его родства къ умершему, по оцѣнкѣ или примѣрно, и не полагается–ли при семъ случаѣ въ оцѣнку домъ?

4) Какимъ порядкомъ производится раздѣлъ: по взаимному согласію, или при участіи посредниковъ, или по опредѣленію мірского схода, или инымъ образомъ?

5) *Объ отставныхъ нижнихъ чинахъ.* 5) По возвращеніи нижнихъ чиновъ, получаютъ–ли они какую–либо часть наслѣдства въ тѣхъ случаяхъ, когда присоединяются къ общему родительскому дому, и въ тѣхъ, когда обзаводятся особымъ хозяйствомъ?

6) Какія части они получаютъ въ наслѣдство и отъ кого?

7) Такъ какъ послѣ поступленія члена общества въ солдаты состояніе семейства, по разнымъ обстоятельствамъ, отъ предпріимчивости брата или дяди, можетъ увеличиться противу прежняго значительнымъ образомъ, то въ сихъ случаяхъ, какую часть нижніе чины получаютъ по прежнему–ли состоянію семейства, или по новому?

и 8) Чрезъ кого выдѣлъ части совершается: по обоюдному согласію, или какъ сказано въ 4–ой статьѣ?

По этой новой программѣ получены въ теченіи 1848 и 1849 годовъ отзывы всѣхъ палатъ, кромѣ Астраханской, Виленской и Воронежской. Отзывы эти разной полноты и достоинства. Нѣкоторые, впрочемъ весьма немногіе, носятъ явные признаки канцелярской отписки, или, коснувшись слегка «существующихъ въ народѣ предразсудковъ и грубыхъ обычаевъ», представляютъ проекты законовъ о крестьянскомъ наслѣдованіи, клонящіеся преимущественно къ воспрещенію или затрудненію раздѣловъ, вредныхъ въ сельско–хозяйственномъ отношеніи; но большинство отзывовъ составлено довольно подробно, а многіе—съ видимыми добросовѣстностью и любовью къ дѣлу. Окружные начальники и палаты, разбирая тяжбы крестьянъ, утверждая приговоры схо-

довъ и рѣшенія расправъ, имѣли возможность изучить бытъ народа. Во всякомъ случаѣ, отзывы эти у насъ суть единственныя, сколько-нибудь обстоятельныя данныя объ обычаяхъ наслѣдованія у крестьянъ, и потому заслуживаютъ во многихъ отношеніяхъ полнаго вниманія. Представляемъ извлеченіе изъ этихъ отзывовъ, которому мы придаемъ видъ сборника. Въ изложеніи мы, особенно въ сомнительныхъ мѣстахъ, старались держаться какъ можно ближе къ подлинникамъ. Несмотря на неточность юридическаго языка отъ недостаточной научной подготовки собирателей, на встрѣчающіяся нерѣдко въ одномъ и томъ-же отзывѣ противорѣчія, мы не рѣшились исправлять мѣстныхъ показаній заглазно, опасаясь исказить можетъ быть непонятную школьному взгляду, но дѣйствительно существующую и простодушно переданную собирателемъ характерическую черту какого-нибудь мѣстнаго обычая. Мы предлагаемъ нашъ сборникъ, какъ сырой матеріалъ, на общественную повѣрку и разработку на мѣстахъ. Теперь настало къ этому самое благопріятное время. Положеніями 19-го февраля, крестьянамъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости, въ порядкѣ наслѣдованія имуществомъ, дозволяется руководствоваться мѣстными своими обычаями (ст. 38 Общ. Полож.). Споры о наслѣдствѣ рѣшаются волостными судами на основаніи этихъ обычаевъ: рѣшенія суда записываются только въ книгу и признаются безапелляціонными. Собранія волостныхъ судовъ и книги ихъ рѣшеній открыты каждому для изученія самобытной юридической жизни народа. Особенно полезными дѣятелями въ этомъ отношеніи могли-бы быть мировые посредники и вообще члены мировыхъ учрежденій: они находятся въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ крестьянами, но въ качествѣ простыхъ наблюдателей, безъ права административнаго вмѣшательства и ломки народнаго быта. Ихъ вниманію и повѣркѣ преимущественно поручаемъ мы настоящій сборникъ.

Признавая себѣ не по силамъ, особенно при настоящемъ положеніи собраннаго матеріала, представить основныя начала и систему крестьянскихъ обычаевъ наслѣдованія, мы позволяемъ себѣ высказать только нѣсколько общихъ замѣчаній, вынесенныхъ нами изъ доставленныхъ палатами свѣдѣній.

Нельзя не замѣтить рѣзкой разницы между порядкомъ послѣдованія по своду законовъ и по обычаямъ крестьянъ. Независимо отъ того, что на наши законы имѣли вліяніе законодательныя теоріи и чужеземныя позаимствованія, а крестьянскіе обычаи выработались само-

бытно изъ самой народной жизни, причину этой разницы, и притомъ,— какъ намъ кажется,—главную, можно отыскать въ самомъ имущественномъ и хозяйственномъ положеніи крестьянъ, которое наложило свою печать и на характеръ крестьянской семьи, и на понятіе о крестьянскомъ имуществѣ.

Крестьяне большею частію почти совсѣмъ не имѣютъ имущества, въ томъ смыслѣ, какъ мы привыкли его понимать. Недвижимой собственности у нихъ вовсе нѣтъ, кромѣ купленной, которая, разумѣется, встрѣчается рѣдко. Земля надѣляется имъ въ пользованіе отъ казны. При общинномъ пользованіи, она распредѣляется и передѣляется міромъ; при надѣленіи семейными участками, хотя и установлено наслѣдственное пользованіе (Св. зак. Т. XII Ч. II ст. 114), но эта наслѣдственность означаетъ только отсутствіе мірскихъ передѣловъ; семейный же участокъ признается нераздѣльнымъ имуществомъ (такъ-же ст. 115). Слѣдовательно, и въ томъ, и въ другомъ случаяхъ земля изъята изъ свободнаго частнаго распоряженія. Крестьянскія строенія, выстроенныя изъ казеннаго лѣсу, также не признаются личною собственностью крестьянъ. Остается движимость, заключающаяся большею частію въ земледѣльчихъ орудіяхъ, рабочемъ скотѣ, утвари, рѣдко въ деньгахъ; но и эта движимость обыкновенно находится лишь въ такомъ количествѣ, сколько необходимо для веденія одного хозяйства, а потому фактически не можетъ подлежать дѣлежу. Въ семейныхъ же участкахъ она, какъ необходимая принадлежность полнаго хозяйства, вносится, въ опредѣленномъ для каждой мѣстности количествѣ, въ *постоянную хозяйственную роспись*, и по самому закону признается нераздѣльнымъ имуществомъ и переходитъ въ полномъ составѣ къ преемнику хозяина (та же 115 ст.). Изъ этихъ средствъ крестьянская семья должна и кормиться, и справлять всѣ свои нужды, и уплачивать подати. Подати эти, и по формѣ взиманія, и по относительной величинѣ къ чистому поземельному доходу, почти чисто личныя, особливо въ малоземельныхъ или худородныхъ мѣстностяхъ. Вообще главный факторъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ составляетъ не капиталъ, а личный трудъ.

Удовлетвореніе насущныхъ нуждъ наполняетъ собою всю жизнь крестьянина и даетъ ему особенный взглядъ на всѣ ея отношенія. На каждый свой шагъ, каждое въ ней событіе: выборъ невѣсты, время для свадьбы, рожденіе дѣтей онъ принужденъ смотрѣть преимущественно съ экономической точки зрѣнія. Семья, по его понятіямъ, по

крайней мѣрѣ юридическимъ, есть не только личный союзъ родства, но и рабочій хозяйственный союзъ, связанный общностью средствъ, потребностей и обязательствъ; это,—если можно такъ выразиться,—кровная артель. Имущество крестьянина не есть личная его собственность, а общій хозяйственный инвентарь всей семьи, который большею частію не можетъ быть раздѣленъ безъ разстройства хозяйства и остается въ общемъ владѣніи подъ распоряженіемъ старшаго въ домѣ, а если и дѣлится, то не по родственному распорядку степеней и линій, а по мѣрѣ участія въ общемъ заработкѣ.

Изъ этого проистекаетъ и главное различіе между порядкомъ наслѣдованія по своду законовъ и по крестьянскимъ обычаямъ. Первый основанъ исключительно на началахъ: родовомъ, семейномъ и отчасти сословномъ; во второмъ къ нимъ примѣшивается и преобладаетъ начало экономическое, артельное.

Сравнимъ тотъ и другой порядокъ въ главныхъ чертахъ.

Основныя положенія о наслѣдствѣ, по своду законовъ, слѣдующія:

Наслѣдство есть совокупность имуществъ, правъ и обязательствъ, оставшихся послѣ умершаго лица, т. е. его личная собственность Оно дѣлится между наслѣдниками и остается въ общемъ владѣніи только тогда и до тѣхъ поръ, пока всѣ наслѣдники того желаютъ. Главное основаніе права наслѣдованія есть родство; кромѣ родственниковъ, въ немъ участвуетъ и супругъ умершаго. Свойство не даетъ права наслѣдства. Родственники призываются къ наслѣдству въ порядкѣ, зависящемъ отъ близости родства. Близость родства считается по степенямъ и линіямъ. Степень есть связь одного лица съ другимъ посредствомъ рожденія, а непрерывная связь степеней есть линія. Линіи бываютъ: исходящая, восходящая и боковыя; первыя двѣ соединены между собою непрерывною связью рожденій, а боковыя—только общимъ родоначальникомъ; чѣмъ ближе общій родоначальникъ, отъ котораго расходятся линіи къ данному лицу, тѣмъ боковая линія къ нему ближе. Ближайшія линіи исключаютъ дальнѣйшія, и въ каждой линіи ближайшая степень исключаетъ дальнѣйшую; но если одно изъ лицъ, принадлежащихъ къ одинаковой степени съ другими, получающими наслѣдство, при открытіи его не находится въ живыхъ, то мѣсто его заступаютъ его дѣти и потомки обоего пола и получаютъ всѣ вмѣстѣ ту часть, которая слѣдовала-бы ему, еслибъ онъ находился въ живыхъ. Эта называется правомъ представленія, и раздѣлъ происходитъ поколѣнно.

Въ нисходящей линіи сыновья дѣлятъ имущество послѣ родителей поголовно, а внуки, по праву представленія, поколѣнно. Дочери получаютъ каждая изъ недвижимаго имѣнія 14-ую, а изъ движимаго 8-ую часть.

Въ боковыхъ линіяхъ родовое имѣніе отца идетъ въ родъ отца, а родовое матери въ родъ матери. Сестры при братьяхъ и ихъ потомствѣ обоего пола въ боковыхъ линіяхъ не наслѣдуютъ.

Восходящіе родственники не наслѣдуютъ. Только послѣ бездѣтныхъ дѣтей, благопріобрѣтенныя ихъ имѣнія поступаютъ къ родителямъ въ пожизненное владѣніе, а полученныя отъ родителей возвращаются къ нимъ по принадлежности.

Супруги наслѣдуютъ одинъ послѣ другаго въ $^1/_7$ части изъ недвижимаго и въ $^1/_4$ части изъ движимаго имущества.

Малолѣтные во всѣхъ случаяхъ получаютъ одинаковую часть съ совершеннолѣтными; часть эта, до возраста малолѣтныхъ, поступаетъ въ вѣдѣніе ихъ опекуна.

Обратимся затѣмъ къ крестьянскимъ обычаямъ наслѣдованія.

Крестьянское имущество есть общая принадлежность дома, семьи, находящаяся въ завѣдываніи домохозяина; отдѣльной личной собственности у членовъ семьи почти нѣтъ, и потому по смерти ихъ наслѣдство не открывается. Имущество это не составляетъ также личной собственности и самого домохозяина, и потому, хотя при жизни его оно находится въ безотчетномъ его распоряженіи, но по смерти его, въ большей части губерній, оно обыкновенно не дѣлится, а, продолжая быть общимъ достояніемъ семьи, переходитъ въ хозяйственное распоряженіе его преемника. Преемника этого онъ или самъ себѣ назначаетъ—завѣщательное начало, или имъ дѣлается тотъ, кто по обычаю считается старшимъ послѣ него въ домѣ: въ однѣхъ мѣстностяхъ—его братъ, т. е. дядя оставшимся его сыновьямъ. — начало родовое; въ другихъ—старшій изъ сыновей умершаго, — начало семейное. Но рядомъ съ этими началами, свойственными или настоящему, или древнему нашему наслѣдственному праву, видимъ и другія, чуждыя ему, болѣе экономическія: въ весьма многихъ мѣстностяхъ домъ и хозяйство переходятъ обыкновенно къ старшему по лѣтамъ, независимо отъ его мѣста въ родственномъ распорядкѣ, вѣроятно въ томъ предположеніи, что онъ опытнѣе всѣхъ въ веденіи хозяйства; а въ иныхъ случаяхъ видимъ прямо, что члены семейства сами выбираютъ себѣ въ хозяева самаго расторопнаго и способнаго. Если по смерти хозяина въ домѣ

останутся изъ мужчинъ только малолѣтные, то хозяйство принимаетъ одинъ изъ родственниковъ изъ другого дома, и притомъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не на правахъ опекуна до совершеннолѣтія питомцевъ, а остается полнымъ хозяиномъ на всю свою жизнь; по смерти же его хозяйство переходитъ не къ его дѣтямъ, а къ старшему сыну прежняго хозяина. Мѣстные собиратели даютъ и этой характеристической чертѣ опять также экономическое объясненіе: обыкновенное имущество крестьянскаго дома не составляетъ такого капитала, чтобы доходы съ него могли удовлетворять всѣ потребности семьи и оплачивать за нее подати; а потому оно не выдерживаетъ и опеки. Большую часть средствъ крестьянину приходится добывать своимъ личнымъ трудомъ; и тотъ, кто беретъ на себя главную долю этого труда за малолѣтныхъ, становится уже не опекуномъ ихъ, а полнымъ хозяиномъ. По этой причинѣ опека, какъ юридическій институтъ, вообще весьма мало развита въ крестьянскомъ быту.

Раздѣлы имущества по смерти хозяина, какъ сказано выше, въ большей части, особенно великорусскихъ губерній, составляютъ не правило, а исключеніе, бываютъ только при раздѣлахъ самой семьи, большею частію вслѣдствіе семейныхъ несогласій, охуждаются обычаемъ, считаются вредными для хозяйства и требуютъ разрѣшенія схода. Въ основаніи этихъ раздѣловъ, въ многихъ мѣстностяхъ, опять видимъ сильное вліяніе экономическаго начала. Это не раздѣлъ наслѣдства, и даже не раздѣлъ общаго имущества, доставшагося по наслѣдству, а дѣлежъ общаго заработка. При составѣ дома изъ родственниковъ разныхъ степеней, имущество дѣлится не поколѣнно, а по числу наличныхъ взрослыхъ работниковъ. Такъ взрослые сыновья получаютъ равныя доли съ своимъ отцомъ и дядями; малолѣтній сирота племянникъ не получаетъ доли своего умершаго отца, а поступаетъ въ которую-нибудь часть раздѣляющагося семейства. Зятья и свойственники, живущіе въ домѣ, посторонніе пріемышы получаютъ такую-же часть, какъ и родственники. Словомъ, кто только участвовалъ въ общемъ заработкѣ, тотъ и получаетъ себѣ равную съ прочими долю, безъ всякаго различія родственныхъ линій и степеней. Въ иныхъ мѣстахъ пріемышы такъ и называются «дольниками». Отдѣленные отъ дома родственники, хотя бы и самыхъ близкихъ степеней, вовсе въ раздѣлѣ не участвуютъ, если только остается кто-нибудь изъ членовъ того-же дома. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обычай дѣлаетъ весьма тонкое различіе между родственнымъ, чисто наслѣдственнымъ, и экономическихъ,

артельнымъ началомъ. Если дѣлится общее имущество дома послѣ хозяина, то доли назначаются по числу наличныхъ взрослыхъ работниковъ; если-же наслѣдство идетъ съ боку, изъ другаго дома, и слѣдовательно въ приращеніи его наслѣдники не участвовали, то оно дѣлится по родственнымъ линіямъ и степенямъ.

Весьма важный вопросъ при крестьянскихъ раздѣлахъ: кто получаетъ домъ, «остается на старомъ кореню», какъ говорятъ великорусскіе крестьяне? Въ большей части мѣстностей домъ достается старшему изъ сыновей хозяина; въ нѣкоторыхъ-же, напротивъ того, младшему. Миноратъ этотъ встрѣчается преимущественно въ западныхъ и южныхъ губерніяхъ, гдѣ старшіе сыновья, большею частію еще при жизни отца, отдѣляются и переходятъ на особыя хозяйства; семья обстроиваетъ ихъ общими силами на отдѣльныхъ усадьбахъ и домохозяинъ выдѣляетъ имъ часть имущества по своему усмотрѣнію. Младшаго-же сына родители обыкновенно оставляютъ при себѣ, и по смерти отца онъ и остается въ домѣ хозяиномъ.

Лица женскаго пола, при родственникахъ мужескаго, не получаютъ опредѣленной доли наслѣдства; онѣ остаются жить при которой-либо изъ дѣлящихся частей, а при замужествѣ награждаются приданымъ, по достатку и усмотрѣнію семьи.

Вдова опредѣленной части изъ доли, слѣдовавшей ея мужу, въ большей части мѣстностей не получаетъ. Если у ней есть дѣти, то она всего чаще остается при нихъ въ домѣ мужеской родни; бездѣтная возвращается въ родительскій домъ; семья мужа обязана возвратить ей только приданое, если она его съ собой принесла; дать-же ей что-либо сверхъ того зависитъ вполнѣ отъ доброй воли мужниной семьи.

Весьма характеристичны также собранныя свѣдѣнія, относящіяся въ частности до участія отставныхъ солдатъ въ наслѣдствѣ. По общимъ законамъ о наслѣдствѣ, солдатъ долженъ-бы былъ получить одинаковую долю съ прочими родственниками равной степени, за вычетомъ развѣ наградныхъ денегъ при поступленіи на службу и пособій въ продолженіи ея, если считать ихъ за выдѣлъ. При этомъ слѣдующая ему доля могла-бы быть назначена или лишь изъ того имущества, сколько осталось при открытіи наслѣдства въ смерть отца, не простираясь на послѣдущее его приращеніе, или-же изъ наличнаго состоянія имущества ко времени возвращенія солдата, такъ какъ принадлежащая ему часть тоже находилась въ обращеніи. Такъ и бы-

ваетъ по обычаямъ крестьянъ во многихъ мѣстностяхъ; но въ другихъ мѣстностяхъ отставной солдатъ или вовсе не получаетъ никакой доли, или при опредѣленіи ея берется въ расчетъ состояніе имущества не въ смерть отца и не наличное, а лишь до того времени, когда солдатъ поступилъ на службу. Эта черта также имѣетъ чисто экономическій характеръ: съ выходомъ изъ артели прекращается и право на долю въ послѣдующемъ общемъ заработкѣ.

При сильномъ преобладаніи экономическаго элемента, обычаи наслѣдства по разнымъ мѣстностямъ не представляютъ достаточно характеристическихъ признаковъ для раздѣленія ихъ на этнографическія группы; притомъ-же, собранныя палатами свѣдѣнія весьма мало касаются различія народностей и племенъ, живущихъ въ предѣлахъ одной губерніи. Тѣмъ не менѣе, не имѣя въ виду другихъ основаній для плана сборника, мы признали всего удобнѣе раздѣлить его по историко-этнографическимъ мѣстностямъ. Въ порядкѣ изложенія крестьянскихъ обычаевъ мы держимся программы вопросовъ, данной министерствомъ государственныхъ имуществъ (*).

УКРАИНА.

Кіевская губернія.

Переходъ дома и хозяйства по смерти хозяина. 1) По смерти хозяина домъ и хозяйство преимущественно переходятъ въ завѣдываніе его жены; сыновья-же, состоя въ полной зависимости отъ матери, помогаютъ ей въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ. Братья умершаго хозяина допускаются къ завѣдыванію домомъ лишь въ качествѣ попечителей, въ томъ случаѣ, если жена по старости, а дѣти по малолѣтству, не могутъ сами распоряжаться хозяйствомъ.

Раздѣлы имущества. 2) Раздѣлъ имущества, со смертью хозяина, бываетъ не всегда. Это зависитъ: или отъ воли самого хозяина, или отъ обстоятельствъ и состоянія семейства. Въ первомъ слу-

---

(*) Считаетъ нужнымъ оговорить, что со времени бывшей въ западныхъ губерніяхъ люстраціи хозяйственный бытъ крестьянъ во многомъ измѣнился. Потому имѣющіяся у насъ подъ руками свѣдѣнія особенно по этимъ губерніямъ требуютъ повѣрки и исправленія. Мы просимъ объ этомъ мѣстныхъ экспертовъ.

ваетъ по обычаямъ крестьянъ во многихъ мѣстностяхъ; но въ другихъ мѣстностяхъ отставной солдатъ или вовсе не получаетъ никакой доли, или при опредѣленіи ея берется въ расчетъ состояніе имущества не въ смерть отца и не наличное, а лишь до того времени, когда солдатъ поступилъ на службу. Эта черта также имѣетъ чисто экономическій характеръ: съ выходомъ изъ артели прекращается и право на долю въ послѣдующемъ общемъ заработкѣ.

При сильномъ преобладаніи экономическаго элемента, обычаи наслѣдства по разнымъ мѣстностямъ не представляютъ достаточно характеристическихъ признаковъ для раздѣленія ихъ на этнографическія группы; притомъ-же, собранныя палатами свѣдѣнія весьма мало касаются различія народностей и племенъ, живущихъ въ предѣлахъ одной губерніи. Тѣмъ не менѣе, не имѣя въ виду другихъ основаній для плана сборника, мы признали всего удобнѣе раздѣлить его по историко-этнографическимъ мѣстностямъ. Въ порядкѣ изложенія крестьянскихъ обычаевъ мы держимся программы вопросовъ, данной министерствомъ государственныхъ имуществъ (*).

УКРАИНА.

Кіевская губернія.

Переходъ дома и хозяйства по смерти хозяина. 1) По смерти хозяина домъ и хозяйство преимущественно переходятъ въ завѣдываніе его жены; сыновья-же, состоя въ полной зависимости отъ матери, помогаютъ ей въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ. Братья умершаго хозяина допускаются къ завѣдыванію домомъ лишь въ качествѣ попечителей, въ томъ случаѣ, если жена по старости, а дѣти по малолѣтству, не могутъ сами распоряжаться хозяйствомъ.

Раздѣлы имущества. 2) Раздѣлъ имущества, со смертью хозяина, бываетъ не всегда. Это зависитъ: или отъ воли самого хозяина, или отъ обстоятельствъ и состоянія семейства. Въ первомъ слу-

---

(*) Считаетъ нужнымъ оговорить, что со времени бывшей въ западныхъ губерніяхъ люстраціи хозяйственный бытъ крестьянъ во многомъ измѣнился. Потому имѣющіяся у насъ подъ руками свѣдѣнія особенно по этимъ губерніямъ требуютъ повѣрки и исправленія. Мы просимъ объ этомъ мѣстныхъ экспертовъ.

чаѣ хозяинъ, въ видахъ доставленія взрослымъ сыновьямъ возможности къ заведенію собственнаго хозяйства, при жизни своей, выдѣляетъ имъ по своему усмотрѣнію часть имущества, и они устраиваютъ себѣ особыя жилища и хозяйства: на отцовскомъ—ли грунтѣ, или въ другихъ мѣстахъ. Во второмъ случаѣ, когда сыновья, по занятію какимъ либо особымъ ремесломъ или промысломъ, не могутъ безъ стѣсненія себя и другихъ членовъ семейства отправлять своихъ занятій, или-же многочисленность самого семейства потребуетъ раздробленія; при этомъ отдѣляющимся членамъ, по усмотрѣнію главы семейства, выдѣляются и соотвѣтственныя части. Если же хозяинъ, умирая, оставляетъ имущество нераздѣленнымъ, и послѣ него остаются жена, сыновья, дочери и сверхъ того братья умершаго или ихъ вдовы и дѣти, то и въ семъ случая имущество остается нераздѣльнымъ до тѣхъ поръ, пока семейныя обстоятельства того потребуютъ: при случаяхъ женитьбы сыновей или братьевъ умершаго, или желанія послѣднихъ отдѣлиться жительствомъ и хозяйствомъ.

3) Если раздѣлъ имущества приводится при жизни хозяина, то выдѣлъ частей дѣлается по его усмотрѣнію. Если-же по смерти его, то имущество дѣлится такимъ образомъ: сыновья получаютъ равныя части. Дяди ихъ или братья умершаго хозяина участвуютъ въ раздѣлѣ въ такомъ только случаѣ, если имущество у нихъ съ умершимъ хозяиномъ было общее и они въ устройствѣ хозяйства въ равной мѣрѣ участвовали; правами ихъ пользуются также ихъ вдовы и дѣти. Что же касается дочерей умершаго хозяина, то замужнія, при самомъ выходѣ за мужъ, награждаются родителями по усмотрѣнію, а незамужнія, проживая въ отцовскомъ домѣ, остаются на попеченіи того изъ братьевъ, который при раздѣлѣ остается хозяиномъ дома, а при выходѣ замужъ награждаются всѣми братьями по возможности. Равно и жена умершаго хозяина, при раздѣлѣ, особой части не получаетъ, и остается на попеченіи того изъ сыновей, которому при раздѣлѣ достался домъ. Раздѣлъ имущества производится по приблизительной или примѣрной стоймости: домъ въ оцѣнку не полагается и въ составъ дѣлимаго имущества не входитъ, а достается тому сыну, который принимаетъ на свое попеченіе мать и сестеръ,—и преимущественно младшему сыну.

4) Раздѣлъ имущества производится почти всегда по взаимному согласію наслѣдниковъ, въ случаѣ спора чрезъ посредниковъ, а при неуспѣшности и этой мѣры—по опредѣленію мірскаго схода.

Участіе солдатъ въ наслѣдствѣ. 5) Нижніе чины, по возвращеніи на родину, если присоединяются къ общему родительскому дому, никакой особой части не получають, а довольствуются всѣмъ содержаніемъ и, участвуя въ трудѣ братьевъ, пользуются наравнѣ съ ними всѣми выгодами и прибылью отъ хозяйства. Если-же пожелаютъ отдѣлиться, то получаютъ слѣдуемую имъ часть наравнѣ съ прочими родственниками, участвовавшими въ раздѣлѣ имущества.

6) Выдѣлъ наслѣдственной части солдаты получаютъ по указанію сосѣдей изъ того имущества, какое оставалось при поступленіи ихъ на службу, безъ всякихъ разсчетовъ за то время, которое братья пользовались имъ до возвращенія солдата. Впрочемъ, въ семействахъ болѣе согласныхъ, выдаютъ солдатамъ нѣкоторую часть и изъ прибылаго въ отсутствіе ихъ имущества.

Подольская губернія.

Переходъ дома и хозяйства по смерти хозяина. Недвижимое имущество: домъ со службами, фруктовые сады, огородъ и тяглыя земли, отведенныя отъ казны за поземельный оброкъ, наслѣдуетъ въ Подольской губерніи членъ семейства, признанный годнымъ къ исполненію назначенныхъ съ крестьянскаго двора поземельныхъ повинностей; движимое-же имущество: рабочій и прочій скоть, земледѣльческія снаряды, пчелы, хлѣбъ и деньги (послѣднія впрочемъ бываютъ весьма рѣдко) подлежатъ общему раздѣлу между наслѣдниками. Членъ семейства, признанный за смертью отца хозяиномъ, остается полнымъ владѣльцемъ дома съ обзаведеніемъ и тягломъ, и на немъ уже лежатъ всѣ поземельныя и подушныя, опредѣленныя съ номера его двора, повинности. Прочіе наслѣдники хотя и живутъ нераздѣльно въ томъ-же домѣ или пристроенныхъ къ нему особыхъ избахъ, но содержатся особо и пользуются землями того-же участка только за условленную съ хозяиномъ плату или работу. Обычаи крестьянъ, издревле существующіе и почти одинаковые во всей Подольской губерніи, слудующіе:

1) Если хозяинъ умретъ, оставляя сыновей малолѣтными, то вдова его завѣдуетъ домомъ и земельнымъ участкомъ, подъ надзоромъ сельскаго управленія и почтенѣйшихъ хозяевъ, близкихъ сиротамъ по родству. Опека матери продолжается до совершеннолѣтія старшаго сына, который тогда поступаетъ на хозяйство отца. Если изъ остающихъ-

ся послѣ хозяина сыновей одинъ женатый, то домъ и хозяйство перечисляются за нимъ; если-же нѣсколько женатыхъ сыновей, то переходятъ къ самому младшему сыну, который устраняется отъ этого преимущества только при совершенной неспособности, признанной или отцомъ при жизни, или послѣ него сельскими старшинами. Послѣ хозяина, неоставившаго потомства мужескаго пола, старшая дочь наслѣдуетъ все хозяйство и мужъ ея поступаетъ въ номерные хозяева. На конецъ, послѣ бездѣтнаго хозяина поступаетъ на хозяйство родной его братъ, если онъ не имѣетъ отдѣльнаго хозяйства: въ противномъ-же случаѣ, если братья умершаго не нуждаются въ домѣ, сельская расправа назначаетъ по своему усмотрѣнію хозяина изъ бобылей; тогда домъ оцѣнивается и деньги, вырученныя за него отъ поступающаго на хозяйство крестянина наравнѣ съ прочимъ имуществомъ умершаго подлежать общему между сонаслѣдниками раздѣлу.

Раздѣлы имущества: 2) Движимое имущество, какъ-то: скотъ, пчелы, хлѣбъ, снаряды, деньги и одежда, дѣлятся поровну между всѣми сыновьями; но если отецъ, при женитьбѣ сына, выдѣлилъ ему часть, то она вычитается изъ слѣдующей ему доли при общемъ раздѣлѣ наслѣдства.

Замужнія дочери въ раздѣлѣ не участвуютъ, ибо при замужествѣ получаютъ отъ отца по возможности приданое, заключающееся въ одеждѣ, рабочемъ и нерабочемъ скотѣ, пчелахъ, а у болѣе зажиточныхъ и въ деньгахъ. Приданое для незамужнихъ дочерей, по смерти отца, выдѣляется изъ общаго имущества и поступаетъ въ опеку матери.

Вдовѣ хозяина оставляютъ ея платье и часть нерабочаго скота: коровъ и овецъ. Сверхъ сего пожизненное ея содержаніе возлагается на обязанность преемника хозяина. Если-же она, какъ часто случается, пожелаетъ вмѣсто того жить при замужней дочери, то ей назначается пособіе въ хлѣбѣ.

3) Раздѣлъ имущества, при различномъ отношеніи родства наслѣдниковъ къ умершему, опредѣляется слѣдующимъ порядкомъ:

Сыновья дѣлятъ имущество поровну, за исключеніемъ дома съ обзаведеніемъ, составляющихъ собственность члена, поступающаго на хозяйство и принимающаго на себя поземельныя повинности; дочери удовлетворяются приданымъ. Если нѣтъ сыновей, то дочери дѣлятъ между собою все оставшееся имущество. По безпотомно-умершемъ, имущество поступаетъ въ раздѣлъ братьямъ и ихъ дѣтямъ и вообще бли-

жайшимъ родственникамъ, а послѣ безроднаго, по закону, въ мірской капиталъ.

4) Остающееся имущество не оцѣнивается, а наслѣдники дѣлятъ его примѣрно по ровной долѣ, если умирающій не распорядился раздѣломъ по духовному завѣщанію, объявляемому обыкновенно словесно приходскому священнику, или въ присутствіи почетнѣйшихъ хозяевъ. Въ случаѣ разногласія при дѣлежѣ, что бываетъ васьма рѣдко, наслѣдники обращаются къ сельской расправѣ и ближайшему начальству.

Участіе солдатъ въ наслѣдствѣ. 5) Отпуская сына на службу, отецъ снабжаетъ его только необходимымъ для дороги, въ надеждѣ дожить до его возвращенія и тогда надѣлить наравнѣ съ прочими сыновьями. Но если отецъ уже старъ, то старается отдать поступающему въ солдаты все, что можетъ прійтись на его долю, и для того нерѣдко, при недостаткѣ наличныхъ денегъ, продаетъ даже часть рабочаго скота и другаго имущества. Если крестьянинъ поступаетъ въ солдаты послѣ смерти отца, то или требуетъ своей части отъ родственниковъ посредствомъ сельской расправы, или оставляетъ эту часть въ завѣдываніи братьевъ, или жены своей и дѣтей, получая самъ только необходимыя на дорогу, въ той надеждѣ, что по возвращеніи найдетъ себѣ у нихъ пріютъ и пособіе.

Неполучившій при поступленіи на службу выдѣла, отставной солдатъ, возвращаясь на родину, получаетъ свою принадлежность безспорно. Если застанетъ отца въ живыхъ, онъ или остается при отцовскомъ хозяйствѣ на условленной долѣ, или обзаводится особо, получая отъ казны усадебную землю и лѣсной матеріалъ. Если-же отставной солдатъ найдетъ отца уже умершимъ и братьевъ поступившихъ на его хозяйство, то получаетъ отъ нихъ слѣдующую часть добровольно или посредствомъ сельскій расправы, въ всякомъ случаѣ равную съ прочими наслѣдниками, но не выше стоимости имущества, какое было въ семействѣ при поступленіи его на службу. На имущество, по поступленіи его въ рекруты, пріобрѣтенное какъ до смерти отца, такъ и послѣ ея братьями, солдатъ права не имѣетъ.

Волынская губернія.

По Волынской губерніи доставленныя свѣдѣнія весьма скудны. Палата ограничивается неопредѣленнымъ указаніемъ, что по смерти хозяина, домъ и хозяйство обыкновенно переходятъ къ старшему члену се-

мейства, если онъ способенъ управлять хозяйствомъ; а возникающіе по этому предмету споры рѣшаются приговоромъ сельской расправы. Раздѣлы имущества по смерти хозяина «производятся лишь въ тѣхъ казенныхъ имѣніяхъ, гдѣ корыстолюбивые арендные владѣльцы, для увеличенія барщины, которая отбывается здѣсь съ каждаго двора, допускали самовольные раздѣлы крестьянскихъ семействъ, которыя производились безъ всякихъ правилъ, по согласію участвующихъ, иногда по рѣшенію сосѣдей, а нерѣдко по праву сильнаго или болѣе хитраго.» Палата эти раздѣлы запретила.

Отставные солдаты, живя въ семействѣ, пользуются наравнѣ съ прочими членами достояніемъ общаго хозяйства; если же желаютъ обзавестись отдѣльно, то пользуются добровольно имъ даннымъ, но не вправѣ требовать чего либо отъ семейства, обязаннаго призрѣть ихъ у себя.

Полтавская губернія.

Въ Полтавской губерніи, по существующему изстари у государственныхъ крестьянъ обычаю, хозяинъ, имѣющій нѣсколькихъ взрослыхъ сыновей, старается каждому изъ нихъ при женитьбѣ устроить отдѣльный домъ и хозяйство, оставляя при себѣ въ помощь только одного сына. Потому случаи общаго жительства семьи, состоящей изъ жены, нѣсколькихъ взрослыхъ сыновей и братьевъ хозяина, встрѣчаются весьма рѣдко и почти исключительно только между однодворцами. Сообразно этому коренному обычаю выдѣла сыновей при жизни хозяина, сложились и обычаи наслѣдованія послѣ его смерти.

Переходъ дома хозяйства по смерти хозяина. 1) По смерти хозяина, если онъ не распорядился назначить себѣ преемника духовнымъ завѣщаніемъ, домъ и хозяйство переходятъ въ управленіе: или къ его женѣ, или къ тому сыну, кокорый оставался жить при (*) отцѣ; братья же умершаго почти никогда въ управленіи домомъ не участвуютъ, имѣя у себя отдѣльныя хозяйства.

Раздѣлы имущества. 2) Такъ какъ хозяинъ обыкновенно вы-

(*) Изъ сбивчивой редакціи отзыва палаты нельзя вывести положительнаго заключенія: кто имѣетъ преимущество: вдова ли-ли умершаго, или его сынъ: но кажется, что настоящей хозяйкой считается собственно вдова, а сынъ только помогаетъ матери. Во всякомъ случаѣ, при матери, или самъ управляетъ домомъ не старшій изъ сыновей умершаго хозяина, а тотъ, который, за отдѣленіемъ прочихъ, оставался при отцѣ.

дѣляетъ взрослыхъ сыновей еще при жизни, то по смерти его раздѣлы имущества встрѣчаются рѣдко.

3) Раздѣлы различаются, смотря по званію умершаго: у малороссійскихъ козаковъ земли свои, и они владѣютъ ими на правѣ личной собственности; посему у козаковъ земли также подлежатъ раздѣлу между наслѣдниками; у казенныхъ-же крестьянъ, войсковыхъ, воинскихъ поселянъ и проч. земли надѣлены отъ казны въ пользованіе цѣлому мірскому обществу, потому участокъ хозяина не можетъ подлежать дѣлежу между наслѣдниками, и раздѣлъ ограничивается только движимостью и купленными землями, у кого онѣ есть.

4) Выдѣлъ частей наслѣдникамъ производится слѣдующимъ образомъ:

Изъ имущества, оставшагося послѣ отца, отдѣленные при жизни его сыновья части не получаютъ, неотдѣленные-же, оставшіеся при немъ, сыновья дѣлятъ между собою наслѣдство по равнымъ частямъ, поголовно. Незамужнимъ дочерямъ всѣмъ вмѣстѣ назначается изъ отцовскаго имущества четвертая часть на приданое. Если отецъ еще при жизни выдалъ нѣсколькихъ дочерей, то по смерти его незамужнимъ назначается не полная четвертая часть, а сколько изъ нея будетъ слѣдовать по числу остающихся дочерей.

Имущество, оставшееся послѣ матери, дѣлится поровну между неотдѣленными наслѣдниками обоего пола. Отдѣленные сыновья и замужнія дочери въ материнскомъ наслѣдствѣ также, какъ и въ отцовскомъ, не участвуютъ.

5) Раздѣлъ производится натурою; но если въ составѣ дѣлимаго имущества находятся строенія и другія вещи, которыхъ нельзя поровну раздѣлить, то онѣ отдаются кому-либо изъ наслѣдниковъ по оцѣнкѣ, съ удовлетвореніемъ прочихъ по разсчету.

6) Раздѣлъ совершается по взаимному согласію; въ случаѣ спора— при участіи посредниковъ: общества или сельскаго и волостнаго начальствъ; если-же и при ихъ участіи наслѣдники не согласятся въ раздѣлѣ полюбовно, то вѣдаются въ судебныхъ мѣстахъ по порядку.

Участіе солдатъ въ наслѣдствѣ. 7) Отставные солдаты, если до поступленія на службу не были отдѣлены отцомъ, по возвращеніи на родину, — присоединяются-ли они къ общему родительскому дому, или обзаводятся особо, — получаютъ части изъ наслѣдства наравнѣ съ прочими членами семейства, т. е. изъ отцовскаго имущества равныя доли съ сыновьями, а изъ материнскаго — со всѣми наслѣдниками

обоего пола; отдѣленные до поступленія на службу солдаты, какъ и вообще всѣ отдѣленные члены семейства, въ наслѣдствѣ не участвуютъ

8) Если по смерти родителей имущество отъ предпріимчивости братьевъ увеличится, то солдатъ, неотдѣленный до поступленія на службу, по возвращеніи получаетъ часть по наличному состоянію имущества, «въ вознагражденіе за то, что онъ служилъ за цѣлое семейство и освободилъ собою отъ службы братьевъ.»

Черниговская губернія.

Переходъ дома и хозяйства по смерти хозяина. 1) Если по смерти хозяина остается одинъ женатый сынъ, а прочіе холостые, то они всѣ живутъ вмѣстѣ; вдова хозяина распоряжается внутреннимъ домашнимъ хозяйствомъ, а женатый старшій сынъ — внѣшнимъ. Когда впослѣдствіи женится другой братъ, то по большей части ему въ томъ же дворѣ строятъ общими силами другую избу, и онъ, живя въ ней съ женой, имѣетъ отдѣльную движимость, но рабочій скотъ и земли остаются въ общемъ владѣніи до совершеннолѣтія всѣхъ братьевъ. Если потомъ женится и третій братъ, и въ это время у старшаго будутъ уже нѣсколько дѣтей, то онъ (т. е. старшій?). съ помощію братьевъ, строитъ себѣ особую избу, или на томъ-же дворѣ, если позволяетъ мѣсто, или переселяется на другой огородъ, а меньшой остается въ старой избѣ. Объясненный выше порядокъ соблюдается по большей части; но бываютъ и измѣненія, которыя зависятъ отъ обстоятельствъ и взаимнаго согласія. Одна жилая изба никогда не дѣлится на части, а остается во владѣніи кого-нибудь одного. Холодныя-же строенія, если ихъ бываетъ каждаго рода понѣскольку, дѣлятся поровну и часто переносятся съ одного мѣста на другое; если-же которому-либо изъ членовъ семейства не достанется какого-либо рода холоднаго строенія, то оно строится общими силами.

Раздѣлы имущества. 2) Въ Черниговской губерніи два рода государственныхъ поселянъ: казенные крестьяне и козаки; первые пользуются землями отъ казны, вторые владѣютъ ими на правѣ собственности. Отъ этого различія въ правахъ владѣнія землею происходитъ разница и въ порядкѣ раздѣла недвижимаго имущества.

Казенные крестьяне, пользуясь казенною землею, не имѣютъ права нетолько передавать ее во владѣніе другихъ сословій, но и дѣлить семейные участки; хотя-же и случается иногда, что по несогла-

сію въ семействѣ члены его дѣлятъ между собою нетолько движимое, но и недвижимое имущество, то въ отношеніи послѣдняго раздѣлъ составляетъ только частную домашнюю сдѣлку; участокъ-же земли, надѣленный семейству, считается по вѣдомостямъ въ полномъ составѣ за цѣлымъ семействомъ. Эти участки никогда не переходятъ отъ одного семейства къ другому, а остаются постоянно въ одномъ семействѣ до тѣхъ поръ, пока оно не уничтожится въ мужескомъ колѣнѣ. Измѣненія же въ участкахъ дѣлаются по приговору сельскихъ обществъ въ такихъ только случаяхъ, когда происходятъ перемѣны въ семействахъ, т. е. если случится, что въ одномъ семействѣ число душъ мужескаго пола уменьшится, а въ другомъ увеличится; тогда отъ перваго, по приговору общества, отдѣляется часть земли и отдается въ пользованіе другому (*). Изъ сего видно, что въ этомъ разрядѣ государственныхъ поселянъ Черниговской губерніи существуютъ уже нѣкоторымъ образомъ наслѣдственные, нераздѣльные участки земли, переходящіе отъ отца къ сыну, внуку и т. д

Козаки, владѣя землею на правѣ собственности, съ нѣкоторымъ только ограниченіемъ относительно собственно козачьихъ земель, слѣдуютъ при раздѣлѣ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, тѣмъ правиламъ, какія изложены въ т. X Свод. Зак., и которыя относятся до Черниговской и Полтавской губерній; и притомъ члены симейства тогда только дѣлятъ между собою недвижимое имущество, когда на это послѣдуетъ разрѣшеніе отъ палаты. Впрочемъ между козаками Черниговской губерніи обычаемъ введено, что сестры при братьяхъ никогда не получаютъ въ свое владѣніе части земель, принадлежащихъ отцамъ ихъ. При выходѣ замужъ, онѣ получаютъ въ приданое одежду, домашній скотъ и деньги, а до замужства живутъ въ семействѣ. Точно также и вдовы, по смерти мужей, не получаютъ въ собственное владѣніе никакой части изъ недвижимаго имущества, а остаются въ семействѣ и, раздѣляя труды его, пользуются содержаніемъ отъ дѣтей своихъ или родственниковъ мужа, «Если же у кого-либо изъ козаковъ нѣтъ сыновей, а только дочери, то онѣ наслѣдуютъ всѣмъ имущест-

---

(*) Едва-ли это свѣдѣніе справедливо. Мірскіе передѣлы земель чужды малороссійскому хозяйственному устройству крестьянъ. Передѣлы эти встрѣчаются развѣ только въ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской губерніи: Новозыбковскомъ, Суражскомъ, Мглинскомъ, Стародубскомъ, Новгородсѣверскомъ и Глуховскомъ, въ коихъ существуетъ мѣстами великорусское хозяйственное устройство, общинное владѣніе землей и разверстка ея по тягламъ.

вомъ отца и дѣлятъ его между собою на ровныя части; когда–же выдутъ въ замужество, то недвижимое имущество, по смерти ихъ считается материнскимъ и дѣлится между дочерьми, безъ участія въ томъ сыновей, разумѣется, если мать при жизни не сдѣлала распредѣлительной записи или духовнаго завѣщанія въ пользу сыновей (*). Если козачьему семейству будетъ отъ начальства дозволенъ раздѣлъ, то имѣніе дѣлится большею частію по взаимному согласію членовъ семейства, иногда при участіи посредниковъ; а въ случаѣ жалобъ на неуравнительность раздѣла — по опредѣленію мірскаго схода при участіи сельской расправы.

3) Какъ между казенными крестьянами, такъ и между козаками, опеки надъ малолѣтными учреждаются лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда умершій отецъ ихъ составлялъ отдѣльное семейство; въ тѣхъ–же семействахъ, гдѣ есть совершеннолѣтніе братья, дяди или другіе родственники, надъ малолѣтными, какъ неимѣющими отдѣльной собственности, опека не назначается.

Участіе солдатъ въ наслѣдствѣ. 4) Отставные солдаты, если присоединяются къ общему родительскому дому, не получаютъ отдѣльной части, если–же обзаводятся особо, то получаютъ часть изъ отцовскаго имущества, равную съ прочими сонаслѣдниками, отъ тѣхъ родственниковъ, которые раздѣлили ее между собою и пользовались ею до возвращенія солдата.

5) Солдатъ имѣетъ право на долю лишь изъ того имѣнія, которое было при поступленіи его на службу. Выдѣлъ изъ послѣдующаго приращенія зависитъ единственно отъ добраго расположенія родственниковъ.

6) Денежныя пособія, которыя солдатъ при поступленіи или въ продолженіи службы получалъ отъ отца, не зачитаются въ слѣдующую ему часть имѣнія; но если поступающій на службу получитъ отъ братьевъ или другихъ родственниковъ столько денегъ, сколько стоитъ вся слѣдующая ему доля, то, по выходѣ въ отставку, уже никакой части не получаетъ.

Харьковская губернія (**).

Харьковская (бывшая Слободско–Украинская) губернія составляетъ какъ–бы переходъ отъ малороссійскаго быта къ великорусскому. Пер-

(*) Въ Полтавской губерніи, какъ сказано выше, материнское наслѣдство дѣлится между сыновьями и дочерьми поровну.

(**) По сосѣдней и однохарактерной съ Харьковскою Воронежской губерніи, свѣдѣній палатою не доставлено.

вый всего сильнѣе въ южныхъ и юговосточныхъ уѣздахъ: Старобѣльскомъ, Купянскомъ, Изюмскомъ, Зміевскомъ и Валковскомъ, прилегающихъ къ Екатеринославской и Полтавской губерніямъ; великорусскій — въ Сумскомъ; уѣзды Лебединскій и Ахтырскій представляютъ смѣшеніе обоихъ элементовъ, но изъ нихъ, кажется, малороссійскій преобладаетъ. Къ сожалѣнію, въ отзывѣ палаты не указано различія въ обычаяхъ того и другаго племени. Доставленыя свѣдѣнія во многомъ сходны съ имѣющимися по Полтавской губерніи и носятъ признаки общаго малороссійскаго типа. По словамъ палаты, «во всѣхъ почти уѣздахъ Харьковской губерніи весьма рѣдко случается, чтобы родные братья, даже при отцѣ и матери, жили нераздѣльно, однимъ хозяйствомъ. Обыкновенно родители, имѣя нѣсколькихъ сыновей, отдѣляютъ каждаго при женитьбѣ и, если могутъ, даютъ ему отдѣльную усадьбу, устраиваютъ домъ и предоставляютъ часть земли, несмотря на запрещеніе раздроблять семейства. При отцѣ остается только одинъ сынъ, — обыкновенно меньшой. Если хозяинъ умираетъ, не раздѣливъ сыновей, то, по достиженіи совершеннолѣтія или при женитьбѣ, они почти всегда дѣлятся. Оставляя отцовскій домъ во владѣніе одному брату, общими издержками устраиваютъ домы для другихъ, даже и тогда, когда осталась одна небольшая усадьба. Если-же по бѣдности и принуждены бываютъ жить въ одномъ домѣ, то и тогда хозяйство у каждаго бываетъ отдѣльное». Сообразно этой главной характеристической чертѣ малороссійскаго племени—стремленію къ отдѣльной личной собственности, сложились и обычаи наслѣдованія.

Переходъ дома и хозяйства по смерти хозяина. 1) По смерти хозяина, если осталось нѣсколько взрослыхъ сыновей, то большею частію старшіе бываютъ уже прежде отдѣлены при жизни отца, потому домъ и хозяйство переходятъ къ младшему. Если-же останется одинъ сынъ, то хозяйствомъ распоряжается онъ. Если всѣ дѣти малолѣтны, то, впредь до возраста ихъ, хозяйствомъ завѣдываетъ жена, а за ея смертью, — на правахъ опекуна, — старшій изъ родственниковъ хозяина, по назначенію сельскаго начальства, а чаще по родственному участію въ сиротахъ.

Раздѣлы имущества. 2) За выдѣломъ старшихъ сыновей, при жизни хозяина, раздѣлы имущества послѣ его смерти встрѣчаются рѣдко. Обыкновенно младшій сынъ, оставшійся при отцѣ, становится послѣ него полнымъ наслѣдникомъ имущества, т. е. того, что оставалось у отца за отдѣломъ другихъ сыновей и выдачею замужъ до-

черей. Если–же при смерти отца дѣти остались нераздѣленными, то они непремѣнно дѣлятся.

3) При раздѣлѣ наслѣдства, пра́во старшаго въ Харьковской губерніи не существуетъ, и всѣ сыновья равны. Забота о приданомъ дочерей лежитъ на матери. Замужнія дочери умершаго не имѣютъ участія въ раздѣлѣ, если отецъ при смерти не отказалъ имъ чего–либо; въ послѣднемъ случаѣ воля умершаго свято исполняется.—Когда–же остаются однѣ дочери, то дѣлятъ имущество поровну.—Бездѣтный хозяинъ обыкновенно беретъ къ себѣ на воспитаніе сына или дочь ближайшаго родственника и оставляетъ имущество воспитаннику; замѣчательно, что другіе родственники, по обычаю, не оспариваютъ у такихъ воспитанниковъ права на наслѣдство. Когда бездѣтнымъ хозяиномъ не сдѣлано при жизни распоряженія объ имуществѣ, то его получаютъ ближайшіе родственники.

4) Раздѣлъ наслѣдства производится большею частію по волѣ хозяина: или заблаговременно при жизни, или по словесному завѣщанію, почти всегда безпрекословно исполняемому; если–же хозяинъ не выразилъ своей власти относительно раздѣла, то раздѣлъ производится по обоюдному согласію наслѣдниковъ, рѣдко при стороннемъ посредствѣ, а еще рѣже по мірскому разбирательству, или судебному рѣшенію.

Участіе солдатъ въ наслѣдствѣ. 5) Зажиточные крестьяне нанимаютъ за себя въ солдаты охотниковъ; поступаютъ въ рекруты большею частію изъ бѣдныхъ семействъ; потому, при возвращеніи, солдатъ рѣдко имѣетъ что наслѣдовать, и обыкновенно пристаетъ къ одному изъ братьевъ. Если–же есть имущество, то солдатъ получаетъ равную долю съ остальными братьями. Въ Зміевскомъ уѣздѣ, если во время нахожденія солдата на службѣ семейство дѣлится, то ему назначается равная часть съ прочими членами семейства и передается одному изъ нихъ на сохраненіе. Женѣ солдата, безъ его согласія, часть эта не передается; но ей предоставляется жить при томъ семействѣ, гдѣ находится имущество ея мужа.

6) Такъ какъ братья очень рѣдко имѣютъ нераздѣльное хозяйство, а каждый особое, то если одинъ изъ нихъ и сталъ богаче, другіе чрезъ то ничего не выигрываютъ. Поэтому и находившійся на службѣ братъ не получаетъ ничего, если не будетъ доброй воли пріобрѣтателя удѣлить ему что–либо.

Екатеринославская губернія.

Екатеринославская палата сообщила свѣдѣнія поуѣздно, въ томъ сыромъ видѣ, какъ они доставлены отъ окружныхъ начальниковъ, присовокупивъ, что «въ отношеніи раздѣловъ между крестьянами не существуетъ никакихъ опредѣленныхъ правилъ, слѣдовательно и необходимо ихъ постановить». Дѣйствительно, отъ неодинаковаго пониманія вопросовъ программы, отвѣты окружныхъ вышли крайне разнотолковы и очень трудно группируются. Указываемъ поуѣздно на болѣе выдающіяся особенности, оставляя ихъ на отвѣтственности собирателей и поручая мѣстной повѣркѣ.

Переходъ дома и хозяйства по смерти хозяина. 1) По смерти хозяина, управленіе домомъ и хозяйствомъ переходитъ: въ Екатеринославскомъ и Ростовскомъ уѣздахъ къ старшему изъ членовъ семейства (вѣроятно по лѣтамъ); въ остальныхъ-же уѣздахъ: Новомосковскомъ, Павлоградскомъ, Бахмутскомъ и Александровскомъ остается, до раздѣла, даже при взрослыхъ сыновьяхъ, въ рукахъ жены умершаго, а по смерти ея или вторичномъ замужествѣ поступаетъ къ старшему ея сыну. При малолѣтствѣ сыновей хозяйство, по свѣдѣніямъ всѣхъ уѣздовъ, остается въ зрѣдыванія ихъ матери.

Раздѣлы имущества. 2) Всегда-ли со смертью хозяина производится раздѣлъ имущества,—объ этомъ изъ доставленныхъ свѣдѣній нельзя вывести положительнаго заключенія. По уѣздамъ: Екатеринославскому, Ростовскому и Бахмутскому упоминается о томъ, что иногда послѣ хозяина домъ и хозяйство остаются въ общемъ владѣніи всей семьи подъ управленіемъ или старшаго члена семейства, или вдовы хозяина. По остальнымъ уѣздамъ объ этомъ умалчивается.

3) Раздѣлъ наслѣдства между дѣтьми, по свѣдѣніямъ изъ всѣхъ уѣздовъ, производится обыкновенно по духовному завѣщанію отца, или-же по усмотрѣнію оставшейся матери. Если ни духовнаго завѣщанія, ни матери не осталось, то всѣ сыновья дѣлятъ имущество поровну. Если въ семьѣ есть, кромѣ сыновей, неотдѣленные братья хозяина, то раздѣлъ происходитъ поколѣнно, т. е. всѣ дѣти вмѣстѣ получаютъ долю своего отца; только по Александровскому уѣзду упоминается, что «иногда та часть семейства, въ коей находятся дѣти-работники, способствовавшіе собственными трудами приращенію общаго имущества, получаетъ нѣсколько болѣе на ихъ долю». По Бахмутскому и Новомосковскому уѣздамъ сообщается, что мать, раздѣляя сыновей,

оставляетъ на себя седьмую часть, которая, по ея смерти, остается собственностью того изъ сыновей, при которомъ она жила, равно и бездѣтной вдовѣ выдается седьмая часть изъ движимаго имущества мужа. По Александровскому уѣзду седьмыя части выдаются бездѣтной вдовѣ, а также незамужнимъ сестрамъ (?).

4) Домъ, при раздѣлѣ, полагается въ оцѣнку: по Александровскому уѣзду всегда; по Бахмутскому только въ томъ случаѣ, если ни одинъ изъ дѣлящихся братьевъ не имѣлъ отдѣльнаго дома, а всѣ они жили вмѣстѣ; по Ростовскому—«если движимое имущество соотвѣтствуетъ цѣнностью дому, въ противномъ-же случаѣ остающійся въ домѣ помогаетъ отдѣляющемуся по возможности». Домъ оставляется по уѣздамъ: Екатеринославскому и Новомосковскому преимущественно младшему сыну; по Ростовскому—«или младшему брату, или вдовѣ съ дѣтьми»: по Павлоградскому, «при неотдѣленныхъ братьяхъ хозяина, домъ всегда достается его вдовѣ съ сиротами, за исключеніемъ случая выхода ея замужъ; тогда она получаетъ на себя и на сиротъ при раздѣлѣ имущества и часть, слѣдующую за домъ; самый-же домъ достается кому-либо изъ братьевъ умершаго: или по взаимному согласію, или по рѣшенію сельскаго схода, или по жеребью».

5) Раздѣлы производятся большею частію по добровольному соглашенію, иногда при участіи посредниковъ, въ которые приглашаются ближайшіе родственники; а въ случаѣ спора по опредѣленію мірскаго схода. Послѣдніе случаи впрочемъ, по отзывамъ всѣхъ уѣздовъ, бываютъ весьма рѣдко; а по Ростовскому уѣзду положительно утверждается, что «ни сельское управленіе, ни мірской сходъ въ раздѣлахъ не участвуютъ».

Участіе солдата въ наслѣдствѣ. 6) Во всѣхъ уѣздахъ Екатеринославской губерніи возвращающіеся солдаты, если пожелаютъ обзавестись отдѣльнымъ хозяйствомъ, получаютъ равную часть съ остальными братьями; по свѣдѣніямъ Павлоградскаго уѣзда, сверхъ этой части, братья дѣлаютъ солдату пособіе въ обстройкѣ дома; а по Александровскому уѣзду показано, что «домъ всегда безъ раздѣла достатся солдату».

7) По свѣдѣніямъ всѣхъ уѣздовъ, солдатъ получаетъ часть по наличному состоянію имущества, хотя бы оно послѣ поступленія его на службу и увеличилось. По одному только Павлоградскому уѣзду сказано, что «солдатъ получаетъ только ту часть, какою каждый братъ послѣ отца воспользовался; если-же братья или дяди, во время его

службы, слѣдующую ему часть какимъ-либо образомъ утратятъ, то вознаграждаютъ его своею собственностью». По Александровскому уѣзду «если, при поступленіи солдата на службу, у семейства его не было никакого имущества, а оно пріобрѣтено уже послѣ братьями, то по возвращеніи солдатъ получаетъ отъ братьевъ только то, что они признаютъ возможнымъ ему удѣлить».

Херсонская губернія.

По отзыву Херсонской палаты, «порядокъ раздѣловъ наслѣдства между государственными крестьянами соблюдается различный, смотря по племени народовъ, населяющихъ Херсонскую губернію, или смѣшанный отъ сліянія ихъ въ одно общество. Такъ великороссіяне, малороссіяне, молдаване, живущіе отдѣльными селеніями, сохранили еще обычаи тѣхъ мѣстъ, откуда зашли сюда для поселенія, а соединившіеся въ одно общество, несмотря на разноплеменность свою, подчинились обычаямъ, какіе преимущественно одинъ отъ другого приняли». Къ сожалѣнію, палата, излагая различные обычаи, не вездѣ указываетъ народность, которой они принадлежатъ, и вообще старается «обобщить эти частности». Мы приводимъ ея отзывъ въ подробности.

Переходъ дома и хозяйства по смерти хозяина. 1) По одному обычаю: со смертью хозяина, домъ переходитъ въ завѣдываніе его жены, и при ней остается обыкновенно старшій сынъ, если при жизни отца отдѣленъ не былъ; другіе сыновья переходятъ на особыя хозяйства и только тогда наслѣдуютъ старшему, когда у него ни жены, ни дѣтей не останется.

Другой обычай такой: если послѣ хозяина остается жена, сыновья и братья неотдѣленные, то домъ переходитъ у однихъ въ распоряженіе старшаго брата покойнаго хозяина, а у другихъ—ко вдовѣ и меньшому сыну; въ случаѣ-же смерти сихъ послѣднихъ, раздѣляется поровну другимъ оставшимся сыновьямъ умершаго, по оцѣнкѣ, и за неимѣніемъ ихъ—братьямъ покойнаго или ближайшимъ родственникамъ; если-же и тѣхъ нѣтъ, то поступаетъ къ родственникамъ жены умершаго. По Ананьевскому уѣзду, обычай, чтобы отцовскій домъ переходилъ къ меньшому сыну, до такой степени вкоренился между крестьянами, что оставшаяся вдова-мать, имѣя полное право по своему произволу распредѣлять имущество между дѣтьми, ни въ какомъ случаѣ не можетъ младшаго сына лишить наслѣдованія отцовскимъ до-

момъ, даже и тогда, еслибы младшій сынъ находился въ военной службѣ; въ семъ послѣднемъ случаѣ братья только до возвращенія его могутъ жить въ отцовскомъ домѣ, по прибытіи-же солдата тотчасъ ему его уступаютъ.

Раздѣлы имущества. 2) Въ селеніяхъ, населенныхъ молдаванами или смѣшанно съ мѣстными жителями, при раздѣлахъ имущества, остающагося послѣ хозяина, соблюдается слѣдующій порядокъ: когда отецъ при жизни дѣлаетъ распоряженіе о раздѣлѣ, то надѣлаетъ каждаго члена семейства по своему усмотрѣнію, безъ всякаго сторонняго вмѣшательства. Но если хозяинъ умеръ, не сдѣлавъ никакого распоряженія, и послѣ него остаются жена, дѣти и братья, то все имущество переходить въ полное распоряженіе жены, кромѣ дома, который, какъ сказано выше, поступаетъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ къ старшему брату умершаго, а въ другихъ къ меньшему сыну; прочее имущество вдова распредѣляетъ между дѣтьми, по собственному усмотрѣнію, и жалобъ на это почти никогда не бываетъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда по смерти хозяина остаются одни дѣти безъ матери, имущество дѣлится между сыновьями поровну, а незамужнія дочери получаютъ противъ своихъ братьевъ въ половину. Отдѣленные сыновья и замужнія дочери лишаются всякаго права на оставшееся наслѣдство, даже и въ томъ случаѣ, если бы отецъ, при свадьбѣ дочери, по бѣдности ничего не могъ имъ дать, а впослѣдствіи разбогатѣлъ. Если у умершаго хозяина дѣтей не было, то имущество дѣлится между его вдовой и братьями или другими ближайшими наслѣдниками на равныя части, и въ этомъ случаѣ оставшійся домъ также входитъ въ общій раздѣлъ. Если-же оставшаяся вдова пожелаетъ выдти замужъ, то ей возвращается приданое, а если его не было, то ей выдѣляется наслѣдниками часть имущества, по мѣрѣ того, сколько она помогала мужу въ его пріобрѣтеніи.

Въ селеніяхъ населенныхъ одними великороссіянами и малороссіянами, вдова, если пожелаетъ вновь выдти замужъ, получаетъ изъ всего имущества третью, четвертую или пятую часть; если же вдова престарѣлыхъ лѣтъ, то остается на попеченіи старшаго брата умершаго, который вступаетъ въ распоряженіе всѣмъ хозяйствомъ, принимая на себя попеченіе и надъ незамужними дочерьми, и онѣ при замужствѣ получаютъ части отцовскаго имущества уже по усмотрѣнію завѣдывавшаго онымъ брата умершаго.

3) Раздѣлы имущества производятся большею частію по взаимно-

му соглашенію членовъ семейства, въ присутствіи сосѣдей и старѣйшинъ, которые и служатъ между ними посредниками въ случаѣ спора. Не было примѣра, чтобы наслѣдники послѣ того куда–либо далѣе переносили свои жалобы.

4) Если по смерти хозяина остаются одни малолѣтныя дѣти, то къ нимъ и имуществу, по приговору схода, назначаются опекуны изъ сосѣдей и родственниковъ, которые, по мѣрѣ достиженія наслѣдниками совершеннолѣтія, выдѣляютъ каждому слѣдующую часть.

Участіе солдатъ въ наслѣдствѣ. 5) Отецъ обыкновенно при жизни дѣлаетъ распоряженіе въ пользу находящагося на службѣ сына, но когда этого не сдѣлано и солдатъ возвратится домой послѣ смерти отца, то получаетъ равную часть съ братьями изъ отцовскаго наслѣдія, существовашаго до его смерти, безъ зачета тѣхъ пособій, какія ему дѣлались во время службы; вновь–же пріобрѣтенное братьями имущество въ раздѣлъ не входитъ. Если, по существующему обычаю, отставному солдату, какъ меньшому въ семействѣ брату, будетъ слѣдовать оставшійся послѣ отца домъ, а солдатъ обзаводиться хозяйствомъ не пожелаетъ, то прочіе братья обязаны выплатить ему, по взаимному соглашенію, стоимость дома деньгами.

Таврическая губернія.

Переходъ дома и хозяйства по смерти хозяина. 1) У русскихъ и малороссіянъ, по смерти хозяина домъ и хозяйство почти всегда переходятъ въ управленіе старшаго по немъ брата. Если братья отдѣляются на особое жительство, то получаютъ изъ хозяйства равныя части; такую–же часть получаетъ и вдова съ дѣтьми, оставаясь жить въ общемъ домѣ, за который однако уплачиваетъ братьямъ слѣдующія по стоимости его части. Если-же и сыновья вдовы, достигнувъ совершеннолѣтія, пожелаютъ выдти на особое жительство, то также получаютъ равныя части изъ дома и хозяйства матери, но чаще всего случается, что домъ, по желанію матери, переходитъ къ меньшому сыну, при которомъ она и сама остается жить.

Раздѣлы имущества. 2) У русскихъ и малороссіянъ раздѣлъ имущества со смертью хозяина не всегда дѣлается; это зависитъ отъ семейныхъ обстоятельствъ и согласія. Имущество дѣлится между сыновьями поровну. Дочери получаютъ только приданое. Если въ семьѣ, кромѣ дѣтей хозяина, остались еще неотдѣленные его братья или

ихъ вдовы съ дѣтьми, то раздѣлъ происходитъ поколѣнно: всѣ дѣти вмѣстѣ получаютъ долю своего умершаго отца; вдова съ малолѣтными дѣтьми въ прежнее время не получала ничего до ихъ совершеннолѣтія, а слѣдующая имъ часть оставалась у одного изъ дядей; по достиженіи-же совершеннаго возраста, дѣти получали такую часть, какая слѣдовала отцу ихъ при общемъ раздѣлѣ имущества. Палата признала этотъ обычай недостаточно обезпечивающимъ сиротъ и его отмѣнила. Бездѣтная вдова получаетъ седьмую часть изъ всего мужнина имущества.

3) Выдѣлъ частей этихъ бывалъ въ прежнее время примѣрно, а теперь по оцѣнкѣ, полагая въ нее также и домъ. Впрочемъ оцѣнка дѣлается большею частію только при раздѣлахъ тѣхъ семействъ, въ коихъ есть малолѣтные сироты.

4) Раздѣлъ производится по взаимнону согласію, а иногда при участіи посредниковъ изъ сосѣдей. Раздѣлъ-же имущества, котораго часть слѣдуетъ сиротамъ, дѣлается теперь при участіи сельскаго начальства, опекуновъ и трехъ благонадежныхъ свидѣтелей; при чемъ составляется опись съ примѣрною всему оцѣнкою и домашній раздѣльный актъ за подписью всѣхъ находившихся при раздѣлѣ; актъ этотъ впрочемъ остается незасвидѣтельствованнымъ.

5) У магометанъ, сыновья по достиженіи совершеннолѣтія и по вступленіи въ бракъ большею частію отдѣляются отъ родителей на особыя хозяйства. Раздѣлъ имущества у магометанъ производится по ихъ закону чрезъ уѣздныхъ кадіевъ слѣдующимъ порядкомъ: за вычетомъ употребленнаго на похороны и уплату долговъ умершаго, остальное имущество кадій дѣлитъ между наслѣдниками, выдавая на сіе яфты (раздѣльные акты); затѣмъ каждый изъ совершеннолѣтнихъ располагаетъ своею долею по усмотрѣнію, а часть малолѣтныхъ берется въ опеку. Порядокъ наслѣдованія между магометанами слѣдующій: если не осталось духовнаго завѣщанія, то во-первыхъ отецъ или мать умершаго, а если ихъ нѣтъ, то дѣдъ или бабка получаютъ шестую часть; во вторыхъ жена восьмую часть, въ-третьихъ дѣти: сыновья двѣ части, а дочь одну часть. Если умершій бездѣтенъ, то наслѣдуютъ его имуществомъ отецъ или мать, а если и ихъ нѣтъ въ живыхъ, то дѣдъ или бабка, родные братья и сестры, за неимѣніемъ ихъ дяди по отцовскому колѣну и т. д.

Участіе солдатъ въ наслѣдствѣ. 6) Возвращающіеся солдаты

получаютъ равную часть съ братьями крестьянами; сверхъ того имъ всегда отдается отцовскій домъ на жительство.

7) Солдатъ получаетъ часть по наличному состоянію имущества; но если отецъ назначилъ ему часть по духовному завѣщанію, то онъ требуетъ ее сполна, хотя бы она и была растрачена.

БЕССАРАБІЯ.

Переходъ дома и хозяйства по смерти хозяина. 1) По смерти хозяина, домъ и хозяйство переходятъ въ завѣдываніе его вдовы; въ случаѣ-же престарѣлости ея, къ взрослому сыну по порядку старшинства, или-же къ болѣе способному управлять домомъ; а при неимѣніи дѣтей мужескаго пола къ дочерямъ. Отдѣленные сыновья въ наслѣдствѣ домомъ не участвуютъ. Когда нѣтъ прямыхъ наслѣдниковъ, домъ поступаетъ къ брату или другому ближайшему родственнику.

Раздѣлы имущества. 2) Имущество дѣлится обыкновенно по завѣщанію умершаго, или устной предъ смертью памяти. Послѣ неоставившаго завѣщанія, раздѣла не бываетъ, а имуществомъ владѣетъ одна вдова; хотя же и управляютъ хозяйствомъ сыновья или братья покойнаго, но подъ наблюденіемъ вдовы, которая, при женитьбѣ сыновей и замужествѣ дочерей, надѣляетъ ихъ равными частями. Братья умершаго, ихъ вдовы и дѣти наслѣдуютъ только послѣ бездѣтно умершихъ.

3) Когда встрѣчается необходимость дѣлить имущество между вдовою, ея сыновьями, дочерьми и другими родственниками, то каждому изъ сонаслѣдниковъ выдѣляются указныя части; при этомъ и домъ входитъ въ оцѣнку.

4) Раздѣлы большею частію совершаются по взаимному соглашенію, рѣдко при участіи посредниковъ и сельскихъ расправъ; сельскіе же сходы въ этомъ дѣлѣ никогда не участвуютъ.

5) Такъ какъ Бессарабія освобождена отъ рекрутской повинности, то отставныхъ солдатъ въ крестьянскихъ семействахъ не находится.

СТАВРОПОЛЬСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

По Ставропольской губерніи доставленныя свѣдѣнія весьма неопредѣленны и неполны. Къ кому переходитъ управленіе домомъ и хозяй-

ствомъ по смерти хозяина,— не видно. Говорится только, что, при прямыхъ наслѣдникахъ хозяина, раздѣлы составляютъ исключеніе, а большею частію семья остается въ общемъ хозяйствѣ. Въ случаѣ раздѣла, неотдѣленные братья хозяина получаютъ равныя части съ его дѣтьми. Бездѣтная вдова умершаго получаетъ изъ всего имущества седьмую часть. Сестры ничего не получаютъ; незамужнія проживаютъ въ общемъ домѣ и выдаются замужъ на счетъ семейства—безъ приданаго. Вдовы братьевъ умершаго, если имѣютъ дѣтей, получаютъ часть слѣдовавшую мужу; бездѣтныя же, никакой доли не имѣютъ, но содержатся на счетъ родственниковъ. Домъ всегда идетъ въ раздѣлъ, и для того: или продается, или передается одному изъ наслѣдниковъ, по обычаю—старшему сыну хозяина, съ вознагражденіемъ остальныхъ деньгами,—или же дѣлится натурою. Раздѣлъ производится по взаимному соглашенію наслѣдниковъ, въ случаѣ споровъ—при участіи мірскаго общества и сельскаго начальства.

Отставные солдаты, если не были отдѣлены до поступленія на службу, получаютъ равныя части съ прочими наслѣдниками изъ наличнаго имущества, которое *найдутъ по своемъ возвращеніи*.

О. Барыковъ.

ЗАЩИТНИКУ ГОЛУБИЧСКОЙ ШКОЛЫ.

Въ прошломъ году я писалъ въ 11 № *Черниговскаго Листка* о состояніи Голубичской школы. Послѣ долгаго молчанія, наконецъ рѣпицкій благочинный Нечаевъ, въ 22 № *Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстій*, помѣстилъ возраженіе. Отвѣчать на него слѣдуетъ по многимъ причинамъ, главнѣе же всего потому, что благочинный Нечаевъ взялъ на себя защиту школы, какъ должностное лицо, котораго, значитъ, всякое слово должно быть святая правда... Уже по одному этому найдутся люди, которые повѣрятъ всякому слову возраженія и укорятъ меня въ желаніи наводить сомнѣніе на ходъ народнаго образованія. Вотъ почему я не могу, не долженъ молчать.

Въ статьѣ моего обвинителя, между прочимъ, сказано: *по точному дознанію оказалось*, и т. д. Какъ не повѣрить этой фразѣ? Но въ чемъ же состояло это *точное дознаніе?*.. Такъ-какъ въ возраженіи не говорится, какая причина его вызвала, — то хоть я объясню причину; это тѣмъ болѣе необходимо, что оно вызвано вовсе не вслѣдствіе моей прошлогодней статьи или перепечатки ея въ *Основѣ*, хотя мой обвинитель и говоритъ, что оно сдѣлано потому, что вотъ-де *писали въ Основѣ*. Голубичская громада, недовольная за различныя продѣлки на своего наставника и желавшая вести дѣло законнымъ путемъ, обратилась, въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года, къ помѣщикамъ съ просьбою, — похлопотать объ его смѣщеніи; въ числѣ неудовольствій (перечислять ихъ неудобно) была выставлена и школа. Помѣщики приняли сторону громады и поручили О. В. К — ко дать жалобѣ ходъ. Онъ описалъ бл. Нечаеву дѣло и просилъ его пріѣхать для разбора. Долго ждали этого разбора; наконецъ уже стороною узнали, что бл. Нечаевъ былъ у нашего наставника и уѣхалъ, ничего никому не сказавъ, даже не спросилъ обвинявшихъ. Тѣмъ и кончился этотъ келейный разборъ. Новая продѣлка, новая жалоба — и опять ничего!.. Вотъ оно *точное дознаніе*... Ясно, чей голосъ былъ выслушанъ при этомъ дознаніи, — голосъ обвиняемаго, потому что его

одного только спрашивали при разборѣ жалобы, ему одному повѣрили, обвинители же оставлены въ-сторонѣ. Не знаю, какъ вы, читатель, но я вовсе не признаю подобнаго дознанія *точнымъ*; я даже всѣ выводы, которые сдѣланы на его основаніи, признаю невѣрными. Это во-первыхъ.

Во-вторыхъ, я и теперь, какъ прошлый годъ, говорю, ссылаясь на голубичскую громаду, что ученики возили воду для наставника въ то́ время, когда школа помѣщалась *въ его квартирѣ, а не въ расправѣ*... Правда, что возили въ боченкѣ, — но этотъ боченокъ былъ величиною ведеръ въ восемь... Такое количество воды не могло быть вышито дѣтьми; ею пользовался дворъ наставника. По моему же, слѣдовало бы наоборотъ; т. е. не грѣшно было бы, еслибъ ученики пользовались водою наставника; не бѣда была бы, когдабъ они разъ-другой и привезли воды, но употреблять молодыя силы на тасканье воды ежедневно—по моему—грѣхъ. Тѣмъ болѣе, что это отрывало учениковъ отъ занятій. Если жъ это дѣлалось и въ свободное время, то кто изъ наставниковъ имѣетъ право посягать на время, данное ученику на отдыхъ? Изъ такого посягательства вытекаетъ: произволъ со стороны наставника и неимѣніе никакихъ правъ со стороны учащихся: — оба случая отвергаются истинною педагогикою. Но этого мало: одинъ изъ учениковъ, Пантелій Дідічь, возивши воду, испортилъ себѣ ногу. Воду приходилось таскать на гору, и вотъ разъ, везши ее, онъ поскользнулся, упалъ, другіе не остановились, перевезли боченокъ черезъ его ногу. Вотъ до чего довело это тасканіе воды: быть можетъ, мальчикъ навсегда останется калѣкою. Этотъ случай произошелъ послѣ того, какъ я писалъ въ Черн. Листкѣ, поэтому я объ немъ тогда и не упомянулъ. Я также узналъ, что ученики одинъ разъ въ недѣлю мыли хлѣвъ, гдѣ помѣщалась лошадь наставника. И это, скажете, тоже дѣлалось для того, чтобы дѣти *не занимались неприличными забавами?* А копанье картофеля на огородѣ наставника? И это ради той же цѣли! Да такъ, пожалуй, можно все объяснить, отъ всего отговориться. Но вѣдь нужно быть очень просту, чтобъ не видѣть во всѣхъ работахъ, какія дѣлались учениками, другой цѣли. Что ученики чистили дорожки на цвинтарѣ, также и во дворѣ наставника, садили цвѣты — все это правда. Но я замѣчу: сколько, значитъ, тратилось времени даромъ, безполезно; по-моему, и этихъ работъ не слѣдовало бы дѣлать, а нужно было больше употреблять времени на занятіе грамотою, а то

вотъ и вышло, что за прошлый годъ ни одинъ ученикъ не научился читать. Да и нельзя научиться, употребляя большую часть дня на подобныя занятія, въ которыхъ, какъ говоритъ мой обвинитель, самъ наставникъ подавалъ примѣръ. Напрасный трудъ: дѣти въ родителяхъ видятъ лучшій примѣръ трудолюбія. А ужъ если нашъ наставникъ рѣшился быть примѣромъ для своихъ воспитанниковъ, то я посовѣтовалъ бы ему кое отъ чего поудержаться. Хорошій ли это примѣръ, своего слугу за самый вздоръ избить до полусмерти, исцарапать ему лицо и дѣлать другія истязанія?.. Нѣтъ, пусть лучше онъ не подаетъ никакихъ примѣровъ, чѣмъ подавать подобные.

Далѣе въ возраженіи сказано: «Что́ же касается до хлѣба, который будто Дороганевскій вымогалъ для прокормливанія свиней, то и оное не справедливо. Многіе по дальнему разстоянію отъ домовъ своихъ оставались на обѣдъ въ школѣ, и приносили для себя хлѣбъ. Крупицы, оставшіяся, они раскидывали подъ ноги, которыя (что, ноги или крупицы)? подбирали собаки сельскія. Священникъ, *дабы не употреблять хлѣба во зло*, подарилъ имъ своего поросенка, котораго поручилъ имъ кормить крошками» и т. д. Такъ... Но я вовсе не говорилъ, чтобы нашъ наставникъ *вымогалъ* хлѣбъ для прокормливанія свиней. Прочтите мою статью въ 11 № Ч. Листка 1861 г. Я говорилъ о кабанѣ, для котораго дѣти должны были воровать у родителей по жмени жита, потому что вѣроятно *крупицъ и крохъ*, съѣдаемыхъ собаками (экъ ихъ расплодилось въ школѣ!) недоставало для кабана. Да и никогда не достанетъ: виданое ли дѣло выкормить кабана крохами? Но по ихнему все возможно. Я же и теперь говорю, что подобныя затѣи вредны: родители не намѣрены отпускать безъ своего согласія жита на всякія выдумки (у нихъ его и для себя едва хватаетъ), вотъ дѣти поневолѣ и должны брать тайкомъ. Что же касается до того, что будто бы этотъ поросенокъ назначенъ былъ на покупку книгъ—это мнѣ неизвѣстно; я знаю только, что поросенокъ заведенъ былъ для того, чтобъ, убивши его, дать ученикамъ по куску сала, я знаю также и то, что никакихъ книгъ до сихъ поръ не куплено, а поросенка уже нѣтъ... Но, положимъ, еслибъ поросенокъ и былъ заведенъ съ этою цѣлью, такъ средства дурны, а цѣль, какъ извѣстно — не оправдываетъ средствъ.

Во всей своей статьѣ мой противникъ относилъ свои показанія къ тому времени, когда школа помѣщалась въ расправѣ и уже въ концѣ, въ общей фразѣ прибавилъ: «*такъ было и зимою, когда школа*

помѣщалась въ домѣ священника, по закрытіи оной въ расправѣ по случаю холода.» Я же говорю, что весь вредъ и произошелъ именно отъ того, что школа переведена изъ расправы. Пока она помѣщалась здѣсь, не было со стороны наставника и малѣйшаго желанія обратить силы дѣтей въ свою пользу, не было повода и другимъ видѣть дурное и въ ношеніи учениками воды себѣ для питья, и въ подметаніи школьнаго двора. Но нужно сказать, что въ расправѣ этимъ и ограничивались всѣ постороннія занятія учениковъ: здѣсь нѣтъ ни огорода, засаженнаго картофелемъ, здѣсь не нужно было и собиранье дубоваго листа, да и воду носили ведрами... Словомъ, я совершенно отвергаю, что будтобы ученики, «*дѣлали для прогулки дорожки на огородѣ, принадлежащемъ расправѣ, и садили разные кустарники и цвѣты.*» Огородъ при расправѣ принадлежитъ частному лицу и всего этого владѣлецъ его не позволилъ бы дѣлать. Но что это дѣлалось во дворѣ наставника — это правда... И по-моему, вовсе не слѣдовало бы смѣшивать помѣщенія школы въ расправѣ съ помѣщеніемъ ея во дворѣ наставника, потому что какъ тамъ не было для учениковъ никакихъ постороннихъ занятій, такъ здѣсь явилось ихъ бездна.

Школа изъ расправы потому переведена, что «*изъ прихожанъ голубицкихъ ни кто не согласился дать на отопленіе и одного воза дровъ..*» Но, позвольте спросить, кто же виноватъ въ этомъ! Мнѣ кажется тотъ, кто не умѣлъ доказать имъ всю необходимость этой жертвы, нужной для того, чтобъ ихъ дѣти чему нибудь научились. Вѣдь ходило учиться 33 мальчика и 11 дѣвочекъ... Неужели ихъ родители не согласились бы отоплять расправы, еслибъ необходимость этого имъ была доказана? Но, вѣрно, справедлива та истина, что человѣкъ можетъ вліять на другихъ тогда только, когда онъ стоитъ къ нимъ въ дружелюбныхъ отношеніяхъ, и когда въ его поступкахъ нѣтъ и тѣни самоуправства. А можетъ ли нашъ наставникъ похвалиться, что онъ стоитъ къ голубичанамъ въ подобныхъ отношеніяхъ?

Прибавлять ко всему сказанному больше нечего. Я отвѣчалъ моему противнику по совѣсти, не прибѣгая къ уловкамъ... пусть же читатели разсудятъ, кто изъ насъ правъ?.. Что же касается до той части разбираемой статьи, которая говоритъ про семейство К — чь, то опровергать описанный фактъ я считаю не моимъ дѣломъ, потому что самъ К—чь навѣрно будетъ оправдываться... Но я, какъ житель Голубичь, заявляю, что нетолько не видѣлъ, но и никогда не слыхалъ о подобныхъ подвигахъ К — ча. Голубичанинъ **А. Тищинскій.**

6

ПИСЬМО ВЪ «ОСНОВУ» (*)

по-поводу «Комитета Грамотности.»

Нельзя было не прочитать съ уваженіемъ, въ августовской книжкѣ *Основы*, подробныя основательныя замѣчанія, на дѣятельность *Комитета Грамотности*; но по уваженію къ основательности и благонамѣренности, нельзя не поставить редакцію въ извѣстность, о причинахъ, побудившихъ Комитетъ дѣйствовать такъ, а не иначе; о недомолвкакъ, можетъ-быть, программы, а иногда и самыхъ журналовъ и отчета Комитета, имѣвшихъ, вѣроятно, вліяніе на то, что не все было ясно составителю замѣчаній; нельзя также не упомянуть о разностороннихъ препятствіяхъ, безпрестанно-испытываемыхъ Комитетомъ, какъ со стороны самихъ членовъ, такъ и извнѣ,—препятствій, парализировавшихъ его дѣйствія, или измѣнявшихъ его намѣренія предсѣдателя.

Первое замѣчаніе, въ статьѣ *Основы*, касается излишней обширности той области, которую избралъ Комитетъ для своей дѣятельности. «Это,» по мнѣнію автора, «лишитъ Комитетъ возможности наблюдать за своими заведеніями и породитъ охлажденіе членовъ къ дѣлу, котораго они не видятъ предъ глазами.» На это должно сказать, что, при учрежденіи Комитета, не имѣлось въ виду учрежденія въ губерніяхъ *обществъ грамотности*, которыя, впрочемъ, еще не разрѣшены. Московскій Комитетъ тоже не проявлялъ еще, въ то время, своей дѣятельности, а между тѣмъ, на всемъ пространствѣ Россіи, была равная потребность въ участіи частныхъ лицъ къ дѣлу распространенія образованія въ простомъ народѣ и, преимущественно, между

(*) Узнавъ многое, что дѣйствительно не было и не могло быть извѣстно составителю замѣчаній о дѣятельности *Комитета Грамотности*, мы, не колеблясь, помѣщаемъ это возраженіе и спѣшимъ причислить себя къ искреннимъ поборникамъ г. Л.—Б., написавшаго эту правду о Комитетѣ. *Ред.*

поселянами, выходившими изъ крѣпостной зависимости и не пользовавшимися пособіями правительства, съ этой стороны. Поэтому, нельзя было ограничить дѣятельность комитета какимъ-нибудь округомъ. При томъ, цѣлію комитета было не открытіе школъ непосредственно, а по приведеніи въ извѣстность положенія дѣла и нуждъ, помогать частной дѣятельности на мѣстахъ—указаніемъ лучшихъ методъ преподаванія и, по возможности, разсылкою книгъ и друг. учебныхъ пособій въ тѣ частныя школы, которыя наиболѣе нуждаются въ этомъ пособіи. Чтобы выяснить положеніе дѣла и нужды первоначальнаго обученія поселянъ на всемъ пространствѣ имперіи, необходимо было непремѣнно завести сношенія съ возможно-большимъ числомъ лицъ.

На замѣчаніе, «что комитетъ растратитъ свои средства по мелочамъ тамъ и сямъ,» можно отвѣчать вопросомъ: не все ли равно, гдѣбы онъ ни оказалъ пособіе бѣднымъ школамъ: поможетъ ли онъ 10, 20, 50 или 100 школамъ на всемъ пространствѣ Россіи, или въ одной губерніи, или, даже, уѣздѣ,—все равно; въ первомъ случаѣ, вліяніе будетъ еще обширнѣе. Если комитетъ доставитъ хорошо подготовленнаго учителя или разошлетъ хорошія учебныя пособія на одну школу въ каждую губернію, то окажетъ гораздо болѣе пользы, нежели сдѣлавъ тоже для 50 школъ въ одной губерніи, или уѣздѣ, по той причинѣ, что такимъ образомъ онъ создастъ вдругъ множество центровъ, изъ которыхъ разольется хорошая метода преподаванія по окрестностямъ.

Затѣмъ, въ замѣчаніяхъ, выражается удивленіе и сожалѣніе, что «комитетъ учрежденный въ Петербургѣ, гдѣ такъ много богатыхъ людей, собралъ только 600 руб.» причину этому авторъ приписываетъ бюрократизму и недостаточности сношеній съ богатыми людьми въ столицѣ, и думаетъ, что «частныя сношенія комитета, напр. съ 30 лицами, были бы выгоднѣе, нежели заявленіе о своемъ существованіи и своей дѣятельности посредствомъ обнародованія протоколовъ и даже сношеній съ 30 губерніями.» Но, кажется, одно отъ другаго можетъ итти независимо. Выше сказано, для чего были необходимы сношенія съ дѣятелями въ разныхъ губерніяхъ; что же касается до личныхъ сношеній членовъ съ людьми, имѣющими возможность оказать пособіе комитету, то это зависѣло не отъ бюро комитета и не отъ членовъ in corpore, а отъ доброй воли каждаго лица. Бюро комитета и самый комитетъ, въ полномъ составѣ своемъ, не могъ привлекать къ себѣ и къ своей цѣли, сочувствіе иначе, какъ заявленіемъ о своей дѣятель-

ности и ея цѣли, и полагалъ, что если общество и, преимущественно, люди съ состояніемъ, сочувствуютъ необходимости народнаго образованія и признаютъ справедливымъ удѣлять изъ своихъ средствъ что-нибудь въ пользу распространенія грамотности между крестьянами, то они сами обратятся къ комитету, узнавъ изъ газетъ о его существованіи, о его благой цѣли, его усердіи къ дѣлу и его скудныхъ средствахъ. Не могъ же комитетъ командировать своихъ членовъ по домамъ для сбора подаяній, какъ дѣлаютъ благотворительныя общества. Бюро комитета неоднократно просило членовъ зависящими отъ нихъ способами помогать увеличенію денежныхъ средствъ комитета, или хотя снабженію его книгами. Предсѣдатель комитета, сверхъ того, въ каждое засѣданіе, начиная съ декабрскаго 1861 года, просилъ членовъ помочь ему въ устройствѣ, съ той же цѣлью, лекцій или литературно-музыкальныхъ вечеровъ; но сначала, можетъ-быть члены принимались за это не довольно дѣятельно, позднѣе лекціи и литературныя чтенія сдѣлались почти невозможны; кончилось тѣмъ, что предсѣдатель почти одинъ только на Пасхѣ достигъ устройства музыкальнаго вечера, доставившаго слишкомъ ничтожную сумму, по причинѣ во-1-хъ, недостатка сочувствія хозяйственнаго комитета Петербургскаго Дворянства къ цѣли комитета грамотности,—вслѣдствіе чего комитетъ лишенъ былъ залы Дворянскаго Собранія и встрѣтилъ сильное соперничество, въ тотъ же день, другаго концерта; во-2-хъ, по причинѣ недостатка сочувствія въ самихъ членахъ, не принявшихъ на себя не только раздачи билетовъ, но даже лично для себя невзявшихъ билета: въ залѣ нельзя было насчитать, кромѣ распорядителей и 5-ти членовъ комитета. Нельзя съ горечью не упомянуть, что многіе члены комитета, какъ видно изъ протоколовъ засѣданій 11-го мая и 9 октября, не достивили даже за 1861 г. обѣщаннаго членами добровольнаго взноса въ 3 руб., хотя не разъ обращали свое вниманіе на недостатокъ средствъ!! Послѣ этого, можно ли ожидать, чтобъ они содѣйствовали *вящ* комитета усиленію его денежныхъ способовъ? можно ли ожидать, чтобы постороннія комитету лица имѣли больше сочувствія къ его дѣлу? Видно, просвѣщеніе и въ такъ-называемомъ образованномъ слоѣ общества, недостигло еще той степени, когда всѣ проникаются сознаніемъ важности народнаго образованія, готовностію — помогать ему. Впрочемъ, въ настоящее время средства комитета увеличились до 2 т., изъ коихъ болѣе тысячи пожертвовано редакціею «Артиллерійскаго Журнала.»

Далѣе, въ замѣчаніяхъ говорится: «о существованіи комитета зна-

весьма немногіе потому, что органъ его «*Труды Вольнаго Экономическаго общества мало распространенъ.*» Что жъ дѣлать? Протоколы засѣданій печатались неразъ во многихъ газетахъ наиболѣе распространенныхъ; объявленія о засѣданіяхъ печатаются почти во всѣхъ. И едва ли найдется учрежденіе, котораго управленіе заботилось бы о гласности болѣе, нежели бюро комитета грамотности. Если не всѣ его журналы были обнародываемы, то это потому, что не пожелали перепечатать ихъ нѣкоторые редакторы. Въ доказательство того, что не всѣ редакціи готовы помогать дѣлу комитета, можно привести то, что по всѣмъ редакціямъ газетъ были разосланы, въ маѣ, отдѣльные оттиски обзора дѣятельности комитета и списка книгъ для школъ и для чтенія простаго народа, имъ одобренныхъ, съ просьбою о перепечатаніи; но многія ли перепечатали?.. Почти никто! Имѣлось въ виду послать оттиски въ губернскія газеты, но это не состоялось, какъ извѣстно, по причинамъ, независѣвшимъ отъ комитета. Съ того времени отовсюду комитетъ получалъ совѣты избѣгать слишкомъ большой гласности. Нѣкоторые изъ г.г. членовъ сами противодѣйствовали этому, не допустивъ, въ засѣданіи 15-го февраля 1862 г. изъ опасенія расходовъ, изданія особаго органа, подъ названіемъ: *Листокъ Комитета*. Въ засѣданіи 11 мая, вопросъ этотъ былъ рѣшенъ въ пользу этого изданія; но явились новыя обстоятельства извнѣ останавливающія осуществленіе этого предположенія, исполнительныя распоряженія по которому уже вышли за предѣлы правъ комитета.

Комитетъ упрекается въ неопредѣленности и малоуспѣшности его дѣйствій «по причинѣ обширности программы». Редакція *Основы* находитъ, что *Комитетъ Грамотности* долженъ былъ бы имѣть цѣль практическую: учрежденіе школъ, библіотекъ, изданіе и распространеніе книгъ, а не обсужденіе разныхъ вопросовъ, напр. методъ преподаванія; ибо изысканіе лучшихъ способовъ осуществленія того или другаго предпріятія важно только въ томъ случаѣ, если объ-руку съ этимъ работаютъ на практикѣ». Такъ и полагалъ дѣйствовать Комитетъ или, по крайней мѣрѣ, учредитель его и нѣкоторые изъ его членовъ. Обсужденіе методъ преподаванія лучшихъ способовъ устройства дѣла *на самомъ дѣлѣ* и полагалось производить на основаніи указаній, изъ разныхъ мѣстъ получаемыхъ, которыя полагалось сличать, взаимно повѣрять и, наконецъ дѣлать изъ этого выводы, которые и обнародовать; такимъ—образомъ, дѣло двигалось бы и направлялось общими силами теоріи и практики, и выводами изъ опыта въ

разныхъ мѣстностяхъ и при разныхъ условіяхъ. Къ сожалѣнію, надобно сознаться, что и въ числѣ членовъ комитета есть люди, которые нечужды *самозазнанія*, самоувѣренности, въ томъ, что ихъ теоретическія знанія выше всякаго опыта, что опытъ педагоговъ Германіи выше указаній нашего собственнаго опыта и т. п.; иные въ то же время, нечужды страсти къ словопреніямъ. Отъ этого у насъ и происходитъ, что больше *разсуждаютъ*, нежели *дѣлаютъ дѣло*.

По вопросу о семинаріи сельскихъ учителей, комитетъ упрекаютъ въ томъ, что онъ не воспользовался предложеніемъ Золотова и тотчасъ не устроилъ школы и не устранилъ препятствій, мѣшавшихъ г. Золотову устроить его семинарію. Такъ полагаетъ редакція *Основы*,—и немудрено; ей неизвѣстенъ оборотъ медали. Дѣло было вотъ-какъ: еще до открытія засѣданій комитета, учредитель его узналъ изъ газетъ о намѣреніи г. Золотова (*) открыть школу сельскихъ учителей; находя, что содѣйствіемъ скорѣйшему учрежденію учительской семинаріи комитетъ окажетъ самую существенную услугу дѣлу распространенія грамотности, учредитель вошелъ въ сношеніе съ г. Золотовымъ и предложилъ ему содѣйствіе комитета къ скорѣйшему осуществленію его предположеній. На это г. Золотовъ объявилъ, что онъ готовъ передать свою школу въ полное распоряженіе комитета. Не признавая удобнымъ, съ самого начала учрежденія комитета, взять школу г, Золотова въ свое вѣдѣніе и зная изъ частныхъ совѣщаній съ членами нежеланіе ихъ брать школу эту даже подъ покровительство комитета по причинѣ слишкомъ высокой цѣны, назначенной г. Золотовымъ, а именно 160 за годовое содержаніе и обученіе, предсѣдатель предложилъ Комитету, въ присутствіи г. Золотова, на разрѣшеніе (въ засѣданіи 17 апрѣля 1861 г.) вопросъ: какое, со стороны комитета можетъ быть оказано содѣйствіе г. Золотову къ скорѣйшему открытію его школы; въ этомъ засѣданіи дѣйствительно вопросъ рѣшенъ неопредѣлительно; положено было: оказывать, со стороны членовъ, *всевозможное* (?) *содѣйствіе*, къ скорѣйшему устройству школы г. Золотова. Причиною такого неопредѣлительнаго участія въ этомъ важномъ дѣлѣ былъ, отчасти, недостатокъ сочувствія членовъ къ г. Золотову за назначеніе столь высокой платы, что подавало по-

(*) Лица, до того времени совершенно неизвѣстнаго учредителю, потому, что дѣло которымъ онъ, учредитель, теперь занимается изъ желанія пользы общественной, никогда не было его спеціальностью.

водъ видѣть въ этомъ спекуляцію; отчасти же то, что онъ самъ, не смотря на всѣ просьбы предсѣдателя, не объяснилъ въ чемъ именно можетъ комитетъ оказать ему содѣйствіе. Затѣмъ, во время предсѣдательствованія г. Вернадскаго, были предложены гг. Павлову, Резенеру и Толлю составить соображенія по вопросу объ устройствѣ учительской семинаріи. Въ ихъ предположеніяхъ оказалось разнорѣчіе, и въ то же время, г. Золотовъ сообщилъ, будто бы онъ намѣренъ устроить уже *безплатную* школу этого рода, которую г. Золотовъ обѣщалъ открыть непремѣнно въ первыхъ числахъ января 1862 года; объ этомъ онъ заявилъ въ засѣданіи 14 декабря 1861 г. и 11 января 1862 г. отказываясь отъ всякаго пособія со стороны комитета ему предложеннаго предсѣдателемъ, въ письмѣ и во время засѣданія 11 января 1862 года; г. Золотовъ просилъ только объявленія отъ комитета объ учрежденіи имъ семинаріи и приглашенія лицъ и обществъ, имѣющихъ надобность въ учителяхъ, извѣстить его о томъ и доставить ему свѣдѣнія, чѣмъ будетъ обезпечено существованіе этихъ учителей. Хотя многіе члены недовольствовались этимъ и, находя вопросъ о сельскихъ учителяхъ недостаточно обсужденнымъ, требовали новаго обсужденія, но предсѣдатель комитета успѣлъ склонить большинство на сторону *практическихъ мѣръ по этому предмету и просилъ воспользоваться* готовностію г. Золотова и поддержать учрежденіе его школы,—такъ какъ, это не можетъ препятствовать продолженію изслѣдованій о лучшемъ удовлетвореніи потребности въ учителяхъ; а, напротивъ, облегчитъ только соображенія коммисіи, доставляя ей указанія опыта. Вслѣдствіе этого, положено было: оказать содѣйствіе г. Золотову, требуемымъ объявленіемъ; а для дальнѣйшихъ соображеній по этому же вопросу избрана коммисія. Объявленіе было напечатано, но г. Золотовъ откладывалъ открытіемъ школы, все обѣщая открыть ее сперва черезъ 2 недѣли; потомъ на первой недѣлѣ поста, и т. д. Убѣдившись наконецъ, что дальнѣйшее ожиданіе совершенно напрасно и узнавъ, что г. Золотовъ даже потерялъ право на открытіе семинаріи, наконецъ получивъ его собственный отзывъ, что онъ не можетъ открыть ее, предсѣдатель указалъ комитету на другой способъ удовлетворенія той же цѣли, устроивъ педагогическій и практическій классы при Василье-островскомъ безплатномъ училищѣ, согласно предложенію г. Резенера. Но тутъ явилось новое предложеніе со стороны г. Паульсона, объ открытіи семинаріи при попечительствѣ учебнаго округа, которое и принято было комитетомъ, несмотря на выражен-

ную предсѣдателемъ малонадежность успѣха дѣла этимъ путемъ; что и оправдалось, въ сентябрѣ, объявленіемъ г. Паульсона, о невозможности исполнить обѣщаніе. Изъ этого видно, что дѣло это не подвинулось практически не по недостатку готовности, со стороны бюро и продсѣдателя, а по другимъ неустранимымъ причинамъ.

Нельзя не сознаться, впрочемъ, въ справедливости замѣчаній *Основы* относительно преобладаній въ комитетѣ и въ бюро его (въ 1861 и началѣ 1862 г.) *любви къ преніямъ*: въ дѣлѣ, столь неотлагательномъ, необходимы мѣры практическія,—что и было понято большинствомъ членовъ, и, при новыхъ выборахъ въ бюро комитета введены были элементы болѣе практическіе. Преобладанію непрактическихъ элементовъ должно приписать и обсужденіе вопроса о лучшемъ способѣ устройства сельскихъ библіотекъ (читаленъ или книженъ); многимъ членамъ справедливо казалось это смѣшнымъ, и дѣйствительно: неужели люди, дотого уже образованные, что сознаютъ потребность въ библіотекахъ, не съумѣютъ сами ихъ устроить? Съ апрѣля 1862 г. дѣятольность комитета приняла направленіе преимущественно практическое.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ отпечатанъ списокъ книгъ для школъ и для чтенія простаго народа, одобренныхъ комитетомъ грамотности, для удовлетворенія выразившейся повсемѣстно настоятельной потребности въ этомъ указаніи; въ теченіе того же мѣсяца разослано около 500 экз. книжекъ безплатно въ разныя школы, а въ маѣ напечатаны условія, на которыхъ книгопродавцы — коммисіонеры комитета будутъ отпускать книги въ губерніи мѣстнымъ коммисіонерамъ или въ склады при разныхъ учрежденіяхъ. Кромѣ того, положено издавать особый *Листокъ комитета* и обнородована его программа. Каталогъ книгъ разосланъ всѣмъ лицамъ, съ которыми комитетъ находился въ сношеніи, и въ нѣкоторыя губернскія типографіи для припечатанія въ губернскихъ вѣдомостяхъ; общая разсылка его во всѣ типографіи была остановлена непредвидимыми обстоятельствами. Въ теченіе лѣта комитетъ успѣлъ разослать безплатно еще около 1800 книжекъ и до 5000 за деньги. Въ настоящее время, онъ занимается дополненіемъ каталога, а равно изысканіемъ способовъ удешевленія пересылки книгъ.

Въ замѣчаніяхъ *Основы* говорится еще, что «лучшимъ способомъ пріобрѣтенія денегъ есть увеличеніе числа членовъ. Конечно, съ умноженіемъ числа членовъ и средства комитета увеличились бы, но надобно, чтобы члены исправно взносили обѣщанную, хотя, и не-

большую, сумму, а если они будутъ вносить также какъ въ 1861 и до сего времени, то этимъ способомъ средства комитета не скоро увеличатся. Это разумѣется о г. г. петербургскихъ членахъ; увеличеніе числа членовъ въ губерніяхъ гораздо важнѣе въ видахъ умноженія числа агентовъ комитета по распространенію грамотности; поэтому, комитетъ особенно заботился объ избраніи членами – сотрудниками въ губерніяхъ преимущественно лицъ, занимающихся образованіемъ простаго народа не ex officio, а по любви къ дѣлу, по собственному побужденію, какого бы званія состоянія эти лица ни были, и съ особеннымъ удовольствіемъ приглашалъ въ число своихъ членовъ священниковъ и причетниковъ, устроившихъ частныя школы; этимъ способомъ комитетъ надѣялся поощрить ихъ къ дальнѣйшимъ трудамъ. Къ–сожалѣнію, процедура выбора въ члены – сотрудники, по Императорскому вольному экономическому обществу, такъ продолжительна, что по сіе время есть еще лица, предложенныя въ исходѣ 1861 г., неполучившія дипломовъ. Медленность эта происходитъ особенно отъ недѣятельности III отдѣленія общества, которое, въ періодъ занятій 1861 и 1862 г., собралось только 3 раза: въ исходѣ ноября, въ исходѣ января и въ исходѣ марта. Къ этому присоединилось еще требованіе отдѣленія въ засѣданіи 28 января 1862 года, чтобы предлагаемыя лица сами подписались на оборотѣ бланковъ. Отдѣленіе неудовольствовалось свидѣтельствомъ предсѣдателя котитета, что предложенный дѣйствительно изъявилъ желаніе быть членомъ. Хотя совѣтъ в. э. общества и рѣшилъ этотъ вопросъ въ пользу принятія удостовѣренія предсѣдателя, тѣмъ не менѣе, пока шла объ этомъ переписка, лица, предложенныя въ декабрѣ, небудучи заявлены въ январѣ, заявлены были только въ исходѣ марта; стало–быть, могли быть избраны только въ октябрѣ 1862 г., но тутъ отдѣленіе опять нашло причину отложить избраніе, подъ предлогомъ, что оно не можетъ балатировать разомъ до 70 лицъ, ему вовсе неизвѣстныхъ; между–тѣмъ–какъ накопленіе предложеній произошло отъ вины самого предсѣдателя отдѣленія (*), сбиравшаго его всего 3 раза въ году и неосновательно недопустившаго до балотировки, 28 января, всѣ тѣ предложенія, на которыхъ не

(*) Въ засѣданіи отдѣленія, въ октябрѣ 1862 г., слѣдовало, покрайней мѣрѣ, избрать тѣхъ, о которыхъ въ предложеніяхъ было объяснено, чѣмъ они занимаются; но г. Воскресенскій не заглянулъ въ предложенія и всѣхъ призналъ неизвѣстными, въ томъ числѣ и редактора Журнала Министерства Просвѣщенія, священниковъ, графа Комаровскаго и княжну Ободовскую.

было собственноручной подписи предлагаемаго и г. Воскресенскаго. Вотъ какого рода препятствія со всѣхъ сторонъ встрѣчаетъ на пути своемъ комитетъ грамотности, учрежденный съ самою благонамѣренною цѣлію!

Здѣсь исчислены только видимыя препятствія: явныя, но неумышленныя, изъ желанія воспользоваться случаемъ по-мудроствовать, вмѣсто того чтобъ дѣйствовать,—или умышленныя—изъ завистливаго желанія тормозить дѣло, а сколько еще было не гласныхъ, но не менѣе упорныхъ, противодѣйствій! Кто вникнетъ въ средства комитета, взвѣситъ препятствія, имъ встрѣчаемыя, даже, нерѣдко, отъ самыхъ членовъ, тотъ по-справедливости признаетъ заслугой предъ обществомъ и то не многое, что удалось комитету сдѣлать и что досталось съ такимъ нелегкимъ трудомъ.

Л.—Б.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Редакція *Основы*, помѣщая въ послѣдней книжкѣ 1861 г. три стихотворенія Невідомого: «*Безталання*» «*Дівоцька правда*» и «*Думка*,» сдѣлала такую оговорку: «стихи Невідомого прислано намъ зъ догадкою, що мусять бути Шовченковими первими пробами. *Не знаемо, що скаже громада, а намъ здаетця, що ні.* Не та ходá була въ молодого Тараса. Ще жъ и те вважимо, що въ кожного поэта е кохані слова, котрі вінъ залюбки вимовляе.»

«Тутъ ми не вбачаемо такихъ, що найлюбійші були *молодому Шевченкові*, а *вбачаемо* такі, що вінъ *опісля вже почавъ* до свого стиха *добірати*. А про те—стихи Невідомого ми *вподобали* и просимо ёго, *коли живъ*, ще прислати въ *Основу*.»

Такая оговорка вызывала на особенное вниманіе къ небольшимъ стихотвореніямъ Невідомого всякаго, кому дорога украинская литература и словное имя истинно-народнаго поэта, Шевченка. *Зона* весьма похожа на пшеницу и неопытный глазъ легко ошибается; но ни одинъ пахарь, ни одинъ даже торговецъ зерновымъ хлѣбомъ, не впадутъ въ слишкомъ грубую для нихъ ошибку: принять зону за пшеницу. Мы, хуторяне, вправѣ смотрѣть на редакцію *Основы* какъ на искуснаго пахаря въ дѣлѣ украинской литературы; какъ же, послѣ этого, и намъ не повторить ошибки, которой *отчасти* не избѣжала и редакція *Основы* въ своей оговоркѣ къ стихотвореніямъ Невідомого; она не отвергаетъ догадки, выражаетъ лишь сомнѣніе и желаетъ знать «що́ скаже громада.» Принадлежа къ публикѣ, читающей Основу и чтущей народную литературу, охотно отзываюсь на вызовъ редакціи и прошу на страницахъ *Основы* дать (*) мѣсто моей не-

(*) Охотно помѣщаемъ эту замѣтку; но просимъ не забывать, что *первые* опыты и великихъ поэтовъ бываютъ очень слабы. Вспомните Байрона, которому, послѣ первыхъ *печатныхъ* опытовъ, лучшіе критики совѣтовали никогда не садиться на пегаса. — Мы не утверждали, но еслибъ и дѣйствительно впали въ ошибку, то — *относительно первыхъ опытовъ* — эта ошибка не была бы такимъ страшнымъ преступленіемъ, какимъ, повидимому, кажется автору замѣтки. *Ред.*

большой замѣткѣ, ради славнаго имени Шевченка, которому подражать можно и должно, какъ образцу; но должно также чтить какъ святыню для Южноруса и не святотатствовать, связывая съ дорогимъ именемъ чуждую ему виршу посредственнаго издѣлія. Не знаю, почему, но мнѣ казалось, что г. Невідомій самъ поспѣшитъ на страницахъ *Основы* разъяснить недоразумѣніе; но времени довольно прошло съ выхода послѣдней книжки прошлаго года, а печатно заявленная догадка съ характеромъ сомнѣнія остается сомнѣніемъ; ни авторъ трехъ стихотвореній, ни редакція «Основы,» ни кто другой ничего не сказали ни за, ни противъ, догадки. Позвольте же заявить, что при имени Шевченка публика не болѣетъ индеферентизмомъ; позвольте указать источникъ, изъ котораго редакція можетъ продолжать (конечно, съ дозволенія автора) перепечатку стихотвореній подъ псевдонимомъ Невідомий, если она «вподобала» его стихотворенія. Дѣло разъясняется весьма немногосложно.

Въ 1855 г., въ С.-Петербургѣ, была отпечатана, въ типографіи Э. Праца, маленькая, тощинькая книжонка малороссійскихъ стихотвореній, числомъ 15, подъ заглавіемъ: «Що було на серці,» — безъ имени автора. Въ этой книжонкѣ первымъ стихотвореніемъ значится «думка»; 7-мъ — «безталання;» а 9-мъ — «дівоцька правда;» появившіяся въ Основѣ 1861 г. Одно изъ нихъ, именно: «думка,» состоящее изъ 20 стиховъ, потерпѣло небольшую перемѣну (по моему мнѣнію — къ лучшему). Послѣдніе четыре стиха «думки» въ 1855 г. были:

«Оце жъ то та думка, що душу тревожить,
Якъ гляне у серце, — мовъ би рай укине, —
Й поки тої пісні співака не зложить —
То поти вінъ світомъ нудить, поти гине.»

Все же прочее какъ въ «думкѣ,» такъ у въ остальныхъ двухъ стихотвореніяхъ осталось безъ измѣненій, не считая правописанія и тѣхъ незначительныхъ поправокъ, которыя, видимо, оказались необходимыми для гладкости стиха; да еще въ стихотвореніи «безталання» стихъ (какъ было въ 1855 г.) «травка на морозі,» отзывавшійся московскою рѣчью, замѣненъ малороссійскимъ стихомъ: «трава на облозі.»

Указавши, откуда перешли въ Основу стихотворенія Невідомого, замѣчу, мимоходомъ, что при количественной бѣдности книжной украинской поэзіи, трудно было не замѣтить въ стихотвореніяхъ Невідо-

мого отсутствія, покрайней мѣрѣ, новизны. Редакія *Основы* стихотворенія «вподобала,» слѣдовательно нашла въ нихъ несомнѣнныя поэтическія достоинства; какъ же могло ускользнуть отъ вниманія редакціи такое дорогое сокровище — книжица «що було на серці?» — Въ ней не три, а цѣлыхъ 15 стихотвореній; да еще стихотвореній— вызвавшихъ, при появленіи ихъ въ свѣтъ, благосклонные отзывы журналистики! Но не станемъ, безъ основательныхъ данныхъ, искать причину, могшую породить такой казусъ; поспѣшимъ сказать нѣсколько словъ, опровергающихъ несомнѣнно принадлежность стихотвореній Невідомого таланту Шевченка,—что́ и составляетъ задачу моей небольшой замѣтки.

Т. Г. Шевченко никогда не издавалъ отдѣльною книжкою своихъ малороссійскихъ стихотвореній *безъ имени автора*;—это первое. По положенію своему, *въ 1855 г. Тарасъ Гр. ничего не издавалъ* отдѣльною книжкою; это второе. Въ томъ и другомъ я ссылаюсь на всѣхъ, кто близко былъ знакомъ съ дѣлами и личностію Тараса Григорьевича. Достоинствъ и значенія поэзіи Невідомого и Тараса Григорьевича ни по формѣ, ни по содержанію—я не касаюсь; быть можетъ, найдутся лица, которыя могутъ принять произведенія Невідомого за произведенія Шевченка: о вкусахъ не спорятъ; а я нахожу, что ежели произведенія Шевченка уподобить пшеницѣ, то произведенія Невідомого можно сравнить только съ зоною: форма нѣсколько подходитъ къ пшеницѣ, а подави, то и выйдетъ не мука, а ка'зна що— порохъ, земля.—Третье и послѣднее. Покойникъ Е. П. Гребенка издалъ въ тридцатыхъ годахъ малороссійскій сборникъ, озаглавленный «Ластóвка,» появившійся вторымъ изданіемъ въ 1841 г.—Въ этомъ послѣднемъ изданіи на стр. 213 есть стихотвореніе:

«Скажи мині правду, мій добрий козаче,
Що діяти серцю, якъ серце болить?—
Якъ важко застогне»..,. и проч.

Стихотвореніе это подписано: *А. Чужбинскій* и озаглавлено такъ: *Е. П. Г–кѣ*. Въ книжкѣ «що було на серці,» изданной, какъ замѣчено выше, безъ имени автора, 15–мъ и вмѣстѣ послѣднимъ стихотвореніемъ стоитъ то же самое:

«Скажи мині правду, мій добрий козаче,
Що діяти серцю»... и проч.

и съ той же рубрикою: *Е. П. Г–кѣ*. Что же всѣ 15 стихотворе-

ній, вошедшія въ составъ книжонки «що було на серці,» принадлежатъ одному автору, въ томъ удостовѣряетъ насъ предисловіе, помѣщенное въ сей книжонкѣ.

При такихъ данныхъ безошибочно можно заключить, что авторъ «що було на серці,» Невідомий и А. Чужбинскій—одно и то же лицо. Къ этому остается только прибавить, что въ обычныхъ ежегодныхъ объявленіяхъ редакцій о сотрудникахъ журналовъ часто упоминается: А. Чужбинскій, съ поясненіемъ—псевдонимъ; а иногда съ поясненіемъ въ скобкахъ: Афанасьевъ.

Тотъ-ли это Афанасьевъ (А. Чужбинскій), который подписалъ въ «Ластовкѣ» стихотвтреніе Е. П. Г-кѣ, другой-ли,—я не рѣшаю; а что стихотворенія Невідомого не есть стихотворенія Т. Г. Шевченка, это, кажется, рѣшено изложеными въ сей замѣткѣ фактами несомнѣнно. Чему я и прошу дать мѣсто на страницахъ Основы, имѣющей для малороссійской литературы весьма важное значеніе и долженствующей служить дѣлу истины и правды.

П. Захаровъ.

9 октября 1862 г.
Х. Бережнивка.

ВІСТІ.

СЪ ДОНУ.

Малоподвижность нашего общества.—Приходскія училища.—Уѣздныя училища.—Проэктъ учрежденія гимназій.—Крестьянскій вопросъ.—Земледѣліе.—Суслики.—Пароходство по Дону.

Что́ сказать? Съ чего начать? Не повести ли рѣчь съ чего нибудь такого, что́ касается не одного нашего тихаго Дона, а что́ можетъ интересовать и другихъ? Но вотъ бѣда: заговори о чемъ нибудь подобномъ—вдругъ съ какой нибудь стороны и закричатъ, что «этого у насъ никогда не бывало и не будетъ;» поневолѣ призадумаешься и замолчишь... Такъ и дѣлаютъ мои любезные земляки. Мысль ихъ теперь спитъ спокойно, нетревожимая никакими общественными событіями; «пусть ихъ дѣлаютъ, говорятъ они, какъ угодно: наше дѣло—сторона.» Держась этого премудраго изреченія, наши донскіе богачи и вельможи (и у насъ, у козаковъ, они завелись!) (*) не берутъ на себя труда разсуждать даже о томъ, что́ относится къ нимъ непосредственно. Да и ка́къ разстаться съ привычкой, на которой цѣлыя столѣтія держалась наша жизнь? Вѣдь, по – правдѣ сказать, перейти отъ разгула, апатіи и лѣни къ разумной дѣятельной жизни—трудно. А у насъ это еще труднѣе вслѣдствіе тѣхъ условій, которыя имѣютъ

(*) Сообщу вамъ отличительную черту ихъ; они ровно ничего не дѣлаютъ. Чаще всего можно ихъ видѣть неиначе, какъ за столомъ, установленнымъ цѣлыми батареями бутылокъ *донскаго*... И замѣчательно то, что, при такомъ препровожденіи времени, у нихъ рѣдко бываетъ *какая-нибудь бесѣда*: всѣ молча курятъ табакъ и пьютъ вино, пьютъ и курятъ—и только!..

въ нашей общественной жизни очень важное значеніе. Не мудрено послѣ этого, что нашъ тихій Донъ нескоро сроднится съ жизнію, болѣе разумною. Ломать вѣковые обычаи и привычки можетъ только время и геній. Во время всеобщаго оживленія, и нашъ тихій Донъ какъ будто очнулся отъ своей прежней сонливой жизни; какъ будто и онъ хочетъ направиться туда же, куда спѣшатъ всѣ. Но борьба съ прежнимъ, укоренившимся, видна на каждомъ шагу, въ каждой мелочи. Если гдѣ, то особенно у насъ, крѣпко держатся за то, что досталось отъ дѣдовъ, но не за хорошее, а устарѣлое, выжившее изъ лѣтъ, потерявшее живой смыслъ. А между тѣмъ, поговорка—«какъ дѣды, такъ и мы,»—чувствуется, говорится, слышится во всемъ и вездѣ... Впрочемъ, и у насъ есть что помянуть добромъ.

Къ числу самыхъ важныхъ и, безъ-сомнѣнія, полезнѣйшихъ явленій нашей общественной жизни, слѣдуетъ отнести заведеніе приходскихъ училищъ по станицамъ. Поговоримъ объ этомъ подробнѣе.

Донской козакъ, отъ природы даровитый, воспріимчивый, доселѣ оставался только съ тѣмъ, что получалъ отъ матери-природы. Жизнь его шла цѣлыя столѣтія побычной, проторенной предками дорогѣ. Изъ дома отца онъ переносился на бой, съ боя опять возвращался домой. Умственный кругозоръ его былъ далеко необширенъ. Съ чѣмъ козакъ родился, почти съ тѣмъ самымъ онъ и отходилъ на тотъ свѣтъ. Что имѣлъ самъ, то же передавалъ дѣтямъ, и такъ далѣе, изъ поколѣнія къ поколѣнію. Довольствуясь тѣмъ, что получили отъ природы, Донцы неохотно принимали нововведенія. Имъ нравилась ихъ младенческая жизнь; имъ ненавистно было всё чужое и все новое, хотя бы то и самое лучшее. Въ такомъ-то состояніи застала Донцовъ новая, дѣятельная, совершенствующаяся жизнь нынѣшняго времени. Но вѣяніе ея и сюда проникло. И вслѣдствіе этого, столкнулись между собою, такъ-сказать, двѣ эпохи, столь противоположныя между собою. Приверженцы стараго порядка вещей стояли за наслѣдіе отцовъ; друзья движенія, совершенствованія, стремясь впередъ, старались увлечь за собою въ противную сторону. Но какъ послѣдняя сильнѣе первой, то первая только лишь приподняла съ вѣковаго гнѣзда старовѣровъ, предоставивъ уже имъ самимъ идти вслѣдъ за собою. Но дѣло, естественно, не могло обойтись безъ борьбы, которая сильнѣе всего отпечатлѣлась на самомъ главномъ—на образованіи народа. На этомъ пунктѣ, какъ на Куликовомъ полѣ, сражались двѣ партіи, и изъ-за чего же? Изъ-за того, что одна изъ нихъ, храня неприкосновенность

наслѣдія отцовъ, не хотѣла допустить, чтобы дѣти воиновъ — простыхъ козаковъ — были *письменные:* «письменный сынъ — не кормилецъ отца–матери,» говорила она. Другая же, несмотря на столь убѣдительные доводы, старалась поставить на–своемъ, старалась, если не дѣломъ, то хоть своимъ желаніемъ, расширить умственный взглядъ воина–гражданина. Конецъ борьбы еще и не виднѣлся; та и другая сторона стояла на занятой ею позиціи, какъ вдругъ, *по распоряженію начальства*, стали открываться по станицамъ приходскія училища, и конецъ борьбы приблизился. Друзья просвѣщенія торжествовали; а противники — часть примирилась съ ними, а другая часть тайкомъ, въ своемъ кружку, все–таки утверждаетъ, что письменный сынъ—не кормилецъ отца–матери, что школы, грамотность, да и вообще образованіе—это печать антихриста, и, конечно, на дѣтей своихъ боится накладывать эту печать.

Но какъ бы то ни было, приходскія училища во многихъ станицахъ открыты, и религіозно нравственное образованіе дѣтей уже началось. Въ училища назначены учители, кончившіе курсъ въ педагогическомъ классѣ при Войсковой гимназіи, и законоучители изъ лучшихъ священниковъ тѣхъ станицъ, гдѣ училища находятся. Съ однимъ изъ этихъ училищъ намъ удалось хорошо познакомиться и мы поэтому скажемъ объ немъ нѣсколько словъ.

Училище это открыто, если не ошибаемся, въ концѣ мая текущаго года. Учениковъ сначала было не много; но съ каждымъ днемъ число ихъ прибавлялось и къ іюню возросло до 30 человѣкъ, несмотря даже на полевыя работы. Во второй половинѣ августа число ихъ дошло до 40 слишнимъ, и, надо полагать, что осенью и зимою ихъ будетъ до 200 человѣкъ. Фактъ, на первый разъ, утѣшительный. Въ той станицѣ, гдѣ училище, считается около 12 т. жит. об. пола. Изъ этого числа мужескаго п., положимъ, 7,000 ч. (?). Слѣдовательно на каждые 350 чел. 1 учащійся. Не подумайте, что это мало, нѣтъ, на первый разъ, мы и за это благодарны. Въ послѣдніе два года по Войску открыто до 35 приходскихъ училищъ. Если въ каждомъ изъ нихъ положимъ, среднимъ числомъ, по 75 учениковъ, то въ итогѣ обучающихся получимъ около 2,600 человѣкъ. Разумѣется, дѣло не въ количествѣ, а качествѣ;—вопросъ—какъ у насъ идутъ училища. Въ матеріальномъ отношеніи, наши училища обезпечены довольно достаточно. Помѣщенія выбраны самыя лучшія, какія только можно найти въ казачьей станицѣ. На наемъ помѣщенія подъ училище отпус–

кается около *ста* р. въ годъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ. Этой суммы очень довольно, потому что въ любой казачьей станицѣ нанять домъ о четырехъ комнатахъ всего можно за 25 р. въ годъ. Училища снабжены всѣми необходимыми ученическими принадлежностями. Учителя и законоучители обезпечены довольно приличнымъ жалованьемъ: первые получаютъ 250 р., вторые по 100 р. въ годъ. Кромѣ того, общество станичное даетъ учителю квартиру съ отопленіемъ. Слѣдов., учитель обезпеченъ хорошо.

Казалось бы, какъ нашимъ училищамъ не идти какъ нельзя лучше. Но, къ сожалѣнію, не всегда такъ бываетъ, какъ быть должно. Въ училищѣ на первомъ планѣ стоитъ учитель. Кто онъ? кончившій курсъ въ педагогическомъ классѣ, что даетъ основаніе думать, что учитель приходскаго училища знакомъ съ педагогикой. Но—увы! Мы имѣли счастье столкнуться съ нѣсколькими учителями нашихъ училищъ и, признаемся, не предполагали ихъ такими, какъ оказалось. Это, по большей части,—палата напыщенности, фразерства, величавости, паренья подъ облаками и прочее т. п. Грустно стало, когда мы услышали, какъ одинъ изъ *таковыхъ* леталъ подъ небесами и не хотѣлъ спуститься на землю — къ своимъ ученикамъ, естественно выпучившимъ глаза на такого орла—учителя. Жалкій учитель, бѣдные ученики! Учитель своимъ питомцамъ, едва успѣвшимъ оторваться отъ плуга и быковъ и едва кончившимъ азбуку, трактовалъ о значеніи для науки Пушкина, Крылова и проч.; трактовалъ съ жаромъ, съ увлеченіемъ; рѣчь его текла какъ бурный потокъ, прорываясь и въ другіе, ненужные проходы. Учителю хотѣлось читать лекцію въ университетской аудиторіи, а ужъ никакъ не предъ мальчиками—учениками: что ему говорить о простыхъ и понятныхъ для нихъ предметахъ! Но намъ стало еще грустнѣе, когда мы узнали, что между учителями—педагогами, кромѣ показаннаго, есть и еще ему подобные Цицероны... Немногіе изъ знакомыхъ намъ учителей были истинные учители; остальные слишкомъ *переучены* и не годятся для приходскихъ училищъ. Конечно, мы не говоримъ, что всѣ учители въ нашихъ станицахъ похожи на тѣхъ, какихъ мы, къ–несчастію, встрѣтили, — но хоть будь ихъ половина, четверть и того менѣе — и то дурно. Мы указали на этотъ недостатокъ съ тою цѣлію, чтобы тѣ, коимъ вѣдать о семъ надлежитъ, для пользы народа, не опредѣляли учителями подобныхъ ораторовъ и ученыхъ, безъ испытанія на дѣлѣ: имъ мѣсто гдѣ–нибудь повыше,—намъ надо такихъ, которые бы, не

летая слишкомъ высоко, понимали, что они учители — воспитатели, что они обязаны понимать всѣ насущныя потребности и средства своихъ учениковъ—питомцевъ.

Кромѣ этого, существеннаго, по нашему мнѣнію, недостатка въ нашихъ училищахъ, есть другой, болѣе или менѣе имѣющій вліяніе на образованіе:—это замкнутость училищъ. Общество, на какой бы оно умственной степени ни стояло, не должно быть чуждо тому, чѣмъ живутъ, чѣмъ питаются его дѣти. Оно скорѣе всѣхъ можетъ понять недостатки, несовершенства того или другаго учрежденія. И для пользы учащагося люда, для пользы общей, намъ желалось бы видѣть не въ однихъ только нашихъ донскихъ, но и во всѣхъ училищахъ участіе общества, участіе, впрочемъ, не кажущееся, а дѣйствительное. Правда, при каждомъ училищѣ у насъ есть совѣтъ изъ депутатовъ со стороны общества, но это пока — одна форма.

Училище видятъ и знаютъ только учитель и законоучитель. Кто повѣряетъ ихъ дѣйствія? Кто взвѣшиваетъ ихъ недостатки? Кому они отдаютъ отчетъ (не форму) въ своихъ дѣйствіяхъ? На всѣ эти вопросы можно отвѣтить положительно: повѣрка надъ учителями и законоучителями—они сами. Мы не хотимъ слишкомъ усиливаться доказать, что училища, которыя находятся только *въ вѣдѣніи* учителей, и на которыхъ общество не имѣетъ рѣшительно никакого вліянія, будутъ болѣть, если не всегда и не вездѣ, то часто и во многомъ. Вообще, преподаваніе и поведеніе учителей съ учениками желательно было бы видѣть болѣе открытыми для общества, болѣе близкими къ нему, болѣе его интересующими: тогда, можно бы надѣяться, общество принесетъ и свою лепту на алтарь просвѣщенія.

Во всякомъ случаѣ, не желаемъ, чтобы доброе начало остановилось у насъ основаніемъ только нѣсколькихъ училищъ по станицамъ, которымъ пожелаемъ всего лучшаго на ихъ жизненномъ пути. Пусть каждая станица удостоится имѣть у себя училище! Пусть каждая станица будетъ воспитывать изъ среды себя нѣсколько человѣкъ! И тогда, мы увѣрены, у насъ не рѣдки будутъ и хорошіе граждане.

Мы хотѣли бы на этомъ кончить рѣчь объ училищахъ, но еще многое не договорено. Скажемъ объ этомъ предметѣ еще слова два-три.

По особенностямъ нашей жизни, у насъ большая часть (замѣтьте, большая) народонаселенія живетъ *по хуторамъ*. У насъ не мало такихъ хуторовъ, которые, по численности населенія, поспорятъ съ

хорошимъ селомъ. Въ селахъ, по большей части, существуютъ школы, а у насъ ни въ одномъ хуторѣ объ этомъ и не думаютъ, и не гадаютъ. Мнѣ положительно извѣстно, что число душъ въ нѣкоторыхъ хуторахъ простирается до 1000 и болѣе. Если изъ этого числа отдѣлить четвертую часть на мальчиковъ и дѣвочекъ—около 200,—то какъ не пожалѣть, что эти двѣсти разумныхъ существъ осуждены на всегдашнее невѣжество? Намъ, пожалуй, возразятъ, что заводить школы по хуторамъ еще не пришелъ часъ. Но когда же придетъ онъ? *Се нынѣ время благопріятно...* Это, вѣдь, насущная потребность, удовлетвореніе которой должно составлять обязанность каждаго честнаго гражданина.

Позвольте еще продолжить рѣчь о школахъ. Извѣстно, что нашъ мужескій полъ — козаки — на своемъ вѣку, лѣтъ двадцать и болѣе, съ небольшими промежутками, проводитъ внѣ дома Дѣти остаются на рукахъ матерей, подъ руководствомъ которыхъ воспитываются и достигаютъ совершеннаго возраста. Слѣдовательно, воспитаніе дѣтей находится исключительно въ рукахъ женщинъ. Теперь, кажется, понятно, какъ мы должны дорожить воспитаніемъ и образованіемъ женщинъ. Правительство сдѣлало начало, чтобы удовлетворить этой насущной потребности. У насъ на Дону разрѣшено открыть женскія училища—четыре—2-го разряда и тринадцать — 3-го. Цѣль учрежденія женскихъ училищъ, въ станицахъ войска Донскаго, какъ сказано въ положеніи объ этихъ училищахъ, есть распространеніе между козачьимъ сословіемъ религіозно-нравственнаго образованія, котораго должно требовать отъ каждой женщины, въ особенности отъ будущей матери семейства (*).

Пожелавъ нашимъ школамъ всего хорошаго, перейдемъ къ окружнымъ—уѣзднымъ—училищамъ. Сказать объ нихъ что-нибудь новое, особенное, едвали возможно. Наши уѣздныя училища идутъ обыкновенною, извѣстною дорогою. Хорошо ли идутъ они—намъ мало извѣстно, потому что это—заведенія закрытыя. Правда, можно получить о нихъ нѣкоторое понятіе, познакомившись съ представителями ихъ—учителями. Если вѣрить слухамъ, то ученый нашъ людъ, наши педагоги—далеко не соотвѣтствуютъ тѣмъ условіямъ, какія требуются отъ учителей — воспитателей. Въ одномъ изъ окружныхъ училищъ—какъ начальники, такъ и наставники, — къ стыду, составляютъ не что иное, какъ об-

(*) Журн. Мин. Нар. Просв., іюнь 1862 г., часть оффиц., стр. 222.

щество картежниковъ, кутилъ и т. п. Поэтому, говорятъ, порядочные люди ихъ и не принимаютъ въ свое общество. Грустно, больно станетъ, когда подумаешъ, что люди, которымъ ввѣрено нравственное направленіе сотенъ молодыхъ существъ, приносятъ имъ вредъ,—и—какой еще вредъ? Взвѣсьте, оцѣните, читатель!

Въ томъ округѣ, гдѣ мальчики образовываются подъ руководствомъ такихъ наставниковъ, предполагаютъ открыть гимназію. На сколько это предположеніе вѣрно, утверждать не беремся, но отъ души желаемъ, чтобы у насъ былъ *дѣйствительный разсадникъ*, чтобъ онъ принесъ большія пользы, находясь въ центрѣ войска Донскаго, нежели нынѣшняя войсковая гимназія, почти недоступная для большей части юношества.

Въ Усть–Медвѣдицкой станицѣ болѣе года существуетъ частный женскій пансіонъ; въ нынѣшнемъ году въ немъ было до 40 воспитанницъ. Къ сожалѣнію, онъ мало доступенъ для небогатыхъ людей.

Но не пора–ли оставить рѣчь о нашемъ образованіи и перейти къ чему–нибудь другому? По привычкѣ ли, или по естественному ходу дѣлъ, у насъ, если заговорятъ объ образованіи народа, непремѣнно скажутъ и о крестьянскомъ вопросѣ... На этотъ разъ, разскажемъ объ одномъ явленіи, выходящемъ изъ ряда обыкновенныхъ.

Въ Усть–Медвѣдицкомъ округѣ, въ одной изъ принадлежащихъ г. Поздѣеву слободъ — Гуляевкѣ, взбунтовались крестьяне. Чтобы яснѣе представить причины бунта, мы должны подробнѣе сказать о слоб. Гуляевкѣ. Она пользовалась превосходными, какія только можно найти у насъ на Дону, землями; къ тому же, онѣ воздѣлывались не нашими козаками, разсчитывающими лишь бы на нынѣшній день былъ кусокъ хлѣба, а Малороссами, народомъ, отличающимся отъ нашихъ козаковъ трудолюбіемъ. Оттого народъ въ сл. Гуляевкѣ былъ, можно сказать, *зажиточный*. По новому у насъ положенію, земли, принадлежащія слоб. Гуляевкѣ, должны поступить во владѣніе одной изъ ближайшихъ къ ней станицъ; а Гуляевцы, какъ обезземеленные, должны были по назначенію начальства переселиться на р. Салъ. Не сразу рѣшились оставить они свою родную слободу; они предварительно избрали, тайно, довѣренныхъ и послали ихъ осмотрѣть землю, которую имъ назначили. Депутаты, осмотрѣвъ землю, принесли своимъ братьямъ нерадостную вѣсть: что земля—дѣйствительно ли была, или только показалась безплодною. Крестьяне рѣшились не переходить на отведенную имъ землю. Между тѣмъ, прежнія ихъ владѣнія заняты бы-

ли козаками; крестьяне уже два года и хлѣба не сѣяли, и не переселялись. Но, наконецъ, на страстной недѣлѣ, жители Гуляевки поневолѣ должны были принять нежданныхъ и незванныхъ гостей, козаковъ, которые, около мѣсяца, по выраженію жителей, объѣдали–опивали ихъ. Несмотря на всѣ употребленныя начальствомъ средства, крестьяне стояли на-своемъ: «не пійдемъ відсіля; хоть въ сибіряку гоніть насъ,» говорили они. Мѣры рѣшительныя до–времени были отложены. Но послѣ многихъ тщетныхъ увѣщаній (*), приступили къ переселенію крестьянъ силою. Въ концѣ августа, цѣлому полку козаковъ, снабженныхъ военными припасами, велѣно было двинуться на Гуляевку, и, въ случаѣ сопротивленія, дѣйствовать рѣшительно. Не знаемъ, какъ сошлись козаки съ крестьянами; знаемъ только, что первые взяли 50, самыхъ богатыхъ, семействъ и отправили ихъ на назначенное мѣсто. Послѣ мы слышали, какъ удивлялись козаки богатству жителей сл. Гуляевки: «эка, народъ былъ зажиточный! даромъ, что два года ничего не сѣяли, а закрома всѣ полны хлѣбомъ! «Крестьяне жаловались, что «козаки не оставили ни курочки, ни гусочки.»

Торговля и промышленность, какъ извѣстно, у насъ въ упадкѣ. Этому причиною козаки, которые не допускаютъ, чтобы *не–козаки* слишкомъ усиливались между ними, боясь потерять чрезъ это свою привиллегію, свою замкнутость. Можетъ быть, они и правы, но мы видимъ отъ этого меньше пользы, больше вреда. Возьмемъ для примѣра земледѣліе. Оно находится въ самомъ жалкомъ состояніи и едва ли хоть немного улучшилось противъ того, какимъ видѣлъ его г. Кеппенъ (*), въ 1850 году. Земли много, а дѣлателей мало. Въ Усть–Медвѣдицкомъ и Хоперскомъ округахъ цѣлыя тысячи десятинъ земли остаются безъ всякаго употребленія. Ни плугъ, ни коса до ней не касались отъ созданія міра. И неужели эта земля ни къ чему не способна? А м. т. несомнѣнно уже доказано, что эта земля не безплодна. Въ послѣднее время, многія изъ постороннихъ лицъ стали брать на аренду считавшіяся до–сихъ–поръ никуда негодными степи и засѣвать ихъ разными хлѣбами, преимущественно пшеницею. И вышло, что нѣ-

(*) Для увѣщанія крестьянъ, пріѣзжалъ бывшій наказный Атаманъ генералъ Хомутовъ. Онъ намѣренъ былъ въ другой разъ отправиться въ Гуляевку, но былъ отозванъ въ Петербургъ.

(*) Смотр. Statistische Reise in's Land der Donischen Kosaken durch die Gouvernements Tula, Orel und Woronesch im Jahre 1850. Von. Dr. Peter. v. Köppen. St.-Petersburg. 1852.

которые съемщики пріобрѣли уже цѣлыя богатства. Мы говоримъ это къ тому, чтобы показать, какъ неразумно поступаютъ козаки, когда сами не берутъ и другимъ не даютъ обработывать ихъ поля.

Нынѣшній годъ урожай хлѣба плохъ, чему причиною было бездождье и засухи. Кромѣ того, въ нынѣшнемъ году такъ размножились суслики, преимущественно въ Нижне-Чирскомъ округѣ, что засѣянныя земли были совершенно обнажены и лишены даже простаго *бурьяна*. Суслики были двухъ родовъ — черные и сѣрые; первые, по словамъ многихъ, никогда еще не бывали на Дону и неизвѣстно откуда и когда пожаловали. Говорятъ, что они легко переплываютъ рѣки. Поэтому, кажется, можно предполагать, что это пришельцы изъ Екатеринославской или Саратовской и Астраханской губерній, иной годъ очень богатыхъ этими звѣрьками. Большую пользу сдѣлалъ бы тотъ, кто нашелъ бы вѣрное и дѣйствительное, но вмѣстѣ съ тѣмъ простое и легкоисполнимое средство истребленія этихъ животныхъ. Сколько уже предлагалось различныхъ средствъ! Но, къ сожалѣнію, они неудобоисполнимы, по крайней мѣрѣ, для народа. Вотъ одно изъ нихъ. Изъ тѣста, смѣшаннаго съ мышьякомъ, дѣлаютъ шарики и опускаютъ ихъ въ норы. Звѣрёкъ, съѣдая эти шарики, чрезъ нѣсколько минутъ умиралъ. Этимъ средствомъ можно воспользоваться только при руководствѣ опытныхъ лицъ. Да и то нужно сказать, сколько потребуется шариковъ и сколько нужно рукъ, чтобы опускать въ каждую нору по шарику, когда эти норы на каждомъ шагу... Нѣтъ, этимъ способомъ нъ много пособишъ горю...

По этимъ-то причинамъ урожай хлѣба въ нынѣшнемъ году, какъ сказано выше, плохъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, пшеница, поднявшись отъ земли не болѣе какъ вершка на три, засыхала. Нѣкоторые изъ хозяевъ воротили только посѣянное, другіе скосили хлѣбъ на кормъ скота, третьи ничего не получили отъ посѣва. Правда, въ немногихъ мѣстахъ, наприм. по р. Чиру, хлѣбъ родился очень недурной. Травы тоже были плохи. Теперь многіе изъ козаковъ охаютъ: «чѣмъ-то будемъ *зимовать скотинку?*» спрашиваютъ они самихъ-себя.

Исключеніемъ изъ всего были только арбузы и дыни (впрочемъ не вездѣ). Нынѣшній годъ арбузы были такъ велики, что, какъ говорятъ, давно такихъ не бывало.

Упомянемъ объ одномъ важномъ предположеніи. Дай Богъ, чтобы оно осуществилось, тѣмъ болѣе этого желаемъ, что подобныя предположенія бывали и прежде, но, къ сожалѣнію, оставались только предполо-

женіями. Въ послѣднихъ числахъ августа отъ Калача (*) вверхъ по Дону, шелъ буксирный пароходъ, съ цѣлію обстоятельно разузнать: возможно ли по Дону пароходство? Результаты этой экспедиціи намъ неизвѣстны, и вопросъ о пароходствѣ по Дону все-таки остается еще нерѣшенымъ. Мы съ своей стороны скажемъ, что пароходство по Дону возможно (да и что въ настоящее время невозможно!) но для этого потребовались бы огромные капиталы. Мелководье—главное препятствіе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Донъ такъ мелокъ, что не узнаешь въ немъ нашего тихаго Дона. Напр. выше Усть-хоперской станицы Донъ проходитъ четырмя протоками, изъ коихъ самая большая широкая и болѣе другихъ глубокая имѣетъ 5 саж. ширины. Незнаемъ, какъ устранятъ подобныя препятствія тѣмъ болѣе что ихъ мало? Кромѣ того, вотъ и другое: Донъ, во многихъ мѣстахъ, часто перемѣняетъ свое направленіе: нынѣшній годъ идетъ здѣсь, а на будущій въ другомъ мѣстѣ. Часто перемѣняя такимъ образомъ свое теченіе, онъ оставляетъ въ прежнемъ своемъ руслѣ только сыпучій песокъ. Но, можетъ быть, общество предполагаемаго пароходства на Дону пренебрегаетъ этими препятствіями; можетъ быть, не пожалѣетъ сотней милліоновъ рублей, въ надеждѣ возвратить ихъ чрезъ нѣсколько лѣтъ. Можетъ-быть! Можетъ-быть! И дай Богъ, повторимъ опять, чтобы предположеніе осуществилось на дѣлѣ. Земледѣліе, находящееся теперь въ упадкѣ, какъ бы тогда поднялось! Нужно разсчитывать, что общество не потеряетъ капитала, какъ бы онъ великъ ни былъ: онъ возвратится обратно, хотя, правду сказать, и не скоро.

Въ заключеніе, считаемъ нужнымъ замѣтить, что нѣкоторыя наши станицы сбрасываютъ съ себя сельскую одежду и одѣваются въ платье болѣе городское. Въ Усть-Медвѣдицкой станицѣ недавно издано повелѣніе, чтобы на главныхъ улицахъ всѣ дома и при нихъ постройки были крыты *тесомъ*; также чтобы каждый дворъ былъ огороженъ досками. Не знаемъ, по какимъ причинамъ дано было это повелѣніе, говорятъ, для предохраненія отъ пожара. Итакъ, простые козачьи курени замѣняютъ настоящими, *городскими* зданіями. Многіе изъ купцовъ, имѣющихъ постоянное пребываніе въ станицѣ, построили себѣ очень недурные дома, конечно, *значащіеся по описи* за какимъ-нибудь козакомъ. Въ послѣдніе три года станица переродилась. Кромѣ обычныхъ

(*) Пристань пароходовъ, ходящихъ отъ Ростова вверхъ по Дону; сюда же подходитъ и Волжско-Донская желѣзная дорога.

уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, теперь въ Усть-медвѣдицкой станицѣ не мало учебныхъ заведеній; а именно: *окружное* уѣздное училище, *духовное* уѣздное училище, (*) *приходское* училище, *женское* училище 2-го разряда и *женскій* частный пансіонъ.

Дай Богъ, чтобы эта станица, центральная въ Войскѣ Донскомъ, сдѣлалась современемъ дѣйствительнымъ центромъ образованія, торговли и промышленности!

М. Поповъ.

Сентябрь 1862 г.
Ста. Распопинская.

ЗЪ СЕЛА ОЛЕКСАНДРОВКІ, (Черн. губ. Остерськ. пов.).

Нічимъ своімъ похвалитьця—дакъ ке лишень—здебільшого—зъ чужого.—Оце, добродію, въ нашимъ кутку живе пані, прозиваетця Реммерсъ;—ви вже писали про ії діла, що вона и скопщину подарувала и землею наділила людей и що панщини у неі не роблять, а все за гроши, ажъ ось теперь вона и на двораківъ оглянулася, що то́, якъ въ пісьні спивають:

Сяду на могилі
Розшморгну торбину,
Розпущу я діти
На всю Украіну.

(*) Это училище, бывшее до сихъ поръ въ Зотовской станицѣ, на Хопрѣ, и переведенное въ концѣ августа въ Усть-медвѣдицкую ст., едва ли не самое несчастное изъ духовныхъ училищъ. Въ той станицѣ, гдѣ оно было до сихъ поръ, нѣтъ ни рынка, ни базара, ни почтовой конторы, ни лекаря, ни даже какого нибудь фельдшера. Всѣ эти учрежденія и лица необходимы для каждаго учебнаго заведенія. Сколько, напр. умерло ученниковъ, лишенныхъ медицинскаго пособія, отъ самыхъ пустыхъ болѣзней!

Отъ, якъ кажу, що вона й іхъ не оставила: наділила землею — дарма що тутъ де які зъ панківъ одмагаютця, що буцімъ-то, кажуть, якъ царь дае льготу, дакъ вони не маютъ праву наділять іхъ землею.

У насъ після сарани,—хлібъ гарний уродився на тому-жъ самому місті, де не сіяли и не орали; самъ Богъ погодивъ. Овесъ тожъ добрий, ячмінь не зовсімъ, а що гречку — зъіла дощенту засуха. У насъ, помежъ панами, тількі и чутки, що про голосні суди, та про земські собранія, а винниць ніхто изъ панівъ не чипае: — беруть любісенько жіди въ аренду, — беруть и землі, усе, усе, що тількі можна взяти въ аренду... Що то зъ того буде. Що то буде? — Колибъ вже, Господи, скорійше той новий годъ, то, може, лучче пішли бъ діла — и про науку и про всячину; а то той *слушний часъ* — тая надія — не дае людямъ нічого робити, все сподіваютця, все ждуть того часу; — а зъ того частенько и пьянство и бучи и ни-вінъ що, хочъ читали імъ по волостяхъ, и тиі слова царські—дакъ де тамъ! нічого не помагае. Якъ то кажуть — *піпъ свое, — а чортъ свое.* Ну, прощайте, до другого разу: може и чимъ луччимъ потрактую,—а теперъ, якъ на первину,—то вибачайте.

Соломко зъ Княжичъ.

ИЗЪ ПЕРЕЯСЛАВСКАГО УѢЗДА.

Полевыя работы давно уже у насъ кончились, давно пропѣли *бороду* (*), давно и хлѣбъ свезенъ съ полей. Настала осень и осень глубокая.

Осенью какъ-то свободнѣе дышетъ нашъ селянинъ, потому уже, что есть у него хлѣбъ, а если есть хлѣбъ, то ему и *негадкі*. Станетъ ли его до новаго?—вопросъ,-но онъ теперь не такъ тревожитъ его.

(*) Обрядъ, совершаемый при окончаніи жатвы.

Осенью нашъ селянинъ — *панъ–надъ–панами*! отцы семейства отдыхаютъ послѣ своихъ лѣтнихъ гигантскихъ трудовъ, а *молоде парубоцство* выбираетъ себѣ *вірнаго подружжя*. — Весело у насъ въ это время! Каждую *неділю* встрѣчаешъ на улицѣ свадебное шествіе — весілля, а въ будни *старостівъ* съ перевязанными черезъ плечо *рушниками*.

Вѣнчанье у народа бываетъ большею частью по праздникамъ, рѣдко въ будній день и то развѣ настаетъ *пиліпівка*, или какая нипричина встрѣтится. Сначала осени *дівчата* переборчивы, подъ конецъ же, передъ пиліпівкою *кидаютъ примхи*; отсюда и пословица склалась: *до Митра* (*) *дівка хитра, а по Митрі хочъ каму витри*.

Браки безъ согласія родителей бываютъ очень рѣдки; скорѣе *дівчина* выйдетъ *за нелюба*, нежели пойдетъ противъ воли родителей, хотя и такіе случаи бываютъ.

Послѣ бракосочетанія, у нашего народа, должно непосредственно слѣдовать *весілля*. Если повѣнчаются, но *весілля* не отбудутъ, то по понятію народа недолжно допускаться и сожительство между новобрачными: *хочъ яке–небудь–та весілле*. Такимъ образамъ, на *весілле* смотритъ пародъ, какъ на бракосочетаніе *у громаді*; т. е. какъ безъ церковнаго не допускается сожительство между новобрачными, такъ и безъ общественнаго не должно допускать его. Намъ приходилось видѣть только одинъ фактъ, противный этому, и фактъ чрезвычайно прискорбный: въ Г. Черн. губ. выходила замужъ дѣвка исправника противъ желанія исправничихи. Хотя исправничиха прилагала всѣ средства разстроить этотъ бракъ, но онъ состоялся. Въ отмщеніе за это, дѣвка изъ церкви была позвана въ комнаты и, по требованію своей госпожи, осталась ночевать вмѣстѣ съ исправничихой. Безъ *молодої* праздновать *весілля* нельзя — обряда этого и не было. Не было его и на другой день, но *молода* находилась уже съ мужемъ.—Перейдемъ къ жизни высшаго слоя.

Элементы жизни низшаго и высшаго классовъ, если не противоположны, то никакъ не одинаковы. У народа есть свои обряды, свои пѣсни, свои обычаи, освященные стариною, свои воспоминанія прошедшаго *горювання*, свои воспоминанія стараго — славы своей и довольства. Годовыя занятія его распредѣлены у него: весною, лѣтомъ

(*) *Митра* — въ первыхъ числахъ ноября.

и осенью онъ, какъ муравей, трудится, испытываетъ всякія непогоды подъ открытымъ небомъ за сохою или же съ косою въ рукахъ. Каждый часъ рабочаго дня расчитанъ у него; онъ съ ранняго утра, почти-что съ ночи, роботаетъ до поздняго вечера, тоже почти до ночи. Зимою у него тоже много работы: всѣ мелкія постройки по-большей части бываютъ зимою. Зима единственное время года, когда нашъ селянинъ можетъ свободно заняться торговлею; зимою только онъ можетъ пустить свою, хотя-бы и послѣднюю, копѣйку въ оборотъ.

Наша жизнь не такъ разнообразна. Разница временъ года для насъ только та, что лѣтомъ мы наслаждаемся теплотою солнца, а зимою теплотою печи.

Жизнь, какъ сказалъ кто-то, тянется безконечно, какъ холодный червякъ. Это самое можно сказать о нашей жизни. Мы какъ попали на одну колею, — такъ и идемъ, и скоро-ли перемѣнимъ нашу дорогу? — Богъ вѣсть.

Лѣтомъ мы мало-ли что дѣлаемъ: снуемъ изъ одного конца двора въ другой, и это мы называемъ — *хозяйствомъ заниматься*. Пришла осень, непріятное для насъ время, и непріятное потому, что настаютъ короткіе дни: — *ничего нельзя сдѣлать днемъ*; а придетъ вечеръ—нечего дѣлать; и потому, отъ нечего дѣлать, мы должны заниматься сплетнями. Рѣдко, очень рѣдко кто изъ насъ занимается чтеніемъ газетъ (*Сынъ Отечества*, *Епархіальныя Вѣдомости*, *Домашняя Бесѣда* и т. п.); что́ изъ нихъ мы можемъ вынести? все трынь трава для насъ.

Предметы сплетень очень обильны; по большей части мы любимъ гулять насчетъ ближнихъ, но больше всѣхъ достается нашему брату—жалкому кореспонденту журналовъ и газетъ, ихъ личному, какъ они думаютъ, врагу.

На одного изъ кореспондентовъ, мѣсто котораго занялъ я въ этомъ письмѣ, сплетничали очень много. Сперва его извиняли (они не спрашивали у себя—въ чемъ?); когда это не помогло, начали выдумывать такой вздоръ, что совѣстно и сказать; цѣлый околотокъ трубитъ, что его публично высѣкли; нашлись и такія личности, которыя увѣряли, что это въ ихъ глазахъ совершалось.

А мелкихъ сплетень и не сочтешъ. Все это нимало не пугало кореспондента. Наконецъ они обязали себя придумать одно вѣрное средство—придумали и успокоились.

Лѣтомъ въ нашемъ губернскомъ городѣ были губернскіе выборы. О *выборахъ* нечего и говорить; ихъ, конечно, всякій знаетъ. Выбрали въ уѣздный судъ судью, который отказался по очень простой причинѣ: лишенъ былъ одного изъ пяти чувствъ — слуха. Исправникъ отказался тоже, говорятъ потому, что онъ де–*князь*, а *князю*де не подобаетъ такое мѣсто. Мѣсто исправника долженъ бы занять его кандидатъ; но и тотъ почему–то отказался. Такимъ образомъ, мѣсто исправника занялъ человѣкъ не по выборамъ дворянъ, а отъ правительства. Смѣемъ надѣяться, что новый исправникъ — порядочный человѣкъ, и не похожъ на *нашихъ* исправниковъ. На выборахъ, говорятъ, наши показали свое великодушіе — допустили въ собраніе одного господина, бывшаго нѣсколько разъ подъ судомъ, и не освобожденнаго еще изъ–подъ него.

Примѣръ великодушія своего мы оказали тоже при назначеніи пособія мелкопомѣстнымъ дворянамъ. Полученіе пособія у насъ вещь чисто случайная; вѣроятно, тоже по случаю, господинъ нашего уѣзда, положимъ Мирошниковскій, получилъ пособіе, несмотря на то, что онъ не доказалъ правъ своихъ на дворянство, и такимъ образомъ долгое время пользовался незаконнымъ образомъ трудами крестьянъ; а пользовавшійся ими долженъ бы быть подвергнутъ штрафу.

Вообще, мы имѣемъ нѣкоторыя достоинства — просящему даемъ, стучащему отворяемъ; а былъ въ этомъ году и такой случай, что одного господина, человѣка достойнаго своего имени, выгнали въ шею.—«Что же дѣлать,»—оправдывался одинъ господинъ: «сердце у человѣка не камень; иногда погорячившись и въ ухо дашь.» Скоро ли выведутся у насъ Держиморды? — это вопросъ.

Даниловъ.

ЗЪ БЕРДИЧЕВА.

(*1862 р. 4–го жовтня*).

Давайте, будемо балакати про те, що́ въ насъ дiетця. Хлiбъ оце зiбрали, на току нашому де–що блищить; пять стiжкiвъ стоiть. Худоба якось наша цiла, та́ що́ въ дома; а въ людей—то поодходило

дуже багато. Гинула, бачте, скотина у наші околиці, вівці гинули, то шкоди такої е, що біда! Оце вже осінь; по селахъ, якъ де, то радість, співи, хутко за весілля люде візьмутця; а якъ де сарана налетіла, то порaютця зъ тею бідою,—то тамъ не до весілля. У насъ ще, до якої пори, не видко сарани, али вже близько, хутко майбуть доберетця и до насъ; жде, поки уруна зійде. Кавунівъ маемо цёго літа доволі, вродили. Навезуть на ярморокъ такого, що ажъ базаръ ними захрасне, и все за ярморокъ разберуть. Ми сіяли кавуни й дині; то но диньки е, а кавуни десь такъ счезли, — ніхто іхъ не бачивъ, и які вони. Грушки та яблука—тожъ недорогі,—можна за десятку наістись. Оце въ насъ дощу не було, спека така була що й не пізнати було, що-то осінь:-літо, Петрівка або Спасівка,—и якось ще третёго сентября и дощикъ пійшовъ, трохи не такъ пече, а все про те тепло. Я іжжу оце по селахъ, то трапляеця часто густо ночуешъ на полі, то такъ тепло, що й укриватись не треба. Вночі не спишъ, цілу нічь коло коней—стережешъ іхъ;—то оце въ ночі стихне все, коні гризуть сибі, то оце сижу, сижу, встану, то зновь сяду на обніжку—оце й почнешъ всіхъ згадувати. И чуіте: чого въ голову тоді не прійде, згадаешъ те, що й треба, те що й не треба. Кепсько я зробивъ, що рушниці не привізъ зъ собою, любенько-бъ тутъ здалась. Разъ якъ ночувавъ на шляху почтовому, підъ Морозівкою, коло ліска такъ, то вовкъ вивъ-вивъ у лісі, а далі давай до насъ пустився,—а нічъ була видна, місячна, то взявъ— нейде просто, а такъ копи стояли, то стернею лізъ. Насилу що прогнали ёго одъ себе. А це якоісь ночи, то кривого нашого вола, голуба, приперли до обори панської. Бувъ такий кривий, що на трехъ ногахъ скакавъ, то якъ заходились коло ёго́ іхъ ажъ штирохъ, то де вамъ та міць у того вола взялась!—прилетівъ до обори и реве такъ, що ажъ луна йде, казали пастухи: побудивъ всіхъ. Здалась би дуже рушниця. Ой воно, чуіте, вовки ті, що въ лісі не такі страшні.

Додатокъ—зъ г. Сквири. У насъ тутъ, у Сквирському повіті, то біда за бідо́ю: ото спека велика-велика; далі сарана налитіла, далі худоба гине, далі почали горіти села, далі токи́ панські. Оце до цеі пори́, то може більшъ якъ токівъ зо три, або зо шти́рі, згоріло. Бідність и дорожнета и въ насъ великі. Вівса 8 золотихъ корець платимо, та й того нема; а на весну сміливо по три карбованці буде.

В. М.

ЗЪ Г. ЕКАТЕРИНДАРА.

Якъ згада́ешъ, чи давно́-жъ то пе́рві квітки розцвіта́ли, молода́, зеле́на та паху́ча трави́ця зъ пі́дъ землі́ вибива́лася, а вже́ й лі́то мину́лося! Вжѐ скоро и Ноябрь мі́сяцъ на дво́рі, и сні́гъ бу́въ папороши́въ зе́млю разі́въ зо́-два... Невсипу́ща ма́ти-приро́да-йде, та иде́ собі своє́ю бо́жою доро́гою—ні вліво, ні впра́во.... та ти́хо собі, мо́вчки,—мовъ и не вона́!.. А ми́-жъ то, лю́де,—мота̀емось, репету́емо, штовха́емъ о́динъ одного, на́че на нечи́стому ша̀баші,—и що́-жъ зъ' то́го?.. 'Отъ хочъ-би й за покійника па̀на Я. Г. Кухаре́нка.... Служи́въ-служи́въ, побива́всь у тому́ ша́баші; дотягъ до *енера̀ла*, мо́же мізкува̀въ и набільше, а чи́мъ покінча́въ?... Са̀ме тоді, якъ ві̀нъ, ору́дуючи отря́домъ за Куба́нню, му́сивъ прогоня́ти черке́сівъ зъ' іхъ стародавніхъ займанщинъ, щобъ очи́стити місце для *переселе́нцівъ*; тоді, якъ ві̀нъ клопота́вся, щобъ стати поручъ зъ тими́ великими добро́діями, ко́три́ колонізу́ють Кавка́зъ козаками,—нана́-жъ тобі!... Чоловіка зъ ві̀сімъ голодра́нцівъ, волоцю́гъ черке́сівъ,—що вже покори́лися, бачите,—ні́чю, пі̀дстерегли́ ёго́ на доро́зі у Ста́врополь, ви́тягли зъ бри́чки, посади́ли на коня́—ще, ка́жуть, о́хляпъ—та прогна́вши, таки́мъ мані́ромъ, версто́въ 80-тъ, и посадови́ли пі̀дъ калаву́ръ!...

Стари́й, три́чі, чи що́, па́давъ зъ коня́, та чи одъ то́го, що поби́вся здо́рово, чи та́къ—одъ ту́ги, й уме́ръ у *са́клі*... 'Отъ тобі й кіне́ць надіямъ!..

Привезли небора́ку, похова́ли; а мі̀жъ наро́домъ — го́мінъ... Не знаю, добродію мій, що́ вже й каза́ти ва́мъ за се́й го́мінъ наро́дній;—на те́-жъ у на́съ и наро́дъ—до́бра люди́на;—а що́ чу́въ, то й кажу́.. Опісля́, якъ дозна́юся вірно за полонь и сме́рть Я. Г. Кухаренка, оповіда́ю й ва́мъ, коли схо́чете слу́хати; а тепе́речки упья́ть до лі́та, та до Чорномо́рії.

Що́ вже пеку́че лі́то було́ у на́съ,—нади́во!... Трава́ скрізь повигоря́ла, ще до косови́ці.. хозяіни́ ажъ объ по́ли рука́ми би́ли,—якъ тамъ мовля́ють,—ди́влячись на то́й стѐпъ, коли́сь-то, зеле́ний та га́рний, а тепе́речки—мовъ татарвою ви́палений!... Ка́жуть, у Ейському 'окрузі й були́ шматки́ до́броі трави́, а що вже у Екатеринда́рському—ні-же-ні!...

Та ще́ й косарі́, нали́хо, таки́ дорогі́, що й не да́й Ма́ти Бо́жа!....

Кíльки рóківъ у-перéдъ, то булó багáто ходúло, до насъ, москалíвъ, зъ'Росíи, а отсé,—дé-не-дé, пропхáється íхъ невелúчка юрбá, та й тí неменшъ, якъ за цілкóвого становлятця....

Рíчкú тé-жъ повúсхли; вíдъ тóго й худúба пáдала напорядкахъ; а щобъ тамъ колодязí копáти, та скотúну пóльзувати, якъ слíдъ—дé ёгó въ Бóга!.. Рáзъ—нíколи, а вдрýге—якí лíкарí у насъ?...Плóдиця худоба,—то й дóбре; а гúне—кáтъ íй бери!... Бíгъ дáвъ, кáже, Бíгъ и берé.. Вівцямъ, то вжé немóжно безъ сíна; для нихъ накóшують зáвжди (*); а скотúна, цíлу зíму, то сíно, то солóму,—мáбуть, чи не бíльшъ солóму—а що вже кóні—тí чи й íдять у кого сíно!—ходять собí по степý, розгрíбають снíгъ та й згрúзують, до землí, отáву (**)...

Кáжуть кóй-де у станúцяхъ,—якъ óтъ у Дíнськiй—начáлство завело *скажéнихъ лíкарíвъ*,—тó-бъ то тíхъ, що пособлáють одъ скаженúни—такъ щó-жъ?..Сусíдъ мiй, 'якось, посилáвъ и за тúмъ—незнайшлú... А тýтъ такé лúхо: скажéна собáка, мíжъ скотúною, побíгала, та й вівці шпурлáла цілíсiньку нíчь такъ, щó ажъ нáдто!...

Бідá зъ нáшимъ хазяйствомъ, та й гóді! Кáжуть, чорномóрці нарóдъ *лінúвий, одстáлий*!...Трéба, кáжуть, змíшати íхъ зъ'дрýгимъ, бíльшъ працёвúтимъ, способнíшимъ на цивілізáцію, *элементомъ*... якъ-óтъ линéйцí..—а бодáй-же васъ!... Хíба-жъ, чорномóрцеві, за слýжбою, булò колú завóдитьця спрáжнімъ хозяйствомъ?.. Хíба вінъ, якъ óтъ линéець, дýма тíльки объ томý, щобъ на ёмý булú черкéські черевúчки, а у хатí—ка-зна-що?.. Линéйці, здáвна, звúкли дивúтися на хáту, якъ на курíнь; ждáти тíльки приказáния — кúнути той курíнь, та, на новому мíсці, будувáти новúй—такúй-же; а чорномóрець—хліборобъ по натýрі своíй!.. Вінъ дúвиця. на *слýжбу*, úншимъ òкомъ.. Дé ёмý *прикáжуть*, тáмъ вінъ спóлнить, якъ и всякий другий, колú небíльшъ; а вжé осéлю будýе не курінéмъ!.. Вінъ міркýе що себé, якó служáщого, нехáй таскають кудú завгóдно, а сімья щобъ не бідкалась... щобъ вінъ, вертаючись зъ служби, знайшóвъ тéплий, чистéнькій кутóчокъ,—якъ *своé, обчествéнне!*..

Казáли менí, на сé, що линéйці слýжать неменьшъ Чорномóрцівъ,

---

(*) У Чорномóрii, бíльшъ *прóста* вівця; коло *шлёнськоí* пильнýють заможнí.

(**) Сёгó лíта, збірáлися, у городі, *коннозаводчики*, щобъ посовітуватися—якъ би лучче завести ті заводи, та й незнаю чимъ покінчали-.. У насъ, бачете, нí *газéти*, нíчого такого немае... Базíкають, наче-бъ то буде,—та вже й пора!

а хліба заробля́ють бі́льшъ, бо працёви́тіші,—бре́хня!.. Спра́вді, слу́жбу й вони́ справля́ютъ, якъ и ми́; мо́же й шустріші за на́съ, тільки черга́ тіе́і слу́жби у ни́хъ не та́,—слободніша, й передова́ ли́нія одсу́нулася ге́ть одъ і́хъ хліборо́бнихъ стани́ць.. А у насъ хіба давно́ почали́ прово́дити оті́ ли́нії?.. 57-го ро́ку!.. Та й у стани́цяхъ на́шихъ, хіба меньшъ заробляють, чи той пакъ дбають хліба, ніжъ у прикуба́нськихъ лине́йськихъ?.. Здае́тця, що ні!..

Воно́, якъ і́дешъ по́узъ лине́йську стани́цю, то та́къ тобі́ й ки́нуця, у ві́чі, здоро́ві та га́рно заве́ршені стоги́ пшени́ці та жи́та; стоя́ть, мовъ москалі́ у хро́нті; а підъі́дь до на́шої—нема.. неви́дно нічо́го за сада́ми!.. Ду́рні й роска́зують — 'онде народъ трудя́щий, а се—ліни́ві хахли́... эге́-жъ!.. Та́къ воно й е́... спи́тайте, тільки, чого воно́ такъ?.: Линейцямъ приказа́ло нача́лство склада́ти хлібъ—за стани́цями, у одні́мъ мі́сці,, якъ у ро́тнімъ дворі́; а на́ші — ко́жний до себе додо́му... складе́ собі́, у садо́чку, якъ са́мъ зна́, та й мовчи́ть, що въ ёго неме́ншъ, ніжъ у кого́ и́ншого!

Вісімдеся́тъ ро́ківъ, Чорномо́рець рве́тця надво́е — то у комиші́, на ви́шку,—то до ра́лі; дёжъ ёму́ бу́ти цивилізо́ванимъ хліборо́бомъ!..

Гу́дять ще Чорномо́рцівъ за те́, що во́ни́ роздрі́бляютця по хозя́йствахъ: батько отділя́е, на своє́ збіжжя, сина́; си́нъ свого́ си́на; а у линейцівъ, кажуть, сини́ й жонаті́ живу́ть у одній семьі зъ батькомъ,—отъ того́ бі́льшъ роботя́чихъ ру́къ: е́ кому́ й на слу́жбу, е́ й біля хозя́йства приглядати.. О, Боже мій ми́лий!.. Для слу́жби, мо́же, воно́ й такъ и лу́чче, а придивітся—ві́дкі́ля узя́вся́, у чорномо́рцівъ, таки́й порядокъ?.. Вже́, що *народъ* візьме собі́, то у тому́ держи́тця розу́мна причи́на, чи той—пакъ,—до вся́кого ді́ла веде́ первина́!.. Чомъ у всёго́ моско́вського лю́ду, якъ отъ у лине́йцівъ, а у Чорномо́рцівъ, якъ у всёго, ка́жуть, украі́нського?.. Повело́ся зъ'да́вна; а що, міжъ наро́домъ, зъ'да́вна—те́ Бі́гъ благослови́въ!,. У насъ, батько нестоі́ть, уве́сь ві́къ свій, зъ'па́лицею, надъ си́номъ; а якъ тіки си́нъ зробився чоловіко́мъ, то він ожени́ть ёго́ та й ка́же:.. »Отъ тобі, си́нку, твоє́,—иди́ собі́ до свого́ дво́ру!.. Ма́ешъ свою́ го́лову на пле́чахъ,—живи́-жъ своі́мъ ро́зумомъ, бо на те́ Бі́гъ тобі ёго́ й да́въ... На моту́зочці водити тебе́ нехо́чу, а зъ совітомъ и помі́чю, коли бу́де тре́ба, неодка́жуся!..« Такъ повело́ся, хіба́-жъ воно́ ду́рно?.. Нате́-жъ, по Чорномо́рії, е́ вже й предписа́ние: не допуска́ти до роздрібле́ння по сі́мьяхъ;

чого-жъ дорікáти намъ тúмъ, що було?.. Та нехáй ёго́ Бíгъ розбíра́е; а я, вибачáйте, далéко забíгъ...

Такъ ото́, кажу, поганéнька була травá сёго́ лíта, хлíбъ тéжъ припалúло, а кой-де й сарана вúла.

На Чорномóріі, сíють хлíбъ—бíльшъ за-для-сéбе. Пóки, ще небагáто é такúхъ хозяíнівъ, котрі лёномъ та хлíбомъ мýсять торгувáти; ті-жъ, що тúмъ промишлúють,—одвóзять свій товáръ у Ейський городокъ и у Ростовъ:—сюдú, кажуть, хочъ и дáльшъ, а везýть бíльшъ. Подивитця на тúхъ ярмолкáхъ ростовськúхъ,—зъ лúніі хлíба привозя́ть удвóе, нiжъ зъ Чорномóріі, бо тамъ, кажý-жъ, é нýтренi станúці, котрúмъ слободнíше працёвати бiлá хлíборóбства;—отъ и базíкають, що линéйці—народъ працёвитiший.

Почалú й у насъ, кóй-де—звíсно у найзаможнíшихъ хозяíнівъ, у такúхъ дýкъ, якъ отъ Б—къ, З—бъ и úншi, нiмéцькі машúни завóдити, та такі-жъ кумéдні, що й óрють и кóсять и молóтять самú!.. На машúннi млини́, здаéтця, наибíльшъ напáлися, бо зъявúлись захóжі майстрí. Вітрякú становля́ть такі, що надúво: у дéнь, кáжуть, по стó мiшківъ мéле; а вже за водяні-й не кажý!.. Знаю й я такихъ братчиківъ, котрі попрóдали худóбу до ноги—немá вже, кажуть, користи зъ'неї та, помáй Бiгъ, млини́ будувáти!.. Нехай Бiгъ святúй iмъ и помагае!.. Дúвлячись на сé, добродiї úншi й верзя́кають:.. »бáчъ, штовхнули васъ трóшки, то вú й заворушúлися!..« бодай васъ, та й годі!.. Пóки Чорномóрці сидíли бíльшъ на кордóнахъ, то й працёвали аби-якъ; а стáло повільгóтніше, черкéсівъ трóхи придáвлено (хочъ ще й дóсі, чоловíка по шiсть и бíльшъ, сукля́ті, біля самíсінького города, вéштаютця й людей берýть)—отъ воні́, Чорномóрці й покáзують свíтові, що й воні́ лю́де, а не заскáрблі *идиёти*.. що недуже-то було потрíбно вливáти, въ нúхъ, лýччого, якъ мовля́ють, элемéнта, бо въ íхъ и свій — дóброго заводу!..

Сёго рóку, багáто гомонíли, у нáсъ, ще й за тé: Чорномóрцівъ змішáли зъ линéйцями; — якимъ-же пóря́дкамъ повúнно бýти: чи нáшимъ, чи линéйськимъ?..

Чýвъ и я, якъ линéйці—грíхъ брехати,—é й зъ'нáшихъ такі—докáзують, що íхъ хочъ-бú станúшні пóря́дки луччі, нiжъ нáші... »У нáсъ« мовля́ «начáльникъ станúці по назначéнию *начáлства*; значить, проти ёго нiхто́ не сміе й рóта роззя́вити, а одъ тóго пóря́дку бíльшъ.. Справдi, тамъ, станúшний тiки гукне грíзно, то усé й урóдитця, — шiдвóди тамъ, щобъ перевезти той овéсъ, котрúй купýе бригáдний коман-

дúръ и хозя́їнъ и суддя у бригáді—для полкíвъ и *получáе перевóзочні средства* и всяке дрýге!.. Примíромъ, у ни́хъ, стани́шне обчествó присýдить яки́й-нéбудь роспоря́докъ,—то й несé ёго передъ я́сні óчі нача́льника, котри́й кладé *резолю́цію* та́къ, а не и́накъ!.. »А у вáсъ«, ка́жуть, »стани́шного ота́мана обíра́ обчествó, та й гордýе íмъ: тé не та́къ!, ти́мъ недошми́ги роспорядúвся!..« Вінъ и мовчи́, бо хто́ обрáвъ, той и прожене́... що́ се за поря́дки?.. Яки́й нéбудь *мужвá* прúйде, зъ на́личкою, до правлéния, та й сýдить тебé й поперéчить тобі, а ти́ мовчи́ передъ ни́мъ!.. Отъ ище! . Вдрýге, прúде чиновникъ яки́й у вáшу стани́цю, трéбуе суддю́ и прика́зуе ёму́, за́разъ, доста́ти кýрку тамъ молока́ або́ чого́ й и́ншого: що́-жъ?.. Вінъ почýхае у потúлиці, та щé сміе й одвічáти: немóжу, я́ки дежýрний, одлучúтися съ правлéния!.. Кúнься-жъ до ёго́ ни́ки:—*не сміете*, ка́же!.. хіба́-жъ такí повúнні бýти поря́дки?..

А найгíршъ попрíка́ють на́мъ ти́мъ, що стани́шні отамани́ на́ші—*пíшки*, пьяниці, нікчéмні лю́де!.. Воно, спра́вді, чи й не та́къ, та тільки, впья́ть,—до всякого діла ведé первúна!.. Якъ би́ нача́лство пíддéржувало стани́шнихъ отаманíвъ на́шихъ, якъ слíдъ, то й обчества́ обíра́ли—бъ íхъ по совісти, а не зъ такóю дýмкою:.. Хтóбъ ни бýвъ—усé рíвно!.. Онъ воно́ я́къ... Ска'но—народъ, усяке по своéму дорозумóвуетця!..

Довóдилося чýти не рáзъ, якъ мізкýють и за на́ше новé положéние котрé компонýетця у г. Ста́врополі. Отъ и постановúли комúсію, и зъ'Чорномóрцівъ взяли, до нéі, *одного* штабъ-охвицéра... Комúсія та́ й клопóчетця, якъ би то мудріше утя́ти тé положéння!.. Хóчъ воно́, у комúсію, узято одного тільки Чорномóрця и комúсія та у Ста́врополі, затé-жъ, до дéякихъ *панíвъ* Чорномóрськихъ,—зъ'непісьмéннимъ лю́домъ, де-жъ его́ турбува́тися!.. поодпúсувано по любьязнíй писýльці, въ котрій пита́ють: чи не зна хто чого́ *вáжного* за гражданський и воéнний битъ Чорномóрцівъ, а зна́ючи, чи не мóже, бува́, одказáти у Ставрóполь — (звíсно на папéрі) свого́ мніния...-За́разъ и ви́дно, що взялúся, за це діло й гéть-то разýмно,—спасúбі и́мъ!.. Та багáто ще дé-чого балакають, тільки боюся усé одпúсувати, бо й та́къ дýже довгий лúстъ мíй вúйшовъ!.. У васъ, тамъ, за крепáцьке діло,—а мú клопóчемося за своé. Колú-неколú, трáпитця тýтъ, почýти,—та й то тільки міжъ пісьмéннимъ людомъ,—за велúкий цáрський подарýнокъ: маніхвестъ 19 лю́того, мирó-

ихъ посре́дниківъ то́-що... а усе більшъ за своє́;—такъ воно за́вжди... така́ нату́ра въ чоловіка!.. А все́-жъ, е́ въ насъ лю́де, у котрихъ се́рце тёхкае, якъ почу́ють, одъ лю́боі Осно́ви на́шоі,—за грама́тки й и́нші, для лю́ду украіньського, книжки́, объ котри́хъ почали́ пильнува́ти; та за пра́цю ватажківъ на̀шихъ письменнихъ,—пома́й Бо́же!..

Отсе́ зъ місяць, якъ черке́си спали́ли, за Кубанню, Нижне-Бака́нську стани́цю, котра́ була засе́лена чорномо́рцями... Ра́нкомъ, вже́ якъ со́ничко ге́ть підби́лося, ки́нулись скаже́ні на стани́цю, підруба́ли огоро́жу—та й вчини́ли таке́, що бода́й и не ба́чити й не чу́ти!.. И не таке́ ще роска́зують!.. Се́бъ то узяли́ черке́си, стани́цю; а попере́дъ то́го, ще місяцівъ за два́, узяли́ *Ли́повськiй по́стъ*;—таки́жъ неду́же далѐко одъ тіе́і стани́ці... У тому́ пості були́, на ва́рті, на́ші-жъ козаки́—чоловіка зъ 40-къ, зъ охвице́ромъ... На біду́, до того́ охвице́ра, ще́ й жінка приіхала, — одвідати, ба́чите!.. Якъ вони́ напа́ли, Бігъ ёго́ святий зна́е!.. Не да́й ма́ти Бо́жа!..

Отсе́ все́ літо, у на́шому військово́му са́ді—за котри́й тре́ба-бъ було попильнува́ти, бо стоіть та́къ-собі!..—два́ ра́зи у ти́ждень, гра́ла військова́ музи́ка; у *ротонді*—се, ба́чите, помістъ підъ старе́знимъ ду́бомъ—танцюва́ли панночки́... Ото́ диву́етця, ма́буть, ду́бъ той, зга́дуючи за батьківъ Запоро́жцівъ и ди́влячись на ти́хъ барише́нь, що й недай Бо́же, якъ ря́дятця, та по німе́цькому підстри́бують!..

Негріхъ би було́, панія́мъ на́шимъ та панночкамъ нашимъ на ву́съ намота́ти—жа́лко, що ёго́ нема́е!..—той ли́стъ пова́жного па́на прохве́сора Льво́вського, котри́й у Осно́ві, за ли́пець, надруко́ваний!.. У рідному Льво́ві було те́, чому́бъ и жінка́мъ на́шимъ не со́ромъ повчитися!.. Наказни́й отаманъ на́шъ звелівъ, у Екатеринда́рі, біля ново́го собо́ру, *тія́теръ* постро́іти—на які гро́ші—недокажу́, та се́ й не на́ше діло—и тепе́речки трохи вже чи й непокінча́ли ёго̀. Отъ за се́, вели́ке спаси́бі!.. Хочъ зъ до́щокъ зля́пали,—бо немае ка̀міню, а все́-жъ таки-è въ на́съ тія́теръ!.. Приіхала й юрба́ актёрівъ, підъ кума̀ндою П. Ижо́рськаго... *Водеви́лі* гра́ють, мо́жно диви́тися... А вже якъ утяли́—ба́чивъ я́кось—на́шу, украінську: Ве́чіръ на хуторі, то ажъ па́льці було́ зна́ть!.. П. Дмитренко, зъ жінкою, гра́ли, спаси́бі імъ, гарне́нько; а що вже инші—глу́мъ, та й го́ді!.. Ніжо́дного слове́чка по на́шому, а беру́цця гра́ти, — чудні!.. Чудне й обчество́ на́ше, ля́ска собі у доло́ні!.. Хіба́ відъ то́го, що—*на́ше*, яке́-бъ не було́!..

Зъ тіе́і пори́, якъ одпи́сувавъ я до васъ, добродію пова́жний, —

спасúбі, що непокепкува́ли листо́мъ!..—ма́ло чого́ ново́го вдіялося у Екатериндарі, — я розумію ю́лиці городські, нови́й собо́ръ и дівочу шко́лу;—якъ було́, та́къ и е́... и до́сі коло кра́сної ю́лиці турбу́ющця, канавки́ копа́ють... та й го́ді... Э, ні!.. бре́шу́,—майда́нъ, де база́рь стоíть, *невилíру́ють*; то́–бъ то осуши́ти му́сять, бо тамъ була що на́йгірша багню́ка!..

Забу́въ я тільки, тогді, сказа́ти вамъ, що у одне́ вре́мья, якъ дівóча шкóла устрóілася панíéю Ива́ніною,—чоловíкъ еі, зля́павъ, ко́йякъ, дру́гу шко́лу на Дми́трівці: се части́на го́рода, де про́сте, бíльшъ, коза́ство живе́ и що́ са́ме стани́цею Екатериндарською зве́цця... шко́лою сіе́ю ору́дуе панъ–оте́цъ, а вчи́цця, тамъ, дітвора́ коза́цька, хло́пчики й дівча́тка—*руський грáмоті*; неповúнно ще, ма́буть, *на́шій* бу́ти; та й де та́ки намъ, служа́щимъ, по сво́ему вчицця?..

За переміщение гимна́зіи, изъ Ейська, у Екатеринда́ръ, не чу́ть упьять що́–сь...

До сёго́ ча́су, спасúбі Бо́гові, у го́роді су́хо,—бо небуло́ ще чвірі,—такъ, я вамъ кажу́, що за гульня́ йде́,—ажъ на́дто!.. Тутъ коза́цька дочка́ заміжъ вихо́дить; звíсно, у мьясни́ці, передъ пили́півкою, то, за не́ю, старода́вній жураве́ль реве́, мовъ навіже́нний!.. а тамъ гу, гу, гу!.. Каля́си *вéнські*, та брикантáси *ростовські*... тільки й чу́ти: »пай–ді!..« Диву́есся собí мóвчки!.. Арме́ни торгують, у лавкáхъ, до́бре, бо панíі на́ші не беру́ть, а га́рбають усякі матéрії!.. Се́–бъ то на зімні бенке́ти... Поба́чимо, почу́емо, а коли́ необри́дло, то й одпи́шимо (*). Чувъ я, що е́ такі, котрі рèмствують на мéне, за мій ли́стъ, надруко́ваний у Осно́ві; а найбíльшъ за те́, що я, нíбі то, такъ огу́дивъ *Еúцівъ*... Такъ що́–жъ мені робúти?.. Невже́–жъ я са́мъ відко́пую брехню́?.. Пишу́ те́, що́ чу́ю, що ба́чу... мóже, де́ й нета́къ,—неха́й розумніші навча́ть: вели́ке спасúбі скажемо!..

Вибача́йте, бу́дьте ласкáві!..

Стецько Шарапъ.

(*) Усі тутешні земляки дуже вподобали вашу щиру козацьку мову и прямий поглядъ на все що́ округи́ дiетця. *Ред.*

ИЗЪ ПРИЛУКЪ.

Въ нынѣшнее лѣто два раза былъ съѣздъ прилукскихъ дворянъ. Первый 5-го Іюня для выбора уполномоченныхъ за мелкопомѣстныхъ дворянъ на губернскіе выборы и членовъ въ коммисію для раздачи пособій мелкопомѣстнымъ дворянамъ. Но прежде начатія всякихъ выборовъ, дворяне произвели демонстрацію противъ своего предводителя, занимавшаго эту должность въ продолженіи 12 лѣтъ. Я не стану распространяться объ этомъ фактѣ, и именно потому, что это заставило бы меня повѣдать многія сурьёзныя дѣла, достойныя вѣчнаго забвенія. Скажу только, что результатомъ единодушнаго протеста собранія—былъ немедленный выходъ изъ службы предводителя, не смотря на то, что до губернскихъ выборовъ оставалось нѣсколько мѣсяцевъ. По говору, который, продолжается и до сей поры объ этомъ *крупномъ явленіи* прилукскаго общества, должно заключать, что на сторонѣ дворянъ было много основательныхъ причинъ къ демонстраціи, хотя и не всѣ оправдываютъ нѣсколько дѣтскій—скандалёзный характеръ ихъ дѣйствій, доказывающій непривычку заявлять свое мнѣніе.

Что касается до выборовъ уполномоченныхъ, то они производились какъ и всегда, т. е. съ полнымъ равнодушіемъ со стороны мелкихъ дворянъ или, лучше сказать, безъ сознанія важности дѣла. Члены коммисіи для раздачи пособій, кажется, выбраны довольно удачно, по крайней мѣрѣ говорятъ, что они старались сколько можно разузнать о положеніи нуждающихся въ пособіи и назначить эти пособія, не стѣсняясь кліентизмомъ и происками, а именно такъ, какъ требовали обстоятельства. Въ то же время собранію дворянъ было заявлено сообщеніе губ. предводителя дворянства о томъ, что выборы представителей дворянства въ межевую коммисію будутъ производиться на губернскомъ съѣздѣ.

Такъ какъ это распоряженіе уничтожило силу 21-й статьи Положенія о размежеваніи Полтав. и Черниг. губерній и притомъ противорѣчило принятому обычаю, то собраніе составило письменный протестъ противъ этого распоряженія, выраженный энергически (*).

(*) Вотъ 21-я статья. Въ избраніи предсѣдателя, членовъ и кандидатовъ на эти мѣста участвуютъ всѣ дворяне уѣзда, у которыхъ есть поземельная собственность, хотя по общимъ правиламъ они бы и не имѣли права избирательнаго голоса.

Съ теченіемъ времени объяснилось, что это распоряженіе сдѣлано вслѣдствіе *какого-то* недорозумѣнія (незнанія законовъ) и потому дворянамъ позволено было съѣхаться для межевыхъ выборовъ, (такъ обыкновенно называютъ выборъ представителей въ межевую комисію). Это собраніе было назначено 28 Августа. Число съѣхавшихся было вдвое болѣе противъ перваго съѣзда (*) и поэтому съѣздъ былъ въ залахъ дворянскаго собранія, а не въ межевой коммисіи, какъ это было въ первое собраніе.

Какъ и всегда бываетъ, до начала выборовъ часть публики толпилась около стола, и громко расуждала (выражаясь проще: кричала безъ всякихъ разсужденій) о необходимости убавить жалованье членамъ коммисіи. Конечно, такой способъ заявленія своихъ желаній очень не раціоналенъ: трудно знать, какая именно причина заставила рѣшить такъ или иначе предлагаемый вопросъ. Вмѣсто того чтобы вполнѣ высказаться каждому по одиночкѣ, говорили всѣ вмѣстѣ.

Господа, желавшіе, чтобы ихъ доводы подѣйствовали сильнѣе, старались кричать какъ можно энергичнѣе Тѣже, которые стояли за statuquo, конечно, молчали и ходили по залѣ гдѣ нибудь всторонѣ, скромно разсуждая о своихъ домашнихъ дѣлахъ. Крикъ продожался довольно долго, пока, наконецъ, испр. долж. предводителя не предложилъ подвергнуть вопросъ объ уменьшеніи жалованья по баллотировкѣ.

Понятно, что не разъяснивши вопроса предварительными разсужденіями, каждый при баллотировкѣ поступалъ по своимъ собственнымъ видамъ, отъ которыхъ, можетъ быть, отказался бы, если бы вопросъ обсудили, какъ слѣдуетъ. И въ самомъ дѣлѣ, одни клали шары направо (за уменьшеніе), въ силу вопроса, часто раздовавшагося на всю залу: «Чѣмъ мы (т. е. я) будемъ платить такъ много (выраженіе неудовольствія противъ эмансипаціи)? другой говорилъ въ полуслухъ;» меньше будетъ желающихъ баллотироваться» и клалъ шаръ направо; Третіе: «Всё равно члены ничего не дѣлаютъ: чѣмъ меньше дазать, тѣмъ лучше»; Да притомъ на малое жалованье, подхватывалъ чатвертый, пойдутъ сюда люди менѣе богатые, слѣд. будутъ трудиться. И оба клали шары направо. И много, очень много еще и другихъ видовъ

(*) Именно 89 избир. шаровъ, слѣд. челов. 73; на первомъ же съѣздѣ было 43—47 человѣкъ. Это объясняется 1) тѣмъ, что вслѣдствіе *шумности* перваго съѣзда многіе *заинтересовались выборами*. 2) выборы были значительнѣе, 3) много было желающихъ баллотироваться въ должности и 4) нужно было рѣшить вопросъ объ уменьшеніи жалованья предсѣдателямъ.

было у сторонниковъ уменьшенія жалованья. У противниковъ же ихъ также были *различныя соображенія*.

Ну, не безобразенъ ли подобный способъ рѣшенія вопросовъ? и къ чему же послѣ этого бываютъ «собранія?» Не остается ли, при такомъ порядкѣ, *право разсуждать о своихъ сословныхъ интересахъ* мертвымъ правомъ? Отсюда и понятно, что люди, непользующіеся правомъ «разсуждать въ собраніи», едвали могутъ рѣшить какой нибудь сословный вопросъ раціонально. Такъ это и было въ настоящемъ случаѣ, какъ я постараюсь доказать впослѣдствіи.

По баллотировкѣ оказалось 62 зауменьшеніе, 27 противъ (или что-то въ родѣ этого). Опять повторю, что было бы вовсе не то рѣшеніе, если бы вопросъ обсудили какъ слѣдуетъ.

За тѣмъ, испр. долж. предводителя сказалъ, что рѣшена еще только одна половина вопроса, что еще слѣдуетъ назначить норму жалованья какъ для предсѣдателя, такъ и для членовъ. И опять начались разсужденія во вкусѣ удѣльно-вѣчевомъ, ничѣмъ не отличающія собранія дворянства отъ сходки крестьянской громады, надъ которою иногда такъ остро издѣваются нѣкоторые изъ представителей нашего образованнаго сословія... Опять мнѣнія были различны и высказывались всѣ разомъ, голословно, не опираясь ни на какіе доводы и притомъ черезчуръ громко, а иногда и самымъ напряженнымъ крикомъ. Кто желалъ 500 руб., другіе же только кричали періодически: «много! много!» А нѣкоторые, какъ школьники, загородивъ ротъ рукою, громко вскрикивали: 350! Кто толковалъ, что предсѣдателю должно назначить больше жалованья, потому что рангъ мѣста выше; другіе же говорили, что у членовъ занятій больше и что занятія безпокойнѣе; поэтому членамъ, напротивъ, должно назначить больше жалованья. «Нѣтъ, твердили нѣкоторые джентльмены, чтобы *не было обидно*, нужно назначить всѣмъ поровну.» На конецъ крикъ: 500! и «всѣмъ поровну!» покрыли всѣ остальныя восклицанія. Испр. дол. предводителя позвонилъ. Толпа умолкла. Онъ спросилъ: «Согласны ли назначить жалованье въ 500 р. какъ для предсѣдателя, такъ и для членовъ?»

— Согласны! Согласны! почти хоромъ завопило собраніе (Вспоминаете, читатель, Малороссійскую раду или Новогородское вѣче; а какъ много времени прошло!) Теперь приступили къ выборамъ сначала, конечно, предсѣдателя и кандидата на эту должность.

Стали дѣлать предложенія, начались отказы. Такъ прошло нѣсколько человѣкъ, которымъ, по видимому, предлагали баллотироваться *толь-*

ко изъ вѣжливости, твердо надѣясь получить отказъ. Наконецъ предложеніе было сдѣлано Г–ну Орловскому (отцу). Тотъ началъ (можетъ быть, по принятому обычаю) отказываться; публика еще громче и усиленнѣе проситъ; наконецъ г. Орловскій соглашается почти при единодушныхъ крикахъ всего собранія: Просимъ! просимъ! Всякій на его мѣстѣ имѣлъ бы право подумать, что онъ выбранъ единодушно, и что баллотировка будетъ пустою формальностью. Онъ, можетъ быть, такъ и подумалъ, и потому обратился къ собранію съ слѣдующими словами: «Г.г. сколько я могу, столько и буду стараться въ дѣлѣ. Но прошу васъ объ одномъ, чтобы не было, какъ прежде, голословныхъ порицаній дѣйствій коммисіи. Если вы желаете знать о ходѣ дѣла, то можете періодически повѣрять дѣйствія коммисіи. Безъ этого прошу не хулить насъ. Съ такимъ только условіемъ я согласенъ баллотироваться.» Согласны! Согласны! повторила толпа. Послѣ такой ваціи никто не могъ ожидать, чтобы черниковъ было много, ибо баллотировка дѣлалась пустымъ обрядомъ. Но, къ несчастію, не всегда то бываетъ, что должно быть. И потому оказалось только 57 голосовъ за, а 32 противъ. Должно быть, были такіе, которые кричали *изъ любви къ крику* или такіе, которые *всѣмъ кладутъ черники*... Но какіе бы тамъ ни были, а все–таки г. Орловскій былъ выбранъ.

Но вѣдь еще нужно было выбрать кандидата; сдѣлали предложеніе и. д. предводителя (судьѣ). Послѣ обычныхъ отказовъ начались баллотировки, и что же оказывается? 66 избирательныхъ шаровъ, т. е. г. Величку выбрали предсѣдателемъ, а Орловскій остался въ кандидатахъ. Такой оборотъ дѣла былъ совершенно неожиданный ни для избираемыхъ, ни для избирателей. «Какъ это случилось? Ужъ не вмѣшательство ли боговъ?» видѣлись эти вопросы на многихъ лицахъ. Впрочемъ подобныя неожиданности для знакомыхъ съ ходомъ дворянскихъ выборовъ неудивительны; по видимому, дѣйствуетъ какая то таинственная сила, подобная Deus ex machin'ѣ древнихъ. Не вѣрующіе въ чудесное—объясняютъ это гораздо проще, но я умолчу объ этомъ,—«чтобъ гусей не раздразнить!» Теперь пойдемъ далѣе. Желающихъ баллотироваться въ члены, несмотря на уменьшеніе жалованья, оказалось 12. На желаніе 2–хъ не обращено вниманіе, двое взяли назадъ свое желаніе. И эти выборы не обошлись безъ участія боговъ; говоря просто, одного господина выбрали совершенно неожиданно ни для него самого, ни для собранія.

Не стану дѣлать характеристики выбраннымъ лицамъ. Скажу толь-

ко, что отъ членовъ можно ожидать дѣятельности, потому что всѣ они молоды (за исключеніемъ одного, выбраннаго случайно) и желаютъ заниматься. О предсѣдателѣ и говорить нечего: онъ извѣстенъ обществу какъ судья.

II.

Выше я сказалъ, что со стороны дворянъ было нераціонально убавлять жалованье дворянскимъ депутатамъ. Теперь эти слова я хочу подкрѣпить доводами.

До сей поры нѣтъ еще особой инструкціи для дѣйствій членовъ коммисіи (я говорю о Полтавской губерніи). По вотъ покрайней мѣрѣ какова *должна быть* ихъ дѣятельность, если принять во вниманіе положеніе о размежеваніи и инструкціи для дѣйствій коммиссіи и межевыхъ чиновъ. Всѣ межевые партіи, дѣйствующія въ уѣздѣ, распредѣляются между членами и кандидатами, такъ—что одному приходится быть въ двухъ партіяхъ,— не менѣе.

Присутствіе членовъ при полевыхъ занятіяхъ необходимо «для большаго ихъ успѣха,» такъ какъ члены, по порученію коммиссіи,» принимаютъ особенное участіе въ разъясненіи и прекращеніи возникающихъ споровъ, въ устраненіи препятствій отъ неисполненія землевладѣльцами своихъ обязанностей и т. п., въ составленіи хозяйственнаго описанія земель, экономическихъ примѣчаній и наконецъ при соглашеніяхъ (*).» Эти обязанности опредѣляются самимъ Положеніемъ. По силѣ же инструкцій, дворянскіе депутаты должны присутствовать при генеральномъ обходѣ дачи, при утвержденіи межъ, при съемкѣ черезполосности, при повѣркѣ съемки и при розысканіи неизвѣстныхъ полосъ, словомъ сказать, при всѣхъ полевыхъ межевыхъ дѣйствіяхъ (**). Наконецъ, должно еще прибавить, что депутатъ хоть разъ въ недѣлю долженъ быть въ коммиссіи для присутствія въ засѣданіи (***).

(*) Ст. 41 Положеніе о размеж. Пол. и Черн. губ.

(**) Это присутствіе заявляется подписаніемъ слѣдующихъ актовъ: Полеваго журнала, плана и межевой книги, поземельной вѣдомости и дневнаго журнала. До сего времени въ этомъ только и состояло реальное участіе депутата въ межеваніи.

(***) Такъ какъ Прилуцкая коммисія имѣла по два засѣданія въ недѣлю (соображаясь съ числомъ отхода почты въ Полтаву), то каждый депутатъ можетъ быть въ городѣ только разъ въ недѣлю. До настоящей поры депутаты пріѣзжаютъ для подписа журнальныхъ постановленій и нѣкоторыхъ бумагъ.

Теперь положимъ, что депутатъ назначенъ для присутствованія при полевыхъ занятіяхъ двухъ межевыхъ партій, раздѣленныхъ разстояніемъ не менѣе 12 верстъ. При добросовѣстномъ исполненіи обязанностей депу татупридется быть въ каждой партіи по разу въ недѣлю; (въ такомъ случаѣ, если нѣтъ повѣрки и разысканія нивъ, а также когда не составляется сравнителеная таксація, тогда депутату придется пробыть въ дистанціи нѣсколько дней сряду, даже больше недѣли). Пусть мѣстожительство депутата отстоитъ отъ дистанціи партіи и отъ города въ равномъ разстояніи, т. е. по 12 верстъ отъ каждаго изъ двухъ мѣстъ. Для того, чтобы побывать во всѣхъ трехъ мѣстахъ, т. е. въ городѣ и въ двухъ партіяхъ, онъ долженъ проѣхать въ недѣлю 72 версты. Полагая прогоновъ на версту за 2 лошади 10 к., будемъ имѣть расхода на прогоны 7 р. 20 к. въ недѣлю. Полагая, что полевыя работы продолжаются только 7 мѣсяцевъ (съ 15-го апрѣля по 15-е ноября), выдетъ въ годъ 30 недѣль, въ которыя члену придется сдѣлать по 72 версты. Въ остальныя 22 недѣли онъ будетъ ѣздить только разъ въ коммисію, т. е. будетъ дѣлать 24 версты въ недѣлю или въ каждую недѣлю потратитъ 2 р. 40 к. Да положимъ для экстренныхъ командировокъ, въ продолженіи всего года, и преимущественно въ эти 22 недѣли (по оконченнымъ съ землею дачамъ — для составленія сравнительной плантаціи, по приготовляемымъ къ съемкѣ—для собранія свѣденій о количествѣ земли и пр. и пр.), по 25 верстъ на каждый разъ и всего для 11 разъ (т. е. не чаще 2 разъ въ мѣсяцъ) на 275 верстъ расходовъ 27 р. 50 к. Итакъ, вотъ-что будутъ стоить члену прогоны въ годъ:

30 недѣль по	7 р.	20 к.	. . .	216 р.	
22 недѣли «	2 «	40 «	. . .	52 «	80 к.
На 11 экстр. командировокъ.			. .	27 «	50 «
Итого.			.	296 »	30 «

И такъ, одни прогоны стоятъ около 300 р. Притомъ, нужно замѣтить, что мы сдѣлали самый умѣренный разсчетъ, если только предположить, что депутаты будутъ исполнять свои обязанности. Теперь еще слѣдуетъ принять во вниманіе увеличеніе издержекъ на столъ, вслѣдствіе частой перемѣны мѣстопребыванія. Пожалуй, согласимся съ мыслью многихъ, что въ селеніи каждый панъ не откажется предложить члену обѣдъ и отдыхъ въ своемъ домѣ, слѣд. издержки ничего не бу-

дутъ стóить. Но въ городѣ этого не случится. Да, наконецъ, нельзя разсчитывать на *подобныя поддержки*. Можетъ быть, нѣкоторые изъ членовъ не воспользуются гостепріимствомъ, можетъ быть также, что не всѣ паны будутъ хлѣбосольны. И потому положимъ что вслѣдствіе всѣхъ поѣздокъ (имѣя въ виду преимущественно поѣздки въ городъ) членъ будетъ издерживать на столъ 100 р. въ годъ. Вотъ уже и 400 р. самыхъ умѣренныхъ расходовъ, вслѣдствіе служебной дѣятельности. И такъ отъ всего жалованья (500 р.) остается только 100 р.—это вознагражденіе за потерю 150—200 дней въ годъ въ ущербъ хозяйству, за претерпѣнное безпокойство при переѣздахъ во всякое время года и, наконецъ, за всѣ труды на пользу межеванія. Неужели это *соразмѣрное вознагражденіе?* И можно ли ради, или лучше сказать, имѣя въ виду такое вознагражденіе, добросовѣстно *выполнять свои обязанности?* Остается одно—*служить изъ чести*. Но вѣдь пора оставить эту мечтательную химеру, тѣмъ болѣе, что въ члены коммиссіи выбраны люди не очень богатые, которымъ служба если и недолжна (и почему такое самопожертвованіе?) приносить прибыли, то покрайней мѣрѣ и недолжна быть въ ущербъ состоянію. Но при такомъ маломъ жалованьи она будетъ прямо въ ущербъ, если даже положить, что, вслѣдствіе хозяйственнаго разсчета, проѣзды будутъ стоить дешевле... Но еще навертывается вопросъ по поводу службы изъ чести: чтó значитъ такая служба? Проживаніе своихъ денегъ на общую пользу или, лучше сказать, ради того, что занимаешь одну изъ выборныхъ должностей? Но можетъ ли дворянство при такомъ порядкѣ требовать отчета отъ выбраннаго лица? И будетъ ли въ состояніи самое лицо исполнять свои обязанности какъ слѣдуетъ? Вѣдь уже вѣковой опытъ доказалъ, что все даровое скверно. Въ прежнее время, когда должности по выборамъ были пріятною игрушкою для богатыхъ честолюбцевъ или же средствомъ составить себѣ состояніе, когда помѣщики не умѣли цѣнить деньги, добытыя потомъ и кровью ихъ крестьянъ,—въ прежнее время служба изъ чести могла быть въ ходу. Но въ настоящую пору и помѣщикамъ кажется слѣдовало бы подчиниться, какъ и остальному люду, общему экономическому закону: *каждый трудъ требуетъ вознагражденія, сообразнаго съ объемомъ и значеніемъ его*. Да кромѣ того, какъ то странно видѣть уменьшеніе жалованья въ настоящее время, когда даже правительство сознало необходимость увеличить оклады нѣкоторымъ чиновникамъ, принимая во вниманіе этотъ экономическій законъ.

Но еще депутаты могутъ покрыть получаемымъ окладомъ издержки по службѣ, хотя ущербъ по хозяйству отъ личнаго отсутствія служащаго будетъ невознаградимою потерею. Но что же могутъ дѣлать на 250 р. кандидаты, которыхъ дѣятельность почти одинакова съ дѣятельностью членовъ? Тутъ уже прямая служба изъ чести.

Можетъ быть, читатель замѣтилъ, что мы до сихъ поръ говорили о необходимости увеличить жалованье членамъ и кандидатамъ ихъ, вовсе не упоминая о предсѣдателѣ, *старшемъ по рангу мѣста*. Это, впрочемъ, произошло не случайно, а изъ глубокаго убѣжденія, что 500 р. достаточное жалованье для предсѣдателя или, лучше сказать, соразмѣрное съ его покойною и незначительною по объему дѣятельностью. Мы думаемъ, что хорошая система жалованья должна имѣть въ виду не рангъ мѣста, а количество и значеніе труда служащаго.

Вѣроятно, и передовое сословіе Россіи раздѣляетъ съ нами это мнѣніе, хотя оно и противорѣчитъ обычаю, принятому нашимъ правительствомъ въ прежнее время. Наконецъ, насъ могутъ спросить, какая же норма жалованья необходима для членовъ и депутатовъ? По нашему мнѣнію, было бы очень раціонально, если бы расходы на прогоны опредѣлялись по дѣйствительной стоимости ихъ, т. е. также какъ они опредѣляются теперь для межеваго члена коммиссіи. Жалованье же какъ членамъ такъ и депутатамъ должно давать независимо отъ прогоновъ. Такъ какъ разъѣздовъ у межеваго члена не болѣе члена отъ дворянъ, то пусть и попрежнему даютъ на путевыя издержки 350 р. какъ и межевому члену. Въ вознагражденіе же ущербовъ по хозяйству или вообще за труды по межеванію, пусть члену даютъ такое жалованье, какое получаетъ Инженеръ-Поручикъ, т. е. 370 руб. А всего слѣд. 720 р., за исключеніемъ прогоновъ.

Пусть наконецъ эта цифра вслѣдствіе разныхъ соображеній, о которыхъ я умолчу, чтобы не утомить читателя разсчетами, пусть эта цифра будетъ уменьшена до 600 р. Это, по моему мнѣнію, minimum жалованья, способнаго вознаградить потери лица отъ службы. А кандидатамъ должно давать жалованье по разсчету употребленнаго времени, считая за каждый мѣсяцъ по 50 руб. Думаю, что мои предположенія не лишены практическаго смысла, а потому смѣю надѣяться на ихъ осуществленіе, хотя можетъ быть я нѣсколько запоздалъ съ своимъ совѣтомъ. Но вѣдь «никогда не поздно исправиться.«

Бобыль.

ПАНИХИДА ПО Я. Г. КУХАРЕНКѢ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Въ-дополненіе къ извѣстію, сообщенному въ IX-й, книжкѣ заимствуемъ изъ 259 № С. П. Б. вѣдомостей слѣдующее:

«Будучи любимъ многими украинцами, какъ знакомый, и какъ близкій пріятель Шевченка, Яковъ Герасимовичъ Кухаренко, сдѣлавшись извѣстенъ и какъ украинскій писатель, сталъ еще дороже для всѣхъ, кто знаетъ и любитъ свой народъ, кто дорожитъ нравственною связью съ нимъ, какъ святыней, кто, по словамъ *Кобзаря*-поэта—

Не одцурàвсь того слòва,
Щó мáти співàла,
Якъ малóго сповивàла,
Зъ малúмъ розмовлúла...

Послѣ всего сказаннаго, можно легко себѣ представить, какъ грустно отозвалась въ сердцѣ украинцевъ вѣсть о плѣнѣ и, наконецъ, о преждевременной смерти Кухаренка. Всѣ, кто зналъ его лично, положили помянуть его панихидой и братскимъ обѣдомъ. Къ-сожалѣнію, не всѣ были оповѣщены объ этомъ, и потому, 10 ноября, въ церковь Введенія, собралось всего человѣкъ двадцать, гдѣ панихида была отправлена пріятелемъ Якова Герасимовича, почтеннымъ протоіереемъ Пл. Ѳ. Менчицемъ. Одинъ изъ петербургскихъ пріятелей Якова Герасимовича, З. Ѳ. Недоборовскій, приготовилъ, для произнесенія за обѣдомъ, украинскую рѣчь, въ которой выражены были чувства и желанія украинцевъ.

»Сёгодні, щирі й милі браття-украінці, довелось намъ поминать славного потомка запорозького війська, батька кошового Якова Кухаренка.

»Вість о полоні и смерті кошового дуже уразила всіхъ, хто тільки знавъ ёго. Ми знали Кухаренка тільки зъ торішнёі зіми, якъ вінъ приізжавъ до Питербурга,—то й не будемо нічого казать про ёго військову славу: про це нехай розкажуть инші, хто знае ближче; ми жъ, панове-браття, нагадаемо де-що про ёго щиру й теплу українську натуру. Натура покійного Якова Герасимовича справді була щира козацька; своею любовью до України и до рідноі мови вінъ оставивъ по собі дорогу памьять. Миколай Ивановичъ Костомаровъ знавъ покійного Кухаренка давно, ще за молодого віку, и спомина ёго добримъ пріязнимъ словомъ. Познались вони ще у Харькові, годівъ 20 буде тому: и тоді вже Кухаренко бувъ щиримъ и гарячимъ українцемъ, и тоді вже вінъ старався, щобъ росла и ширилась народня мова и правдива любовъ до України міжъ молодяжжю. Потімъ-того, якъ Миколай Ивановичъ іздивъ, черезъ чорноморські землі, у Кримъ, то чувавъ не одъ козаківъ, а одъ иншихъ українцівъ, що рідко найти такого чоловіка, щобъ такъ любивъ свій людъ український и все, що ёму миле, якъ Кухаренко.

»Поважали ми ёго й за те ще, що не було у ёго тиéі пи́хи па́нськоі,—що вінъ дивився на кожного, якъ на рівнёго и обходився съ кожнимъ побратерські, якъ слідъ вірному потомкові козака-запорозця.

»Бачили ми ёго веселий сміхъ, бачили и ёго дорогі слёзи; ніколи ми іхъ не забудемо, и дай-то Боже, щобъ у всіхъ у насъ готові були такі теплі слёзи.

«Одного вечора, виряжаючи Я. Г. відсіля у Чорноморію, одинъ зъ земляківъ нашихъ, читавъ ёму де-що зъ *Кобзаря;* и—якъ дійшовъ до того місьця, де́ Шевченко промовляе:

»О, друже мій добрий, друже незабутий,
Живою душею въ Украйні витàй!...«

у хоро́бого козака Кухаренка, що́ не разъ ёму й смерть у вічі заглядала, та вінъ іі не лякався, полились гарячі слёзи, и вінъ незмігъ зупинить іхъ. Чого, чого не почуяла тоді щира козацька душа ёго?...

»Нехай же святитця памьять ёго межи земляками! Нехай семья ёго знайде собі потіху въ ёго памьяти! Нехай діти здорові ростуть для України и будуть такі жъ щирі й хороші, якъ батько, а коли ні—то й кращі!...«

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

УЧИТЕЛЬ

въ **1863** году.

Вступая въ третій годъ существованія, журналъ нашъ имѣетъ уже свое, хоть и кратковременное, прошедшее; онъ уже не новичекъ въ литературѣ, но успѣлъ уже составить себѣ нѣкоторую извѣстность, правда, не блистательную, но довольно обширную и, надѣемся, прочную. Поэтому, не находя нужнымъ распространяться о направленіи и идеѣ журнала, уже знакомыхъ публикѣ, скажемъ только, что мы останемся вѣрны разъ предначертанной себѣ задачѣ — распространять между родителями и наставниками здравыя понятія о воспитаніи и обученіи, и облегчать имъ исполненіе важныхъ обязанностей посредствомъ доставленія имъ необходимыхъ на то средствъ и матеріаловъ.

Программа наша остается тою же, какъ и въ нынѣшнемъ году. Въ полномъ составѣ своемъ она содержитъ слѣдующее:

ОТДѢЛЪ I.

1) **Ученіе о физической природѣ человѣка:** а) *Анатомія* и *физіологія*, т. е. описаніе человѣческаго организма и его отправленій. б) Процесъ естественнаго развитія организма отъ рожденія довозмужалости. в) *Діететика*: условія здоровья и долгой жизни, вліяніе на организмъ пищи, воздуха, жилища, занятій, и т. д. г) Человѣческій организмъ въ здоровомъ и больномъ состояніи; разсмотрѣніе болѣзней, особенно дѣтскаго возраста.

2) **Опытная психологія:** а) Изслѣдованіе душевныхъ способностей и силъ человѣка; б) Процесъ развитія этихъ способностей въ различныя эпохи жизни.

3) **Популярная, практическая логика.**

4) **Педагогика,** т. е. теорія воспитанія, сообразная съ законами чѣловѣческой природы: а) Воспитаніе *физическое*, *умственное*, *эстетическое*, *нравственно-религіозное* въ примѣненіи къ различному возрасту и полу. б) Воспитаніе *домашнее* и *общественное* (училищевѣдѣніе); очерки воспитанія отдѣльныхъ личностей. в) Личность, значеніе и обязанности учителя какъ человѣка, гражданина и воспитателя.

5) **Исторія воспитанія:** біографіи знаменитыхъ педагоговъ и изображеніе ихъ дѣятельности; описаніе замѣчательныхъ воспит. и учебныхъ заведеній. Дѣтскіе сады, народныя училища, учительскія семинаріи.

6) **Популярное изложеніе различныхъ наукъ:** зоологіи, ботаники, минералогіи, физики, астрономіи и пр., народнаго и сельскаго хозяйствъ, технологіи, математики, географіи, исторіи, литературы и т. д.

ОТДѢЛЪ II.

1) **Дидактика,** т. е. изложеніе общихъ правилъ преподаванія на различныхъ ступеняхъ развитія.

2) **Методика,** т. е. изложеніе различныхъ способовъ и пріемовъ преподаванія по всѣмъ предметамъ.

3) **Примѣненіе различныхъ методъ на практикѣ,** т. е. подробно изложенные уроки по отдѣльнымъ учебнымъ предметамъ, могущіе служить образцами для преподаванія, особенно *элементарнаго*.

4) **Указаніе и объясненіе искуствъ, ремеслъ, а также игръ** и вообще механическихъ занятій, приличныхъ дѣтямъ различнаго возраста.

По мѣрѣ надобности, къ тексту этихъ двухъ отдѣловъ прилагаются чертежи, рисунки и проч.

ОТДѢЛЪ III.

1) **Педагогическое обозрѣніе:** а) Отчеты обо всѣхъ замѣчательныхъ педагогическихъ сочиненіяхъ, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ; б) обзоръ педагогическихъ журналовъ и указаніе на статьи педагогическаго содержанія въ другихъ періодическихъ изданіяхъ.

2) **Критика и библіографія.** Разборъ учебныхъ пособій и руководствъ по всѣмъ предметамъ, книгъ для дѣтскаго чтенія и проч.

3) **Педагогическая переписка и смѣсь.** Въ перепискѣ помѣщаются отвѣты на всѣ частные вопросы, съ которыми читатели, нуждаясь въ какомъ–либо свѣдѣніи или совѣтѣ по воспитательной и учебной части, обращаются къ намъ. Въ смѣсь входятъ: *замѣтки* различнаго содержанія, относящіяся болѣе или менѣе къ воспитанію и обученію; *вопросы* и *задачи* изъ различныхъ наукъ для размышленія и рѣшенія.

4) **Важнѣйшія правительственныя распоряженія.**

ОТДѢЛЪ IV.

Педагогическій справочный листокъ. Сюда входятъ: а) частныя *объявленія* лицъ, ищущихъ для дѣтей своихъ наставника или наставницу, или желающихъ помѣстить дѣтей куда–либо въ пансіонъ или учебное заведеніе; б) *предложенія* лицъ, ищущихъ мѣсто гувернера, гувернантки, домашняго учителя или домашней учительницы; в) *предложенія* семействъ, частныхъ школъ и пансіоновъ, принимающихъ къ себѣ на воспитаніе дѣтей извѣстнаго возраста и пола; г) *объявленія* авторовъ, издателей и книгопродавцевъ объ учебныхъ пособіяхъ и руководствахъ, педагогическихъ сочиненіяхъ, дѣтскихъ книгахъ и проч.

За однократное напечатаніе объявленія мелкимъ шрифтомъ взимается по $^1/_5$ коп. сер. съ буквы, а за каждую крупную букву въ заголовкѣ по $^2/_5$ к.

Сотрудниками нашими остаются всѣ тѣ же лица, которыя участвовали въ нашемъ журналѣ и въ нынѣшнемъ году. Кромѣ того мы пріобрѣли новаго постояннаго сотрудника въ лицѣ **П. Г. Рѣдкина,** который взялъ на себя разработку статей по исторіи педагогики и обзоръ иностранныхъ педагогическихъ сочиненій. Сверхъ того онъ въ теченіе года намѣренъ представить рядъ мелкихъ статей подъ заглавіемъ: «Современныя педагогическія замѣтки».

Журналъ «УЧИТЕЛЬ» будетъ выходить *два раза въ мѣсяцъ*, въ началѣ и въ срединѣ мѣсяца, выпусками *не менѣе 3 листовъ* въ большую 8–ую долю и въ два столбца четкой, убористой печати.

Подписная цѣна за 24 выпуска въ годъ съ доставкою на домъ

или съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи **4 руб. сер.**, безъ доставки **3 р. 50 к. с.**

Примѣчанія. Полугодовой подписки редакція не принимаетъ; но всѣ лица, кто бы они ни были, затрудняющіяся въ высылкѣ разомъ всей подписной суммы, могутъ присылать ее въ 2 срока: къ 1-му января и къ 1-му іюля.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

какъ отъ иногородныхъ, такъ и отъ столичныхъ жителей *исключительно* въ конторѣ редакціи, находящейся на Конногвардейскомъ бульварѣ, № 15.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ присылать свои требованія и деньги, адресуя: *въ С.-Петербургъ, въ контору редакціи журнала «Учитель.»*

Журнала Учитель за 1861 и за нынѣшній годъ осталось весьма не много экземпляровъ.

Редакторы издатели: **І. Паульсонъ.**
Н. Вессель.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1863 ГОДУ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ

РУССКІЙ ЛИСТОКЪ.

Редакція «Русскаго Листка», пріобрѣтя постоянное сотрудничество **В. Д. Скарятина,** отдаетъ въ его распоряженіе отдѣлы подъ рубриками: а) обозрѣніе событій въ отечествѣ; б) земское дѣло и в) вѣсти и голоса изъ провинцій.

Направленіе этого писателя опредѣлилось (въ программѣ газеты «Голосъ» и въ многочисленныхъ статьяхъ, печатавшихся въ «Современной Лѣтописи», въ «Сѣверной Пчелѣ», въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Русскомъ Вѣстникѣ«)

такъ точно и ясно, имя его столь часто являлось на страницахъ другихъ, противныхъ этому направленію, изданій, что редакціи остается только прибавить, что она вполнѣ раздѣляетъ воззрѣнія г. Скарятина,— а за тѣмъ всякія объясненія о будущемъ направленіи «Русскаго Листка» дѣлаются излишними. Впрочемъ, ниже мы печатаемъ полемическую статью г. Скарятина, которая можетъ, хоть отчасти познакомить съ этимъ направленіемъ тѣхъ изъ читателей, которые не встрѣчались съ прежними статьями г. Скарятина.

Редакція надѣется, что читатели **"Русскаго Листка"** получатъ, въ 1863 году, столько же, если не больше, статей г. Скарятина, сколько и нумеровъ газеты, ибо новый членъ редакціи, предполагавшій принять самое дѣятельное участіе въ редижированіи газеты «Голосъ» долженъ былъ по причинамъ (объяснить которыя здѣсь неумѣстно) отказаться отъ всякаго участія въ редакціи этой газеты и, такимъ образомъ, можетъ посвятить свои литературные труды исключительно «Русскому Листку».

Газета **"Русскій Листокъ"** въ 1863 году будетъ выходить *разъ въ недѣлю, въ объемѣ отъ 2-хъ до 2½*, а по обстоятельствамъ *и болѣе листовъ*, по нижеслѣдующей программѣ:

I. Внутренній Отдѣлъ. а) *Обозрѣніе главнѣйшихъ событій въ отечествѣ,* излагаемое, какъ въ передовыхъ статьяхъ, посвящаемыхъ важнѣйшимъ современнымъ вопросамъ, такъ и въ отдѣльныхъ извѣстіяхъ о распоряженіяхъ правительства и общественной дѣятельности.

б) *Земское дѣло.* Подъ этою рубрикою будетъ помѣщаться отчетъ о ходѣ помѣщичье-крестьянскаго дѣла.

Въ своихъ взглядахъ на этотъ важный предметъ, редакція будетъ руководствоваться полнымъ безпристрастіемъ, безъ заранѣе составленнаго плана защищать интересы одной какой либо стороны, въ ущербъ другой. Сюда войдетъ и все, относящееся къ дѣятельности дворянскихъ и городскихъ собраній и сельскихъ сходовъ.

в) *Вѣсти и голоса изъ провинцій.* Здѣсь найдутъ мѣсто всякія интересныя заявленія, изъ какого бы уголка Россіи они ни исходили и какого бы не касались предмета изъ общественной и частной жизни, лишь бы имѣли цѣль общеполезную, благонамѣренную.

г) *Просвѣщеніе.* Обзоръ современнаго состоянія учебной части въ Россіи и всѣхъ правительственныхъ распоряженій, равно какъ и общественной дѣятельности, въ дѣлѣ распространенія грамотности въ на-

родѣ, воспитанія и научнаго образованія, какъ основы всякаго улучшенія въ общественной жизни.

II. Заграничный Отдѣлъ. а) *Обзоръ замѣчательнѣйшихъ событій за границею вообще*, въ особенности же въ тѣхъ странахъ, которыя, по своимъ отношеніямъ къ Россіи, преимущественно заслуживаютъ вниманіе русскихъ читателей.

б) *Замѣчательныя явленія въ общественной жизни иноземныхъ націй*, возбуждающія наше сочувствіе и вообще вниманіе, въ какомъ либо отношеніи.

III. Лѣтопись наукъ, искусствъ и промышленности всѣхъ странъ, по отношенію всякаго рода новыхъ открытій и усовершенствованій къ Россіи. Въ этомъ отдѣлѣ найдутъ мѣсто и всякаго рода финансовые вопросы, преимущественно же относящіеся къ нашему отечеству.

IV. Литературное обозрѣніе. Отчетъ о замѣчательнѣйшихъ явленіяхъ въ печати,—въ особенности русской; — критическія оцѣнки произведеній всякаго рода и библіографическія извѣстія, а также оригинальныя литературныя статьи, въ прозѣ и стихахъ.

V. Фельетонъ (*). Въ этомъ отдѣлѣ найдутъ мѣсто всякаго рода замѣтки и извѣстія о современной общественной жизни, болѣе интересныя въ живомъ и разнообразномъ разсказѣ, нежели отрывками, подъ разными рубриками.

VI. Объявленія. Печататься будутъ въ особыхъ приложеніяхъ, или же прикладываться къ газетѣ, смотря по объему и по желанію каждаго, обращающагося въ редакцію, съ порученіями, по его личнымъ надобностямъ.

Для выполненія этой разширенной программы—редакція вынуждена измѣнить прежнія условія подписки, вслѣдствіе чего:

Русскій Листокъ, оставаясь еженедѣльною газетою, съ 1 января наступающаго 1863 года будетъ выходить въ удвоенномъ противъ прежняго размѣрѣ—отъ 2 до $2^1/_2$ листовъ въ недѣлю.

Годовая цѣна газеты, безъ доставки и пересылки 5 р. 50 к.
съ доставкою въ городѣ 6 р. 50 к.
съ пересылкою чрезъ почту 7 р. »

(*) Въ объявленіи, помѣщенномъ въ предъидущемъ номерѣ, фельетонный отдѣлъ былъ названъ *эфемеридами* или *поденьками*. Редакція измѣнила это названіе, уступая нѣкоторымъ замѣчаніямъ со стороны противниковъ всякаго нововведенія въ журнальной терминологіи.

За полъ–года	безъ доставки и пересылки	3 р.	»
	съ доставкою въ городѣ	3 р.	50 к.
	съ пересылкою чрезъ почту	4 р.	»
За четыре мѣсяца	безъ доставки и пересылки	2 р.	»
	съ доставкою въ городѣ	2 р.	50 к.
	съ пересылкою чрезъ почту	3 р.	»

Отдѣльно, нумера газеты можно будетъ получать по 15 коп., не считая доставку и пересылку.

Иногородные адресуютъ: *въ С.-Петербургъ съ редакцію газеты «Русскій Листокъ» на углу Знаменской и Сапернаго переулка въ домъ Абросимова № 30 и 13.*

Жители Петербурга могутъ подписываться, какъ въ редакціи, такъ и въ **конторѣ газеты „Народное Богатство„**, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви.

Редакторъ и Издатель **Густавъ Ивановичъ Кори.**

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА
16190

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 10-Й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Аби́який — какой-нибудь.

Байбара́къ — мужская и женская баранья крытая шуба.
Болба —
Боржій — скорѣй.
Буряковíння — свекольный листъ.

Ва́рево — вареная пища; ѣда.
Вередува́ти—дуться, капризничать
Вибри́кувати — рѣзвиться; подскакивать.
Ви́водъ — (Волынь) — До-ви́воду— выходъ родильницы въ церковь въ 40-й день; выходъ молодыхъ на другой день свадьбы.
Ви́зволити — выручить.
Ви́смикати — выдернуть.
Ви́скепати — выкопать, отыскать.
Відки́нутись — отступиться отъ чего, отъ кого.
Врокъ — урокъ.
Втямки́ — (парѣчіе) въ памяти, памятно; понятно.

Гной, гній — навозъ.
Гно́тикъ — свѣтильня, фитиль.
Глибъ — глубь.
Голíнний — смѣлый, храбрый, молодецъ.
Гри́цикъ — Гриша.
Гута — стекляный заводъ.

Дзвíно́къ — звонокъ.
До́вше — длиннѣе.
Догодніше — удобнѣе, полезнѣе.
Дрижа́ти — дрожать.
Доткну́тись — дотронуться.
Доторка́тись — дотрогиваться.
До-чо́рта — довольно много.
До-шми́ги — владъ, дѣльно.
Дошкуля́ти — донимать (битьвемъ).

Жевíця — канифоль

Загра́бати (Волынь) — похоронить, засыпать могилу.
Заму́литись — замяться.
Запроше́дший — прошлый; давній.
Затремтіти — затрепетать.
Зайча́тина — заячина.
Зга́рячу — сгоряча.
Згоди́ти — согласить кого на что; заключить условіе, напр., съ священникомъ.
Зменши́ти — уменьшить.
Знуща́тись — издѣваться.
Зови́ця — невѣстка.

Ка́постний — пакостный.
Квітъ — цвѣтъ.
Кгре́че — горячо.
Кізя́къ — коровій калъ.
Кінь чикъ — (ум.) конецъ.
Ковíнька — крючекъ.
Коло́дка — колода, бревно; — улей.
Колотне́ча — споръ, ссора, брань, безпорядокъ.
Коповóзиця — время, въ которое свáживается хлѣбъ съ поля.
Крутого́рбий — крутогорба могила — могила (обыкновенная) съ высокими боками.

Ла́щитись — ласкаться (о собакахъ).
Лоёвий — сальный.
Лоша́къ — двух-годовалый жеребенокъ.
Ляхва́ — (собир.)—Ляхи; Поляки.

Мизкува́ти — думать; разсуждать.
Мняке́нький — (ум.)—мягкій.
Місячко — мѣсяцъ.
Міхоно́ша — нищій, который мѣшки носитъ.
Млинці — блины.
Млино́къ — небольшая мельница.
Молодня́къ — кустарникъ.
Му́рий — пестро-сѣрый, переливчатый цвѣтъ шерсти (

Намàцати — нащупать.
Наóдсипъ — наобмѣнъ.
Напоготóвi — готово.
Нарúчити — слишкомъ много накласть; навалить, навьючить.
Нарéпкатись — (переносн.) — наѣсться.
Настовпýжитись—подняться; быть взъерошеннымъ (о волосахъ); надуться.
Настрóмлювати — натыкать.
Незнáти — незамѣтно.
Неподглéдность — безопасность, неподозрительность.
Неспромóжність. — несостоятельность.
Нéчля — нельзя.
Нiчичúркъ — ни гу-гу!
Нýжа — (переносн.)—вши.

Облiгъ — неоранное поле.
Овсi — вовсе.
Орчакъ — веревка; арканъ.
Остапéць — Евстафій.
Отáкички — такъ, такимъ образомъ.
Охрiмъ — Ефремъ.
Очкýръ — гашникъ,

Пáдалеця — опадающіе съ дерева плоды; хлѣбные сѣмена. сами собою посѣянныя.
Пàсока — кровь.
Паха́ —
Пеня́ — Оцé, пеня́! — вотъ горе! вотъ бѣда съ нимъ: вотъ напасть!
Пи́ка — рожа, лицо.
Пи́птикъ — наростъ (гребень у пѣтуха, у индюка и т. п)
Пiдбармóвуватись — тихо подходить; подкрадываться.
Пiдкидёкъ — подкидышъ.
Плескачi — родъ кушанья.
Пóбитъ — бытъ.
Побрязкачi — побрякушки.
Поведéнція — обычай.
Позаплóжуватись—завестись; расплодиться.
Потя́ганка — короткая крытая женская шубка, (кожушка, кожушанка.)
Подзоръ — подозрѣніе (у Орлика).
Помúйниця — лаханка; ушатъ помойный.
Понамóжитись — понатужиться.
По-обiчъ — съ обѣихъ сторонъ.
Празникувáти — праздничать.
Прóводъ (Волынь) — похováти съ прóводомъ—похоронить съ хоругвями, крестами, при колокольномъ звонѣ.
Посадовúти — посадить.
Поцýпити — потянуть, потащить.
Прибúтокъ — прибыль, польза.
Прúгра — время, когда пчелы родятся.
Принáдонька — (ум.)—приманка.
Принáда — приманка.
Приставáти — утомляться; выбиваться изъ силъ.
Припхáтись — придти.
Прищéпа, прищiпа — прививка.
Пшiнцé — (умен.) пшено.

Рéпатись — трескаться.
Рiмний — равный.
Родю́чий — плодоносный.
Розхрiстаній — разстегнутый, имѣющій открытую грудь.
Розчóвпати—разжевать, раскусить; понять, разобрать.
Роскóлиний — росколотый.

Свербóта — зуда.
Свiтъ за очима — куда глаза глядятъ.
Сúтокъ — сочность; питательность.
Склéпшитись — сбыться, случиться, встрѣтиться.
Смáженний — жареный.
Смеркóмъ — темно-вечеромъ.
Солодкомóвий — краснорѣчивый.
Спроміжность — возможность.
Стéгна — ляжки.
Сýшня — сушильня.
Схiдень — отростокъ.

Такúньки— такъ, такимъ образомъ.
Тативà — оружіе, родъ стрѣлы.
Татýсь — (умен.)-отецъ.
Травьянцi — родъ цвѣтовъ.
Тривнúй — сытый, неголодный; питательный.
Тупцювáти — топтаться.
Тýтиньки — здѣсь; тутъ.

Умастúти — засмолить, засалить.
Уторóпати — понять, потрафить.
Учнi — ученики.

Хоропýдитись—харахориться, важничать.
Худiбчина (ум.-худоба) — движимое имущество.

Червá — (собир.) — черви.
Чóсъ—завдáть чóсу — задать жару, отколотить.
Чухмáритись — чесаться.

Шипотúнникъ — наушникъ, перескащикъ; ябедникъ. (?)
Шкарýпiль — старая изношенная шуба. (?)
Шкурúнка — корка (изъ хлѣба).

Ялдзитись — завозиться.